

Джейн
Арбор

Цветок
пустыни

Джейн
Арбор

Цветок
пустыни

ЯБЛОКО *Елена*
ЦЕНТРОПОЛИГРАФ

Джейн Арбор *Цветок пустыни*

У двух девушек одно имя — Элизабет — и одна на двоих любовь к доктору Роджеру Йейту. Первую он излечил от тяжелой болезни, а второй нанес сердечную рану. Обаятельный врач благосклонен к Бет Карлайен, которая лишь кажется нежной и доброй — за внешностью кошечки скрывается разъяренная эгоистичная тигрица. А неугомонная насмешница Лиз Шепард постоянно получает от него выговоры. Обиженной красавице невдомек, что, пытаясь воспитывать ее, Роджер влюбляется сам...

ЯБЛОКО *Ель*
ЦЕНТРОЛИГРАФ

ISBN 5-9524-0695-5

9 785952 406957

ЦЕНТРОЛИГРАФ®

ЯБЛОКО *Ель*

ЯБЛОКО *Elen*

Jane Arbor

*Sandflower
Eternal Circle*

ЯБЛОКО *Евы*

Джейн Арбор

Цветок пустыни

•

Цветок пустыни
Очарование страсти

Романы

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ
2004

УДК 820-31
ББК 84(4Вел)
А79

Охраняется Законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

Серия «Яблоко Евы»
выпускается с 2002 года

*Разработка серийного оформления
художника И.А. Озерова*

Арбор Джейн
А.79 Цветок пустыни: Романы / Пер. с англ. — М.:
ЗАО Центрполиграф, 2004. — 335 с.— (Яблоко
Евы).

ISBN 5-9524-0695-5

Через многие трудности предстоит пройти молоденькой девушке,
чтобы найти того, кто предназначен ей самой судьбой. Иногда случает-
ся так, что мужчина в белом халате может не только вылечить от болез-
ни, но и сам становится причиной любовного недуга...

УДК 820-31
ББК 84(4Вел)

ISBN 5-9524-0695-5

© Состав, перевод,
ЗАО «Центрполиграф», 2004
© Художественное оформление
серии, ЗАО «Центрполиграф»,
2004

Цвeтoк пyстынi

Рoмaн

SANFLOWER

Глава 1

Из ведерка, стоявшего на столике, Лиз Шепард, вздохнув, вытащила еще один чистый платок с намерением вытереть руки и промокнуть пот на лбу и над верхней губой. Но все было напрасно. Носовой платок тут же превратился в такую же мокрую тряпку, как и его предшественники, и, выбрасывая его, Лиз в который раз почувствовала, насколько ее злят и невыносимая жара, и это путешествие, и безразличие мужчины, что сидел в кресле напротив.

А он, между прочим, несет за нее ответственность!

Лиз не нужно было ничего особенного. Она вовсе не ожидала, что полет на небольшом самолете из Марселя до Сахары будет повторением спокойного перелета на «Виконте» из Лондона на юг. Но все оказалось намного хуже, чем представляла себе Лиз: солнце палило немилосердно, а спутник девушки, не обращая на нее никакого внимания, преспокойно заснул.

...Этим утром Лиз сразу узнала Йейта в аэропорту Марселя. «Ему за тридцать. Высокого роста, квадратный подбородок, крупный нос. Лицо скуластое. Ты не сможешь не заметить его бровей — густых, коричнево-рыжих. Всегда ходит с непокрытой головой». Так отец описал Лиз своего друга, доктора Роджера Йейта. Словесный портрет оказался точным.

Во всяком случае, в зале регистрации им потребовался лишь миг, чтобы узнать друг друга.

— Вы — Лиз, дочка Эндрю Шепарда. Меня зовут Йейт, — и не добавил ничего более.

Лиз заметила, что она не произвела должного впечатления на своего нового знакомого. Йейт критически оглядел девушку, бросив мимолетный взгляд на ведро, что болталось у нее на руке, и молча повел ее к самолету. Лиз не привыкла к подобному обращению.

Когда они поднялись на борт, Лиз поставила ведро на столик между их креслами и переложила в него из своей дорожной сумки запас носовых платков и косметичку. Она никак не могла поверить, что ее спутник не полюбопытствует, зачем ей потребовалось везти из Лондона в Сахару ведро. Это могло бы послужить поводом для начала разговора. Но он не сказал ни слова и спокойно устроился спать!

Но вскоре после взлета Лиз заметила, что большинство пассажиров поступили точно так же.

Среди их попутчиков оказались французский летчик, две седовласые сестры милосердия и молодая мама, рука которой замерла на сетке переносной кровати, что лежала в соседнем кресле. Все эти люди выглядели столь же безмятежно и умиротворенно, как если бы они лежали в прохладе собственных постелей! Лиз с удивлением разглядывала их, пока не обнаружила, что ее сосед проснулся и смотрит на нее.

— Однако крепко же вы спали, — сказала Лиз, не скрывая раздражения.

— Да, а почему бы и нет? — проговорил Йейт и сладко потянулся. — Вам и самой следовало бы вздремнуть. Это самый лучший способ скоротать часы полета.

— Я не смогу заснуть в такой жаре.

— А вы попробуйте.

Лиз ощутила на себе скептический взгляд, которым Йейт обвел ее красное, покрытое испариной лицо. Тем не менее он встал, поправил сопло вентилятора у нее над головой и нажал кнопку вызова стюардессы.

— Вы хотели бы выпить чаю или предпочитаете чего-нибудь со льдом? — спросил Йейт, и, пока стюардесса выполняла их заказ, он предложил Лиз сигарету.

Девушка заметила, что взгляд Йейта снова остановился на ведре, а когда он наклонился, чтобы прочитать надпись: «Лиз, перекопай пустыню!» — сделанную яркими красными буквами по боку ведра, она отважилась на робкое объяснение:

— Выглядит довольно глупо. Но ведь это всего лишь шутка. Вчера вечером друзья устроили мне пышные проводы в лондонском аэропорту, и, когда я прощалась с ними, они подарили его мне. — Повернув ведро, Лиз показала нанесенную на другую сторону любительскую мазню, долженствующую обозначать верблюда.

Йейт с безразличием посмотрел на ведро.

— Должно быть, у вас очень молодые друзья, — сказал он.

Лиз прикусила губу.

— Все они одного со мной возраста. Так что если вам хочется назвать их инфантильными, то так бы и говорили!

— Я сказал «молодые», — напомнил ей доктор, — и это относится к вам тоже. Надеюсь, вечеринка удалась на славу?

Лиз пробормотала: «Да» — и замолчала. Как все это теперь далеко — вечеринки, друзья, Робин... Сейчас она едва могла вспомнить, кто собрал эту хохочущую и шумную компанию. При прощании все собравшиеся стремились по очереди поцеловать ее. Робин тоже был там. Он легонько дернул Лиз за волосы, прошептал: «Будь всегда такой чарующей, как сейчас», — и ушел, не дожидаясь окончания проводов.

При мысли о Робине, о всегда прохладной, с окнами, выходящими в парк, квартире тетюшек, а также о лондонских вечерах, серо-голубых и добрых, уголки рта у Лиз опустились, а настроение окончательно испортилось. «Еще не хватало, чтобы я завыла в его присутствии», — со злостью подумала она. Вызывающе развернув плечи, девушка выпрямилась в своем кресле и увидела, что ее спутник посмотрел на часы, а потом услышала, как он сказал ей:

— Выше голову! Худшая часть дороги уже позади. Всего час полета отделяет нас от Тасгалы.

— Не знаю, есть ли на свете что-либо, что беспокоило бы меня в еще меньшей степени, чем это, — вздохнула Лиз, — особенно если к нашему прилету там будет так же жарко, как и здесь.

Йейт усмехнулся:

— Боюсь, что там может быть и жарче. Временами температура в наших краях доходит до сорока градусов по Цельсию.

— Какой ужас! Не думаю, что в Англии мне доводилось сталкиваться с температурой выше тридцати двух градусов. И если там все так плохо...

— Ну, не совсем так. Я хочу сказать, что в Тасгале, как и в любом другом городе-оазисе, нетрудно приспособиться к местному климату.

Лиз немного повеселела:

— О-о, вы имеете в виду кондиционеры?

— Боюсь, что речь пока идет не об этом, — сухо ответил Йейт. — Тасгала существует уже многие столетия, но как поселение европейцев она сравнительно молода. Благодаря первопроходцам-французам у нас есть электричество и артезианские колодцы. Однако до сих пор приходится довольствоваться обычными вентиляторами, холодным душем и знанием, как и когда закрывать свои дома, чтобы в них не проникли жара и песок. В любом случае нужда заставит вас отказаться от таких вещей, как «моцион под полуденным солнцем», в пользу бешеных собак и тех англичан, которые вынуждены покидать дом в это время.

— Тем не менее Тасгала — это настоящий город, то есть я хочу сказать, такой же, как города в Англии? — с надеждой спросила Лиз.

— Конечно. — Казалось, Йейта удивил этот вопрос. — Здесь есть городские власти — французы, а нефтяные концессии принадлежат нам. Конечно, есть больница, та, в которой я работаю, и школа; оба заведения находятся под патронажем женского монастыря Белых сестер. Еще есть гостиница, а также нечто похожее на загородный клуб и, наконец, аэродром. Магазинов, правда, не много — товары повседневного спроса люди в основном приобретают на базаре, а все остальное им присылают. — Тут он сделал паузу. — Но вы должны были узнать обо всем этом от отца...

В его голосе прозвучало осуждение, и у Лиз кровь прилила к лицу.

— Если честно, я ничего не знаю. То есть я ничего у него не спрашивала. Ведь я вовсе не хотела приезжать в Тасгалу.

— Тогда почему же вы приехали?

— Сами знаете почему, — сердито ответила Лиз. — Ведь вы же друг отца, верно? Когда оказалось, что он не может встретиться со мной в Марселе, вы согласились сопровождать меня в Тасгалу. Не имеет смысла делать вид, будто бы он не говорил с вами обо мне, не рассказывал, почему он заставил меня приехать!

— Да, конечно, — Роджер Йейт посмотрел на нее из-под густых, нависающих над глазами бровей, — конечно, мне

известно, почему он принял такое решение. Но мне хотелось бы узнать, как вы смотрите на это.

— Я?! — взорвалась Лиз. — Отец и тетушки втихую сговорились и поставили меня перед фактом. У меня сложилось впечатление, что я жестоко наказана. За что? За то, что осмелилась жить в Лондоне в том окружении, в каком мне хотелось; за то, что тратила посылаемые деньги, те, про которые тетушки говорили мне, что это мои деньги. Ну и за то, что чуть-чуть влюбилась. Что криминального в любом из моих «прегрешений»? Объясните, если знаете, я буду очень рада услышать.

Роджер Йейт спокойно встретил ее негодующий взгляд.

— Ваш взгляд на проблему не совсем согласуется с тем, что рассказал мне ваш отец. Насколько я понял, его очень беспокоит то обстоятельство, что в Лондоне, в том окружении, у вас, кажется, есть масса знакомых, но нет настоящих друзей. А также то, что размеры доплат, которые ваши тетушки делали к пособию, посылаемому вам отцом, лишали вас хоть каких-либо представлений о том, какой ценой достаются деньги. Я не думаю, что он вас за что-либо наказывает, просто ваш отец решил изменить ваш образ жизни, который он считает неправильным. Если бы Эндрю оставил вас в Лондоне, он просто ничего не смог бы сделать. По этой причине он решил, что вам будет полезно приехать в Тасгалу и пожить здесь, пока вы не определитесь со своим будущим.

— Но ведь у меня уже была работа, — возразила Лиз. — Одна моя знакомая открыла кофейный бар, и я помогала ей. И именно туда ушла большая часть денег, полученных мною в последнее время.

— М-да. Вряд ли вам стоит осуждать Эндрю за то, что он считает это занятие благотворительной деятельностью, а не работой. А что касается других поводов для огорчения, не думайте, что ваш отец хоть что-то говорил мне по этому поводу.

Лиз выглядела озадаченной.

— Другие поводы для огорчения? А, вы имеете в виду Робина?

Йейт неопределенно пожал плечами:

— Как я могу иметь в виду Робина, или как там его зовут, если я никогда не слышал об этом человеке? Это что, тот парень, в которого вы «чуть-чуть влюбились»?

— Даже более чем чуть-чуть. Но отнюдь не без взаимности, — запальчиво добавила Лиз. — Он хотел, чтобы мы были помолвлены.

— И по этому поводу ваш отец сказал свое твердое «нет»?

Лиз покачала головой:

— Не совсем так. В некотором роде наши отношения стали распадаться еще до того, как папа приехал домой в отпуск. Настоящей причиной разрыва была девушка по имени Марта Джитин. Видите ли, Робин талантлив. Он пишет картины, сочиняет стихи. Но у него совсем нет денег, а у Марты Джитин есть.

— И следовательно...

— Она воспользовалась этим, — горестно вздохнула Лиз, — чтобы отбить его у меня. А все, что мог сказать папа по этому поводу, так это то, что раз Робин так охотно бросает все ради денег, очень хорошо, что я избавилась от него. А также что данное обстоятельство в еще большей степени убедило его отправить меня из Лондона, поскольку через какое-то время я наверняка забуду о Робине.

— Но сами-то вы убеждены, что ни за что не забудете его, верно?

— Мне хорошо известно, — убежденно сказала Лиз, — что поговорка «Время — лучший целитель» — это одна из фраз, которую, по мнению родителей, им следует говорить как можно чаще. Но если бы я осталась там, то Робин... ну, он ведь любил меня, он сам об этом говорил. Но сколько у меня шансов победить Марту Джитин, находясь на расстоянии в тысячу миль?

— Боюсь, что я не могу судить об этом. Осмелюсь сказать, тут все зависит от представлений данного молодого человека о верности. Хотя во всем этом есть нечто положительное: по крайней мере, до тех пор, пока образ вашего избранника будет жив в вашей памяти, никто не сможет вас обвинить в том, что вы приехали в Тасгалу с определенными намерениями.

— Намерениями?

— Именно, — подтвердил Йейт. — Имеется в виду охота за мужем. Поселки, подобные Тасгале, населены в основном мужчинами, и у некоторых девиц может развиваться убеждение, что это мир безграничных возможностей. На самом же деле условия жизни на действующих нефтяных промыслах —

они расположены в пятидесяти километрах от нас, и жилая зона там представляет собой горстку сборных домов — все-
лят ужас в сердце любой женщины. Да и в самой Тасгале
женщинам нечего делать, если они не являются женами,
молодыми матерями, учительницами, няньками...

— Но значит ли это, что в Тасгале нет никакой светской
жизни? Мне показалось, что вы упоминали о наличии здесь
загородного клуба?

— Клуб имеется, — кивнул Йейт, — и пользуются им
широко. Например, мужчины на промыслах в течение двух
недель посменно круглые сутки работают на буровых, а за-
тем получают неделю отдыха. Большинство из них проводят
дни отдыха в Тасгале. Гостиница содержится в основном для
их удобства, а также для тех, кто следует по маршруту через
Сахару, так что подобных людей всегда можно встретить в
клубе. Я только хотел сказать, что с позиций праздного вре-
мяпрепровождения в поисках развлечений здесь нет особог-
го выбора.

— Все это звучит довольно уныло, — вздохнула Лиз.

А Йейт серьезно заявил:

— Тем не менее Тасгала воплощает в себе будущее для
людей, которые верят в нее. И это не только их будущее, но
и мое, и ваше, юная дама. Потому что нефть, медь, природ-
ный газ и урановые руды будут играть важную роль в вашей
жизни, задумывались вы над этим когда-либо или нет. И
теперь, когда можно уверенно говорить, что в Сахаре все
это есть, в это время...

— В это время, — парировала Лиз порицание, сквозив-
шее в тоне Йейта, — мне придется, так сказать, давиться
всем этим, поскольку я буду вынуждена сидеть не высовы-
ваясь в Тасгале и бить баклуши!

— Мне хотелось бы продолжить свою мысль, — прого-
ворил Роджер. — В это время настоящую ценность для Са-
хары представляет горстка людей, у которых есть одно
желание — посвятить всю свою деятельность Сахаре, неза-
висимо от того, сбудутся или не сбудутся их мечты. Таких
людей, как ваш отец, например. Однако рассматриваемый
сейчас вопрос — это Тасгала и отношение к ней мисс Ше-
пард, не правда ли? Вам придется извинить меня. Я как-то
забыл, что особы, подобные вам, нуждаются в особом, лич-
но к вам относящемся заключении по поводу любого явле-
ния в подлунном мире.

Лиз покраснела.

— Что же, я и впрямь думала, что мы говорим обо мне, — сказала она в свое оправдание. — Но это не я, а вы сказали, что мне не приспособиться к Тасгале, если глаза мои не наполнятся слезами умиления и если я не приму эту пустыню такой, как она есть. Честно говоря, мне не верится, чтобы я была способна на такое, и мне хочется знать, что я должна делать, чтобы совершить нечто подобное.

— Ну, я полагаю, с таким настроением вы не потратите много сил на свои попытки. И коль скоро вы не имеете подобных намерений, нужно ли вам беспокоиться о собственном безделье здесь? Как только вы примете решение по поводу своего будущего, будут ли существовать доводы, мешающие вам улететь отсюда на первом же самолете, направляющемся на север?

— Я полагаю, что я могла бы так сделать, — ответила Лиз, колеблясь, — но все дело в том, что на самом деле я не знаю, чем мне хочется заняться.

— У вас ни к чему нет склонности? Нет никакой мечты?

— Мечты! Да у кого же их нет? — Не желая распространяться о своих собственных мечтах, Лиз добавила: — Не думаю, что у меня есть какие-то выраженные склонности, правда, скажу, что у меня лучше получается работать с людьми, чем с вещами.

— То есть для вас было бы предпочтительнее работать няней, а не печатать на машинке или продавать товары, а не производить их?

— Да, — кивнула девушка, — что-то в этом роде. Только у меня пока не получалось сравнивать подобным образом одну работу с другой.

— Не получалось? В таком случае в Тасгале для вас может найтись работа.

Лиз с сомнением посмотрела на своего собеседника.

— Работа, которую я смогу сделать? Без всякой подготовки? Что вы хотите этим сказать?

— Только то, что, если вы не возьметесь за обустройство дома, в котором живет ваш отец, вы вряд ли найдете какую-либо другую, более важную работу. А что касается отсутствия у вас должной подготовки, то если вам понятна целая вселенная, что лежит между понятиями «жилище», в смысле места проживания, и «дом», в смысле семейного очага, это может послужить вам хорошей отправной точкой в на-

чале пути. Я надеюсь, что ваш недостаток любопытства по поводу всего, что связано с этим местом, не распространяется до таких пределов, что вы ничего не знаете о том, как здесь живет ваш отец.

— Конечно, знаю! — воскликнула Лиз, задетая словами Йейта.

— Ну, тогда с «жилищем» вопрос ясен. Теперь о «доме». Хотел бы я знать, есть у вас хоть какое-либо представление о том, как долго и до какой степени вашему отцу не хватало именно дома?

— Ну... — Лиз замолкла, уверенная в том, что Роджеру Йейту известны ответы на все задаваемые им вопросы, а также в том, что он намерен заставить ее рассказать все, что известно ей о свом отце. — Ну, когда умерла мама, мне было четыре года, отец в это время служил в армии в Бирме. После войны он продолжил обучение в университете, чтобы получить диплом магистра экономики. После этого, примерно лет десять назад, он занял пост главы коммерческого отдела в нефтяной компании «Персидский залив». Я училась в школе-интернате, а на каникулы приезжала к своим тетушкам. Закончив школу, я стала жить вместе с ними, а примерно через девять месяцев отец поступил на службу в нефтяную компанию «Пан-Сахара» в Тасгале. Отпуск, из которого он только что возвратился, был первым, полученным им в этой компании.

— Ну и...

— Что «ну и...»? — опешила Лиз.

— А то, что уже в течение пятнадцати лет ваш отец не знает, что это такое — вернуться после работы домой и услышать слова приветствия от родного человека. В пятьдесят лет данное обстоятельство значит очень много.

— Вы хотите сказать, что для молодых людей семейный очаг не играет особой роли?

Йейт улыбнулся, глядя на Лиз:

— Конечно, дом и семья имеют значение всегда и для всех, но в молодости у мужчин находится масса других дел.

Лиз слушала не перебивая.

— Во-первых, работа — она поглощает все и вся, — продолжал Роджер. — Потом честолюбивые устремления. Путешествия. Девушки, наконец.

— Да, я понимаю, — смутившись вдруг, пробормотала Лиз. — Тогда... если папа действительно одинок, как вы

думаете, и если я решу остаться здесь, смогут ли увенчаться успехом мои попытки как-то скрасить его жизнь?

— Я в этом не сомневаюсь, конечно, если вы не сложите руки и не оставите своих попыток и тогда, когда исчезнет ощущение новизны, и если вы не будете считать, что ваши усилия не получают должной оценки.

— Я постараюсь сделать все, что в моих силах. — Тут Лиз осенило, и она задала следующий вопрос: — Как вы думаете, когда папа решил привезти меня сюда, он надеялся на то, что я могу остаться, имеется в виду добровольно, конечно?

— Не знаю. Подобными мыслями он со мной не делился.

— Вот как. А вы уверены, что он не настраивал вас на то, чтобы выяснить, что я думаю по этому поводу?

Роджер Йейт онемел от неожиданности и, сердито сверкая глазами, воззрился на девушку.

Своими необдуманными словами Лиз так разозлила своего спутника, что все попытки объяснить, что все дело в том, что ей просто не хочется, чтобы предложения приходили к ней через третьи руки — от папы к Роджеру Йейту и от него к ней, оказались тщетны.

Воцарившееся молчание затянулось. Лиз сосредоточенно смотрела в иллюминатор.

Они были уже почти на месте. Внизу расстилалась пустыня, необъятная и удивительно многоцветная. Сахара поразила Лиз. Песок... Тут он был белым, а там розоватым, с черными тенями вдоль длинных складок; на среднем удалении он горбился каменисто-серыми барханами, а где-то далеко, у самого горизонта, превращался в цепь голубых гор.

Увидев такую картину, Лиз непроизвольно повернулась к своему спутнику. Но тот встал, пересек проход и подошел к молодой матери с младенцем. Он говорил с ней по-французски, и они вместе посмеялись над чем-то. После этого дитя было извлечено из корзинки, и Йейт осмотрел его.

Вернувшись к Лиз, он заметил:

— Мне кажется, что везти трехмесячного, не привыкшего к здешним условиям младенца в пустыню — это верный способ накликать беду. Но мадам утверждает, что она уже «слишком долго» жила вдали от мужа — метеоролога компании «Пан-Сахара». Позволю себе заметить, что очень тонкая грань отделяет безрассудство от храбрости... — Проследив за взглядом Лиз, направленным на далекие горы, Роджер замолчал и сел рядом с ней.

А Лиз произнесла с удивлением:

— Никак не ожидала увидеть здесь горы, я думала, что пустыня — это сплошная равнина.

Йейт расхохотался:

— Вот и трать теперь деньги на образование! Но я не думаю, что вы одиноки в своем представлении о Сахаре как об огромном пляже. Как видите, здесь есть длинные цепи барханов, а также горы высотой до восьми тысяч футов. Вот те горы, — тут он кивнул на горную цепь впереди, — это горная цепь Хоггар. В Тасгале, которая, кстати говоря, скоро должна показаться нам на глаза, нет ничего, что по высоте хотя бы приближалось к этим горам. Да вот она, вон там...

Без особых церемоний он обхватил голову Лиз ладонями и повернул ее в нужном направлении. Сначала девушка ничего не увидела, но потом ей удалось сквозь марево разглядеть Тасгалу, представшую перед ней в виде белокаменного, с плоскими крышами домов острова в окружении пальм. Там, где кончались пальмы, по обе стороны от рассекавшей ее каменистой дороги простиралась пустыня.

— Та дорога ведет на нефтедобывающий участок, — пояснил Йейт, а затем указал на темное бесформенное пятно к востоку от дороги. — Это поселение туарегов, — сказал он, — и название его в переводе означает «Забытые Богом». Из-за того, что мужчины племени носят бурнусы темно-синего цвета, этих кочевников называют «синими людьми пустыни». Еще мужчины ходят, закрыв лицо до самых глаз, а женщины его не прячут. Их рацион включает в себя главным образом финики и верблюжье молоко, а степень богатства определяется количеством верблюдов. Эти люди — бродяги, поведение которых трудно предсказать. Например, вот этот табор: сегодня он стоит здесь, а завтра может сняться с места и исчезнуть, как будто его ветром унесло. А поскольку у них считается, что, если спишь под крышей, — быть беде, можете себе представить, на какие хитрости приходится пускаться, чтобы положить их в больницу.

— Значит, они тоже являются вашими пациентами? — с удивлением спросила Лиз.

Густые брови доктора поползли вверх.

— Конечно, — ответил он. — А вы как думали? Что в этих местах медицинское и санитарное обслуживание прекращается на границе между расами?

На это Лиз ответить было нечего.

Самолет пошел на посадку. Когда пассажиры один за другим стали покидать салон, Лиз вдруг почувствовала, как широкополая соломенная шляпа, которую она держала в руках, была выхвачена у нее и бесцеремонно нахлобучена ей на голову.

— Ради бога, — прошептал Йейт, — ведите себя соответственно возрасту. По крайней мере, солнечный удар вам совсем ни к чему.

Лиз даже не успела разозлиться, потому что, как только она ступила на щебень посадочной полосы, залитой вскипающим на солнце гудроном, у нее захватило дух от жара. Вне всякого сомнения, шляпа в данном случае оказалась вещью первой необходимости. То же можно было сказать и о солнечных очках, которые Лиз поспешно извлекла из сумки.

Нацепив их на нос, она огляделась в поисках отца, но не смогла выделить его в группе встречающих. Но вот наконец ей повезло, и она замахала отцу рукой:

— Папа!

— Лиз!

Раньше Эндрю для Лиз был просто «папой» — человеком, который приезжал, а потом надолго уезжал, который, как она сейчас поняла, был ей практически неизвестен. А в Лондоне, когда он в последний раз приехал в отпуск, он даже был уже не «папа», а критически настроенный родитель, разбирающий по косточкам все ее действия и придирающийся по любому поводу.

Подобное отношение возмущало Лиз, а когда от отца последовал приказ приехать к нему в Сахару, она открыто демонстрировала свои мятежные настроения. Но в конце концов ей пришлось покориться, и, глядя на него сейчас, Лиз внезапно почувствовала буйную радость из-за того, что ей не оставили выбора.

А отец тем временем спрашивал, как прошел полет, благодарил Роджера Йейта за то, что тот сопровождал его дочь, и предлагал подвезти его в своем «лендровере».

Однако Йейт отказался.

— Благодарю вас, — сказал он. — Дженайна Карлайен сказала, что она ожидает прибытия с этим самолетом груза, и предложила подвезти меня на обратном пути. Пока еще мне не удалось ее увидеть. Но будет лучше, если я какое-то время подожду ее, вдруг она все-таки приедет.

— Да, конечно, — согласился Эндрю, — надеюсь, однако, в один из вечеров вы заглянете к нам на стаканчик-другой. Как только Лиз освоится здесь, я полагаю, она будет рада созвать гостей по случаю своего приезда.

— Полагаю, что да, и, если вы пригласите меня, я обязательно приду.

И, коротко отсалютовав им, Роджер Йейт отошел в сторону.

После его ухода Эндрю подхватил багаж Лиз и повел ее к стоявшему напротив входа «лендроверу». Посадив дочь в машину, он проговорил:

— Лиз, подожди меня несколько минут, — и исчез.

Примерно через четверть часа Эндрю вернулся.

— Ты будешь поражена, узнав, чего только не приходится делать начальнику коммерческого отдела, — сказал он Лиз, сделав гримасу. — От меня требуется отыскать и купить по подходящей цене все что угодно, начиная от буровой установки и кончая шайбой для водопроводного крана, от скатов для десятитонного грузовика и вплоть до зеркала для бритвы... Думаю, что Йейт уже уехал, — продолжил Эндрю. — Ты не видела, чтобы он уезжал?

— Нет, почему же, — ответила Лиз, — видела. Девушка в машине... — тут она запнулась и нахмурилась, — миссис Карлайен, говоришь? Та девушка в машине не может быть миссис!

— Разве? — усомнился отец. — Ведь он упоминал о Дженайне, но может быть, мне только показалось.

— Нет, он называл это имя, — подтвердила Лиз. — Но, папа, в машине сидела девушка. Слишком молодая, чтобы быть чьей-либо женой. Она моего возраста. — И тут Лиз оборвала себя, чтобы не продолжать рассказ о других своих впечатлениях: о миниатюрной фигурке этой девушки, о вызывающей зависть коже медово-золотистого цвета, особенно бросающейся в глаза на фоне белой рубашки, о ее темноволосяй, открытой жаре и солнечному свету голове, что явно не вызвало никаких нареканий со стороны Роджера Йейта.

— А, понял, — Эндрю хлопнул себя ладонью по колену, — это дочь Дженайны — Бет.

— Бет! То есть Элизабет? У нее мое имя?

Отец Лиз бросил на нее удивленный взгляд:

— Твое. Ну и что из того? Ты же понимаешь, когда мы крестили тебя, мы не могли тем самым приобрести исклю-

чительное право на пользование именем Элизабет! Кроме того, вряд ли может существовать опасность, что вас спугнут. Вы ни в малейшей степени не похожи друг на друга. Кстати, Бет только что научилась водить машину. Поэтому осмелюсь предположить, что Дженайна позволила дочери поехать за Йейтом на аэродром, поскольку она знает, что Бет очень хочется, чтобы именно он увидел, как она справляется с автомобилем.

— Почему же именно он? — спросила Лиз тоном непонятливой ученицы.

— Ой, да это просто... просто догадка. Понимаешь, у них такие отношения...

— Что еще за отношения? — сварливо проговорила Лиз.

— Ну... — Эндрю замялся. — Такое маленькое поселение, как Тасгала, просто обязано иметь собственные любовные истории. Но в случае с этой парой все гораздо сложнее. Бет Карлайен можно с уверенностью назвать «высшим достижением» Роджера Йейта, а их история закончится либо словом «конец», либо строчкой «Они жили счастливо и умерли в один день».

Глядя прямо перед собой, Лиз спросила:

— Его достижением? Что ты хочешь этим сказать?

Глава 2

Маневрируя в потоке транспорта, замедлившего скорость при приближении к городу, Эндрю продолжал:

— Я хочу этим сказать, что здоровье Бет — это несомненный медицинский успех Йейта. Когда Дженайна, то есть миссис Карлайен приехала из Тэменрессета, Бет доставили сюда на носилках. Девочка болела полиомиелитом.

— Погоди минуточку, папа. Дженайна Карлайен — мать Бет?

— Нет, мачеха. Разница в возрасте у них не превышает и пятнадцати лет. Она — вдова, по национальности французенка. Отец Бет был англичанином. Он занимался поисками месторождений урана в районе горной цепи Хоггар и погиб, разбившись на вертолете. В результате Дженайна осталась без средств к существованию. С больной Бет на руках она отправилась на север в Тасгалу и нашла себе ра-

боту в качестве преподавателя домоводства в местной школе. Что же касается Бет, то она, когда оказалась под наблюдением Роджера Йейта, была совершенно беспомощной и оставалась бы таковой неопределенно долгое время. Однако Йейт не стал соглашаться с тем, что болезнь Бет неизлечима, и пообещал поставить ее на ноги, если будет проявлено достаточно терпения и если Дженайна будет ему верным помощником в этом деле.

Ему было обещано и то и другое, и ведь он вылечил Бет! Частично — благодаря каким-то общепринятым методам лечения, частично — благодаря прописанным им ежедневным прогреваниям в ваннах, где Бет засыпали горячим песком! К тому времени, когда я прибыл сюда, девочка уже стала такой же здоровой, как и ты, Лиз. Можешь себе представить степень благодарности, которую они, и Бет, и Дженайна, испытывают по отношению к Роджеру Йейту. Дженайна возносит его до небес, для Бет он стал рыцарем без страха и упрека, а сама она является для Йейта объектом пристальной заботы и внимания. А поскольку их очень часто видят вместе, трудно ли тебе будет представить, что наши местные кумушки уже давно решили, что из всего этого что-нибудь да получится?

— Да, я думаю, что не трудно, — кивнула Лиз. Это короткое повествование заставило ее почувствовать себя так, как если бы она стояла перед освещенным окном и смотрела из темноты на уют и благополучие, делиться которыми с ней никто не собирался. Внезапно девушка испытала приступ сильного раздражения. Да что же с ней случилось? У нее ведь достаточно и воображения, и чувства сострадания, чтобы отдать должное успешному исцелению Бет Карлайен, так почему же она и всему остальному не может радоваться столь же искренне, как это делает папа?

— Бет чем-нибудь занята сейчас? — спросила она. — У нее есть какая-нибудь работа?

Эндрю покачал головой:

— Нет. Во всяком случае, сомневаюсь, что Йейт позволит ей сейчас приниматься за какую-либо работу.

«Стало быть, — подумала Лиз, — Бет не более «функционально полезна», чем я сама. Значит, мы стоим друг друга... Стоим ли? В глазах Роджера Йейта Лиз Шепард выглядит капризной, но здоровой девицей, тогда как Бет Карлайен нуждается в опеке...»

Вдруг Лиз резко оборвала ход своих рассуждений. Что же вынудило ее столь враждебно настроиться по отношению к девушке, с которой она даже не знакома? А что касается Роберта Йейта, разве гордость Лиз не требует от нее стать выше рассуждений о том, одобряет он ее поведение или нет?

Эндрю тем временем свернул в каменные ворота, скрытые пыльной листвой каких-то деревьев, и подъехал к расположенному на территории гостиницы небольшому дому, сложенному из песчаника.

Пока отец доставал из машины багаж, Лиз с некоторым ужасом оглядела выросшее перед ней строение. Оно напоминало стоящие в пустыне форты, которые она видела в кино, — прочные стены с зубцами наверху, с узкими дверными проемами и окнами, утопающими в глубине стен. Теперь это ее дом.

Они вошли внутрь. Когда Эндрю открыл дверь гостиной с окнами, плотно закрытыми ставнями, с каменным полом и, в представлении Лиз, очень плохо меблированную, она окончательно упала духом.

— Ну, как это выглядит по меркам Кенсингтона?

Лиз старалась не глядеть отцу в глаза.

— Все... все в порядке. — Она запиналась, стараясь изо всех сил говорить как можно бодрее. — Немного темновато... И здесь — как бы это сказать? — как будто чего-то не хватает.

— Темновато? Что же, это может быть быстро исправлено, хотя я боюсь, что в середине дня мы здесь готовы поступиться освещенностью ради сохранения прохлады в доме.

Ее второе критическое замечание было оставлено без внимания.

— Ну, я не вижу, что здесь чего-либо не хватает, во всяком случае из того, что необходимо, — сказал Эндрю и огляделся, нахмурившись, — стол, стулья, приличные буфеты и мой письменный стол, чего еще тебе можно желать?

В отчаянии Лиз коротко всплеснула руками. Неужели он не понимает, что она имеет в виду книги, цветы, дорогие сердцу вещицы, теплую домашнюю атмосферу?

— Да ничего, за исключением уюта. Например, папа, разве тебе не хочется иметь немного больше комфорта всякий раз, когда ты сидишь у себя дома, допустим по вечерам?

Но отец не захотел прийти ей на помощь. Он коротко сказал:

— По вечерам я здесь не «сижу» — так, как это принято в Англии, — в домашних шлепанцах и с чашкой чая. Когда мужчина живет один, он так не поступает. В те часы, когда я бываю предоставлен сам себе, я обычно работаю за своим письменным столом. Или же, если ко мне кто-нибудь заглянет, мы идем в ресторан гостиницы напротив.

— А кто-нибудь заглядывает к тебе?

— Только те, кто принимает меня таким, какой я есть. Но не беспокойся — пока ты здесь, я постараюсь продемонстрировать все добродетели воспитанного человека. А пока, осмелюсь спросить, ты не хотела бы познакомиться со своей комнатой и с остальными помещениями?

В доме была кухня, чистая, но редко посещаемая, поскольку еда доставлялась из гостиницы, а также две спальни, обставленные почти столь же по-монашески скудно, как и гостиная. Лиз отметила, что ни на одном окне нет ни штор, ни гардин. Единственным приятным открытием стало то, что в ее спальне была ванная комната с душем, пусть по размерам последняя больше походила на стенной шкаф, а кроме того, в силу своей новизны, очень привлекательной выглядела перспектива спать в кровати с противомоскитным пологом.

Отец оставил Лиз в ее комнате, пообещав, что к тому времени, когда она примет ванну и переоденется, он приготовит прохладительные напитки и будет ждать ее на веранде.

— Возьми с собой документы — паспорт, справки о прививках и тому подобное, — сказал Эндрю. — Поскольку ты являешься подданной другой державы, прибывшей в колониальные владения Франции, ты сразу же должна отметить во французской военной комендатуре. И я хочу просмотреть твои бумаги.

В этих словах Лиз увидела предлог, чтобы начать нужный ей разговор. Часом позже, передавая отцу документы, она спросила:

— А на тех, кто остается здесь на длительный срок, распространяются те же правила?

— Нет, к ним предъявляются несколько более жесткие требования. Но ты получишь гостевой пропуск, просто заявив о периоде своего пребывания в этих местах. Мы должны будем подумать об этом периоде.

— Хорошо. — Лиз облизнула пересохшие губы. — Но представь себе, папа, а что, если бы я захотела остаться здесь вместе с тобой?

Чтобы лучше разглядеть ее, отец даже сдвинул на кончик носа свои очки.

— Даже если бы я верил в чудеса, — наконец заговорил он, — мне все равно следовало бы сказать, что об этом не может быть и речи.

— Папа, но это несправедливо!

— Разве? Ну что же, хотел бы я знать, сохранилась ли в твоей памяти некая бурная сцена, во время которой ты решила представить дело так, будто бы тебя изгоняют, наказывают и судят жестоко и несправедливо? Я знаю, что, прежде чем мне пришлось покинуть Лондон, нам удалось заключить перемирие. Но боюсь, что мне не избавиться от ощущения, что я вытащил тебя оттуда пусть временно, но против твоей воли.

В смущении Лиз пробормотала:

— Там, в Лондоне, я действительно думала, что ты наказываешь меня.

— Дорогая моя, за что? За то, что ты еще слишком молода, за то, что не научилась распоряжаться деньгами, за то, что ты тратишь деньги на своих друзей и на свои увлечения?

Лиз почувствовала, как на глаза наворачиваются слезы. Испугавшись, что вот-вот горько расплчется, девушка поспешно проговорила:

— Да откуда мне было знать за что? Что еще я должна была думать, когда ты по любому поводу выражал недовольство? Даже тетушки, и те заметили это.

— Я и хотел, чтобы они заметили. На самом деле я решил забрать тебя у них, потому что видел — тетушки слишком потворствовали твоим капризам, какими бы добрыми намерениями они при этом ни руководствовались. Однако, поскольку ты не делала секрета из того факта, что считаешь меня зверем, позволю надеяться, ты понимаешь, почему меня несколько насторожило это внезапное изменение в твоем настроении?

— С тех пор у меня было время подумать, — серьезно сказала Лиз. — И теперь, когда я здесь, я не хочу возвращаться.

— И ты можешь пребывать в полной уверенности, — заявил отец, — что не вернешься, по крайней мере, до тех

пор, пока у тебя не созреет конкретный план относительно собственного будущего. Я даже готов к тому, что ты уедешь в Кенсингтон, если согласишься учиться чему-то полезному, как только окажешься там. У меня нет желания позволять тебе по-прежнему слоняться без дела, но точно так же я не намерен заставлять тебя остаться здесь. Я хотел, чтобы это было чем-то вроде передышки для тебя, чтобы мы оба определились с выбором дальнейшего направления, и, уж конечно, мне бы не хотелось совершать в отношении тебя несправедливость и навеки запирашь в месте, подобном Тасгале. — Эндрю покачал головой. — Лиз, у меня нет права навязывать тебе условия жизни. Окончательный выбор — за тобой.

— Но я уже выбрала! Видишь ли, мне действительно хотелось бы остаться здесь, сделать так, чтобы у тебя был дом. Боже, папа, если бы мы знали друг друга лучше, мне не нужно было бы ничего объяснять! Теперь, когда я уже почти совсем взрослая, ты должен понять, что тебе следует позволить мне сделать все, что в моих силах.

На какой-то миг Лиз показалось, что все эмоции, которые отразились на лице отца, можно описать одним словом — «вознагражден!». Однако спустя мгновение он покачал головой:

— Нет, Лиз. Согласен, где-нибудь в Англии было бы вполне естественно, если бы мы с тобой жили под одной крышей и вели общее хозяйство до тех пор, пока ты не ушла бы, чтобы создать собственную семью. Однако здесь, к моему сожалению, это будет означать для тебя потерю многих возможностей. Допусти я нечто подобное, это было бы проявлением эгоизма с моей стороны.

— Потерю каких же возможностей это повлечет за собой? — не поняла Лиз.

— Например, ты не сможешь вращаться в кругу людей с общими для тебя интересами, ведь такая возможность была бы у тебя, будь ты студенткой какого-то учебного заведения.

— Но тебе же не понравился круг людей, с которыми я общалась в Лондоне!

— Тогда скажем так: этот маленький мирок в Сахаре — совершенно неподходящее место для девушки, не искушенной в жизни и не знающей, куда девать свое время.

Тронутая его заботой, но по-прежнему настойчивая в достижении своей цели, Лиз сказала:

— Если я стану заботиться о тебе, у меня не будет проблемы свободного времени. И я не понимаю, как этот мирок может быть хуже для меня, чем... ну хотя бы для той девушки на аэродроме. Она ведь тоже молода и неопытна, верно?

Эндрю улыбнулся:

— Хорошо, согласен с тобой, Бет тоже молода и неопытна. Но ведь помимо этого она лучше подготовлена к местным условиям, поскольку родилась в Нигерии, а выросла в Тэменрессете, а это — вторая Тасгала. Она уже пустила корни в Сахаре. Разница между тобой и ею в том, что для тебя здесь не существует человека, ради которого тебе следовало бы бросить здесь якорь, и, уж конечно, не ради меня. Нет, Лиз. С твоей стороны это просто вспышка дочерней верности. Но я не могу поверить, что ты рассмотрела проблему со всех сторон, и, возможно, ты еще скажешь мне спасибо.

Огорченная, Лиз ничего не сказала в ответ на слова отца.

Эндрю встал и протянул дочери руку:

— А теперь я отведу тебя в гостиницу и познакомлю с месье и мадам Симон. Сегодня вечером мы отметим твой приезд торжественным ужином, а завтра утром, обещаю, снова поговорим о наших делах.

Однако обещанию Эндрю суждено было остаться невыполненным. Когда следующим утром Лиз открыла глаза и огляделась, она была поражена царившей в доме гнетущей тишиной, а также тем обстоятельством, что солнце уже высоко поднялось в небо. Поскольку отец предложил ей позавтракать в ресторане, Лиз предполагала, что, как только рассветет, он ее разбудит.

Вечером Эндрю сказал дочери, что окно можно оставить на ночь открытым, если она не станет мешкать и, растворив его, сразу же заберется под противомоскитный полог. Но Лиз не устояла перед искушением побыть немного у раскрытого окна, восхититься теплым, без единого дыхания ветерка, воздухом, пришедшим на смену палящей жары и изнуряющему ветру, что поднялся перед заходом солнца. Небо приобрело густой темно-синий цвет, синеву которо-

го там и тут пронизывали звезды, а когда первый москит возвестил о себе пронзительным писком, Лиз пришлось спасаться бегством.

И следующим утром, пока первые ласковые лучи солнца скользили на плитках пола, было легко чувствовать себя веселой и приятно возбужденной. Лиз некоторое время лежала в постели, размышляя, то ли яркий солнечный свет создает впечатление более позднего часа, чем это есть на самом деле, то ли отец просто проспал. Но тут тишину, царившую в доме, нарушил странный звук, заставивший Лиз сесть в постели, прислушаться и тут же потянуться к халату и домашним туфлям.

Дверь в спальню отца, расположенная по другую сторону холла, была закрыта. Лиз постучала, но на ее стук никто не ответил. Она постучала еще раз, более настойчиво, а затем крикнула «Папа!» и, повернув ручку, заглянула в комнату.

На полпути между распахнутой дверью в ванную и своей постелью, уткнувшись лицом в пол, лежал Эндрю; его тело сотрясала дрожь, а пижама была мокрой от пота.

— Папа!

Подбежав к отцу, Лиз увидела раскатившиеся по ковру капсулы красного цвета. Почувствовав приступ болезни, Эндрю пошел в ванную за лекарством и по пути назад потерял сознание!

Лиз опустилась возле отца на колени и подняла пузырек. «Хинин?! Малярия... Его как-то нужно перенести на кровать, и немедленно». Лиз положила руку на плечо отца и снова позвала его.

Почувствовав прикосновение, Эндрю повернул голову, губы искривились в гримасе, которая должна была означать улыбку.

— Прости, Лиз, — прошептал он, — на этот раз приступ случился совершенно неожиданно. Обычно он предупреждается о своем приходе. Не пугайся. Такое состояние не продлится долго. Но будет лучше, если ты...

Новый приступ лихорадки прервал его на полуслове. Отдышавшись, Эндрю с помощью дочери добрался до постели. Здесь Лиз укрыла его легким пледом, сбегала за одеялом в свою комнату, а затем наклонилась к уху отца и прошептала, что сейчас она сбегает за месье или за мадам Симон и сразу же вернется.

Когда Лиз прибежала в гостиницу, ей стало ясно, что на самом деле было раннее утро. Единственным человеком, встретившим ее в гостинице, был орудовавший шваброй уборщик, который, недоумевая, выслушал ее заполошные восклицания:

— Управляющего! Ах да, я имею в виду le gérant¹, месье или мадам Симон, любого из них! Быстро! — Девушка замолчала в замешательстве, но в этот момент дверь кабинета открылась, и оттуда вышла мадам Симон.

Лиз подбежала к ней, благодаря судьбу за то, что мадам Симон достаточно хорошо владеет английским. Озабоченно кивая, управляющая выслушала Лиз и, когда та закончила свой сбивчивый рассказ, прошептала:

— Ах, бедняжка, как он страдает!

После этого она повысила свой мелодичный голос до такого пронзительного фальцета, что ее муж, появившись из кабинета, бросился выполнять все команды бегом.

В их обществе Лиз почувствовала себя более уверенно.

— Малярия — это гадкая штука, — говорила девушке хозяйка. — Ее приступы имеют тенденцию повторяться, и лихорадочное состояние длится в течение нескольких дней. Но мадемуазель может не сомневаться: против этой болезни существует много эффективных способов лечения. В настоящее время важнее всего вызвать врача, не так ли?

Врача? Ах да, конечно. Лиз хотела спросить: «Какого врача?» — но не произнесла ни слова, так как ответ был известен ей заранее.

Месье Симон сказал:

— Доктора Йейта, этого умного англичанина, вы не хотели бы пригласить его?

— Да, я полагаю, что да, — протянула Лиз. — Если только... А другого английского доктора в Тасгале нет?

— Нет, мадемуазель. Помимо доктора Йейта здесь есть врач-египтянин, есть немец и два хирурга-француза в больнице. Кроме того, мадемуазель, месье Йейт и ваш отец — друзья. Было бы очень неправильно звать кого-либо еще. Вы сами позвоните доктору Йейту или это сделаю я?

— Позвоните, пожалуйста, вы, — попросила Лиз. — Боюсь, что я не знаю, как назвать нужный номер по-французски.

¹ Управляющий (фр.).

Спустя мгновение месье Симон уже говорил по телефону. Затем он передал трубку Лиз:

— Доктор Йейт понимает всю серьезность положения, и он немедленно отправится сюда. Но еще он сказал, что хотел бы поговорить непосредственно с вами, мадемуазель, коль скоро вы находитесь поблизости. Ну вот, я говорю ему, что вы здесь и что я звоню к нему вместо вас только потому, что вы плохо знаете французский. На это он ответил: «Но со мной-то она сможет говорить, я полагаю?» Ну, я сказал: «Конечно, доктор». Мадемуазель, вы справитесь с этой техникой?

— Да, — кивнула Лиз. — Большое вам спасибо. — Собравшись с духом, она спокойно сказала в трубку: — Доктор Йейт? С вами говорит Лиз Шепард.

— Прекрасно. Я направляюсь прямо к вам, но сперва мне хотелось бы узнать кое-какие детали. Сколько времени прошло с тех пор, когда вы обнаружили отца в том бедственном состоянии, о котором мне поведал Симон?

— Примерно столько, сколько мне потребовалось, чтобы снова уложить его в постель и добежать до гостиницы с просьбой о помощи... Минут десять, не больше.

— И именно утром вы впервые узнали, что ваш отец заболел и ему плохо?

— Да, конечно. Если бы я услышала что-нибудь тревожное ночью, уж наверное, я бы пошла к нему, не так ли?

Роджер Йейт не обратил внимания на раздражение, прозвучавшее в ответе.

— Я просто хотел знать, не жаловался ли он предыдущим вечером на какие-нибудь необычные ощущения?

— Нет, и в его планах было взять меня сегодня на нефтяные прииски. Однако из того немногого, что отец смог сказать мне сегодня, я сделала вывод, что он не ожидал приступа болезни — не было никаких симптомов. А когда я увидела таблетки хинина, разбросанные по всему полу, я догадалась, что у него малярия.

В разговоре возникла крохотная пауза. Затем Лиз услышала:

— Милая девушка, не оставите ли вы мне право поставить диагноз?

Лиз замерла, а Йейт продолжил:

— А пока что послушайте меня. Я приеду к вам примерно через четверть часа; поэтому сразу же возвращайтесь к

Эндрю и ждите меня. Возьмите у мадам Симон с полдюжины легких шерстяных одеял. Попросите, чтобы кто-нибудь помог вам убрать простыни с постели Эндрю, а затем заверните его в одеяло, а остальными накройте. К тому времени, когда вы вернетесь к нему, ваш отец скорее будет страдать от жара, а не от озноба, но вы все равно накройте его одеялами. Это понятно?

— Понятно, благодарю вас. — Здесь Лиз не смогла удержаться и добавила: — Знаете что, я не слабоумная и могу понять инструкции, данные мне на английском языке. К тому же, когда я училась в школе, прошла курс по уходу за больными.

— Да что вы говорите! — воскликнул Йейт. — Как это мило с вашей стороны. Ну что же, тогда идите и приступайте к работе, и посмотрим, как это у вас получится. — И он повесил трубку.

Мадам Симон пошла к больному вместе с Лиз, и, когда приехал Роджер Йейт, они только-только успели укутать Эндрю в одеяла. После этого управляющая ушла, пообещав зайти попозже, а Лиз стала ждать результатов осмотра, стараясь держаться как можно ближе на случай, если потребуются ее помощь.

Наконец Роджер Йейт вышел к ней.

— Да, это малярия, — сказал он. — Как мне известно, это первый приступ с тех пор, как он приехал в Тасгалу. Обычно больной малярией получает «предупреждение» о приближении приступа этой болезни. Однако на сей раз, по словам вашего отца, приступ случился совершенно неожиданно и приблизительно всего за полчаса до того, как вы обнаружили его. Это означает, что стадия озноба, продолжительностью примерно один час, сейчас еще только заканчивается. Следующей будет стадия жара... — тут Йейт сделал паузу и бросил взгляд на Лиз, — или вам все это известно?

— Нет, конечно нет, — Лиз вспыхнула от смущения, — продолжайте, пожалуйста.

— Хорошо. Для этой стадии характерно опасное повышение температуры — до сорока одного градуса. На сегодняшний день в нашем распоряжении имеются лекарства, которые справятся с болезнью даже лучше, чем хинин. Я уже сделал ему укол. Его действие в сочетании с укутыванием в одеяла в течение нескольких часов позволит изба-

виться от приступа. Но я бы предпочел не рисковать и без промедления отправить Эндрю в больницу — ему нужен уход, — сказал Йейт.

— Конечно, в больнице наблюдение лучше, — с готовностью согласилась Лиз. — Но ведь и я кое-что умею. Кроме того, по телефону вы сказали, мол, посмотрим, на что вы способны. А если вы увезете папу, я не смогу себя проявить, и «смотреть» будет не на что, верно?

Йейт спокойно встретил ее взгляд.

— Конечно, мне не дано будет увидеть, какая сиделка из вас получилась. Но знаете, я все же мог бы потерпеть и воздержаться от созерцания этого зрелища ради того, чтобы хоть разок увидеть, какой бываете вы в тех случаях, когда стараетесь поставить чьи-то интересы выше собственных.

Резкость сказанного заставила девушку вздрогнуть.

Йейт продолжал:

— Сейчас я полон надежды, что вы разрешите мне подержать вашего отца в больнице до тех пор, пока малярия не отступит окончательно. Если вы согласитесь, то ему тоже придется дать свое согласие. Так каким будет ваше слово?

— Конечно, я должна сказать «да». Но...

— Понятно, — кивнул Роджер Йейт. — Вы хотите знать, что будет тем временем с вами? Это действительно серьезный вопрос, поскольку вам нельзя оставаться здесь одной. — Пощипывая себя за верхнюю губу, он не сводил с Лиз задумчивого взгляда.

«Он смотрит не на меня, а сквозь меня», — подумала она.

— А в чем проблема? — бросила Лиз. — Я могу остаться и здесь.

— Не можете! — отрезал Йейт. — Отсюда до улицы Хай-стрит, что в Кенсингтоне, кричать — не докричаться, и вам это хорошо известно! Совершенно очевидно, вы не сможете жить здесь одна.

Лиз ни за что на свете не призналась бы Йейту, что в глубине души она испытала облегчение, услышав, с какой убежденностью он произнес последнюю фразу. Мысль о том, что нужно будет остаться на ночь в этом доме одной, пугала ее. Поэтому, сделав вид, что не намерена препираться по мелочам, она сказала:

— Ну что же, в этом случае, я полагаю, мадам и месье Симон смогут приютить меня в гостинице.

— Да, — согласился Йейт, обдумывая что-то, а затем добавил: — Нет, у меня есть вариант получше. Он, кстати, в большей степени устроит и вашего отца. Я скажу ему, что посылаю вас к нашей общей приятельнице, к миссис Карлайен. Может быть, вы помните, когда мы прощались вчера на аэродроме, я говорил, что Дженайна Карлайен подбросит меня до дому?

— Я помню.

— Ну вот, получилось так, что меня отвезла Бет Карлайен, приемная дочь Дженайны. Думаю, миссис Карлайен согласится оставить вас у себя. Я договорюсь о том, чтобы Эндрю положили в больницу, а потом попрошу Дженайну или Бет приехать за вами, как только вы проводите отца. Брать с собой много вещей не стоит. Если все пойдет как надо, он выйдет из больницы, скажем, через десять дней.

— Но откуда вы знаете, что миссис Карлайен захочет принять меня?

Казалось, этот вопрос удивил Йейта.

— Я же сказал вам, она — мой друг. Кроме того, у вас с Бет примерно одинаковый возраст, а ей не хватает компании ровесников. — С этими словами он направился к двери, но тут же повернулся и спросил: — Кстати, вы успели поговорить с отцом о вашем более продолжительном пребывании здесь?

— Я-то успела, но он и слышать не хочет об этом, — без обиняков ответила Лиз.

— Не хочет? А на каком основании?

— На том, что он не может требовать от меня такой жертвы. Считает, что это несправедливо по отношению к моему будущему. Если честно, по-моему, мне не удалось убедить его в том, что я действительно хочу остаться. Отец сказал, что это «внезапный поворот на сто восемьдесят градусов», которому он не доверяет, и что позже я его еще поблагодарю за то, что он не воспользовался моим предложением.

— Хм-м. — И Роджер Йейт снова стал пристально рассматривать Лиз. Повторив свое задучивое «хм-м», он проговорил: — А знаете, вы повели себя достойно. Наверное, очень не просто видеть, как ваш благородный жест отвергается при первом же предложении. И все-таки, наверное, было еще труднее признаться мне, что Эндрю не оценил

ваше благое намерение и в своем ответе не пощадил ваших чувств. Полагаю, что каких-то двадцать четыре часа назад ваше уязвленное самолюбие не позволило бы вам сделать такое признание. Уже это можно назвать шагом в нужном направлении. — Не дав Лиз даже рот открыть, Йейт продолжил: — Однако куда же нам идти? То есть я хочу спросить, насколько искренни вы были в своем намерении? А когда отец отказал вам, почувствовали хотя бы временное облегчение или нет?

Лиз молчала. Потом тряхнула головой и посмотрела Йейту в глаза:

— Мои слова были искренними. Папа очень изменился, он изматывает себя. Увидев его на аэродроме, я поняла, что вы правы. Ему необходимы забота и внимание.

Роджер Йейт задумчиво кивнул:

— Вы меня убедили. Но готовы ли вы еще раз поговорить с отцом, когда он поправится настолько, что с ним можно будет что-либо обсуждать, и подтвердить свое намерение остаться?

— Конечно!

— И вы не нарушите своего обещания, не станете требовать взамен чего-нибудь сверхъестественного?

Лиз вздернула подбородок:

— Во-первых, я никогда не отказываюсь от своих обещаний, а во-вторых, я уже сказала, что хочу здесь остаться.

Йейт кивнул:

— Хорошо. Я сделаю все, что смогу. Теперь я пойду к телефону, а вы возвращайтесь к нашему пациенту. Через минуту-другую я присоединюсь к вам, и мы расскажем ему, что собираемся делать дальше.

Когда поставленная на шасси вездехода карета «Скорой помощи» увезла Эндрю в больницу, дом стал пустым и мрачным, и Лиз не находила себе места в ожидании, когда ее новая хозяйка придет кого-нибудь за ней.

Лиз понравился голос Дженайны Карлайен, когда она говорила с ней по телефону, — спокойный, со слабым, но очень милым французским акцентом. В ответ на высказанные Лиз робкие слова благодарности, она ответила:

— Ну как же, конечно, мы будем рады приютить вас! Кроме того, насколько мне известно, вы примерно одного

возраста с моей Бет. Как только мы узнали, что вы едете сюда, чтобы побыть со своим отцом, она просто сгорала от желания познакомиться с вами. А когда позвонил Роджер, то есть доктор Йейт, сама мысль о том, что вы поживете с нами, просто очаровала Бет. Хотя, конечно, нам было бы гораздо приятнее встретиться с вами при более счастливых обстоятельствах. Но, пожалуйста, не сомневайтесь, что, коль скоро лечением вашего отца занялся Роджер, лучше-го врача для мистера Шепарда просто не найти.

Далее Дженайна сказала, что поскольку у нее самой на все утро назначены уроки, то ее заменит Бет, которой нужно только сообщить, к которому часу подъехать. Лиз назвала время встречи, а потом, побросав в сумку вещи, принялась бесцельно бродить по дому, мучимая беспокойством за отца и размышлениями, почему же это она, в отличие от Бет, не чувствует себя «очарованной» перспективой их встречи.

Заехавшую за нею Бет девушка встретила у порога.

— Очень любезно, что миссис Карлайен и вы... — начала Лиз и посторонилась, чтобы дать Бет войти. Сегодня, отметила она, в одежде бледно-зеленых тонов Бет выглядела совсем тоненькой и хрупкой. На ее голых ногах были ременные сандалии на высокой платформе, похожие на те, в которых ходили Эндрю Шепард и Роджер Йейт.

Бет улыбнулась и заговорила, голос ее был не менее очаровательным, чем улыбка:

— Да что вы! Роджер попросил нас оказать ему услугу, ну и, конечно, маман для него готова сделать все что угодно. Ну, и я тоже. Кроме того, нам ужасно жалко мистера Шепарда. Он такой милый. — Тут она посмотрела на сумку, поставленную Лиз в прихожей. — А вы успели собрать вещи? Если нет, я могу подождать.

— Я совершенно готова, — ответила Лиз, — но, может быть, вы сперва выпьете чего-нибудь? Я тут произвела налет на «винные погреба» отца, и надеюсь, что здесь найдется что-нибудь такое, что вам нравится.

Но Бет покачала головой.

— Ах нет, я не пью, — сказала она. — Роджер мне не разрешает. Так что мне, пожалуйста, сок лайма или просто содовой. Я все-таки не могу портить вам удовольствие.

Минутой-другой позже они решили отправиться в путь. Однако, когда Лиз уже перешагивала через порог, Бет остановилась и посмотрела на нее с удивлением:

— А вы бы не хотели надеть шляпу с полями? Ведь солнце стоит в самом зените.

— Но вы-то не носите шляпу, — ответила Лиз.

— Да, не ношу, — улыбнулась Бет, — но я привыкла к здешним условиям. А солнечный удар, замечу, может быть ужасной вещью, и глупо было бы пролежать в постели половину всего того времени, которое вы намереваетесь пробыть здесь, не так ли?

Чувствуя, как в ней поднимается беспричинное раздражение, Лиз вытащила свою шляпу и, взяв ее за тулью, нахлобучила себе на голову. Глупо с ее стороны гневаться на невинное предположение этой девушки, что она тут не задержится надолго...

Но когда они вышли из дома и направились к машине, Бет кивнула на свои сплетенные из кожаных ремешков сандалии и снова стала советовать:

— Вы поступите правильно, если обзаведетесь парой таких сандалий, даже если не намерены оставаться здесь надолго. Мы называем их «бапмаки». Швы обычных сандалий не выдержат длительной носки в условиях пустыни, а в эти песок попадает и тут же высыпается обратно.

Неожиданно для себя самой Лиз услышала, как она сухо и строго говорит Бет:

— Ну, раз уж я остаюсь здесь столь же надолго, как и любой из вас, естественно, я позабочусь о том, чтобы приобрести себе такую обувь. Я уже заметила, что здесь ее носят все, и конечно же это значит, что я тоже буду ее носить.

В момент последовавшей вслед за этими словами тишины Лиз была близка к панике. Какая это муха укусила ее, что она подобным образом распорядилась решением, право принимать которое принадлежало отцу? Ведь она же умрет от унижения, если он затолкнет ее в первый же вылетающий отсюда самолет!

А потом Бет спросила ее:

— Я чего-то не понимаю. Так вы приехали сюда надолго? Вы останетесь в Тасгале?

— Это зависит от моего отца, — ответила Лиз.

— Но как мне показалось, Роджер говорил... Я имею в виду, ему известно об этом?

— О да. Кстати, доктор Йейт и сказал мне, что, по его мнению, мне следует остаться.

- Роджер попросил вас остаться?
— Да.
— О-о-о! — произнесла Бет. Глаза ее немного потускнели, а нежная улыбка погасла, как гаснет пламя свечи.

Глава 3

Лиз предполагала, что с ней такое может случиться, и так оно и вышло. Она практически сразу же привязалась к Дженайне Карлайен. Это была спокойная женщина лет тридцати восьми, с неброскими чертами лица, с короной волос теплого, золотисто-каштанового цвета. Лиз суждено было узнать, что очарование этой женщины заключалось в ее способности считать даром судьбы всех, с кем ей довелось познакомиться. Поэтому, как только Лиз переступила порог небольшой гостеприимной виллы на тенистой улице в дальней части города, она нашла, что ей гораздо лучше в обществе Дженайны, чем в обществе ее приемной дочери. К тому же Дженайна была сопереживающим, ненавязчивым слушателем, и Лиз уже через пару дней поймала себя на том, что рассказывает Дженайне многое из того, чем она ни за что на свете не стала бы делиться с Бет.

Жизнь на вилле текла по размеренному и продуманному распорядку. Здесь все вставали рано, с тем чтобы максимально использовать прохладные утренние часы. Каждое утро Лиз в компании Дженайны или Бет отправлялась делать покупки на базар, который располагался на одной из небольших площадей Тасгалы. Там, в прохладной тени деревьев, на лотках и прилавках можно было найти все что угодно — от глиняных горшков до живой домашней птицы и от латунной посуды до пряностей.

В те дни, когда Лиз разрешали навещать отца, Дженайна по пути в школу подвозила ее в больницу, а обратно девушка шла пешком. Тем временем на вилле нанятая Дженаиной женщина по имени Люлек, наполовину француженка, наполовину арабка, проводила уборку комнат под командованием Бет. Ленч в этом доме обычно подавали в два часа дня, когда рабочий день Дженайны заканчивался и она возвращалась из школы. После ленча Бет по предписанию доктора Йейта укладывалась спать, а Лиз и Дженайна отправлялись побродить по городу или слушали передачи по радио — Лиз

таким образом совершенствовала свой французский. Миссис Карлайен любила рассказывать ей о своей работе.

— Большинство моих подопечных — это дети погонщиков верблюдов, метисы, — говорила она, — такие, как Люлек, и горстка туарегов, которые остаются в школе только до тех пор, пока все племя не откочует куда-то еще. Так что «домоводство» — это слишком сильно сказано применительно к тому, что я пытаюсь преподавать своим девочкам под видом этой дисциплины. Обычно я рассказываю им, как соблюдать правила элементарной гигиены, ухаживать за ребенком, вести домашнее хозяйство и распоряжаться теми жалкими грошами, которые изредка переппадают им от их соплеменников-мужчин. Мне не дано знать, насколько быстро даже лучшие из них забудут все, чему научились здесь, или же усвоят ли они вообще хоть что-либо полезное. По крайней мере, я надеюсь, что, выходя замуж, какая-нибудь девушка будет реально представлять, что ей надлежит делать; кто-то сможет спасти жизнь младенца, а чей-то муж будет относиться к жене как к равной, потому что она научена тому, что с ней должно обращаться именно так. Ты знаешь, Лиз, — тут Дженайна улыбнулась, — мы, жители Запада, просто счастливы. Когда выйдет замуж Бет, когда выйдешь замуж ты, для вас достоинство и равенство в браке будут неотъемлемым правом.

— Но так ли это? — возразила девушка. — А как же та поговорка, которая недавно прозвучала в радиосценировке пьесы? Вы тогда еще перевели ее для меня, помните: «В любви всегда один целует, другой подставляет для поцелуя щеку»?

Дженайна расхохоталась:

— Один—ноль в твою пользу! Но только пьеса та была пустой комедией, в Париже таких пруд пруди. И конечно, вполне допустимо, как для мужчины, так и для женщины, поддерживать какой-то односторонний флирт — если сердце твое свободно. Но в браке — никогда! Я постоянно твержу Бет, что перед тем, как выйти замуж, она должна быть уверена не только в своих чувствах, и, если ты позволишь, Лиз, мне хотелось бы то же сказать и тебе.

— Конечно, спасибо. Но... вы знаете, я не думаю о замужестве.

— Так-таки и не думаешь? — Дженайна замолчала, нахмурившись над вычерчиваемой ею таблицей пищевой цен-

ности продуктов. — Значит, ты рассталась со своим молодым человеком в Лондоне навсегда?

— Именно так.

— По причине вмешательства отца или же ты сама приняла такое решение? Можешь не отвечать, если тебе трудно говорить об этом.

— Да нет, не трудно, — ответила Лиз и неожиданно почувствовала, что так оно и есть. Просто удивительно! Можно ли было представить себе, что меньше чем через две недели у нее получится думать о Марте Джитин без ревности и вспоминать о Робине без боли! — Если честно, — продолжила она, — то ни по той, ни по другой причине. Его чувства ко мне поблекли, поскольку он отдал предпочтение другой девушке. А кстати, кто рассказал вам все это — про Робина Клэра и меня?

— Твой отец. Он говорил со мной о тебе перед тем, как уехать в отпуск. А когда вернулся, еще до твоего приезда сюда, поведал о твоём увлечении. Он очень надеялся, что ты скоро забудешь Робина.

— Он... он не представлял это как... как нечто ужасное?

Лиз трудно было найти подходящие слова, она чувствовала, как щеки заливают горячая краска стыда.

— Дорогая моя, конечно же нет! — Дженайна энергично покачала головой. — Он был лишь встревожен, поскольку, по его мнению, твой выбор был не слишком удачен, и считал, что тебе лучше пережить небольшое горе сейчас, чем испытывать огромное сожаление позже.

— Что же, я рада, — ответила Лиз, благодарная Дженайне за то, что та поняла ее, — ведь я не сделала ничего такого, чего бы мне следовало стыдиться.

При дальнейших разговорах выяснилось, что Дженайна уверена, будто Лиз приехала сюда на постоянное жительство, и девушка решила, что ей следует сказать правду.

— Боюсь, я ввела Бет в заблуждение по этому поводу, — призналась она. — Доктор Йейт пообещал поговорить на эту тему с папой, как только тот будет достаточно здоров. На самом же деле в тот вечер, перед тем как случился приступ, папа сказал, что я должна буду вернуться в Лондон.

— О, боже правый, а я-то думала, что этот вопрос уже решен! Но не стоит огорчаться. — Дженайна заметно приободрилась. — Коль скоро Роджер намерен выступить в качестве твоего ходатая, можешь быть уверена, что он все

уладит. Если на его пути встречаются препятствия, он демонстрирует такое упорство и терпение, каких я не видала больше ни у кого. Именно так он и вылечил Бет — он просто не допустил бы и мысли о поражении. Если Роджер считает, что ты должна остаться, ты почти наверняка останешься. А ты ведь этого хочешь, не так ли?

— Очень, особенно теперь, — кивнула Лиз.

Дженайна пристально посмотрела на нее.

— А такое желание было у тебя не всегда? — спросила она.

— Оно появилось только тогда, когда я поняла, что папа нуждается во мне и хочет, чтобы я осталась, с каким бы упорством он ни говорил свое «нет». Мне вообще не хотелось сюда ехать, я и теперь ужасаюсь местной жаре и мрачному жилищу отца. У меня такое ощущение, будто кто-то вот-вот выстрелит в меня из-за стены или выльет расплавленный свинец, как это бывало при осаде средневековых крепостей. И никаких занавесок на окнах, а ставни покрыты шелушащейся темно-серой краской, которая в Англии используется только в качестве грунтовки!

— Бедная Лиз! — рассмеялась Дженайна. — Ты еще не знаешь, что такое песчаная буря, иначе была бы благодарна за то, что стены толстые, а окна и двери глубоко утоплены в них! Что же касается сходства с крепостью — это вековая традиция в архитектуре оазисов, и французской администрации нравится, когда и новые здания строят в том же стиле. Занавески? Пойми: они не выдержат здешнего солнца и ветров в течение долгого времени. Однако мне нравится, когда они есть на окнах, и я не вижу причин, почему бы тебе отказываться от них. Я помогу тебе подобрать ткань. И на твоём месте я бы еще разбила на плоской крыше вашего дома небольшой садик. Зонты от солнца, кое-какая садовая мебель и олеандры или розовый лавр в нарядных кадках, расставленные там и тут. Господи, да Бет с удовольствием спланирует его для тебя. И тогда уже ты сама сможешь стрелять или лить кипящее масло с крепостных стен. Но, конечно, только в своих врагов. Друзей ты будешь встречать дождем из цветочных лепестков!

— Звучит восхитительно, — вздохнула Лиз. — Но все будет зависеть от того, останусь я тут или нет, и от того, согласятся ли супруги Симон на такую реконструкцию дома.

— О, здесь люди охотно идут навстречу друг другу, месье Симон и не подумает возражать. Что же касается всего остального, я не сомневаюсь, что Роджер сможет убедить твоего отца.

Однако у Лиз такой уверенности не было. Отец высказался по этому поводу очень недвусмысленно. Однако в один прекрасный день, когда он уже шел на поправку, но после третьего приступа малярии, предсказанного Роджером Йейтом, был все еще слаб, Лиз попала не к нему в палату, а в кабинет Роджера.

Пришедшая ее сюда больничная привратница, женщина с тихим, ласковым голосом, сказала, что доктор скоро придет. Сейчас он ведет осмотр пациентов клиники, но просил передать, что хотел бы видеть «мадемуазель Шэпар» до того, как она пойдет в палату отца. Не согласится ли мадемуазель подождать?

Мадемуазель согласилась — с радостью, хотя и не без опасений по поводу того, что доктор Йейт хочет сообщить ей. Оставшись одна в комнате, Лиз оглядела интерьер, характерный для кабинета врача, — высокий канцелярский шкаф, стенной шкаф со стеклянными дверцами, за которыми была видна аккуратная стопка выстиранных и отглаженных халатов, свисающий со спинки стула стетоскоп и письменный стол, заваленный кипами бумаг, блокнотами и папками.

Здесь не было ни одной вещи, которая указывала бы на принадлежность Роджеру Йейту. Впрочем, ничего удивительного — ведь его служебная квартира располагалась в другой части больницы. Внимание Лиз привлек необычный предмет. Она даже наклонила стул и подалась вперед, чтобы рассмотреть его получше.

Это был кусок песчаника красного цвета, использовавшийся вместо пресс-папье, размером с кулак Лиз. Вся его поверхность представляла собой бесчисленное множество чешуек, пересекавшихся под самыми разнообразными углами, хрупкими на вид и посылавшими во все стороны снопики света. Камень зачаровывал. Что за искусный мастер создал столь причудливые пересечения граней? Только Лиз поднесла палец, чтобы погладить диковинную вещицу, как отворилась дверь и в кабинет вошел Роджер Йейт.

Задние ножки стула, на котором сидела Лиз, с грохотом опустились на пол, а сама она откинулась на его спинку.

Поприветствовав девушку, Йейт подошел к столу и непринужденно спросил:

— Значит, вы заметили мою *rose de sable*? Ну и как она вам?

— *Rose de sable*? Песчаная роза, — вслух перевела Лиз французское выражение. — Да, мне хотелось рассмотреть ее поближе. Раньше я никогда не видела ничего подобного. А что это такое?

— Это наша главная достопримечательность, встречающаяся только в Сахаре. Песок плавится в естественных условиях, затем остывает под воздействием ветра и дождя, а лучи солнца разрушают поверхность, образуя острые чешуйки и кристаллы. Роза пустыни... Да, Сахара губит все живое, не многие растения выживают в таком пекле, но у пустыни есть все же собственный песчаный цветок — вот он.

Говоря это, Роджер взял удивительный кусок песчаника в свои сильные и ловкие руки. Но когда он протянул его Лиз, та отпрянула.

— Он выглядит таким непрочным...

Йейт кивнул:

— Он так же непрочен, как стекло, и хрупок, как человеческие взаимоотношения. В любом случае он уже слишком долго был у меня. Так что берите его, ну же!

И роза пустыни оказалась у Лиз в ладонях.

«Он так осторожно обращается с «цветком», — подумала девушка. — Сразу видно, как ему нравится этот камень. Со мной мистер Йейт резок и даже груб — полагаю, для моей же собственной пользы, — но оказывается, он может быть и нежным...»

Эта мысль совершенно выбила ее из колеи, и заданный Йейтом вопрос: «Вы хотели бы оставить розу себе?» — прозвучал, словно из каких-то неведомых далей.

— Оставить себе? О нет! — Лиз поспешила поставить камень на стол, как будто он жег ей руки. — То есть я хочу сказать, вам ведь не хочется отдавать ее мне.

— Напротив, я буду рад, если вы примете мой подарок.

— Но я не могу...

Однако Лиз хотелось получить цветок, и, когда Йейт перестал настаивать на своем предложении, она испытала постыдное чувство разочарования.

А доктор тем временем пододвинул к столу стул и уселся.

— Ну что же, — сказал он, — выступая в качестве адвоката, я успешно провел ваше дело. Вы остаетесь здесь. Возможно, с небольшим испытательным сроком, но все равно остаетесь.

— О-о, благодарю вас! Когда мне передали, что вы хотите меня видеть, я подумала, что, наверное, вы поговорили с отцом. Что он сказал вам?

— Полагаю, примерно то же самое, что и вам. Что это несправедливо, что он не имеет права губить вашу жизнь и далее в том же духе. Но он также хочет получить от меня заверения по двум другим вопросам, и здесь мне пришлось потрудиться изо всех сил, защищая вас.

— А что это за вопросы?

— Во-первых, он считает, что вы изъявили желание остаться здесь, поскольку не хотите возвращаться в Лондон, где вас ожидает встреча с бывшим женихом и счастливой соперницей.

Девушка вспыхнула, уязвленная до глубины души, но, справившись с собой, сухо ответила:

— Спасибо, что разубедили папу. Это было очень любезно с вашей стороны. А что собой представляет второй вопрос?

— Ваш отец боится, что в первое время вы будете очарованы «романтикой Востока», но это чувство неизбежно поблекнет, не оставив ничего, кроме раздражения и ощущения того, что вас обманули.

От изумления у Лиз глаза полезли на лоб. Романтика? Среди этой унылой, бесплодной местности, что простирается, неведомая, за кромкой пальм? Среди мух, постоянно гудящих и снующих повсюду? В этом закрытом на все ставни ужасе, который здесь называется домом?

— Папе не стоит беспокоиться по этому поводу. Мне никогда не хотелось приезжать в Тасгалу, и я, увы, не в восторге от этого места.

— Именно это я ему и сказал. Еще пояснил, что вся романтика, которую мы в силах предложить вам, не перевесит и грядку фасоли. А это, поспешил я подчеркнуть, свидетельствует: ваше желание остаться можно считать искренним и достойным уважения. Кроме того, — Роджер Йейт смерил девушку пристальным взглядом, — я взял на себя смелость и убедил Эндрю в том, что сделанный вами выбор принадлежит целиком и полностью вам.

— Но ведь это же не так, — запротестовала Лиз. — Вы же знаете, что идея была вашей.

— Я всего лишь подсказал вам, что нужно делать, но решение приняли вы сами.

— Да, но...

Упершись руками в столешницу, Роджер поднялся.

— Ну вот и ладно, — сказал он, не дослушав. — Теперь о нашем больном. Если сегодня вечером и завтра утром температура у него будет нормальной, завтра же я его выпишу. Дома он сразу же должен лечь в постель и не вставать до следующего дня. Но после этого он всецело в вашем распоряжении. Не давайте ему слишком много работать и проследите за тем, чтобы он хорошо питался. Малярия процветает там, где живут бедно или без должного ухода, а я подозреваю, что Эндрю о своем здоровье несколько не заботится.

Лиз тоже встала со стула, и Йейт вместе с нею направился к двери, но, вспомнив что-то, вернулся к своему письменному столу:

— Вы забыли свою *rose de sable*.

На этот раз девушка не стала протестовать и приняла подарок с восторгом.

Навестив отца, Лиз поспешила обратно на виллу — ей не терпелось поделиться известием, что на следующий день она сможет вернуться в дом отца и там ждать его возвращения. Однако Дженайна Карлайен еще была в школе, и в гостиной девушка столкнулась с Бет. Та озадаченно уставилась на камень:

— Но ведь это... это *rose de sable*, принадлежащая Роджеру! Откуда она у тебя? Он...

Лиз положила камень на стол:

— Это подарок доктора Йейта.

— Подарок? — с негодованием воскликнула Бет. — Не может быть!

— Ты же не думаешь, что я выпросила или стащила этот камень у него, не так ли? — мгновенно вспыхнула Лиз.

Бет прикусила губу и сумела изобразить примирительную улыбку.

— Конечно же я и мысли не допускаю, что ты сама взяла его. Нет, я просто удивлена, что он отдал этот камень тебе.

— Ты хочешь сказать, почему именно мне, когда надлежало бы отдать его тебе? — резко спросила Лиз.

Бет густо покраснела:

— Какие глупости! Конечно, Роджер даже не задумывался, хочу я иметь такой камень или нет, иначе он отдал бы его мне, я в этом уверена. Нет, меня удивило только то, что Роджер преподнес тебе столь банальный подарок, ведь эти штуки — обычное дело в некоторых местах пустыни, особенно в окрестностях Эль-Голеи. Надеюсь, он не заставил тебя думать, что подарил нечто ценное, поскольку, если бы он поступил так, это было бы нехорошо.

— Можешь не беспокоиться, — сухо ответила Лиз. — На этот счет он не оставил у меня никаких иллюзий. Я восхищалась камнем, и мистер Йейт сказал, что я могу взять его себе, потому что он мало для чего годится.

— Я очень рада, — кивнула Бет, и лицо ее посветлело. — Я рада тому, что камень тебе так понравился. Полагаю, для тебя эта вещица в диковинку, и мне не следовало говорить о ней в таком пренебрежительном тоне только из-за того, что в здешних местах мы на *roses de sable* обращаем мало внимания.

— Можешь не беспокоиться, — снова повторила Лиз.

Странно, но она не решилась упомянуть о том, как дорог камень самому Роджеру Йейту. Этого было достаточно, чтобы сделать бесценным подарком обычную булавку.

Прощаясь с Лиз, которая переезжала в дом отца, Дженайна посоветовала девушке «торопиться медленно» в своем стремлении сделать жилище более уютным.

— Не нужно высказывать открытого недовольства, — убеждала она. — Эндрю может расценить это как упрек за то, что привез тебя сюда, понимаешь? Просто сделай бодрым тоном пару предложений и независимо от того, как отец отреагирует на них, оставь эту тему с той же внезапностью, с какой представила ее для обсуждения. Более чем вероятно, что спустя какое-то время он уверует, что придумал все это сам, и тогда все пойдет как по маслу.

Это был разумный совет, и к тому времени, когда Эндрю поправился окончательно, его организаторский талант, который сделал его хорошим руководителем отдела, но которым он никогда не пользовался в личной жизни, стал сверхурочно работать на Лиз.

У меся Симона Эндрю добился разрешения поменять интерьер дома в соответствии с предложениями, сделанными Дженайной. Он нанял мастера, который за один вечер изготовил на заказ мебель для сада и кадки для цветов; вместе с Лиз отправился на базар покупать ковры и даже заказал краски, лаки и кисти, когда Бет заявила, что горит желанием помочь Лиз и проявить свои художественные способности.

— Будет гораздо лучше, если мы воспользуемся услугами маляра, — советовал им Эндрю.

После долгих споров был достигнут компромисс: Бет и Лиз согласились, что маляр должен очистить от старой краски и подготовить поверхность оконных рам и ставней, а новую краску нанесут они сами.

Верная своему обещанию, Дженайна сняла мерку с окон и посоветовала Лиз купить для занавесок сотканное местными жителями полотно с ручной набивкой рисунка. Кроме того, в процессе изготовления занавесок она помогла девушкам управиться со своей швейной машиной. Дженайне также удалось привлечь внимание Эндрю к установленным на окнах ее виллы жалюзи из тонких и легких планок. Благодаря им отпадала необходимость каждый вечер закрывать ставни, служившие защитой от сильного ветра и песчаных бурь. Эндрю был сражен рекламной кампанией и установил такие жалюзи в своем доме.

Под конец он предложил, чтобы так и не состоявшийся до сих пор из-за его болезни и долгого выздоровления прием в честь приезда Лиз принял форму новоселья, которое состоится, как только дом предстанет в своем новом убранстве.

— Великолепно! — захлопала в ладоши Лиз и вдруг забеспокоилась: как же она будет принимать гостей в роли хозяйки дома, когда практически никого не знает и не знакома ни с одним мужчиной в Тасгале, если не считать отца и Роджера Йейта.

Но тут Эндрю, словно бы прочитав ее мысли, сказал:

— А до той поры мы проведем вечер-другой в нашем загородном клубе, чтобы у тебя была возможность познакомиться с другими молодыми людьми помимо Бет Карлайен. А еще съездим на участок нефтедобычи — ты обязательно должна побывать там. Так что у тебя появится возможность подготовить список гостей для доброй дюжины приемов.

Узнав о предстоящей вечеринке, Бет по-детски выразила свой восторг, и это обстоятельство, как Лиз была вынуждена признать себе самой, не оставило камня на камне от ее инстинктивного недоверия к девушке. Возможно, находясь постоянно в обществе будущего жениха, Роджера Йейта, и по вполне понятным причинам беспокоящейся родительницы, Дженайны, Бет не могла рассчитывать на особые развлечения, и было бы некрасиво подозревать ее в неискренности, услышав сказанные с грустью слова:

— Я так люблю, когда устраивают вечеринки. Но маман не может позволить себе устроить нечто подобное для меня, а Роджер до сих пор так носится с моим здоровьем, что я вынуждена спрашивать у него разрешения всякий раз, когда мне хочется подольше побыть в клубе. Ведь теперь, когда я совсем здорова, это глупо, правда? Наверное, ты считаешь, что такое внимание должно мне льстить. Но если говорить честно, временами я просто завидую девушкам, которые не вызывают у мужчин желания опекать их.

Еще более обезоруживающей оказалась способность Бет без устали трудиться, благоустроявая дом Шепардов. После долгой болезни она впервые занялась настоящим делом, которое принесло ей волнующие и полные новизны ощущения. А поскольку у нее была твердая рука и хороший глазомер, она взялась красить оконные рамы и перемычки окон и дверей, что требовало особой точности, тогда как Лиз достались участки попроще.

И в самом деле, для Лиз процесс окраски представлял собой скорее беспечное размазывание по поверхности слоя блестящей новой краски такими широкими мазками, какие только могла обеспечить самая большая кисть. В одно прекрасное утро, поднявшись на крышу, она стала предаваться этому занятию, нанося на ящики для цветов полосы зеленой, синей и золотистой краски, и вдруг услышала, как Бет разговаривает с кем-то внизу.

Лиз лениво прислушивалась к голосам. Потом они стихли, а минутой позже над верхней площадкой наружной железной лестницы, что вела на крышу, появилась голова Роджера Йейта.

От неожиданности Лиз присела на корточки, представив краске стекать на черепицу с только что вынутой из банки кисти.

— Доброе... — начала девушка, но тут же замолчала, поскольку Йейт подошел и встал над ней. Выражение его лица встревожило ее.

— Чего вы добиваетесь, заставив Бет как последнюю рабыню трудиться над этой вашей паршивой мазней, когда она готова упасть от усталости? — сердито спросил он.

— Когда она... что?

До предела изумленная такой несправедливостью, Лиз выпрямилась, чувствуя, что меньше всего на свете ее сейчас беспокоит, обрызгает ли она при этом своего визави краской или нет.

— Я превратила Бет в рабыню? Да как вы смеете? — выпалила она в лицо Йейту. — Бет красит ставни, потому что у нее это получается лучше, чем у меня, и потому что она сама взялась за эту работу. А что касается того, что она устала, — вот уж никогда не поверю!

— Да неужто? — Сарказм, прозвучавший в этом вопросе, жалил, как змея. — И вы полагаете, вам лучше известно, устала она или нет, даже когда девочка жалуется на усталость и с первого взгляда ясно, что она едва держится на стремянке? Она сказала, что работает здесь с восьми часов...

Лиз беспомощно пожала плечами:

— Хорошо, по-вашему, Бет утомилась. Она действительно находится здесь с восьми часов, дело в том, что ей нравится приходить утром, пока еще не слишком жарко. Но перед тем, как приступить к работе, она позавтракала вместе с папой и мной, и мы с ней взяли за дело, — Лиз посмотрела на часы, — не более часа назад. Поэтому если Бет сказала вам, что уже устала, она, должно быть, просто шутила и уж никак не могла пожаловаться, что я эксплуатировала ее, словно рабыню, наверное, вы это придумали сами.

Густые брови Йейта сошлись на переносице, на скулах заиграли желваки. Отчетливо выговаривая каждое слово, он сказал:

— Бет не шутила, и я ничего не придумал. До тех пор, пока я не предупредил ее о том, что ей нельзя переутомляться, она и вовсе не собиралась жаловаться. Но после этих моих слов Бет заявила, что, какой бы усталой она ни была, все равно не осмелится бросить работу, потому что вас обуревают безумное желание замазать каждую щель и

трещину ради какой-то дурацкой вечеринки. А поскольку вы сами здоровы как лошадь, вам, судя по всему, трудно заметить, что люди рядом с вами работают, напрягая свою силу воли.

Лиз смотрела на него, не веря своим ушам.

— Бет так сказала? Но ведь нет необходимости спешить с ремонтом по такому ничтожному поводу. Мы даже еще не определились с датой! А потом, ей нравится малярничать. Она сама предложила свою помощь, и я думала, ей нравится возиться с кисточками и красками... Нет, она не могла... Во всяком случае, я сама намерена расспросить ее, и тогда посмотрим!

Бесцеремонно задев мистера Йейта плечом, Лиз прошла по крыше к парапету над окном, где трудилась Бет. Его высота доходила только до икр, а по обе стороны от этого места возвышались столбики. Ухватившись за один из них, Лиз наклонилась к окну, а когда не обнаружила там Бет, свесилась еще ниже и под опасным углом повисла за пределами крыши.

Она слышала, как Роджер Йейт резко бросил за ее спиной:

— Здесь нет Бет. Я послал ее в дом, чтобы она могла прилечь.

Но в этот момент нога Лиз соскользнула с опоры, в следующий миг Йейт схватил девушку за руку и с такой силой рванул к себе, что она потеряла равновесие и вынуждена была уцепиться за рубашку своего спасителя. Его лицо оказалось совсем близко, и Лиз, словно сквозь пелену тумана, увидела блеснувшие злыми искорками глаза.

— Вы идиотка! — пробормотал он и так стиснул плечи девушки, что она вскрикнула. У Лиз дрожали колени, и, глядя Йейту в лицо, расстроенная и подавленная, она почувствовала головокружение.

— Мне... мне хотелось посмотреть Бет в глаза, пусть она сама повторит мне эту ложь.

— Хорошенькая беседа получилась бы у вас. Только представьте себе: вы лежите на земле с переломанными руками и ногами и обмениваетесь любезностями с Бет, которая балансирует на стремянке, — нехорошо усмехнулся Йейт. — Во всяком случае, я же предупреждал вас, что ее здесь нет, верно?

— Только в тот момент, когда я наклонилась так низко, что уже не могла самостоятельно вернуться в исходное положение. Кстати, смею вас уверить, я и без вашей помощи смогла бы как-нибудь удержаться! А сейчас я намерена спуститься и расспросить Бет кое о чем, — с вызовом бросила Лиз.

— Нет, вы этого не сделаете. — И как только девушка повернулась, чтобы уйти, его пальцы подобно тискам сдавили ее запястье. — Вы не станете досаждать Бет своими обвинениями, особенно учитывая то возбужденное состояние, в котором сейчас находитесь.

Лиз отдернула руку и стала массировать запястье.

— И кто же меня остановит? — потребовала она ответа.

— Я, если уж вам так хочется знать. С помощью несложного маневра, заключающегося в том, что, уезжая отсюда, возьму Бет с собой. Когда вы немного остынете, у вас будет возможность выяснить отношения. Только запомните: я обвиняю вас не столько на основании слов Бет, сколько на основании того, что я сам видел, как ее шатало от усталости и слабости и как она была огорчена из-за того, что может вас подвести.

— Как же, ведь это же она сказала вам, что я гоняла ее до седьмого пота ради той вечеринки, подготовку к которой мы только начали, — напомнила ему Лиз.

— Дата вашей вечеринки не имеет к этому отношения. Вам как-то удалось внушить Бет чувство ответственности за нее, и, насколько я понимаю, отзывчивая и трепетная душа девочки заставила ее вложить все силы в порученное дело.

— А насколько я понимаю, Бет сама попросила вас взглянуть этим утром, чтобы посмотреть, как она здесь перетрудилась? — с вызовом спросила Лиз.

— Нет, конечно же нет. — Его тон, подчеркнуто спокойный, содержал в себе признаки надвигающейся грозы. — Я приехал в расчете увидеть вашего отца и узнать, не поедет ли он на участок нефтедобычи. В этом случае я бы попросил его взять с собой предписание по лечению одного больного в тех местах и немедленно позвонить мне, если вдруг его состояние ухудшится. Теперь вы убедились, что я приехал не для того, чтобы следить за вами?

Лиз покраснела от стыда.

— Извините, — пробормотала она. — Только папа уже уехал.

— Да, Бет сказала мне. Теперь это не имеет значения. Я туда поеду сам и возьму с собой Бет.

С этими словами Йейт направился к лестнице. Перед тем как спуститься, он обернулся к Лиз.

— Мне бы хотелось взять с собой и вас, — сказал он. — Но не хотелось бы видеть, как вы запустите свои когти в Бет, все еще кипя от пережитой обиды, первопричиной которой оказался я. Не думаю, что кто-нибудь из нас получил удовольствие от сегодняшнего утра.

Разгневанная, Лиз не двигалась с места до тех пор, пока не увидела, что машина Роджера отъехала от дома. Ни сам он, ни его спутница не оглянулись в сторону крыши, а если Бет и было необходимо мужественно скрывать свою усталость под маской живости, она делала это весьма успешно. Когда они исчезли из виду, Лиз возвратилась к своим малярным работам, вкладывая в них больше пыла, чем усердия. Дело не ладилось. Сунув кисть в банку со скипидаром, она вытерла руки и спустилась по лестнице. Когда отец вернется домой, будет уже за полдень, а это означало, что за ленчем, который она планировала провести с Бет, ей придется быть одной. Полнейшее поражение, и даже главного врага умыкнули у нее на глазах!

Без особого воодушевления Лиз решила направиться в клуб, чтобы поплавать в крохотном бассейне. Кстати, она там сможет и поесть. А сейчас она не будет думать о Бет — большеглазой, кроткой и веселой Бет, что сейчас катилась по пустыне бок о бок с Роджером Йейтом!

Поднявшись к себе в спальню, она взяла купальный костюм, сигареты, книгу и вдруг, повинуясь какому-то безотчетному порыву, бросила свою широкополую шляпу так, что та полетела в угол через всю комнату.

Конечно, это было глупо. Теперь нужно идти за ней и поднимать с пола. И нет никого, кому мог бы быть адресован этот вызов. Совершенно никого...

Направившись за шляпой, Лиз остановилась у глубокой оконной ниши, которую приспособила для хранения своих сокровищ. Здесь стояли фотографии отца и мамы, а также, правда в первое время, пляжное детское ведерко и лопатка, что прилетели сюда вместе с ней. Но теперь на их месте красовалась каменная *rose de sable*, подаренная ей тем самым человеком, кому она хотела бы адресовать свой вызов.

Лиз взяла камень, охватив его ладонями так же бережно, как брал его Роджер.

«Бережное отношение, справедливое отношение, немного участия — вот и все, что мне нужно от него», — говорила она себе. Но неужели только это и ничего больше? Лиз почувствовала, что боится ответа на этот вопрос.

Глава 4

Словно по молчаливому предписанию Роджера Йейта, согласно которому требовалось некоторое время, чтобы дать улечься чувству обиды, Бет в течение нескольких дней не приходила к Лиз. А когда она наконец появилась, это была вновь та самая беззаботная, ни в чем не повинная Бет, и Лиз пришла к выводу, что любая попытка высказать ей хоть какие-то упреки будет равносильна попытке наказать пуховую подушку.

Бет ничего не отрицала и не оправдывалась. Нет, конечно же по-настоящему она тогда нисколько не устала. Ведь ей не нужно объяснять Лиз, как она, Бет то есть, любит помогать другим? Просто тогда она неожиданно почувствовала, что у нее кружится голова, вот и все. Но она даже не представляла себе, что могла упасть со стремянки, до тех пор, пока Роджер не настоял на своем и, взяв ее как ребенка на руки, опустил на пол! И конечно же она сказала ему, что, по ее мнению, Лиз, будучи новичком в пустыне, — и это ей в вину ставить никак нельзя! — не имеет представления о том, как здешний климат ослабляет способность выдерживать физические нагрузки, особенно у тех, кто не получил соответствующей подготовки, сражаясь с соперниками на школьном поле для хоккея на траве или делая перед завтраком физические упражнения на бодрящем северо-западном ветру...

Простодушная и кроткая Бет заключила свое повествование:

— И вслед за этим Роджер затолкал меня в дом, пробормотав что-то вроде: «Ну, сейчас эта девица по имени Лиз Шепард у меня получит; она намерена превратить тебя в раба на галере!» — и устремился на крышу к тебе. Лиз, я не могла остановить его, правда, не могла! Ведь ты же знаешь,

каким властным и непримиримым становится он, когда дело касается меня, не правда ли?

Найдя, что гораздо проще согласиться с ней, чем продолжать полемику, Лиз безучастно ответила: «Да». Так или иначе, для нее больше не имело значения, лжет Бет или не лжет. Однако это произошло вовсе не потому, что время охладило ее негодование! Просто Лиз подозревала, что, кто бы ни был прав, в споре с ней Роджер Йейт всегда будет вставать на сторону Бет. И хотя это обстоятельство причиняло боль, бороться с ним она не могла.

Постепенно Лиз приноровилась к новому образу жизни, следуя порядку, заведенному отцом, и лишь в немногих случаях несколько переиначивая его, предварительно получив родительское согласие.

Например, отец и слышать не хотел о том, чтобы она занялась закупкой продуктов и приготовлением пищи для них обоих. Условия, на которых Эндрю снял дом, предусматривали, что он будет пользоваться услугами поваров гостиницы, и отказываться от этого пункта соглашения не было смысла. Однако он предоставил Лиз полную свободу заказывать блюда по своему усмотрению и даже пошел на компромисс, разрешив ей готовить завтрак, состоявший из горячих булочек и кофе. Временами честолюбие подвигало Лиз на приготовление нехитрой вечерней трапезы, но, как правило, ее обязанность заключалась только в том, чтобы заказать обед или ужин и проследить за тем, чтобы он был своевременно подан. И хотя «ведение хозяйства в доме папы» Лиз представляла себе совсем не так, она с грустью признавалась себе, что премудростям домоводства ей еще нужно учиться и учиться.

И здесь неоценимую помощь и поддержку девушке оказала Дженайна Карлайен. На кухне Дженайны и под ее искусным руководством Лиз, готовя еду, могла экспериментировать сколько угодно.

— И что особенно прекрасно, — с благодарностью говорила она Дженайне, — так это то, что, объяснив, как и что надо делать, вы не дышите мне в затылок, повторяя: «Ты все делаешь неправильно!» Вы даете мне возможность сперва закончить дело и только потом говорите, где я ошиблась и почему.

Дженайна улыбнулась:

— Это потому, что, согласно моей теории, некоторые люди лучше всего учатся на собственных ошибках. Особенно те, кого можно назвать несколько своенравными...

— Это я-то своенравная? Вы что же, считаете меня упрямой? — потребовала Лиз ответа.

— Да нет, — улыбнулась Дженайна. — Но ты боец. Как мне кажется, принимаясь за любое дело, ты стремишься сразу взять быка за рога. И я считаю, что ты из тех, кто скорее предпочтет всякий раз начинать с нуля, но не позволит, чтобы его осторожно вели за руку от одного этапа к другому.

— Да, пожалуй, так, — согласилась Лиз.

Хорошенько поразмыслив, девушка решила, что, раз уж она не может быть настоящей хозяйкой в доме отца, ей нужно стать ему верным другом. Что сказал Роджер Йейт о том, чего не хватает отцу? «Войдя в дом, услышать слова привета от родного человека» или что-то в этом роде. Значит, ей, как и положено родному человеку, нужно всегда быть дома, когда папа возвращается с работы. Сделать это не всегда было просто, поскольку рабочий день у отца был ненормированным, тем не менее Лиз ухитрилась справиться с этой задачей, и ее щедро вознаграждало радостное «Привет, Лиз!», произносимое отцом, а также атмосфера уюта и покоя, воцарявшаяся, когда они оставались вдвоем.

Отец сдержал обещание и несколько раз приглашал Лиз поужинать в клубе, где она познакомилась с другими служащими нефтяной компании «Пан-Сахара», и с молодоженами, что квартировали в Тасгале, и с приехавшими на отдых холостыми мужчинами с участков нефтедобычи. А когда до приема в честь новоселья остались считанные дни, Эндрю в первый раз взял с собой дочь на нефтяные прииски.

Так Лиз впервые оказалась в пустыне. Они ехали по той дороге, которую она видела из иллюминатора самолета. За пределами европейских кварталов дорога петляла между цепочками хаотично разбросанных хижин, где женщины, сидя на пороге, пряли шерсть и где каждая до слез маленькая заплатка чахлого огорода ограждалась частоколом из выбеленных солнцем лошадиных ребер, служивших защитой от дурного глаза. Доносившийся со всех сторон собачий лай отмечал прохождение их машины. Этот хор дополнялся кудахтаньем домашней птицы, обитавшей в курятниках, расположенных на крыше каждого

дома. То там то тут баран, мул или верблюд терпеливо шагали по кругу, приводя в движение примитивное водяное колесо колодца; затем потянулись пыльные пальмы, дома стали встречаться все реже и реже, и, наконец, дорога превратилась во взбегавший на холмы каменистый путь, по обе стороны от которого лежала пустыня, голая, без единого деревца, и ослепительно яркая.

Проезжая часть дороги представляла собой твердую, хорошо укатанную поверхность, границы которой первые несколько километров отмечались сложенными из камня турами. Эндрю вел машину быстро и уверенно.

— То, чего нужно больше всего опасаться в пустыне, называется феч-феч, — рассказывал он дочери. — Это рыхлый песок, покрытый тонкой корочкой из расплавленных солнцем песчинок. Если ты заедешь в феч-феч на машине, тебе придется выкапывать ее фут за футом, не сказать, дюйм за дюймом. Единственное, чем выдает себя феч-феч, это цветом — он немного отличается от плотно слежавшегося песка, но увидеть разницу сможет только человек с опытом.

— Но на нашем пути ничего такого нет? — забеспокоилась Лиз.

— Через год-два поверхность дороги здесь будет не хуже, чем на шоссе в Англии. Единственное, что досаждают, — это барханы, они внешне похожи на небольшие прибрежные дюны. В некоторых местах барханы постоянно перемещаются, сужая дорогу. Но их всегда можно объехать или проехать прямо через них — они не представляют большого препятствия.

— Не больше, чем об-ыч-ны-е у-ха-бы? — едва смогла выговорить Лиз, поскольку автомобиль на большой скорости выкатился на каменистый участок дороги.

Эндрю захохотал:

— Прости, Лиз! Я вовсе не хотел подвергать тебя риску разбить голову. Но послушай, а может быть, ты хочешь сама повести машину? Здесь вполне безопасно, и ты сможешь ехать настолько медленно, насколько сочтешь это необходимым, а заодно приобретешь навык управления «лендровером» на тот случай, если тебе придется сесть за руль в какой-то критической ситуации.

Они поменялись местами. В Англии Лиз выдержала экзамен на право управления только небольшими автомобилями, но выяснилось, что эта машина была не менее послушна и

девушка смогла вести ее с той же скоростью, с которой они ехали раньше, когда за рулем сидел отец.

Эндрю огляделся.

— Полпути проехали, — сказал он. — Теперь разреши мне сесть за руль, поскольку нас ждет довольно сложный спуск в вادي.

Крутой спуск протяженностью в километр привел их к руслу пересохшей реки, где росло несколько чахлых пальм. Затем машина снова полезла вверх, и, когда они вновь оказались на открытом пространстве, Эндрю неожиданно крикнул:

— Смотри!

Лиз посмотрела туда, куда он указывал, и от необыкновенного зрелища у нее перехватило дух. Где-то на линии горизонта, вырисовываясь черными силуэтами на фоне жаркого марева неба, тянулась цепочка навьюченных верблюдов, которых погонщики вели с востока на запад. Лиз смотрела на них и чувствовала, как в горле встает ком. И когда Эндрю сказал: «Это караван берберов, он везет соль и финики на ближайший базар», она тут же запротестовала:

— Да нет же! Это сказка, настоящая пустыня — такая, какой каждый представляет ее себе!

Отец внимательно посмотрел на дочь:

— Да, именно сказка, а не суровая действительность без прикрас. И отнюдь не то будущее, на которое мы надеемся и которое со временем, если бог даст, построим своими руками. — Тут он сделал паузу и вдруг спросил: — Лиз, ты еще не рассталась со своими иллюзиями? Не передумала?..

— Мне не с чем расставаться, папа. Видишь ли, я и не ожидала многого.

— И у тебя нет сожалений, о которых бы стоило поговорить?

— Нет никаких сожалений.

— Очень хорошо, Лиз. Я счастлив слышать это.

Тыльной стороной ладони Эндрю осторожно провел по щеке дочери, и они улыбнулись друг другу, чувствуя полное согласие, установившееся в их душах.

Наконец перед ними выросли трубы и вышки нефтяных скважин, этакий черный лес, созданный человеком. Когда подъехали ближе, Лиз смогла различить ряды белых плоских домиков, служивших жильем для бригад специалистов, круглосуточно работавших на буровых площадках.

Эндрю остановил машину у постройки, которая отличалась от остальных:

— Вот мы и приехали, Лиз.

Царившая в административном корпусе атмосфера довольно вольного отношения к субординации позволила Лиз быстро освоиться с обстановкой. Сотрудники, и те, что встречались ей в коридоре, и те, что сидели за письменными столами, были молоды, но чувствовалось, что все они мастера своего дела, квалифицированные инженеры, геологи или проектировщики, которым поручена ответственная работа.

Их желание быть представленными Лиз ужасно льстило ей, и если бы она пожелала, могла бы иметь в своем распоряжении десятки молодых людей, сопровождающих ее во время экскурсии по участку. Но выбор Эндрю пал на Криса, геолога, под командой которого работала группа, контролировавшая изменение сейсмических условий бурения. Молодой человек туманно объяснил Лиз, что они «фиксируют принимаемые датчиками сейсмические толчки и докладывают о них».

Крис («Кристофер Херриот Рэмсей Йен Соупер — думаете, я вам просто Крис?») был голубоглазым, пухлым и немногословным. Расспросив его, Лиз узнала, что ему частенько приходилось выезжать в пустыню на расстояние до сотни километров, и как правило, на несколько дней и ночей подряд. Но, не желая рассказывать о трудностях этих поездок, Крис очень терпеливо и самым подробным образом объяснял ей все, что касалось работы и жизни на участке, и ониладили самым лучшим образом.

Он показал девушке оснащенные двойными стенами вагончики, рассчитанные на двух постояльцев каждый; современный кинозал, огромные насосы, которые из самого сердца Сахары качали теплую пресную воду для кухни и душа; гудящие генераторы, дававшие электроэнергию для участка, и просторную столовую, больше похожую на обеденный зал какого-нибудь океанского лайнера.

Но когда речь зашла о том, чтобы побывать непосредственно на буровой, Крис с сомнением оглядел накрахмаленное до хруста зеленое изящное платье своей спутницы.

— Послушайте, — сказал он, — а вы не прихватили с собой комбинезон или какую-нибудь спецовку?

— Нет, а зачем?

Крис поморщился.

— Грязно, — пояснил он. — Там все залито буровым раствором и нефтью. От них нет защиты, и инженеры, которые часть своей жизни проводят там, где все это льется рекой, вынуждены постоянно ходить в сапогах, как гонцы-сороходы из сказки. Однако, — Крис окинул девушку взглядом, — мы с вами примерно одного роста, а у меня есть кое-какое боевое обмундирование. Вам оно, конечно, будет великовато, зато сможет защитить. Сапоги тоже есть. Правда, не мои, а моего соседа по вагончику. У этого парня небольшой размер обуви, а он в настоящее время отдыхает в Тасгале. Ну как, мне сбегать за ними или вы пойдете со мной к вагончику и подождете, пока я их там разыщу?

— Я пойду с вами, — ответила Лиз.

Несколькими минутами позже, к удовлетворению Криса, она была облачена в белый рабочий комбинезон, высокие сапоги и в качестве логического завершения наряда — в шахтерскую каску. Отступив на шаг, Крис с одобрением оглядел девушку.

— Не могу сказать, что испытываю тоску по родине, — сказал он, — однако в этом наряде вы настолько похожи на нашу королеву, собирающуюся спуститься в угольную шахту, что я близок к тому, чтобы испытать нечто подобное. А если учесть, что вы тоже Елизавета...

— Да. Но меня всегда зовут Лиз, и я уверена, что королеве вряд ли польстит подобное сравнение. И ей-богу, я уверена, что ее шлем был более тщательно подобран по размеру. Мой же сползает из стороны в сторону, стоит мне повернуть голову, вот, посмотрите!

Расхохотавшись, они вышли из вагончика как раз в то время, когда мимо них промчался автомобиль и остановился неподалеку. Проезжая, водитель дважды посмотрел в их сторону, а когда он вышел из машины, Лиз узнала в нем Роджера Йейта. Он поднял руку в знак приветствия.

— Это доктор Йейт, — шепнул Крис, хотя в этом не было никакой необходимости. — Думаю, он приехал, чтобы осмотреть Тэнди. На днях парень играл в крикет и растянул сухожилия, но, надеюсь, госпитализация не понадобится. Когда у нас кто-то заболевает по-настоящему, шеф связывается с «Отцом Фуко». Так называется больница в Тасгале. Но

вы, конечно, знаете о ней. И, наверное, с самим Йейтом знакомы?

— Да. Как только я приехала, у отца случился приступ малярии, и доктор Йейт лечил его.

— Я слышал, — кивнул Крис. — Хороший он парень, этот Йейт, как по-вашему? Хотя с дураками особенно не церемонится.

— Да и с мошенниками тоже.

— С мошенниками? — переспросил Крис с удивлением и рассмеялся: — А об этом-то вы откуда знаете?

— Я имела в виду его отношение к тем людям, которых он не одобряет.

— Но не станете же вы утверждать, что вам довелось испытать на себе его плохое отношение? Вот уж никогда не поверю! Давайте будем считать, что вы догадались об этом благодаря своей необыкновенно развитой интуиции. Едва ли доктор Йейт осмелился критиковать вас. Думается, никто на это не осмелится. По крайней мере, из числа мужчин...

Комплимент был так по-мальчишески наивен, что даже при всей непродолжительности их знакомства Лиз была не в силах обидеться на Криса. «Он очень мил», — решила девушка. Дружеское восхищение Криса Соупера было для нее бальзамом, смягчившим приступ острой боли в сердце при воспоминании о Роджере Йейте, — ведь мнение этого человека значило для нее гораздо больше, чем хотелось бы.

Крис оказался прав. На буровой все было залито толстым слоем пенящегося раствора, и все, кто работал там, улыбались Лиз сквозь слой глины, налипшей на их лица. На четвертой вышке она зачарованно наблюдала за тем, как проводилась замена гигантского бура, выработавшего свой ресурс.

Крис тем временем пояснял:

— Пока что пройдено три тысячи метров и, возможно, придется пройти еще тысячу, прежде чем мы доберемся до нефти. Бурение тут не прекращается ни днем ни ночью. Люди очень устают. Мы все мечтаем об отпуске.

— Кстати, а когда настанет ваш черед отдыхать?

— В следующую пятницу, слава богу. Поеду в Тасгалу, поживу в гостинице... Послушайте, Лиз... — Крис переступил с ноги на ногу и уставился в пол. — Пока я буду там, не могли бы мы встретиться как-нибудь вечером?

— С удовольствием, — улыбнулась девушка. — А в качестве ответного жеста позвольте пригласить вас на неболь-

шую вечеринку, которую устраиваем мы с папой. — И она рассказала про «новоселье».

Приглашение было с готовностью принято.

На обратном пути Лиз спросила:

— А вы все свои отпуска проводите в Тасгале? Или возвращается в Англию?

— Нет, только не в Англию. В прошлом году я побывал на Ривьере.

— Вы говорили, что сейчас вовсе не скучаете по Англии. Это на самом деле так? — усомнилась Лиз.

— Сперва скучал, конечно, — вздохнул Крис. — А теперь нет.

— Но разве у вас там никого не осталось?

— Из родных — только дед. Еще была... Однако это совсем другая история. — Крис помолчал, но все же решил продолжить: — У меня была девушка, по которой я сходил с ума. Но все закончилось еще до того, как я уехал из Англии, так что и по этому поводу у меня нет особых причин возвращаться обратно.

— Прошу меня извинить, — смутилась Лиз, — у меня не было намерения совать нос в вашу личную жизнь.

Однако она почувствовала, что сердечные переживания, столь похожие на ее собственные, незримо связали ее с Крисом.

— Не извиняйтесь, — ответил он. — Так часто бывает в жизни. Мы с Дженни вовсе не поссорились. Просто я не соответствовал представлениям ее родителей об идеальном зяте. Видите ли, она была несовершеннолетней. И когда я в последний раз пошел повидаться с ней, ее даже не выпустили из дома. Дженни отправили в другой город, а ее мамаша заявила мне, что с моими карьерными перспективами и отсутствием источников дохода меня нельзя считать достойным избранником и что мы с Дженни больше никогда не увидимся. Я ничего не мог поделать. Ее адреса у меня не было, и я решил подписать контракт на работу здесь. Я говорил себе, что, если она захочет, найдет способ отправить мне весточку. Однако она не захотела и не писала мне в течение двух лет.

— Но может быть, родители запретили ей писать вам? — предположила Лиз.

— Может быть, — пожал плечами Крис. — Она послушный ребенок, хотя я надеялся, что не до такой сте-

пени. Но за два года много воды утекло, и теперь я не жду, как бывало, когда придет почта. Как я уже сказал, такое в жизни случается.

— Мне очень жаль. То есть я хочу сказать, мне жаль, что, возможно, вы так и не узнаете, почему она не написала вам.

После таких откровений ей показалось, что будет вполне естественно рассказать ему про Робина, и она сделала это с такой беспристрастностью, как если бы говорила не о себе.

А потом Крис сказал просто и искренне:

— Спасибо, Лиз. По-моему, эти признания сблизили нас. Мы с вами оба свободны от сердечных привязанностей.

Девушка взглянула на него с благодарностью, на душе у нее потеплело. Разговор с Крисом стал утешением за глупую, несбывшуюся надежду на то, что, когда она вернется к вагончикам, машина Роджера Йейта все еще будет стоять там.

В день, когда отмечали «новоселье», Крис пришел из гостиницы пораньше и в последних приготовлениях перед приемом гостей показал себя надежным помощником. Он принес записи последних новинок танцевальной музыки, а потом отправился на «лендровере» к Дженайне одолжить оттуда на время стереопроектор по случаю праздника. Лиз, в рабочих брюках и рубашке, проследила за его отъездом, а затем, перед тем как принять ванну и переодеться, проверила все в последний раз.

Она выбрала короткое платье из бледно-желтого муслина — с юбкой, которая, сужаясь книзу, напоминала цветок тюльпана, и высокой талией, перехваченной широким кушаком из голубого крепдешина, завязанным пышным бантом на спине. Скинув грубые башмаки, совершенно необходимые в условиях пустыни, девушка с наслаждением натянула на ноги тонкие, как паутинка, нейлоновые чулки и надела босоножки с высокими каблуками-шпильками. В Тасгале нашелся великолепный парикмахер — жена одного из инженеров, прошедшая подготовку в Лондоне, в одном из лучших салонов Вест-Энда. В итоге локоны Лиз были подстрижены именно так, как ей хотелось.

Когда девушка была совсем готова к приему гостей, она не удержалась и поднялась на крышу, чтобы еще раз огля-

деть все вокруг. Сегодняшний вечер будет безлунным, и освещение в саду было устроено таким образом, чтобы гирлянда мягких огней не мешала любоваться сиянием звезд. И хотя сейчас было еще только начало вечера, световой эффект привел Лиз в восторг. Выключив освещение, она стала спускаться по лестнице.

Даже позднее Лиз так и не смогла понять, как же это случилось, что, находясь на предпоследней ступеньке, она потеряла опору — то ли каблук провалился в щель, то ли в сумерках она неверно оценила расстояние до земли. Так или иначе, девушка прыгнула в пустоту, приземлилась очень неудачно и, испытывая резкую боль, пронзившую левую щиколотку, была вынуждена ухватиться за перила.

Чтобы не расплакаться, она принялась свирепо бранить лестницу:

— Значит, вот ты как! Будто бы я ни разу не спускалась и не поднималась по тебе до этих пор...

Щиколотка распухла, но острая боль сменилась тупой и несильной. Лиз прикинула, что, если до того, как вернется отец, а Крис привезет проигрыватель, она спокойно посидит, приложив к ушибленному месту что-нибудь холодное, можно будет не упоминать о случившемся. Ведь если об этом узнает папа, он засуетится и повезет ее на перевязку, а она ни за что не станет ковылять с перебинтованной ногой среди гостей или же, подобно старенькой бабушке, весь вечер сидеть неподвижно!

К большому облегчению Лиз пакет со льдом сотворил чудо, и, когда вернулся отец, она уже могла ходить не хромая. Вместе с Крисом приехала Бет, одетая в белое, как у принцессы, платье, которое подчеркивало грацию юной феи; Дженайна должна была приехать своим ходом позже. Вскоре начали собираться и другие гости, а по мере того как празднество приобретало все более широкий размах, Лиз почти забыла о больной щиколотке.

Разбитый на крыше сад вызвал всеобщий восторг. Это обрадовало Лиз сверх всяких пределов, однако вскоре девушка услышала, как Бет бесхитростно объясняет кому-то, что это именно она убедила Лиз выдержать все в мягких цветовых тонах, а освещение сделать приглушенным. Бет не принимала никакого участия в планировке сада на крыше! Но для того чтобы возмущаться поведением Бет в течение долгого времени, Лиз была слишком счастлива и слишком

увлечена своими обязанностями хозяйки дома. Во всяком случае, это был ее праздник, ее и папы, и, когда гости от души веселятся, даже Бет не сможет его испортить.

В гостиной был устроен буфет, гости танцевали на веранде и в саду на крыше. Те, кто хотел побыть в одиночестве, могли уединиться в тени этелей и акаций, что росли вокруг гостиницы, а месье Симон предоставил комнату на случай переизбытка гостей. Но в большинстве своем общество разбилось на группы по интересам, гости переходили из одной в другую, болтали, танцевали или просто глазедали на то, что происходило в доме и вокруг него.

Разгуливая среди приглашенных (больная щиколотка напоминала о себе ноющей болью, но не мешала веселиться), Лиз натолкнулась на Бет и Эндрю, которые беседовали с Роджером Йейтом, незадолго до этого приехавшим на вечеринку.

Йейт принес девушке стул и наклонился, чтобы дать прикурить от своей зажигалки. После той размолвки на крыше они впервые встретились лицом к лицу, и Лиз, почувствовав на себе его пристальный взгляд, подумала, не означает ли этот немой вопрос желание узнать, оправилась ли она от своего «взволнованного состояния» или все еще злится на Бет.

Лиз села рядом с Эндрю, и тот с любовью потрепал ее по плечу:

— Горишь на работе, да? А мы как раз говорили о тебе.

— Обо мне?

— Да. Ты уже привела дом в порядок, и я пожаловался, что не знаю, чем бы занять тебя теперь, а Йейт предложил кое-какую работу, чтобы от безделья тебя не потянуло на шалости. Ну конечно, если тебя это заинтересует...

Лиз перевела взгляд с одного мужчины на другого.

— А что нужно делать? — спросила она у Эндрю.

— Работать санитаркой в больнице «Отец Фуко», — вместо отца ответил Роджер Йейт. — Если вы уделите на эти цели один-два часа по утрам в течение нескольких дней в неделю, старшая сестра была бы вам очень признательна.

— Но будет ли от меня какая-нибудь польза? Что я должна делать?

— Все, что от вас требуется, — это проверка бинтов, раскрой марлевого полотна, взвешивание пищевого рациона в зависимости от вида диеты и комплектация лотков с перевязочным материалом, если, конечно, удостоверение, вы-

данное вам больницей Святого Иоанна, подтверждает вашу квалификацию.

— Я была бы рада помочь, — сказала Лиз, ликуя в душе. — Но вы же знаете, у меня совсем нет опыта...

— Не страшно, опыт придет. — Сказав это, Роджер обратился к Эндрю: — Ну а вы-то согласны? Можно ли Лиз попробовать себя в этом деле?

— Да, конечно, если она сама этого хочет.

Как только Эндрю встал и отошел, чтобы переговорить с кем-то еще, Бет вступила в разговор, скорчив капризную гримаску:

— Роджер, вы никогда не просили меня поработать в больнице. Что, я слишком глупа для этого или тут дело в чем-то еще?

Йейт покровительственно посмотрел на нее:

— Вы не являетесь гордым обладателем свидетельства больницы Святого Иоанна. И кроме того, я решил, что вы для этого не годитесь, — поддразнил он.

— А Лиз, значит, годится? О-о... — Остановившись на полуслове, Бет замолкла и, часто моргая ресницами, уставилась на Роджера. — Я полагаю, что под этим вы подразумеваете то самое, о чём говорили на днях.

— Возможно, так.

Лиз пристально посмотрела на Бет.

— Да, в некотором роде, — продолжала та. — Мне показалось странным, что мы, такие разные, носим одно и то же имя — Элизабет. Но Роджер ответил, что это ничего не значит и никого не поставит в тупик, ведь я — Бет, а ты — Лиз, и тут уж ничего не поделаешь.

Лиз прокомментировала все это довольно сердито:

— На мой взгляд, ерунда какая-то. «Лиз», «Бет», в чем разница?

— Ну, что такое «Лиз», он не объяснял. Так ведь? — Бет обратилась за помощью к Роджеру. — Но «Бет», по его словам, предполагает трогательную в своей беззащитности женщину. Получается, что «Лиз» — это полная противоположность ей — особа, привыкшая полагаться только на себя, ну и, как бы это сказать, основательная, словом, «Лиз» — это все то, чем не являюсь я. Если вы и на самом деле так думаете, Роджер, я думаю, это может объяснить, почему вам кажется, что она сможет оказать большую помощь, чем я, в больнице «Отец Фуко».

Лиз повернулась к Роджеру:

— Вы тоже считаете меня основательной?

Роджер спокойно встретил ее взгляд.

— Я этого не говорил, — заметил он. — Я бы мог подобрать и другие эпитеты, хотя весьма вероятно, что они понравятся вам не больше, чем этот. И если уж на то пошло, что в нем плохого? Существует масса самых различных мнений о королеве Елизавете Первой. Например, люди до сих пор спорят, была ли она излишне спесива или же просто олицетворяла верховную власть; была ли она самодержцем, коварной интриганкой или же куклой в чьих-то руках. Тут все зависит от точки зрения. Однако основательной она точно была. И есть еще нечто такое, что я всегда подозревал, — невозмутимо заключил Йейт. — Для своих лучших друзей она всегда была «Лиз», и ей это нравилось!

Обе девушки засмеялись: Бет несколько принужденно, а Лиз — с удивительным для нее самой удовольствием.

Когда смех затих, Бет заявила:

— Вы как хотите, а я по-прежнему отдаю предпочтение имени «Бет». Кроме того, Роджер, — продолжила она шаловливо, — не очень-то хорошо сравнивать Лиз с Елизаветой Первой.

— Почему же? Ей это должно льстить.

— Да нет же! — своими крохотными кулачками Бет сильно ударила Роджера по руке. — Королева Елизавета никогда не была замужем, ужасный вы человек! Да ведь вы только что предрекли Лиз безбрачие!

— Ни в коей мере, — сухо ответил Йейт.

Вдруг Бет вскочила и потянула Роджера за руку:

— Идемте танцевать, мы с вами здесь лишние — сейчас на Лиз налетит Крис Соупер и похитит ее на следующий танец. Крис — ее завоевание, разве вы не знали этого? Он весь вечер увивается возле нее, а познакомились они только вчера. Так что, может быть, вы и правы, и Лиз знает, как получить то, что ей нужно. Я много лет знаю Криса, а он ни разу не вздохнул в моем присутствии!

Под чарующие ритмы мелодии из мюзикла «Моя прекрасная леди» Бет шагнула в объятия Роджера Йейта, и они закружились в танце, оставив Лиз в глубокой задумчивости, ведь, с одной стороны, Бет определенно выиграла партию, а с другой — на этот раз Роджер был на ее стороне. Говоря об имени «Елизабет», он оставил что-то

недосказанным в присутствии Бет, и, возможно, она услышит объяснение, оставшись с ним наедине...

Лиз увидела его снова только после того, как, устав от шума, царившего в доме, выскочила на улицу и прошла туда, где три ступеньки, проделанные в насыпи, выводили на аллею, идущую от заднего фасада гостиницы. Здесь было темно и относительно тихо. Лиз присела на верхнюю ступеньку, чтобы выкурить сигарету, наслаждаясь покоем и прохладой. Но едва она сделала первую затяжку, как на аллее замерцал огонек второй сигареты и со стороны гостиницы к ней подошел Роджер.

— Привет. Вы одна?

Лиз сидела поджав ноги и обхватив колени. Для того чтобы увидеть лицо Йейта, ей пришлось задрать голову.

— Да, — ответила она, — в доме тесно, и на крыше тоже полно народу. Я вам мешаю пройти?

Девушка отодвинулась, чтобы Роджер мог спуститься по ступенькам, но тот не пошевелился.

— Успею пройти, — беспечно сказал он. — То есть пройду, как только вы будете готовы. Как вам известно, я пришел довольно поздно и еще не танцевал с хозяйкой бала.

Лиз рассмеялась:

— Вы говорите так, будто мы с папой устроили официальный прием и обязали всех приглашенных соблюдать этикет девятнадцатого века. Но это всего лишь вечеринка для друзей, в противном случае я не смогла бы сбежать от общества и насладиться тишиной.

— Хорошо, если не хотите отдать должное этикету, предлагаю совершить прогулку к границам этого парка и обратно. Решайте!

Лиз колебалась. Ей хотелось потанцевать, но и возможность остаться с ним наедине казалась очень привлекательной. По безразличному тону Роджера трудно было судить о том, что предпочитает он сам.

Оттягивая время, чтобы сыграть наверняка, Лиз откинула голову и, поднявшись, прислушалась.

— Мне кажется, там только что начали танцевать румбу, — сказала она. — Вы не хотели бы...

Но тут Судьба сделала свой выбор за нее. Продолжая говорить, девушка неловко шагнула со ступеньки на неровную площадку, и ее щиколотку пронзила такая острая боль, что она едва не закричала.

Роджер поддержал ее за локоть.

— Ну что же вы не смотрите под ноги, — укорил он. — У вас что, нога подвернулась?

Понимая, что теперь ей и шагу не сделать, чтобы не захромать, да и то ей будет не по силам, если она сперва немного не отдохнет, Лиз призналась:

— Да. То есть боюсь, что щиколотку я повредила еще раньше, а сейчас неудачно ступила на больную ногу.

— Еще раньше? Когда еще раньше? Выходит, вы весь вечер танцевали, после того как растянули связки?

— Ну да. Я...

И она рассказала Йейту о своем злосудном заболевании.

— Ладно, — раздраженно буркнул Роджер. — Оставим теоретические выкладки для вашего удостоверения по уходу за больными и перейдем к практике! Если вам не придется проходить следующие шесть недель в гипсе, считайте — повезло. А пока я должен осмотреть вашу щиколотку. Вы можете идти? Нет? Тогда опируйтесь на меня.

Но как только он закинул ее руку себе на плечо, Лиз взмолилась:

— Пожалуйста, прошу вас, только не домой. Там все начнут суетиться, и нужно будет все объяснять!

К ее облегчению, Йейт остановился.

— Хорошо, — уступил он, — вместо этого я повезу вас прямо в госпиталь, сделаю рентген, чтобы проверить, нет ли перелома, и наложу тугую повязку, если это только растяжение. А теперь...

Легко подхватив Лиз на руки, доктор Йейт отнес ее к своей машине. Включив двигатель, он предупредил девушку:

— Однако, когда я привезу вас назад, без объяснений вам все равно не обойтись.

— Да, я знаю. Но суеты будет гораздо меньше, а вы сможете сказать, что приняли решение первым делом отвезти меня в больницу, чтобы не причинять беспокойства отцу или кому-либо еще.

Йейт согласно кивнул:

— Да. И позволю себе надеяться, никто не подумает, что я решил сыграть роль Лохинвара¹ и похитил вас?

¹ Л о х и н в а р — герой «Шотландской баллады» в историческом романе «Уэверли» Вальтера Скотта (1771—1832).

Ирония, содержащаяся в последней фразе, уязвила Лиз. С той же интонацией она ответила доктору:

— Поскольку вы — это вы, а я — это я, трудно ожидать, что подобные мысли придут кому-либо в голову, не так ли?

Йейт расхохотался:

— Возможно, и не придут. Насколько я помню ту историю, как сам Лохинвар, так и дама его сердца, оба желали этого похищения. Однако давайте прекратим разговор на эту тему, не доходя до печального окончания повести. Финал может поставить нас в неловкое положение.

— Давайте прекратим, — согласилась Лиз. Неужели ему так уж необходимо подчеркнуть, что он вынужденно выступает в роли Лохинвара и что, если не считать его профессионального долга по отношению к ней, она для него не более чем досадная помеха. Но в следующую минуту, когда девушка вздрогнула от боли, доктор Йейт до основания разрушил все ее обиды своей улыбкой.

— Скоро вам станет гораздо легче, — пообещал он. — Однако на всю оставшуюся часть вечера вам уготована роль стойка-наблюдателя. Боюсь, что у вас не будет столь любезного девичьему сердцу «последнего вальса», а также прощальных поцелуев с пожеланием спокойной ночи.

Лиз смотрела прямо перед собой в бархатную темноту ночи.

— Веселее, Лиз! Будут другие ночи, другие звезды и другие рассветы, а злой рок не всегда будет преследовать вас. Не надо, не шевелитесь, я отнесу вас.

Во второй раз за последние несколько минут оказавшись у него на руках, девушка была рада, что он не может догадаться, как ей хочется, чтобы этот миг длился вечно. Ведь именно это и был тот ответ, которого она избегала ранее, — Лиз страстно и больше всего на свете хотелось почувствовать его нежность.

Глава 5

Травма оказалась простым растяжением связок, и через пару дней Лиз снова смогла ходить как ни в чем не бывало. Но вынужденное безделье предоставило ей возможность заняться анализом ситуации, в которую она сама завела себя, рассмотреть положение вещей и прийти в ужас.

Как можно постоянно ссориться с кем-то и одновременно чувствовать, что влюбилась в него? С Роббином все было совершенно не так. У нее не было никаких сомнений, что с первой минуты встречи они почувствовали волнующее влечение друг к другу. Или взять Криса Соупера, он ей сразу же понравился, с ним было легко и просто. Опять же, если ей кто-нибудь не нравился, она старалась с ним не общаться и совершенно не интересовалась, как этот человек к ней относится.

Так как же случилось, что она стала постоянно думать о Роджере Йейте, бесконечно дорожить знаками его внимания и испытывать мучительную боль от всех его ошибочных представлений о ней, постоянно переживать из-за его равнодушия и даже холодности?

Может быть, все началось с того, что она обиделась на него тогда, в самолете, когда Роджер не проявил к ней ни капли сострадания, которого она вполне заслуживала? Эта обида оказалась настолько сильной, что сразу же настроила ее против Бет, еще до того, как они познакомились.

А может, в этом-то и есть вся причина? Врожденная честность Лиз заставляла ее размышлять над этим вопросом снова и снова. Потому что если ее ничем не обоснованное враждебное отношение к Бет назвать ревностью, то это будет означать, что она, Лиз, влюбилась в Роджера, еще не зная того. Это многое объясняет. А если девушка смогла заметить то, в чем Лиз не признавалась даже себе самой, тогда, наверное, не нужно удивляться, что Бет тоже постаралась отгородиться барьером враждебности. Более того, она перешла в атаку: ее невинные на первый взгляд замечания, колкости и странное поведение в присутствии Роджера таили в себе скрытую угрозу. Бет намекала конкурентке, чтобы та держалась подальше от ее собственности.

Сцена, разыгравшаяся, когда Роджер привез Лиз из больницы, рассеяла последние сомнения.

Хотя их отсутствие и было замечено, оно никому не показалось странным, и в ответ на выражение сочувствия девушка сумела убедить всех, что ничего серьезного не произошло. Вечеринка продолжилась, гости приходили и уходили, и спокойствие Лиз смущала только Бет, отказавшаяся от танцев ради того, чтобы побыть с ней.

В это время у Лиз была масса поводов не желать общества Бет. Однако Бет затараторила:

— Нет, я настаиваю. Если я буду знать, что ты сидишь здесь в одиночестве, умру от жалости. Кроме того, я устала. И потом, должна же я продемонстрировать Роджеру, что скучала по нему, пока он бегал куда-то вместе с тобой. Ведь он ждет, что я скажу ему что-нибудь нежное, понимаешь? Хотя на самом деле я была все время в центре внимания, и на каждый танец меня приглашали, как минимум, двое кавалеров... Послушай, может, принести тебе чего-нибудь попить?

Изо все сил стараясь не выглядеть неблагодарной, Лиз отказалась, добавив при этом:

— Роджер вовсе не «бегал куда-то» со мной. Он просто предложил отвезти меня в больницу, потому что мне не хотелось портить настроение гостям, к тому же мне в любом случае нужно было сделать рентгеновский снимок ноги.

— Конечно, Роджер был обязан исполнить свой профессиональный долг по отношению к тебе.

Чувствуя себя уязвленной, Лиз парировала этот выпад:

— А что, если бы это была прогулка с отнюдь не профессиональными целями, у тебя было бы право возражать?

В ответ на это Бет рассмеялась:

— Разумеется, только неофициально. В наших отношениях нет ничего определенного. Так что Роджер волен ходить с кем и куда угодно. Но я не была бы женщиной, если бы меня все это не беспокоило. Видишь ли, он приучил меня до такой степени полагаться на него, что, боюсь, я даже представить себе не могу, что он посмотрит на кого-то еще. В определенном смысле посмотрит, я хочу сказать. Что касается вопросов профессии — это совсем другое. И уж конечно, это совсем другое во всем, что касается тебя, Лиз.

Лиз нашла спасение в иронии:

— Значит, ты говоришь, совсем другое. И как же это тебе удалось установить?

— Как? Да очень просто — для хороших отношений между тобой и Роджером вы слишком часто находитесь друг с другом на ножах. Позволю предположить, ты и сегодня тоже не вызвала у него симпатии, из-за того что часами ходила и танцевала с этой своей больной ногой. И я знаю тебя, Лиз. Для того чтобы постараться и использовать с целью увеличить свои шансы свалившуюся на вас обоих долгую встречу один на один, ты слишком уравни-

вешенна. Я знаю девушек, которым это по плечу. Но у тебя слишком развито чувство собственного достоинства, тебя испугает вероятность получить от Роджера щелчок по носу. Да и зачем тебе Роджер, когда всего за пару свиданий ты превратила в своего раба Криса Соупера? Кстати, вот он идет сюда, и чем еще это может быть, как не намеком для Бет, что ей пора уходить?

Лиз задумчиво посмотрела ей вслед, а поскольку Крис был куда более приятным собеседником, она приветствовала его с радостью. Его нескрываемое стремление составить ей компанию конечно же не могло служить утешением, в котором нуждалась Лиз. Однако его общество целительно подействовало на ее израненную гордость, создало атмосферу дружеского веселья, и, хотя девушка понимала, что не следует внушать ему ложные надежды, она не могла скрыть искреннюю симпатию.

Когда вечеринка подошла к концу и Крис пожелал девушке спокойной ночи, Лиз повторила свое обещание, что если больная нога не будет ее беспокоить, то она сходит с ним куда-нибудь еще до конца его отпуска. А поскольку Роджер верил в современные методы лечения и считал, что при растяжении связок избыточное состояние покоя приводит к потере гибкости сустава, молодые люди условились о свидании в последний вечер перед тем, как Крису нужно будет возвращаться на буровую.

В тот вечер Эндрю обедал в гостинице с чиновником из высшего руководства нефтяной компании «Пан-Сахара», который приехал в Тасгалу с обычной инспекцией. Поэтому Крис и Лиз пообедали в клубе, потом один-два раза потанцевали и позже присоединились к компании, ужинавшей на открытом воздухе у кромки плавательного бассейна. К дому Лиз они пришли около полуночи. Эндрю возвратился еще до их прихода, о чем свидетельствовали полосы света, пробивавшегося через щели в ставнях гостиной.

— Может, зайдешь и поболтаешь с папой? — спросила Лиз и потянула молодого человека за собой в дом.

Однако, поднявшись на веранду, она остановилась, чтобы прислушаться к приглушенному шуму голосов, доносившемуся из комнаты, а затем повернулась к Крису.

— Похоже, у папы гости, — сказала она. — Будем заходить к ним или нет?

— Не будем, — быстро ответил Крис. — Я хочу сказать... Мне бы лучше пожелать тебе доброй ночи прямо здесь. Ты не возражаешь?

— Нет, конечно. Но разве ты не хочешь зайти и чего-нибудь выпить?

— Нет, только не в обществе из четырех человек, один из которых — большая шишка, а второй — твой отец. Мне хотелось бы закончить этот восхитительный вечер только с тобой, без посторонних. Лиз... — Крис подошел ближе и взял девушку за руку. — Скажи, тебе тоже понравился этот вечер?

— Ты же знаешь, что понравился, — совершенно искренне ответила она. — Ты подарил мне чудесный праздник.

— И вскоре мы повторим его или придумаем что-нибудь еще, ладно?

— Да, мне бы очень хотелось этого. И еще раз большое тебе спасибо за сегодняшний вечер, Крис.

По представлениям Лиз эти слова должны были прозвучать как намек на то, что пора идти по домам. Однако Крис не собирался отпускать ее руку.

— Тебе не нужно благодарить меня, — сказал он, — мне хотелось бы только одного: чтобы наш вечер не кончался. Кроме того, теперь какое-то время мне, наверное, не удастся увидеться с тобой. Поэтому... Можно я тебя поцелую?

— О-о, Крис, — слабо запротестовала Лиз. Кое-какие основания для того, чтобы обменяться прощальным поцелуем, тем более что просьба о нем была такой робкой, в их отношениях уже существовали. Однако Лиз не желала, чтобы Крис целовал ее в губы, каким бы мимолетным этот поцелуй ни был. — Крис, — взмолилась она, — пожалуйста, не надо. Я хочу сказать, мы не... то есть мы еще не...

— Лиз... После моего разрыва с Дженни ты единственная заставила биться мое сердце сильнее. Поверь, это правда. О-о, Лиз...

В следующее мгновение девушка оказалась в его объятиях, он покрыл поцелуями ее лицо и шею, беспрестанно повторяя шепотом ее имя.

Как только представилась возможность, Лиз, пытаясь оттолкнуть Криса, уперлась обеими руками ему в грудь. Но едва она сделала это, как их фигуры залил поток све-

та, а в проеме двери, что вела в гостиную, появились Эндрю и его гость.

Вздвогнув, Лиз и Крис шарахнулись друг от друга, чувствуя себя нашкодившими детьми. Крис поправил съехавший на сторону галстук, а Лиз, мучительно покраснев, перевела взгляд с отца на его гостя и увидела, что это был вовсе не высокопоставленный чиновник, а Роджер Йейт!

Последовала немая сцена. Все застыли, словно выступали в роли героев живой картины. Затем были произнесены все подобающие в подобных случаях слова, Лиз услышала, как Крис сказал, что ему рукой подать до гостиницы, и отказался от предложения Роджера подвезти его, а после этого она перестала воспринимать действительность и, очнувшись наконец, обнаружила, что, кроме них с отцом, в доме никого нет.

— Хорошо провела вечер, Лиз? — спросил Эндрю, всем своим видом показывая, что занят изучением напитка в стакане.

— Да, очень хорошо. — Девушка подробно рассказала, как прошел вечер, добавив напоследок: — Я думала пригласить Криса в дом, но не стала этого делать — мы подумали, что у тебя все еще находится сэр Грегори Фиш.

Эндрю усмехнулся, глядя на нее поверх ободка своего стакана:

— Сэр Грегори полагает, что хорошие люди редки и их нужно беречь. По этой причине он вскоре после обеда отправился на боковую, с тем чтобы набраться сил для завтрашнего полета на север. В результате я оказался в полном одиночестве. Затем в гостиницу пришел Йейт, чтобы осмотреть одного из служащих, и я предложил ему заглянуть ко мне выпить чего-нибудь. Я думал, что мы услышим шум мотора, когда Крис привезет тебя обратно, но все было тихо.

— Он оставил свой джип возле гостиницы, и мы дошли сюда пешком. — Лиз смущенно потупилась. — Мы только-только пришли, и Крис уже уходил, когда... когда он прощался.

— Понятно. Ну что ж, извини за вторжение, Лиз. Как мне представляется, когда Йейт и я вышли из гостиной, Крис как раз был занят тем, что прощался?

— Да.

— И он прощался, не жалея сил, не так ли?

— Да. Хотя нет, папа, мне кажется, это скорее так выглядело. Но на самом деле все было по-другому. Он поцеловал меня... по-дружески.

— Хорошо, Лиз, — поставив стакан, Эндрю нежно обнял ее за плечо, — я знаю, мне не следует расспрашивать тебя об этом. Ты слишком честная девушка, чтобы пускаться в такие авантюры, и я бы сказал, что Крис Соупер тоже заслуживает доверия. Значит, это был всего лишь прощальный поцелуй, который слегка затянулся и оттого выглядел более страстным, чем был на самом деле? Вот и хорошо. Во всяком случае, если кто-то и должен приносить извинения, так это мы с Йейтом. Непрошеным зрителям не следует критиковать то, что не было предназначено для них, верно? И еще, Лиз, — Эндрю дождался, когда Лиз посмотрит на него, — случилось так, что Крис Соупер — один из немногих здешних парней, против твоей дружбы с которым я никак не стал бы возражать. Роджер Йейт — второй, но я, увы, не имею права диктовать тебе свою волю... Однако, дочка, на сегодня хватит. Отправляйся в постель, и сладких тебе снов!

Лиз легла спать, чувствуя себя глубоко несчастной. Она никак не могла забыть то полное безразличие, которое продемонстрировал Роджер Йейт, увидев ее в объятиях Криса.

На следующее утро девушка получила доставленное с оказией письмо от Криса, которое тот написал на рас свете, перед тем как уехать на участок нефтедобычи. Найдя письмо в прихожей, Эндрю отдал его Лиз и не сказал ни слова, когда она отложила послание в сторону, чтобы прочитать его, когда останется одна. Во время завтрака, состоявшего из кофе и булочек, они говорили о самых разных вещах, и, только собравшись уходить, чтобы доставить сэра Грегори Фиша на аэродром, Эндрю сказал:

— Да, кстати, Йейт говорил мне, что он уже побеседовал со старшей медицинской сестрой о твоей работе в больнице. Можешь заглянуть туда сегодня утром, конечно, если у тебя нет других дел.

Когда отец ушел, девушка прочла послание Криса. Оно гласило:

«Лиз, дорогая, прошу меня извинить за вчерашний вечер. Ты не хотела, чтобы произошло то, что произошло, а я, клянусь, не знал, как будут развиваться события, пока все это не случилось. Но я был так счастлив в тот вечер с тобой и на самом деле поверил, что ты точно так же освободилась от былых привязанностей, как и я. Если это не так либо если ты больше не хочешь видеть меня, пожалуйста, разреши мои сомнения. Я постараюсь понять тебя. А если ты считаешь меня всего лишь неуклюжим увальнем — что ж, прошу прощения и обещаю, что не стану вовлекать тебя ни в какие истории, если только ты согласишься встретиться со мной во время моего следующего отпуска. (Я и надеяться не смею, что ты снова приедешь на буровые. Для меня это было бы счастьем!) Но так или иначе, все, что я сказал тебе вчера вечером, остается в силе, и, если ты захочешь оказать мне милость и черкнуть пару строк, почта к нам приходит с вечерним транспортным конвоем.

К.»

Лиз медленно сложила письмо и достала чистый лист бумаги. Промучившись полчаса, она наконец сочинила ответное послание:

«Дорогой Крис, тебе не нужно винить себя за то, что произошло прошлым вечером. Если бы нам не помешали, мы смогли бы поговорить и я объяснила бы, как отношусь к нашей дружбе, которая, надеюсь, не закончится. Обязательно дай мне знать, когда снова окажешься в Тасгале.

Лиз».

Перечитав написанное, Лиз осталась недовольна. Ведь рано или поздно настанет день, когда ей придется честно сказать Крису, что их дружба не перерастет в нечто большее, так зачем же откладывать? Однако Лиз не могла обмануть его надежду на ответное письмо, поэтому положила листок в конверт, запечатала и по пути в больницу занесла его в экспедицию местного управления нефтяной компании «Пан-Сахара».

Старшая медицинская сестра оказалась монахиней с внимательным взглядом, красивыми руками и выразительным голосом. На безупречно правильном английском она поблагодарила Лиз за предложенную помощь и сказала:

— Надеюсь, вы понимаете, что мы сделаем из вас то, что в вашей стране называется «прислуга на все случаи»? Возможно, эта работа не потребует применения профессиональных знаний, но при этом ваша помощь все равно окажется неоценимой.

Лиз улыбнулась:

— Доктор Йейт уже объяснил мне это. И коль скоро у меня нет настоящего опыта по уходу за больными, стало быть, я не смогу думать, что растрачиваю то, чем не обладаю, не так ли?

— Со слов мистера Йейта я поняла, что если не опыт, то качества, необходимые медицинской сестре, у вас есть.

Щеки Лиз вспыхнули румянцем.

— Доктор Йейт очень добр, — пробормотала она.

Старшая сестра только покачала головой:

— Нет, он скорее проницателен. Однако, дитя мое, раз мы с вами договорились, что вы поможете нам при выполнении лишенных всякого флера романтики дел, мне хотелось бы знать, когда вы сможете приступить к исполнению обязанностей?

Было условлено, что Лиз будет пять дней в неделю приходить каждое утро в больницу и работать до полудня. Домой девушка вернулась с целой кипой спецодежды и вечером устроила для отца демонстрацию больничной моды.

— Должен признаться, — сказал он после этого, — что Провидение, облачившее медицинских сестер в белые одежды, знало, что делает!

— Ты хочешь сказать, что такая одежда добавляет очарования даже самым некрасивым из нас?

— Наоборот, я хочу сказать, что она делает всех вас такими восхитительными, что один только ваш внешний вид — и тот заставит мужчину выздороветь как можно быстрее!

— Но ведь медицинские сестры ухаживают не только за мужчинами.

— Не надо спорить по мелочам! В основе моих доводов лежат данные статистики. Ты посмотри, сколько мужчин женились на медсестрах, ухаживавших за ними, не говоря уж о всех тех, кто хотел бы поступить так, если бы их не обогнали доктора, первыми пришедшие к финишу!

Как и было условлено, в больнице Лиз исполняла обязанности то курьера, то сиделки или же подменяла медсестер,

как только в палатах возникала нехватка персонала. Временами ей случалось дежурить на коммутаторе больницы в качестве телефонистки; другие дни она проводила, собирая по палатам корзинки, с тем чтобы в больничной аптеке в них были положены лекарства, необходимые больным. Несколько реже девушке доводилось помогать при перевязке, а время от времени ей поручалась более ответственная работа — уход за детьми.

Такие задания больше всего нравились Лиз. Сестра Олавия, под опекой которой находилось детское отделение, была розовощекой монахиней, наполовину француженкой, наполовину ирландкой. С находившимися в подчинении медсестрами из числа мирян она говорила на французском языке, с Лиз общалась на английском, с ярко выраженным протяжным ирландским акцентом, а со своими малолетними пациентами — на полудюжине диалектов Сахары.

Родителями заболевших детишек были погонщики верблюдов, купцы из кочевников и ремесленники, которые каждое утро устанавливали свои лотки на рынке. Дети в больницу поступали с самыми разными недугами, от ожогов до змеиных укусов, а по мере усиления летней жары здесь появились и более тяжелые больные — жертвы эпидемий желудочно-кишечных инфекций. На первых порах все дети либо дичились, либо боялись и потому были очень робкими. Но нежная забота и веселые шутки сестры Олавии быстро находили отзыв в их душах, способствуя эффективному излечению.

Лиз приступала к своим обязанностям начиная с восьми часов утра и работала до полудня, а затем возвращалась домой как раз вовремя, чтобы посидеть за ленчем вместе с Эндрю. Или же, как это случалось иногда, он заезжал за ней, и они отправлялись домой вместе.

В один из таких дней — томительно жаркий, с облаками и сильным порывистым ветром, когда Эндрю после ленча вновь отправился в город по какому-то делу, — в доме зазвонил телефон.

— Лиз, знаешь, о чем я хочу тебе сказать? — зашебетала Бет. — Вернее, о ком я хочу тебе сказать? Здесь у меня находится один твой друг. И не просто друг, а Крис собственной персоной!

Крис?!

Его второе послание было кратким:

«Благодарю за слова о том, что моя репутация не окончательно подорвана в твоих глазах. Что ж, до встречи во время моего следующего отпуска, хотя не знаю, как я дождусь его прихода!»

До сих пор Лиз малодушно надеялась, что откровенный разговор с Крисом удалось отложить на неопределенный срок. Встревожившись, она засыпала Бет вопросами:

— Что ты хочешь сказать этим своим «здесь у меня»? Ведь отпуск ему пока еще не положен, верно?

— Конечно же нет. Кажется, он приехал в Тасгалу по делам, но на полпути машина сломалась, а я, встретив его в городе, сжалилась над ним и пригласила к себе. Он был не в себе от того, что у него не хватало времени, чтобы увидеться с тобой, а на его звонок никто не ответил. Конечно, я рассказала ему о том, что ты теперь работаешь в больнице на должности ангела-хранителя, и это произвело на него огромное впечатление... Ой, он уже вырывает трубку, хочет с тобой поговорить.

— Лиз? — В голосе Криса звучало нетерпение. — Видишь, как все получается... Этим утром я ухитрился выпросить разрешение съездить в город, чтобы забрать запасные приборы для оборудования группы, поскольку сегодня вечером мы выходим на маршрут. Однако мой джип, просто из дружеских намерений, заартачился, и до Тасгалы я добирался на попутках. Когда я встретился с Бет, мне уже удалось решить все вопросы, однако теперь времени совсем не осталось. Поэтому, раз уж Бет согласна, может, ты разрешишь, чтобы она подвезла меня к тебе? Пожалуйста, Лиз!

Ну как же она могла ответить отказом на подобную просьбу?

— Конечно, — вздохнула девушка, — только если у тебя совсем нет времени, стоит ли утруждать себя?

— Стоит ли?! Послушай! Оно бы того стоило, даже если бы у меня было только пять минут свободного времени, а у меня в запасе целых полчаса! — с энтузиазмом прокричал Крис.

Ожидая их, Лиз приготовила коктейли и мятный чай со льдом, который, как она знала, очень нравится Бет. Правда, при этом Лиз подозревала, что та придумает какой-нибудь хитрый довод и оставит ее с Крисом наедине.

Однако Бет не стала отказываться от чая с мятой, всем своим видом показывая, что намерена остаться.

— А как ты собираешься поехать обратно? — спросила она у Криса. — Туда идет транспортный конвой, на который ты должен успеть?

— Не-а, — покачал головой Крис, — конвой трогается в путь только в шесть вечера, а для меня это слишком поздно, учитывая, что выход на маршрут намечен на сегодняшней вечер. Мне придется добираться так же, как я приехал сюда, — автостопом. Джип я бросил в окрестностях Ин-Тажа. Gardien indigène¹, ну, тот парень, в чьем подчинении находится местная управа, кое-что понимает в машинах, и к моему приходу джип будет работать как часы.

Говоря все это, Крис с отчаянием гипнотизировал взглядом Бет, которая сидела скромно опустив голову, и Лиз стало жалко его.

— Ин-Таж — это пост где-то на середине пути? — уточнила она. — Примерно в двадцати пяти километрах отсюда? Крис, а может, я могла бы доставить тебя туда на «лендровере»? Ведь иногда мне здесь приходится водить машину, и сегодня она не нужна папе. Так что если это поможет...

— Конечно, поможет!

Исполненная искренней благодарности улыбка Криса лучше всяких слов сказала Лиз, что он думает о ее предложении, и поэтому она даже не стала обращать внимания на его колебания, следует ли ему просить ее об этой поездке, поскольку возвращаться-то ей придется одной.

— Ерунда. Я уже ездила по этой дороге ранее. — Лиз решительно отмела подобные доводы. — Дорога как дорога. Во-первых, прямая, а во-вторых, на ней довольно оживленное движение. Как говорит папа, в феч-феч на ней тоже никогда не попадешь, так что на обратный путь у меня уйдет не более трех четвертей часа. Значит, вся дорога туда и обратно займет не более двух часов. Единственная проблема заключается в том — Лиз посмотрела на свои часы, — что я не знаю, когда папа вернется, а к тому времени мне хотелось бы быть дома.

— Ну, если у тебя нет иного повода для беспокойства, — предложила свои услуги Бет, — может быть, вы разрешите

¹ Туземный сторож (фр.).

мне остаться здесь до того времени, когда он придет? Или когда вернешься ты, если это случится раньше.

— О-о, Бет, ты не откажешь в этой любезности? — С этими словами Крис широко улыбнулся девушке, как если бы, подумала Лиз, просил у нее прощения за то, что всего несколькими минутами раньше мечтал лишь об одном: чтобы ее унесло на край света. Со своей стороны, Лиз была рада, что Крис рассматривал предложение Бет как услугу, оказываемую ему лично, поскольку сама она не могла просить соперницу о каком-то одолжении, это было выше ее сил. Она предоставила в распоряжение Бет журналы, что прибыли с утренней почтой из Англии, и вместе с Крисом вскоре отправилась в путь.

После полудня жара стала еще более тягостной, а небо еще более зловещим. В Англии подобная погода являлась предзнаменованием близкой грозы, и Лиз спросила у своего спутника, не означает ли все это приближение дождя.

— Такие удачи здесь не выпадают. Гораздо более вероятно, что это надвигается самум — песчаная буря с ветром, и она разразится здесь завтра или послезавтра. Тебе еще не доводилось познакомиться с одной из самых ярких наших достопримечательностей, а?

— Звучит довольно мрачно. А сколько они продолжают-ся? — спросила Лиз.

— Обычно два или три дня, иногда бывает и дольше, а иногда по какому-то капризу природы возникает ураган чудовищной силы, который длится всего четверть часа. В течение двадцати четырех часов температура, как это происходит сейчас, все время растет и растет, а затем начинает дуть ветер. Он буквально сбивает с ног, а пыль такая, что не видно ничего на расстоянии в метр. Удовольствие то еще, поверь мне! Но может быть, нам повезет и этот самум пройдет стороной. Видишь, солнце пытается пробиться сквозь тучи, это добрая примета.

Однако солнце пробилось сквозь пелену пыли не более чем на десять секунд, и Крис, который предложил вести машину по дороге к Ин-Тажу, утопил педаль газа в пол.

— Нет, сегодня бури не должно быть, — рассуждал он вслух. — Но все равно, Лиз, ты не медли по дороге домой, ладно? И обещай позвонить мне на буровой участок в ту же минуту, как только приедешь.

Лиз пообещала, и Крис с любовью улыбнулся ей.

— Милая Лиз, — сказал он, — это просто прекрасно — чувствовать тебя рядом даже здесь, и даже в этот томительный и тревожный миг. И когда я в следующий раз приеду, но уже в отпуск, ты ведь не станешь встречаться со мной как бы по графику, составленному так, чтобы до минимума сократить время, которое ты готова уделить мне?

— Конечно не стану. Но, Крис...

— Я знаю. — И с этими словами он печально кивнул головой. — Тогда я просто потерял контроль над собой. Но подобное больше не повторится, если только у тебя самой не появится ответного чувства.

— Но боже мой, Крис, ведь я пытаюсь втолковать тебе, что этого не будет!

— А я говорю, что, если бы я воспринял твой ответ как окончательный, я бы тогда не должен был называть себя мужчиной! — парировал он ее реплику. — Нет, но если ты по-прежнему влюблена в того парня, что остался в Англии, тут я, конечно, могу оказаться третьим лишним. Но ведь это же не так, верно, Лиз?

— Да нет же!

И чтобы не отвечать на вопрос «И ни в кого другого?», который, как она чувствовала, вот-вот будет задан, Лиз несколько неуверенно спросила:

— После того вечера мне приходило в голову, а сам-то ты уверен в том, что расстался со своей любовью к Дженни?

Крис искося посмотрел на нее:

— А ты не ревнуешь меня к Дженни? Это не потому ли...

— Нет. Только когда ты объяснялся мне в своих чувствах, ты сравнивал меня с ней, и я подумала, что, возможно, на самом-то деле ты не забыл ее, даже и не догадываясь об этом. — В отчаянии Лиз сказала ему: — Господи, Крис... — и продолжила: — Ну послушай, неужели мы не можем, ну хотя бы на какое-то время, продолжить наши отношения на том условии, что мы друзья, и как друзья мы оба испытываем симпатию друг к другу, но ничего более? Потому что, хоть я и не влюблена в тебя, ты мне очень нравишься. И я думаю, ты бы догадался, если бы я искала предлог ради самого предлога?

— Конечно, догадался бы! — согласился он. — Ты не любишь раздавать поцелуи направо и налево, и это вполне устраивает меня. — Крис легонько коснулся девушки. — Дого-

ворились, Лиз. До тех пор, пока у меня есть возможность ждать и надеяться, я могу вести себя хорошо, так что считай, что мы договорились. Когда сможем, мы будем встречаться и проводить вместе время, тогда как под запретом окажется все то, что относится к любви, я правильно понял?

Лиз кивнула в знак согласия:

— Ты очень щедр, Крис.

При этих словах оба они рассмеялись и на этом прекратили обсуждение темы.

Крис первым нарушил установившееся молчание:

— Лиз, а тебе и в самом деле нравится Бет Карлайен? — спросил он.

— Бет Карлайен? А что, тебе она не нравится? — уклонилась от ответа Лиз.

— Ну, — он неловко рассмеялся, — учитывая пару услуг, оказанных мне ею сегодня, то, что я сейчас скажу, будет напоминать изучение зубов дареного коня. Но я никак не могу избавиться от ощущения, что если она делает что-то для кого-либо, так это скорее по воле случая, нежели по доброму умыслу, и что она далеко не так наивна и бесхитростна, как хочет выглядеть.

— Однако не слишком ли трудно постоянно носить маску кротости, в то время как на самом деле ты таковым вовсе не являешься? — прошептала Лиз.

— Не знаю. Если ты решаешь, что такая роль подходит тебе, возможно, тебе удастся сжиться с ней, как сживается актер с ролью в хорошей пьесе. Но этим приемом можно пользоваться даже и не вживаясь в образ, в особенности если ты принадлежишь к эгоцентричному типу людей, к которым, как я подозреваю, относится и юная Бет. Спрятавшись за подобной маской, она может все время оберегать свои собственные интересы лучше, чем кто-либо другой. Да что там говорить, по моему мнению, защита личных интересов может принимать самые разные формы, и Бет выбрала для этой цели конкретный образ, говорящий: «Я — маленькая, слабая и беззащитная».

— Но зачем и от кого следует ей защищаться?

— Трудно сказать. Но, как мне кажется, у каждого из нас бывают случаи, когда мы так или иначе нуждаемся в защите. Может быть, ее средства защиты необходимы ей из опасения, что Йейт может обратить свое внимание не только на нее, а на кого-то еще или же кто-то еще может обратить

внимание на него. И если нечто подобное произойдет или же если у Бет хотя бы возникнут опасения, что оно может произойти, по моему разумению, она даже и не подумает уступить сопернице. Но, Лиз, мне не следует настраивать тебя против нее, коль скоро она тебе нравится.

— Да нет, все в порядке. В некотором роде нас с ней как бы сблизило то обстоятельство, что среди молодежи Тасгалы мы были единственными людьми, не занятыми никакой работой. Но я не могу сказать, что она нравится мне. Миссис Карлайен, на мой взгляд, гораздо приятнее.

На лице Криса засияла улыбка.

— Тут ты попала в самую точку! Дженайна Карлайен — это само совершенство. Как жаль, что она вдова. Временами мне думалось... Хотя нет, ничего, это я так. — Крис резко оборвал сам себя.

— Думалось что?

— Ничего. Не будем об этом. А сейчас, о горе мне безутешному, мы приехали, и я должен буду отпустить тебя.

Ремонт джипа затягивался, но Крис не допустил, чтобы Лиз хоть на минуту задержалась в Ин-Таже. Он развернул для нее «лендровер», и, взбираясь по крутому подъему из поймы пересохшей реки, Лиз подняла руку в прощальном приветствии.

Всего через несколько километров пути Лиз поняла, что будет только рада, когда ее поездка закончится. В дополнение ко всему остальному она никак не была готова испытать чувство полнейшего одиночества, которое вызывали у нее безбрежные песчаные пространства, протянувшиеся по обе стороны от полосы твердого грунта, по которой она вела машину. Никто не обгонял ее, и она была рада каждому встречному джипу или грузовику, с водителями которых ей представлялась возможность обменяться приветственными гудками.

Машина тянула великолепно, но ее продвижение вперед замедлялось постоянно усиливающимся встречным ветром, который теперь достиг такой силы, что начал раскачивать автомобиль. Лиз размышляла о том, насколько был прав Крис, когда утверждал, что в ближайшее время песчаная буря не разразится, и очень жалела о том, что не спросила его, что ей делать, если она застигнет ее в пути. У нее не

было сомнений в том, что всякая попытка провести машину через самум будет безумием. Лиз решила, что она поставит «лендровер» по ветру и будет сидеть в нем, пока буря не стихнет. Но после этого в ее памяти всплыло выражение «два или три дня», и девушке стало понятно, что подобное испытание не имеет ничего общего, скажем, с попыткой переждать неожиданный ливень, укрывшись под деревом.

Но, рассуждая обо всем этом, Лиз по-прежнему ехала вперед. Только она забеспокоилась о том, как бы не случилось так, что Эндрю уже пришел домой и услышал от Бет, куда она поехала, как вдруг перед ней возник первый признак опасности реальной, а не созданной ее воображением.

Песчаные вихри протянулись через дорогу, потоки песка сворачивались в спирали со все увеличивающимся радиусом, их было не одна и не две, а целый десяток или даже более, под воздействием неослабевающего ветра они то исчезали, то возникали вновь, всякий раз становясь еще больше по высоте. В своем вращении вокруг некоего центра — возможно, вокруг гальки или какого-то более крупного камня — каждая спираль казалась живой. Чтобы понаблюдать за этим явлением, Лиз остановила машину, и гряды песка, собранные в спирали, в охватывающем движении начали изгибаться в направлении центра вращения, образуя тонкие, как у молодого месяца, рога и острый, как лезвие ножа, гребень.

Решив двигаться напрямик, Лиз послала машину вперед, и ее крайне обрадовало, что легкий и сухой песок вовсе не оказался преградой для движения. Управлять машиной было почти легко. Но только она обрела уверенность в своих действиях, как дьявольски пронзительно завыл ветер, и сразу же после этого Лиз, напуганная и ослепленная градом камней и песка, ударивших в ветровое стекло машины, инстинктивно нажала на тормоз, остановив машину.

Стало быть, вот оно, и Крис оказался не прав. Сложив руки на рулевом колесе, Лиз наклонилась вперед и уставилась в серую мглу, которой свирепствующая песчаная буря накрыла и дорогу, и пустыню, и линию горизонта. Теперь Лиз нужно было решить, оставаться на месте или же продолжать движение. Поскольку она знала, что дорога оставалась на своем месте и что автомобиль в своем движении легко преодолевает барханы, Лиз решила ехать дальше, но только она выжала сцепление, как ее охватили такие

спазмы и судороги, каких она никогда до этого не испытывала. Боль, родившаяся где-то в межреберном пространстве, сковывала девушку, не давала ей пошевелиться.

Испуганная, Лиз села, откинувшись на спинку сиденья. Девушка понимала, что сейчас ей необходимо встать и выпрямиться, иначе боль не утихнет, судороги не пройдут. Она должна встать. Она должна...

Охваченная паникой, Лиз мгновенно выскочила из машины и, с облегчением почувствовав, что может выпрямиться, встала, отважно глядя в лицо надвигающейся буре. Автомобиль был ее спасительной гаванью, и поэтому она крепко вцепилась в ручку дверцы. Но, будучи по-прежнему охвачена болью, Лиз не слышала приближения нагоняющего ее автомобиля, пока тот не подъехал вплотную и не остановился за ее машиной, пронзительно визжа тормозами.

Преодолевая сопротивление ветра, она обернулась и почувствовала, что наконец пришедшее к ней восхитительное освобождение от боли покидает ее, потому что на смену ему приходит иной вид отчаяния. Дело в том, что подъехавший автомобиль принадлежал Роджеру Йейту, а сам он с лицом, темным от гнева, встал перед ней, в два шага преодолев разделяющее их пространство.

— Какого черта вы здесь торчите? — потребовал он ответа. — Немедленно в машину!

Не дожидаясь, пока она исполнит его команду, он взял Лиз за плечи и затолкал ее в кузов, после чего направился к противоположной дверце, двигаясь на ощупь вдоль капота машины.

Глава 6

Роджер повернулся на пассажирском сиденье так, чтобы сидеть лицом к Лиз.

— А теперь давайте разберемся, — сказал он. — Неужели у вас настолько не хватает ума, что вы не только предприняли эту дурацкую поездку, да еще в таких условиях, но к тому же решили оставить машину и идти домой пешком?

— Я ничего не оставляла! И не решала... — К своей великой досаде, Лиз чувствовала, что голос у нее дрожит и срывается на грани истерики, и замолчала. Откуда и как он

оказался здесь с очевидным намерением отыскать в этих местах именно ее, Лиз не знала. Она знала только, что он здесь, готовый браниться, не слушая ее доводов, как это часто бывало и раньше. А также и то, что, если случится нечто невероятное и на этот раз он будет добр к ней, невозможно себе представить то безрассудство, в какое она тогда не пустилась бы от радости.

И совершенно неожиданно оказалось, что Роджер не сердится... Приподняв ее подбородок пальцем, он спросил:

— Так в чем же дело, Лиз? Вы сами заглушили мотор среди этих дюн? А если это не так, то в чем тут дело?

На его вопрос она ответила своим вопросом:

— Мне показалось, вы знали, что встретите меня здесь. Откуда вам это стало известно?

— Я был на участке нефтедобычи и, возвращаясь, встретил Соупера на некотором удалении от Ин-Тажа. Он помахал мне, чтобы я остановился, и сообщил, что вы едете домой, находясь немного впереди меня. Мы с ним расстались нельзя сказать чтобы очень сердечно после того, как я недвусмысленно сказал ему все, что думаю о нем, за то, что он позволил вам выехать из дома в условиях надвигающегося самуа.

— Ему обязательно нужно было вернуться на буровую, поэтому я и предложила подвезти его. И он вовсе не ожидал, что самому начнется сегодня.

— В своих прогнозах он зашел туда, куда даже метеорологи опасаются заходить, не так ли? В этом есть доля истины — обычно подобным явлениям предшествует длительный подготовительный период. Но было ли когда-нибудь такое, чтобы атмосферные явления протекали в строгом соответствии с графиком? И кроме того, здесь всегда существует возможность внезапного возникновения торнадо наподобие этого. И все же какая муха укусила вас, что вы оставили машину как раз тогда, когда налетел шквал?

— Я остановилась потому, что ветровое стекло машины было совершенно забито песком. Мне трудно было решить, то ли остановить машину и, сидя в ней, переждать бурю, то ли ехать дальше. А потом, как только я решила попробовать ехать дальше, я почувствовала боль.

Теперь взгляд, которым Йейт окинул ее, стал профессиональным.

— Боль? — переспросил он. — В каком месте?

— Вот здесь.

Лиз прижала ладони к тому месту, где располагалась грудина, и доктор Йейт кивнул:

— Что, вам и сейчас больно?

— Нет, сейчас все прошло. Я вылезла из машины, потому что я почувствовала, что мне любой ценой нужно встать и выпрямиться.

— Понял. Давайте переберемся в мою машину. Вылезайте, да побыстрей.

— А что будет с «лендровером»?

— Не беспокойтесь. Я позабочусь, чтобы машину доставили домой. Лучше примите вот это. — Йейт протянул Лиз капсулу.

— Что это?

— Лекарство. Вам придется проглотить его не запивая. У меня нет с собой воды. Причиной ваших болей являются желудочные колики. Это довольно распространенная реакция организма на резкое повышение температуры. — Тут Йейт сделал паузу и скептически посмотрел на Лиз. — Должен вам сказать, что, как мне кажется, вы и впрямь намерены приобретать опыт дорогой ценой. Вам никогда не говорили, что для того, чтобы узнать, что огонь обжигает, вовсе не нужно совать в него руку? Или что безрассудство, от которого теряют покой окружающие вас, это не самая лучшая черта характера?

Лиз покраснела.

— Я даже и не думала, что проявляю безрассудство, — сказала она. — А кроме того, вы же сами сказали, что лишь тоненькая нить отделяет безрассудство от храбрости.

— Я сказал? — Роджер с недоверием посмотрел на Лиз. — Когда я мог сказать такое?

— В самолете, когда мы летели сюда. Вы сказали это про ту француженку, которая везла в Сахару своего младенца.

— Ах да, мадам Жельмэн. Ну и ну, как же мне тогда было знать, что рядом со мной находился ангел-учетчик? И что, с той поры вы вознамерились использовать этот довод против меня?

— Конечно же нет. Просто все дело в том, что между этими случаями можно провести параллель.

— Не согласен. — Роджер энергично затряс головой. — Мадам Жельмэн пришлось выбирать из двух зол меньшее —

либо рисковать семьей вследствие слишком долгой разлуки с мужем, либо возможными последствиями для здоровья ребенка, которого она привезла с собой, и последнее показалось ей меньшим злом. Вы же имеете привычку, так сказать, лезть в воду, не зная броду.

— Вы имеете в виду, что я не предупредила отца? Но его не было дома, когда я уезжала, и он даже сейчас еще может ничего не знать о том, что я...

Глядя прямо перед собой, Роджер ответил на это:

— Дело не только в этом. Соупер тоже был довольно обеспокоен. Да, кстати, он умолял меня проследить за тем, чтобы вы позвонили ему, как только вернетесь. Так что, уж пожалуйста, позвоните.

— Да, он просил меня об этом.

И в который раз чувствуя себя провинившимся ребенком, Лиз погрузилась в молчание.

Песчаная буря улеглась столь же неожиданно, как и началась. Они подъехали к дому, и, поскольку Бет все еще должна была находиться здесь, Лиз была бы не прочь подвергнуть себя небольшому самоистязанию, пригласив Роджера зайти. Однако он отказался, сказав, что ему еще нужно навестить нескольких пациентов и что он пошлет своего личного механика, чтобы тот привел «ленд-ровер».

Лиз отметила, что ставни на окнах закрыты, а когда она вошла в дом, ее глазам предстала Бет, собиравшая с помощью пылесоса песок, который хрустел под ногами и лежал буквально на всех плоских поверхностях, какие только были в доме.

Удрученная Лиз рассказала все, что с ней случилось, и Бет воскликнула:

— О боже, кажется, ты все время норовишь попадать в какие-то переделки, не правда ли, Лиз? Хотя откуда же тебе было знать про самум. И никто не мог бы тебя подозревать в том, что ты придумывешь все так, чтобы Роджер обязательно был где-то поблизости, чтобы помочь тебе всякий раз, когда ты попадаешь в беду. Но, дорогая моя, разве ты не смотрелась в зеркало? Ты же в пыли с головы до ног! Удивляюсь, как это Роджер смог узнать тебя? Почему бы тебе прямо сейчас не принять ванну и переодеться, а на случай, если придет мистер Шепард, я могу посидеть здесь еще какое-то время.

— Да, — ответила Лиз, размышляя над тем, где это Бет набралась умения сказать человеку гадость, используя для этой цели набор самых безобидных фраз. Усталая, она направилась к себе в комнату.

В комнате не только ставни, но и окна были распахнуты настежь. В результате этого кровать Лиз, а также пол, бюро и туалетный стол — все было покрыто слоем песка; подоконник в глубокой нише окна был как-то необычайно пуст, а под ним, разбившись на сотни сверкающих фрагментов, лежала ее драгоценная *rose de sable*.

— Не может быть! — выдохнула Лиз. Она встала на колени и, размазывая слезы по щекам, стала собирать осколки. Трудно было вообразить что-либо худшее, чем гибель подарка, сделанного Роджером, и, если этот ужасный день припас для нее что-то еще в этом плане, Лиз не сомневалась: ей этого не вынести.

Что случилось — то случилось, и винить в этом некого, ведь никто же не знает, сколь драгоценной была для нее эта редкость.

Хотя погодите, как это никто? А не могло ли быть так, что ее тайну разгадала Бет? А если да, то не значит ли это... Нет, она не позволит себе думать так плохо о ком-либо, даже о Бет. Но факты — упрямая вещь.

И слишком уж велика была горечь утраты. Если бы во время песчаной бури ставни ее окна были закрыты, ее очаровательный песчаный цветок был бы по-прежнему с ней.

Фотографии родителей Лиз, осторожно поставленные, стояли прислоненные каждая к своей стене проема, обрамляющего узкое окно. И хотя вполне возможно, что полощущаяся на ветру штора случайно могла бы отбросить одну из них в какое-то безопасное место, но ведь не может быть сомнения, что в результате такого же действия другая фотография могла бы оказаться опрокинутой, сброшенной на подоконник или на пол или даже просто оставленной там, где она стояла? Нет, как ни печально, но все выглядело так, что если признать виновной Бет, то свои преступные намерения она осуществила тогда, когда предоставила ветру возможность разбить *rose de sable*.

Лиз подняла с пола пару осколков и вернулась в гостиную. Опустив их на стол перед Бет, она произнесла

следующую фразу голосом неожиданно сухим и бесцветным:

— Закрывать ставни — это было очень предусмотрительно с твоей стороны, но только почему ты не закрыла их в моей комнате?

Бет вздрогнула:

— В твоей комнате? Но я... Да как же это, ведь я пошла туда в первую очередь. Я же помню, мне там трудно было закрыть оконную раму.

— Да, у окна в той комнате плохой шпингалет, — согласилась Лиз. — Но не у ставней. Если их закрыть, они не пропускают ветер. Во всяком случае, не пропускали.

Бет выглядела обиженной.

— Ты что же, хочешь сказать, что я специально не закрыла их?

— Я сомневаюсь в том, что ты их закрыла.

— Но я же уверена... — Бет замолчала, разглядывая блестящие осколки, лежавшие перед ней. — Но, Лиз, ведь это же твоя *rose de sable*!

— Да. Если не считать жуткой грязи, больше ничего в комнате не пострадало. Ты не находишь, что это странно?

— Странно? — удивилась Бет. — Да, нахожу. То есть нет, не нахожу. Ты себе представить не можешь, какие злые шутки вытворяет внезапный ураган, подобный этому. И вполне естественно, что ты во всем винишь меня, раз считаешь, что я плохо закрыла окно. Давай пойдем туда, и я покажу, что я делала.

Лиз было ясно, что Бет просто тянет время. И она еще больше уверилась в этом, когда Бет, войдя в комнату, издала изумленное «Ох!» и стала показывать, как она закрывала окно и ставни.

— Сперва я сделала так, а потом вот так, но боюсь, мне не удалось плотно закрыть ставни, а этот дурацкий шпингалет у окна никак не хотел вставать на место. Я помню, что я видела фотографии твоих родителей и этот камень, то есть розу. Но, как ты говоришь, фотографии не пострадали, разбилась только роза. Это — счастье, не правда ли?

— Большое счастье!

Бет была занята тем, что ставила фотографии в рамках на свое место.

— Ты говоришь это так, — сказала она, — как если бы на самом деле ты так не считала. Мне ужасно жалко, если

ты по-прежнему считаешь, что это моя вина. Но, наверное, ты бы так не считала, не правда ли, если бы пострадали фотографии, а не эта роза?

— Фотографии при этом не погибли бы. A rose de sable погибла.

— Да, но... — Бет неуверенно хохотнула. — Да, силы небесные, чего в нем особенного-то? Просто кусок крупнокристаллического песка!

— Он мне нравился, — отрезала Лиз.

— И стало быть, из-за того, что он разбился, ты намерена превратить мою жизнь в мучение, — надула губы Бет.

— Но если ты и в самом деле закрывала здесь все, то это не твоя вина, правда?

— Конечно, не моя. — Бет слишком охотно согласилась с этим заявлением. — И я не понимаю, почему ты волнуешься из-за такого пустяка. Если только, — Бет внимательно оглядела Лиз, — если только не считать, что ты негодуешь потому, что эту штуку подарил тебе Роджер. Ага, вот ты и покраснела! Так вот в чем причина! О боже, Лиз, как могло такое случиться с тобой?

— Какое такое? Что могло случиться со мной? — переспросила Лиз. Однако она знала, о чем идет речь. Теперь Бет сама вынуждала Лиз защищаться.

— Ах, Лиз, — жалобно продолжила Бет, — о том, влюбилась ты в Роджера или нет, ты должна была бы знать и сама, не заставляя меня задавать тебе так много вопросов.

— А кто просил тебя спрашивать, не скажешь? — огрызнулась Лиз.

Но Бет не обратила внимания на слова Лиз.

— Мне думается, я была совершенно слепа. Как это становится ясно теперь, ты изо всех сил старалась показать, что терпеть не можешь Роджера, по крайней мере когда он оказывался рядом с тобой. Как будто бы ты боялась, что он может догадаться. Бедная Лиз! Теперь я пойму, если ты будешь сердиться на меня, стоит мне завести разговор о нем. Но помимо того, чтобы отказаться от Роджера в твою пользу, чего ты совершенно не можешь ждать от меня, ведь я в этом случае абсолютно бессильна, не так ли?

— Не абсолютно, если уж тебе так хочется это знать. — Лиз, чувствуя, что она вот-вот потеряет контроль над собой, и понимая, насколько безрассудно заниматься перед Бет дальнейшим саморазоблачением, произнесла эти слова с

особой страстью: — Мне ни к чему твои соболезнования! И если ты кому-нибудь пискнешь хоть слово, я тебе никогда этого не прощу. Никогда!

Большие, невинные глаза Бет стали еще больше от изумления.

— Больно-то нужно! И это тогда, когда ты так старалась провести нас всех! Однако должна же ты понять, что мне невыносима сама мысль о том, что, возможно, это из-за моей беспечности ты лишилась единственного подарка Роджера. Я, пожалуй, попрошу его достать для тебя еще одну *rose de sable*, ладно?

— Только попробуй! — резко возразила ей Лиз. — Только попробуй, и для тебя будет все кончено! — пригрозила она. — Когда настанет время, я сама расскажу ему о том, что камень, который он подарил мне, разбился. И если я увижу, что ему уже известно об этом, не берусь обещать, что не расскажу, как это случилось!

Взгляд Бет метнулся куда-то в сторону от Лиз.

— За исключением того, что ветер смел камень с полки, мы не знаем, как это случилось, — заявила она.

— Зато мы знаем, что, если бы ставни были закрыты должным образом, этого, наверное, не случилось бы.

Нерешительность Бет и ее очевидный испуг, что Роджер может узнать про случившееся, был для Лиз равносителен признанию Бет своей вины, и это обстоятельство некоторым образом уравнивало чаши на весах оскорбленной гордости. Начиная с этого дня перед Эндрю или Дженайной, а также перед всеми другими они могли демонстрировать глянец дружеских отношений. Но, скрестив мечи в открытом бою, каждая из них смогла оценить, чего стоит соперник. Лиз испытала чувство, близкое к облегчению, узнав, что собой представляет Бет в качестве противника.

— Знаешь, тебе больше нет необходимости ждать здесь чего-либо еще. Я собираюсь позвонить Крису, а затем принять ванну, — проговорила Лиз, и Бет дернула плечом, чтобы показать, насколько ей это все безразлично.

Но уже в дверях она нанесла свой последний удар.

— Поверь, Лиз, на твоем месте я бы постаралась уцепиться за него как можно крепче, потом будет поздно!

После всего этого Лиз была благодарна тому, что имеет работу в больнице, поскольку это обстоятельство заставило ее подчинять каждый день определенному распорядку. Те-

перь у нее не было нужды часто встречаться с Бет, но она по-прежнему могла навещать Дженайну в полуденные часы, пока Бет отдыхала. Лиз не имела представления, было ли известно Дженайне или догадывалась ли она о ситуации, сложившейся в ее отношениях с Бет. Но, во всяком случае, она не задавала неловких вопросов, и ее отношение к Лиз не изменилось. Следующий приезд Криса Соупера в краткосрочный отпуск доставил Лиз огромное удовольствие. Крис заезжал за ней в больницу и обычно оставался у них дома на ленч. После проведенных на крыше дома часов полуденной сиесты они отправлялись в клуб поплавать и оставались там до самого вечера, чтобы потанцевать или посмотреть довольно древний фильм на киносеансах, проводившихся дважды в неделю. Лиз часто думала о том, что Крис ей нравился гораздо больше, чем когда-либо нравился Робин Клэр; и в самом деле, у Криса было все, что так нравилось ей, не хватало только жизненно важной яркой искры, благодаря которой из дружбы могла бы вспыхнуть любовь.

Встречаясь с Лиз в больнице, Роджер обращался с ней столь же официально и столь же сдержанно, как и любой другой врач. Для французского медицинского персонала она была *infirmière*¹, а для доктора Йейта — медсестрой, и, выступая в этой безликой роли, она приносила и уносила все, что он прикажет, и в присутствии пациентов почтительно обращалась к нему «сэр», испытывая какое-то странное и тайное удовольствие. И каждый день сознание того, что за любым поворотом коридора, за любой открывающейся дверью она может лицом к лицу столкнуться с доктором Йейтом, несло для Лиз вкус приключения.

Поскольку с приходом лета температура на улице резко подскочила, в детском отделении пациентов стало больше, и Лиз пришлось проводить там больше времени. Теперь сестра Олавия стала регулярно поручать ей несложные перевязки, а кроме того, Лиз часто поручалась задача убедить непослушных маленьких пациентов принять свою первую в жизни ванну.

Детей-европейцев в больнице было меньше, чем детей-метисов или детей-туарегов, у которых было гораздо больше вероятности заболеть во время купания в прудах, кишящих личинками moskitov, подхватить инфекционные

¹ Санитарка, сиделка (фр.).

заболевания, источником которых являются пески пустыни, а также пострадать от укусов постоянно встречающихся здесь змей, фаланг и скорпионов. Туареги по-прежнему жили в окрестностях Тасгалы, и их покрытые козлиными шкурами или мешковиной шатры, которые Роджер показывал Лиз с самолета, все еще находились здесь, а нестройные группки представителей этого племени почти каждое утро в качестве вероятных пациентов вливались в пестрое вавилонское смешение языков и народов, выстроившееся в очередь в приемном покое. Женщины и дети, и те и другие босоногие и с ничем не защищенным лицом, приходили сюда пешком; закутанные до самых глаз в свои синие одежды мужчины обычно приезжали на верблюдах, огромных животных белой масти, которых их владельцы ставили на привязь во дворе больницы среди автомобилей, мулов и мотоциклов, тоже ожидавших своих владельцев. Такое сочетание транспортных средств делало больничный двор самой странной парковочной площадкой в мире!

Однажды в полдень, когда Лиз уже окончила свою работу и теперь ждала, когда за ней заедет Эндрю, она увидела, как Роджер беседовал с одним из мужчин этого племени. Этому мужчине только что перебинтовали руку, но, несмотря на это, ему удалось легко вскочить в седло, настолько высокое, что теперь он находился на несколько футов выше Йейта.

Взмахнув рукой, Роджер подозвал Лиз. Сказав мужчине несколько слов на языке туарегов, он обратился к Лиз:

— Тин Акелу говорит, что женщины его племени намерены провести ахал и приглашают меня в гости. Вы не хотели бы пойти со мной?

— Ахал? А что это такое?

— Дословно это переводится как «праздник любви». На самом деле это светское мероприятие, проводимое с целью предоставить возможность дочерям племени встретиться с достойными молодыми людьми. Матроны поселения решают, в какой день состояться этому празднику, и, когда весть о нем распространится по окрестностям, потенциальные женихи съезжаются отовсюду, покрывая расстояния в десятки миль. Празднество проводится ночью и начинается столь же кротко и безобидно, как культурно-развлекательные чайные посиделки в Кенсингтоне. Туареги не танцуют, но зато будут проводить состязания, а перед восходом сол-

нца начнется довольно дикое развлечение. Для европейца быть приглашенным на этот праздник — большая честь, поэтому я решил, что Дженайна и Бет Карлайен захотят поехать со мной, а если вы и Эндрю тоже не станете отказываться, я готов походатайствовать и за вас.

— Пожалуйста, походатайствуйте, — сказала Лиз. Ее просто зачаровывал невозмутимый и бесстрастный взгляд кочевника. Глаза его, прикрытые подкрашенными веками, сверкали из-под синей хлопчато-бумажной ткани, что закрывала всю его голову.

Позже Лиз спросила Роджера:

— Этот Тин Акелу приехал из стойбища возле дороги, которая ведет на участок нефтедобычи?

— Нет, — ответил Йейт, — их поселение находится менее чем в ста километрах к западу отсюда. И он сам, и все его племя принадлежат к самой высокой касте, и «Тин» в его имени указывает на то, что их род ведет начало от королевы Тин Хинан, которая когда-то правила империей туарегов, простиравшейся от Атлантического океана до реки Нил. Получив ядовитый укус в руку, он всю ночь провел в седле, и мне бы следовало назначить ему стационарное лечение. Но как я уже говорил вам, нужно нечто чрезвычайное, чтобы заставить туарега остаться под крышей европейского дома. Поэтому, зная, что у меня будет возможность вновь осмотреть руку и перебинтовать ее, когда мы приедем на ахал, я отпустил его. Вы передадите мое приглашение Эндрю, ладно? А я договорюсь обо всем с Дженаиной и Бет. Нам придется отправиться в путь часов в пять, поскольку в этих местах на дороге часто встречаются феч-феч. Но поскольку мы поедем на двух машинах, все должно быть хорошо.

Однако получилось так, что две машины им не потребовались. Хотя и Дженаине и Бет очень хотелось поехать на праздник, но утром того дня, на который был намечен ахал, у Бет немного повысилась температура, и, по совету Роджера, Дженайна уложила ее в постель и сама вынуждена была остаться дома. Так что теперь их экспедиция состояла из трех человек: самого Роджера, Лиз и Эндрю.

Западная дорога, по которой предстояло им ехать на этот раз, очень отличалась от приличной дороги, что вела на участок нефтедобычи. Она представляла собой ухабистую и усыпанную осколками камней колею, изобилующую долгими участками с профилем, похожим на гигантскую стиральную

доску с крутыми гребнями и впадинами, засыпанными нанесенным песком. По обе ее стороны торчала чахлая растительность, на смену которой позже пришли пугающе черные скалы, которые в лучах заходящего солнца выглядели словно покрытые ослепительно блестящей эмалью.

«Вот уж определенно не дай бог остаться в этом месте одной или же заблудиться», — подумала Лиз, одновременно зачарованная и напуганная. Однако солнце все ниже и ниже опускалось к горизонту, что лежал перед ними, и на короткое время залило все ярким пламенем, одновременно окрасив окружающие его облака с беспечностью гения, размазавшего яркие краски по своей палитре, и Лиз вскоре забыла об этом внушающем ужас пейзаже.

Но внезапно солнце исчезло, и в течение нескольких минут яркие краски на палитре были смыты, а ночь, мгновенно опустившаяся на пустыню, сделала так, что все контуры пустынного пейзажа перестали быть пугающе страшными, но приобрели таинственные, призрачные очертания в этом темно-синем и серебристом мире.

Конечный пункт их поездки располагался у подножия невысоких, изрытых пещерами холмов, и в прозрачном ночном воздухе пустыни пламя сложенных из пальмового хвороста костров, а также свет в поселении были видны с очень большого расстояния. Не доезжая один-два километра, они проехали крошечный французский пост, а подъехав к поселению, смогли разглядеть два замкнутых кольца шатров.

Роджер подъехал ближе, и откуда-то появились группы любопытных зрителей, которые пришли поглазеть на машину и обменяться мнениями о ней. Но в соответствии с обычаем туарегов, предписывавшим относиться к чужеземцам отчужденно, никто из них не проронил ни слова приветствия до тех пор, пока не подошел Тин Акелу. Когда Роджер представил ее Тин Акелу, тот поклонился и коснулся ее руки. Однако его блестящие глаза остались непроницаемыми.

Тин Акелу велел одной из женщин проводить Лиз в шатер своей жены, и там девушка почувствовала себя увереннее. Хотя, кроме улыбок и кивков, у них не было иного способа общения, местные женщины вполне были готовы относиться к ней как к одной из своих.

Лиз была предупреждена заранее, что женщины будут есть отдельно от мужчин. Ей выдали полотенце, которым

она должна была укрыть свои ноги, и выделили место на груди подушек, не сказать чтобы слишком мягких и разложенных так, как если бы это было изголовье кровати. Среди предложенных ей блюд она узнала кус-кус, в Тасгале ей уже довелось познакомиться с этим блюдом в европейском исполнении.

После того как с едой было покончено, женщины вышли из-за стола и присоединились к мужчинам, которые уже собрались возле костров. Увидев в клубах дыма Эндрю и Роджера, Лиз обрадовалась и бросилась к ним, а потом они сели втроем и стали слушать речитатив и декламацию женщин (или это было их песнопение?), исполняемые под аккомпанемент ритмичной и заунывной мелодии, исполнявшейся на каких-то струнных инструментах.

А позже было расчищено место, и молодые люди, подстегиваемые едкой критикой и насмешками девушек, каждая из которых к этому времени уже остановила свой выбор на каком-то определенном мужчине, стали состязаться в прыжках в длину и демонстрировать головоломные трюки, балансируя на канате.

Когда интерес к спортивным состязаниям угас, группы собравшихся вокруг костров стали редеть. Однако было видно, что за кромкой круга, ограниченного шатрами, веселье несколько не уменьшалось, и спустя некоторое время Эндрю подошел к Лиз, которая стояла отдельно от всех.

— Они тут что-то затевают, — сказал он ей. — То ли какую-то игру, то ли шутку, участвовать в которой предстоит и нам. Я не силен в их языке, но один из местных сумел объяснить мне, что ему нужно знать имя «леди», которая приехала с нами. Сперва я подумал, что он имеет в виду тебя, но когда он показал мне на молодого человека и девушку, явно влюбленных друг в друга, мне пришлось объяснить ему, что в этом смысле «леди» у нас нет. Тогда он захотел узнать имя возлюбленной Роджера, и я никак не мог от него отделаться до тех пор, пока не предложил ему воспользоваться именем «Элизабет», видишь ли, при этом я думал о Бет Карлайен...

— А почему бы ему узнать об этом не у тебя, а у самого Роджера? — спросила Лиз главным образом для того, чтобы что-нибудь сказать по данному поводу.

— Да он в это время куда-то скрылся. Думаю, что пошел к Тин Акелу. Однако этот мой новый приятель дальше стал

расспрашивать у меня, сумел ли я выбрать для тебя «повелителя» и как тебя зовут.

— Ну и что ты ему сказал?

— Дорогая, мое знание языка туарегов не позволило мне объяснить ему, что в английских семьях родители не вправе вести длительное наблюдение за тем, кого их дочери избирают себе в качестве «повелителей». Поэтому я ничего ему не ответил на первую часть вопроса, а просто сказал, что тебя зовут Лиз. А когда он вроде как стал рассуждать, что, мол, это и не имя вовсе, я заменил «Лиз» твоим полным именем «Элизабет», и это должно было бы вызвать в голове у него такую путаницу, что впору бегать по потолку, как ты считаешь?

Лиз провела языком по пересохшим губам.

— Наверное, — сказала она, — ты создал у него впечатление, что Элизабет — это родовое имя всех английских девушек.

— Да, мне тоже так кажется. Однако пойдем и посмотрим, что там происходит, ладно?

Ближе к подножию холмов, там, где сейчас собрались молодые люди и девушки, песок был плотно утопан и усыпан обломками скал. Девушки использовали эти плоские камни в качестве своеобразных пьедесталов, на которые они жестами и голосом, похожим на щебетанье, приглашали подняться своих молодых людей.

Стоя рядом с Эндрю, Лиз смотрела на эту картину. Неожиданно одна из девушек, более храбрая, чем все остальные, взяла Лиз за руку и указала на один из плоских обломков скалы. Девушка безостановочно хихикала и тараторила о чем-то, тогда как Лиз, обернувшись назад, искала взглядом отца, как бы спрашивая, как ей поступить, пока тот, махнув в удивлении рукой, не разрешил ей следовать за девушкой.

— Все это выглядит достаточно невинной забавой, — подбодрил он ее, — так что будет лучше, если ты присоединишься к ним.

Лиз пришлось подняться на обломок скалы и ждать, что будет дальше.

А вокруг нее из толпы один за одним стали выходить молодые люди, они поднимались к девушкам, что стояли на своих небольших возвышениях, и после этого какой-то еще мужчина подходил к ним и процарапывал на плоскости каждого обломка контуры стоп каждой пары, дополняя получен-

ную кривую кругом и еще, насколько могла видеть Лиз, какими-то символами внутри этого круга.

Стоя на плоском камне одна, Лиз чувствовала себя белой вороной и более чем просто глупо. Но как раз тогда, когда она стала размышлять о том, как ей убраться отсюда и при этом никого не обидеть, Лиз увидела, что Роджер подошел к ее отцу и теперь смотрел в ее сторону. Менее чем через минуту он уже стоял рядом с ней, жестом приглашая мужчину в синих одеждах начертить свои иероглифы и возле их ног тоже.

На этом вроде бы с этой церемонией было покончено. Пары стали рассматривать начертанные символы, отпуская шутки по этому поводу. Потом, прежде чем проститься со своей партнершей, каждый мужчина взял ее за руку и, низко поклонившись, приложил эту руку к своему лбу. Что же касается Роджера, то он, вместо того чтобы повторить эту процедуру, бросил своим ближайшим соседям несколько насмешливых замечаний на языке туарегов и, прежде чем Лиз поняла, что происходит, обнял ее и поцеловал прямо в губы, пылко, властно и с такой силой, противостоять которой у Лиз не было сил.

Наконец, сопровождаемый восторженными комментариями со стороны девушек, Роджер отпустил Лиз. Девушки кричали, хлопали в ладоши, а одна из них — та самая, которая уговорила Лиз присоединиться к ритуалу, — подскочила к Роджеру и, уперев руки в бока, подняла лицо, как бы настаивая на том, чтобы он поцеловал ее тоже. Но тут внезапно ее одолела робость, и она снова спряталась в толпе своих друзей, которые, перед тем как им всем уйти, направились на нее и стали громко ругать.

Скроив гримасу, Роджер опустил глаза на Лиз.

— Надеюсь, — сказал он, — я не подорвал устои здешней морали! Возможно, в конце концов, все это было просто ошибкой.

Лиз глубоко вздохнула, чувствуя, как воздух буквально с болью выходит из грудной клетки.

— Ну, что касается меня, вы можете не сомневаться, что все это было ошибкой! — сказала она. — Как вы могли? Нет, как вы могли совершить такое перед всеми ними? И в любом случае, что значил данный ритуал? Вы должны были знать, что я не имела о нем никакого представления!

— Но если вы не знали, что же вы там делали вместе со всеми другими красотками? — с вызовом бросил Йейт.

— Одна из местных девушек — та самая, которая только что подходила к вам, — пригласила меня принять участие, и папа решил, что мне не следует отказываться. Он тоже не больше моего знал об этом мероприятии, за исключением того, правда, что еще до его начала один из мужчин подходил к нему и спрашивал, как меня зовут.

Роджер не сводил с нее глаз.

— Но теперь вы думаете, что все знаете, и не это ли является причиной демонстрируемого вами негодования?

Лицо у Лиз покраснелось от гнева.

— Я ничего не демонстрирую! Но конечно же я смогла догадаться или почти смогла. Ну как мне не догадаться, когда все вокруг меня столь недвусмысленно стали разбиваться по парам. Это был какой-то ритуал, что-то вроде ухаживания, верно?

— Верно, — сухо кивнул Йейт, — но если это была всего лишь церемония, какая-то часть невинного ритуала, из-за чего вся эта ерунда? Или же вы что, ждали, что я позволю вам простоять третьим лишним, чем-то вроде девицы без кавалера на танцах?

— Вы могли бы подойти ко мне и, объяснив, в чем дело, увести меня оттуда!

— Ну как вы могли подумать, что меня можно обвинить в таком неблагородном поступке?

Возмущенная насмешкой, звучавшей в его голосе, Лиз резко возразила ему:

— Во всяком случае и если учесть, что применительно к нам вся эта инсценировка ничего не значит, целовать меня подобным образом на публике да еще делать при этом вид, будто бы вы искренни в своих намерениях, — это гораздо более неблагородный поступок! Если уж вам так угодно придерживаться ритуала, вы могли бы просто склониться над моей рукой, как это сделали все остальные мужчины.

— Не согласен. Во всяком случае, тогда я был не согласен. В конце концов, подобный способ выражения лучших чувств — это не наш обычай, и откуда мне было знать, что вы найдете процесс обмена простым приветственным поцелуем настолько неприятным.

— Это вовсе не было приветственным поцелуем!

В ответ он рассмеялся:

— Ладно, ладно! Выходит, что я не заслуживаю совсем никакого доверия, хотя бы как исполнитель достаточно впечатляющего действия? Во всяком случае, это понравилось нашим гостеприимным хозяевам, а вы слышали, как я объяснял им, что таков наш европейский способ скрепления союза, возникшего между нами благодаря их церемонии?

— Вы знаете, что я не поняла ни слова из того, что вы им сказали. И какой это там союз? Вы понимаете под ним ритуал, при котором они что-то нацарапали на камне? И ради бога, чего же они там нацарапали?

Прищулив глаза, Роджер окинул ее задумчивым взглядом:

— Вам случалось когда-нибудь задумываться о тех, кому приходило в голову вырезать на стволе дерева сердце, пронзенное стрелой, и некие инициалы под ним? Некоторые из подобных символов бывают свежими, сделанными вчера или позавчера, тогда как другие оказываются настолько стершимися и уже настолько малозаметными, что тот факт, что некие Боб и Лил, которым принадлежат эти инициалы, уже давно состарились, если живы вообще?

— Да, конечно.

— Так это то же самое. Процарапанные на камне контуры ступней, круг и иероглифы — это туарегский эквивалент вырезанного на дереве сердца, пронзенного стрелой. Вся разница в том, что, не имея подходящих деревьев, они вместо них пишут свои «Махмуд+Дассина = Любовь» или «Бени+Абба = Любовь» на камне. И раз уж об этом зашла речь, — тут Роджер искоса посмотрел на Лиз, — и здесь ветру и солнцу придется поработать столетие или два, чтобы стереть эту надпись «Роджер любит Лиз».

Лиз устала на него.

— Они не могли написать это! — воскликнула она.

— Извините, это просто образное выражение. Сомневаюсь, что у них вообще есть письменность, что они вообще могут писать на том языке, на котором говорят. Но они начертали символ, который, по их мнению, может обозначать мое имя, и еще один символ для обозначения вашего имени. Насколько я могу видеть, в этом нет ничего плохого. В конце концов, вряд ли кто-то из тех, кто проявляет интерес к любому из нас, когда-либо увидит эту надпись или поймет, что она означает.

— Но если это древний обычай туарегов, тогда это и вовсе плохо, что мы позволили им думать, будто бы мы...

дали друг другу клятву верности подобно всем остальным парам?

— Не думаю, что мы нарушили какую-то из их заповедей, — пожал плечами Йейт. — Позволю себе утверждать, что множество союзов, возникших сегодня, увидят свет завтрашнего дня и, может быть, даже окажутся еще короче нашего.

Лиз почувствовала руку Роджера у себя на локте.

— Вы же не станете возражать, если я скажу, что вы делаете из мухи слона? Мне очень жаль, если я заставил вас смутиться, но я не стану ломать голову над тем, какой эффект произвело на наших здешних друзей это представление. Как мне тогда казалось, было бы невежливо, если бы мы не подыграли им на этом спектакле. Так что забудьте обо всем и скажите себе, что это не имеет ровно никакого значения. А тем временем нам пора ложиться на обратный курс. Так что если вы с Эндрю пойдете к машине, я тем временем отыщу Тин Акелу и поблагодарю его за гостеприимство.

Однако Эндрю тоже захотел поблагодарить хозяина, и поэтому Лиз подошла к машине первой и, когда они вернулись, уже сидела на заднем сиденье.

Эндрю внимательно посмотрел на свою дочь.

— А ехать на переднем сиденье ты больше не желаешь, Лиз? — спросил он.

— Нет. Я устала.

Эндрю вполне устроил этот довод, и он кивнул, соглашаясь с ним. Но не Роджера. Садясь на место водителя, он холодно бросил через плечо: .

— Вы знаете, все эти дипломатические уловки типа «У меня заболела голова» здесь вовсе не обязательны. Я признаю себя виновным. — И, повернувшись к Эндрю, добавил: — Лиз демонстрирует, что чрезвычайно возмущена моим поведением, поскольку я поцеловал ее на глазах у всего населения, собравшегося здесь!

— Но ведь это же абсурдно! — Нахмурившись, Эндрю повернулся к дочери. — Лиз, неужели ты и вправду станешь дуться из-за этого? Неужели ты, если верить Роджеру, не смогла отнестись к этому делу с должным пониманием — как к шутке? По сути дела, это я предложил ему встать рядом с тобой на камне. А также поцелуй вместо их приветственного «салам!». Ну зачем из-за этого портить настроение и себе и окружающим?

— А затем, что от начала до конца это было сплошное недоразумение! — запальчиво ответила она.

— Ну и все равно, зачем валить всю вину на Роджера? Почему бы тогда не обвинить и меня — за то, что я предложил тебе принять участие в этом обряде?

Со стороны Лиз было бы просто невозможным безрассудством требовать от своего сердца, чтобы оно искало продолжения ссоры. «Ведь тот, кто целовал меня, — бездумно, не придавая поцелую никакого значения и не догадываясь о том, как мне хотелось бы, чтобы он целовал меня снова и снова, — это же был Роджер!» — подумалось ей. Вслух же она сказала:

— Только потому, что ты не более моего знал про цель и назначение этого обряда. — А потом добавила устало: — Папа, давай больше не будем об этом. Что сделано, то сделано, и если ни один из вас не способен взглянуть на все это моими глазами, то я... одним словом, мне жаль, что я придала всему этому такое значение.

Какое-то время Эндрю выглядел так, как будто он сомневается, рассматривать ли последние слова Лиз как какую-то форму извинения. Затем он сказал:

— Да, пожалуй, давай больше не будем, — и, вновь повернувшись к Роджеру, тактично переменял тему разговора.

«Инцидент исчерпан? Да, я полагаю, что да», — подумала Лиз, вспомнив, что даже те несколько процарапанных на камне линий, которым предстоит связать ее имя с именем Роджера, в течение столетий будут говорить свою ложь безжалостному солнцу.

Да нет, в этой истории любви все было верно! Только Элизабет в ней была не та, что нужно, вот и все. Все было столь же просто, сколь и мучительно.

Глава 7

Роджер не рассказал о том, что произошло на празднике ахал, ни Дженайне, ни Бет. Лиз была уверена, что у Дженайны хватило бы такта не подтрунивать над ней; однако Бет не преминула бы.

Поэтому Лиз решила, что ей следует благодарить судьбу за то, что для Роджера все это происшествие значило настолько мало, что он даже не стал рассказывать о нем Бет.

Не то чтобы это обстоятельство позволяло ей при встрече с ним чувствовать себя спокойнее. В больнице все было по-другому. Но в клубе, в доме Дженайны Карлайен или же у себя дома Лиз стралась либо избегать встреч с ним, или же, когда это оказывалось невозможным, сама поражалась своей грубости и недостойному обращению с Йейтом, но иначе вести себя не могла.

Поэтому ей вовсе не пришлось удивляться, когда Эндрю призвал ее к порядку после одного из вечеров, который они провели в клубе.

— Мне вовсе не хочется возвращаться к этой теме, — сказал он. — Но если из-за этой истории на празднике ахал у тебя по-прежнему напряженные отношения с Йейтом, я бы на твоём месте постарался позабыть о ней.

Негодую, Лиз вскинула голову:

— Я ему не говорила никаких резкостей!

— Согласен, не говорила. Но в последнее время один-два раза ты буквально балансировала на грани грубости по отношению к Роджеру. Поэтому я считаю нужным напомнить тебе, что открыто демонстрировать свою неприязнь к кому-либо — это чистой воды ребячество, причем далеко не в лучшем смысле этого слова. Конечно, моя милая Лиз, я не забываю, что ты еще ребенок, причем в самом лучшем смысле этого слова! Однако к тому времени, когда ты научишься лучше управлять собой, тебе придется узнать, что вовсе не нужно лицемерить, для того чтобы держаться в рамках обычной вежливости по отношению к людям, которые тебе не особенно симпатичны. Да, кстати, что же тебе так не нравится в Роджере Йейте?

Слава богу, что вопрос был поставлен так, что позволял отвечать на него уклончиво. Отвечая, Лиз сказала чистейшую правду:

— Он постоянно делает так, что рядом с ним я чувствую себя маленькой и глупой. Кроме того, даже когда Бет Карлайен отсутствует, она всегда... незримо находится рядом с ним. А мне просто не нравится Бет Карлайен, совершенно не нравится!

— Тебе не нравится Бет? — удивился Эндрю. — Да что же может не нравиться в этом дитя? Она кроткая и совершенно безобидная...

— Да, знаю, а также «хрупкая и беззащитная»! — встала Лиз, цитируя запомнившиеся слова. — Но, папа,

я не нашла в ней ни одного из упомянутых тобой качеств.

— Но ведь тебе же нравится Дженайна Карлайен, не так ли?

— Очень нравится, — подтвердила Лиз. — Но это обстоятельство отнюдь не заставляет меня точно так же относиться к Бет.

Эндрю улыбнулся:

— Ну хорошо, я больше не буду развивать эту тему. Просто помни, что в таком небольшом мирке, как наш, здесь для доброжелательного отношения всех друг к другу нужно сделать своими друзьями как можно большее количество людей.

Лиз почувствовала, что отчаянно нуждается в ком-то, кому она могла бы доверить свои переживания. Но кому здесь она могла бы поведать о своих печалях? Отец не понимал ее; Крис — он сам влюблен, ему будут чужды ее страдания, даже если она и решится причинить ему такую боль. А можно ли обратиться к Дженайне, которая любила Бет так, словно сама была ее матерью? Лиз не с кем было поделиться своими горестями, но в это самое время случилось нечто такое, после чего все ее беды отошли на второй план.

В то утро Лиз дежурила на коммутаторе больницы, и только она в ответ на звонок абонента произнесла свое дежурное «L'Hospital Père Foucauld»¹, как сразу же узнала голос своего отца.

— Это ты, папа? — обрадовалась Лиз. — Конечно, мой французский стал заметно лучше, но я все равно содрогаюсь, когда слышу входящий звонок, потому что боюсь не понять, что мне говорят. Здесь все говорят так...

— Хорошо, хорошо, Лиз, — перебил ее Эндрю, — однако послушай меня, дело не терпит отлагательств. Я говорю с участка нефтедобычи. Здесь случилась авария, два человека пострадали. Насколько тяжело, мы этого не можем сказать, им была оказана первая медицинская помощь, и сейчас они находятся на пути к больнице. И еще, Лиз, ты не особо волнуешься, но один из пострадавших — Крис Соупер.

— Крис! Боже мой, папа, что с ним случилось?

— Получилось так, что один из зарядов, которые они используют для снятия своих сейсмограмм, взорвался у него в

¹ «Больница «Отец Фуко» (фр.).

руках в тот момент, когда его напарник проводил наблюдения. Взрывной волной их обоих сбило с ног, но тот, второй, которого зовут Миллер, он только слегка контужен и немного опален. У Криса обожжены руки, предплечья и глаза.

— Он ослеп?

— Мы должны молиться, чтобы этого не случилось. Я надеялся, что этим утром ты не будешь дежурить на коммутаторе. Но я не жалею, что мне выпало рассказать тебе о случившемся, и, может быть, все еще не так плохо в конце концов. Для медицинской карты тебе будут нужны некоторые подробности...

— Да, я слушаю. — Ошарашенная, Лиз переключила коммутатор на внутреннюю линию и передала известие об аварии и об ожидаемом прибытии пострадавших в травматологическое отделение.

Лиз ничего не было известно вплоть до того часа, пока не пришла медицинская сестра, чтобы сменить ее. А после этого, когда она пробежала через двор больницы в травматологическое отделение, ее задержала Дженайна Карлайен.

Через открытое окно своей машины она протянула Лиз руку:

— Дорогая, я приехала, чтобы найти тебя. Ты уже слышала про Криса Соупера?

Лиз удивилась: Дженайна все еще должна была находиться в школе.

— Да, когда папа позвонил с участка нефтедобычи, я как раз дежурила на коммутаторе. Не знаю никаких подробностей, кроме того, что Крис ранен, вот и все. После этого никаких новостей ко мне не поступало. Но вы-то как узнали об этом происшествии, миссис Карлайен?

— От Роджера.

— О-о! А он уже осматривал Криса?

— Я думаю, только поверхностно. Ты же знаешь, лечением Криса будет заниматься хирург. Сегодня в школе Роджер проводил медосмотр и рассказал мне об этом происшествии. Еще он сказал мне, что ты сегодня будешь дежурить где-то внутри здания больницы, но может случиться так, что эта новость до тебя не дойдет. Поэтому он попросил меня приехать сюда и сообщить тебе это известие, а также отвезти тебя домой, коль скоро отец не сможет заехать за тобой.

— Но вы-то разве сейчас не должны находиться в школе? — спросила озадаченная Лиз.

— Он упросил настоятельницу школы разрешить мне уйти из школы пораньше, чтобы я смогла перехватить тебя, как только ты закончишь дежурство. Он очень беспокоился за тебя, Лиз.

— Зачем же так обо мне беспокоиться?

Мимолетная улыбка коснулась губ Дженайны.

— Но, *chérie*¹, то, что вы с Крисом Соупером являетесь добрыми друзьями, ни для кого не секрет, в том числе и для него! Так что для него было вполне естественно побеспокоиться о том, чтобы у тебя не было лишних огорчений, не правда ли?

— Наверное, да. Он очень добр ко мне.

Позже Лиз смогла увидеть, что ирония этой бескорыстной доброты разрушила всю тщательно построенную ею линию обороны против Роджера. Всегда получалось так, что эта его способность переходить от презрительной насмешки к совершенно неожиданным заботе и вниманию разрушала все ее планы.

Но в тот момент беспокойство за Криса вынудило Лиз на время оставить эту мысль.

— А каково состояние Криса? У Роджера, когда он встречался с вами, были хоть какие-нибудь сведения о нем?

— Ему были известны результаты первичного осмотра, проведенного доктором Фремье. — С этими словами Дженайна указала на сиденье рядом с собой. — Лиз, садись в машину, и я тебе все расскажу. Крис получил сильную контузию, и у него обгорели кисти рук, предплечья, шея, лицо — все, что не было защищено одеждой. А также глаза... Доктор Фремье не может сказать ничего определенного. Однако, Лиз, на этой стадии лечения ни один доктор не скажет чего-либо определенного. Но у Криса временная потеря зрения, и конечно же он страшно напуган, а это не улучшает его состояния.

— Звучит не слишком успокаивающе, — вздохнула Лиз. — А как вы думаете, его можно будет видеть?

— Пока еще нет. Но когда будет можно, Роджер даст нам знать.

— Ясно. А что с другим пострадавшим? — спросила Лиз.

— Да ничего серьезного. Небольшое сотрясение мозга, но в больнице его не оставили. Лиз, похоже, Крис тебе бо-

¹ Милая (фр.).

лее чем просто нравится, а? — переменяла тему разговора Дженайна.

— Да. Но мы с ним только друзья. У него был какой-то неудачный роман в Англии, и мне все время кажется, что он так и не смог забыть ту девушку.

— Так я и думала, — кивнула Дженайна, — несмотря на все утверждения Роджера, что вы глубоко привязаны друг к другу. А вы просто находите удовольствие в обществе друг друга, проводите вместе все свое свободное время — танцуете, плаваете и вместе веселитесь, не правда ли?

— Да. Крис готов участвовать во всем, что обещает смех и веселье...

Дженайна бросила на Лиз взгляд, полный сочувствия.

— Ты знаешь, — сказала она, — я бы не стала говорить тебе обо всем, что случилось с Крисом, включая и худшее, если бы считала, что ты не сможешь достойно выслушать все это. Так что теперь ты должна стать храброй. А когда тебе разрешат увидеть его, ты не станешь добавлять к его отчаянию свое собственное и усиливать тем самым его страдания?

— Нет, конечно нет, — пробормотала Лиз. — Но не хотите ли вы сказать, что для настоящего отчаяния есть повод?

— Я не знаю, — с грустью ответила Дженайна, — как я уже говорила тебе, этого не знает даже Роджер. Но я думаю, он хочет, чтобы ты была предупреждена.

Это было начало долгой цепи надежд и тревог по поводу того, удастся ли спасти зрение Криса или нет.

Его общее состояние перестало вызывать опасения после первых же двадцати четырех часов лечения, и степень поражения в результате полученных им ожогов оказалась гораздо менее серьезной, чем это выглядело на первый взгляд. Но и по истечении трех недель лечения доктор Фреми — французский хирург, наблюдавший Криса, — не хотел давать каких-либо гарантий по поводу полного исцеления своего пациента.

Если Крису повезет, у него спустя какое-то время сможет полностью восстановиться зрение одного глаза и частично восстановится зрение второго, так что Крис сможет возвратиться к нормальной жизни, не испытывая практически никаких помех. В худшем случае тот глаз, который пострадал в меньшей степени, сможет хоть как-то служить

ему, но другой глаз может навсегда остаться слепым. В конечном счете все решало время и, как утверждал доктор Фреме, наличие специалистов более высокой квалификации, чем он. И поскольку нефтяная компания «Пан-Сахара» взяла на себя всю ответственность за несчастный случай, у Криса имелись все основания обратиться по поводу своей болезни за консультацией к лучшим врачам-офтальмологам мира, как только он будет признан достаточно здоровым, чтобы отправиться на лечение.

— Меня хотят послать в Англию, в глазную клинику в Мурфилдсе, — сообщил он Лиз. — Однако я сказал, что готов поехать в Париж, в Берлин — в любое другое место, какое только угодно будет предложить. Но только не в Англию.

— Но почему, Крис? Там же самая лучшая клиника!

Но тот упрямо стоял на своем:

— Есть другие клиники, есть другие окулисты. Нет, подчеркиваю: нет. Я не намерен возвращаться в Англию, да еще в таком состоянии. И даже если случится так, что я здесь буду больше не нужен, все равно я и тогда не намерен поселиться в Англии.

— Крис, но ведь это твоя родная страна! — Сказав это, Лиз поколебалась и добавила: — Почему ты так говоришь, ты что — боишься возвращаться?

— Ничего я не боюсь!

— Но разве это не равносильно боязни, что такие связи могут возникнуть?

— Нет, не смогут. И в первую очередь именно ты должна знать почему. Лиз, — он протянул к ней руку, и Лиз быстро взяла ее в свою, — было бы несправедливо с моей стороны спрашивать тебя сейчас, изменилось ли что-либо в отношениях между мной и тобой. Но если бы изменилось, ты бы сказала мне об этом, верно?

— Ты же знаешь, что сказала бы!

— Ты не могла бы повторить эту фразу не в сослагательном наклонении. Так, чтобы это прозвучало «скажу»? Да нет, все в порядке — Крис сам ответил на свой вопрос. — Я знаю, насколько это любезно с твоей стороны — так ухаживать за мной. Особенно, — тут он улыбнулся, но, не согретая теплом его глаз, эта улыбка получилась горькой, — когда я даже и слышать не хочу о том, чтобы пойти тебе навстречу и согласиться поехать в Англию. Но я не поеду — это решено.

И ни один из них не знал, что не пройдет и двадцати четырех часов, как сама же Лиз и принесет ему известие, которое не оставит камня на камне от этого его решения.

Обязанности Лиз как медицинской сестры включали в себя также доставку разобранной почты по отделениям больницы, и у них с Крисом была договоренность, что она будет оставлять у себя все направленные в его адрес письма, а потом, после дежурства, приходить и читать их ему. Как правило, корреспонденция Криса была местной, ему писали друзья с участка нефтедобычи или кто-нибудь из Тасгалы; однако письмо, полученное этим утром, было отправлено из Англии и переслано в больницу Управлением нефтяной компании «Пан-Сахара» в Тасгале.

Сегодня среди ее почты было только одно письмо — то, что предназначалось Крису, и, прежде чем сунуть его в карман передника, Лиз с любопытством оглядела конверт. До сих пор корреспонденция, получаемая Крисом из Англии, ограничивалась весточками от деда, однако адрес на этом письме был написан другим почерком. Почтовая марка была тоже другой. И хотя, конечно, в Англии у Криса могло быть много корреспондентов, Лиз сочла странным, что это письмо было послано не на адрес Криса на участке нефтедобычи и не на адрес больницы. Его отправил кто-то, кто не знал, где оно найдет получателя, кто-то, кто вынужден был надеяться на то, что оно будет переслано адресату...

Подумав об этом, Лиз не произнесла, а скорее выдохнула одно-единственное слово: «Дженни!» — и снова посмотрела на конверт. Что тогда говорил Крис, рассказывая про то, как Дженни оставила его более двух лет назад? «...Я твердил себе: если я ей небезразличен, она найдет способ написать мне... Ей должно быть известно, что она может связаться со мной через нефтяную компанию «Пан-Сахара».

— Нынешним утром только одно письмо, Крис, — сказала Лиз, глядя, как его пальцы вскрывают конверт и разворачивают листки письма, прежде чем передать их назад, чтобы Лиз прочла ему то, что там написано.

Крис сморщил нос в насмешливой гримасе.

— Только одно? — протянул он. — Моя популярность падает в глазах общественного мнения. Но хотя бы скажи, от кого оно?

— Крис, оно пришло из Англии. Это письмо от Дженни. Даже несмотря на загар, было видно, как он побледнел.

— Дженни? Не может быть! Дай мне его...

Но что Крис мог сделать с этим письмом, кроме как шестеть его страницами, страдая от собственного бессилия?

— Откуда ты знаешь, что это от Дженни? Что, оно подписано именно так? Или же там стоит подпись «Дженни Эдрайен»?

— Просто «Дженни».

— Как же оно пришло сюда? Как оно нашло меня?

— Я думаю, что через местное отделение нефтяной компании «Пан-Сахара».

— Значит, она-таки воспользовалась этим способом связи. — Крис произнес это с горечью. — Ну хорошо, Лиз. Как я полагаю, в знак благодарности за то, что это всего лишь письмо, а не тисненное серебром приглашение на ее свадьбу, мне следует кланяться, пока не расшибу себе лоб!

— С твоего позволения, мне бы не хотелось читать его, Крис. Пусть кто-нибудь еще...

— Ерунда. Я предпочел бы услышать его содержание от тебя, чем от кого-либо еще. Разумеется, если ты не имеешь ничего против. А ты и не должна иметь что-либо против, Лиз. Ну разве это не смешно — Дженни вновь появляется на сцене, и именно сейчас!

Думал ли Крис о том бедственном положении, в котором он оказался, или о том, что прошло слишком много времени для того, чтобы Дженни значила для него хоть что-нибудь? Лиз пробежала глазами по листкам письма — вычеркнутые слова, выразительные тире и все остальное.

— Это... это очень личное письмо о любви, — сказала она, — ты по-прежнему хочешь, чтобы я прочитала его тебе?

— Кто-то же должен его прочесть, я полагаю?.. Что? Письмо о чем? Откуда ты знаешь?

— Боже мой, Крис, я просмотрела его по диагонали. Это такое письмо, какое, я думаю, написала бы я сама человеку, которого давно и долго люблю.

— Когда ты говоришь, что любишь, то, как я всегда считал и считаю, это значит надолго, можно сказать, навсегда. Этот твой роман с Робинсом, он ничего не значит. Он унижил тебя. Но ведь у меня с Дженни все было совсем не так, верно?

— Я думаю, что да. Но, Крис, в любом случае воздержись от окончательных суждений. Слушай, что здесь написано.

Спустя пять минут или чуть больше в палате наступила тишина. Потом Крис сказал с удивлением:

— Они убедили ее; что я согласился, что до тех пор, пока она не достигнет совершеннолетия, мы не должны ни встречаться, ни переписываться! Это, конечно, ее мамаша. Отец у нее — хороший парень. Вернее сказать, был. Когда, по ее словам, он умер?

— В прошлом году.

Крис согласно кивнул:

— А после этого ее мамаша устроила эту инсценировку на тему: «Возможно, теперь ты и сама не захочешь покинуть меня!» Лиз, ну почему родители хотят, чтобы дети навеки оставались с ними?

— Отнюдь не все. Мне думается, лучшие из них просто хотят держать нас в узде, а мы обижаемся даже на это. Я знаю, что отец...

Но Крис не слушал ее.

— Но как, как она могла вообразить, что я уйду вот так, не сказав ни единого слова? Ведь я же надеялся услышать что-нибудь от нее. А в это время ее родители добились, чтобы она дала такое же обещание, какое, по их словам, дал я — то есть не поддерживать никаких контактов до тех пор, пока ей не исполнится двадцать один год. Лиз, но ведь мне не оставили даже такого выбора! Мне просто сказали, чтобы я не лез, куда не просят. А с тех пор, как она стала совершеннолетней, должно быть, это случилось один или два месяца назад, как мне теперь кажется, просто ждала, пока...

— Пока не написала тебе сама, потому что иначе поступить не могла, — осторожно вставила Лиз.

— Да. Послушай, Лиз, — тут Крис сделал паузу и с раздражением поправил свои темные очки, — черт бы побрал эти окуляры, как бы мне хотелось видеть твое лицо! То есть я хочу сказать, что все это значит для тебя? А для нас обоих? Нам-то вместе что делать в этом случае?

— А разве нам вместе нужно делать хоть что-нибудь, Крис?

— Но мы же хотели быть вместе. Я хотел быть с тобой. Но к чему это прошедшее время? Лиз, если предположить, что я не люблю тебя, тогда я вообще не знаю, что значит это слово. А тут снова появляется Дженни, и я не знаю, где кончается любовь к ней и начинается любовь к тебе! Помоги мне, я совершенно ничего не могу понять.

— Ты не можешь причинить мне никакой боли, Крис, поскольку я с самого начала знала, что во мне ты любил Дженни. Ну как мне это объяснить? Мне думается, ты влюбился в меня за мое сходство с ней. Я думаю, что твоя любовь к Дженни жива, как бы тебе ни хотелось думать, что это не так.

На это Крис ничего не ответил.

— Давно ли ты знаешь об этом, Лиз? — неожиданно спросил он.

— До настоящего времени я и сама совершенно не сознавала, что знаю. Но ведь это правда, ведь верно же? Так ты напишешь Дженни?

— Ты хочешь узнать, буду ли я диктовать ей ответ или нет, не так ли? Как по-твоему, мне сильно понравится подобное мероприятие?

— Знаю, что совсем не понравится. Но существует еще один способ послать ей ответ. Ты можешь послать ей телеграмму, а затем взять и поехать к ней.

— Поехать к ней? В таком-то виде? — Крис поднес руку к своим темным очкам. — И сделать ей предложение. Чего? Ты права, Лиз. Я никогда не прекращал любить Дженни. Однако не забывай, что она любит меня таким, каким помнит, и со всеми пятью органами чувств, а не как теперь — с четырьмя.

— Крис, да она же любит тебя! Об этом кричит каждая строчка ее письма. Ведь это она написала тебе, не так ли? Написала, как только освободилась от опеки своей матери и после того, как предоставила тебе достаточно большой срок, чтобы первым послать ей письмо, да? Она не пощадила свою гордость. Почему ты хочешь пощадить свою?

— Дело не в гордости.

— Твое будущее заключается в том, чтобы прислушаться к совету местных врачей и отправиться лечить свое зрение в Англию. Там тобой займутся лучшие специалисты мира. И, Крис, вот тебе несколько слов по секрету. В то время когда ты был настроен решительно против поездки в Англию, доктор Фремье в конфиденциальной беседе говорил Роберту Йейту, что он очень хотел бы обладать достаточной полнотой власти, чтобы заставить тебя отправиться туда, поскольку он убежден, что в Англии тебя вылечат. Так что, может, ты все-таки поедешь туда, как только тебя признают годным к перелету?

В ответ на это он сказал с покорностью:

— Перед тобой я чувствую себя совершенно беспомощным. Смогу ли я когда-либо отблагодарить тебя за то, что ты так много, слишком много, узнала обо мне и поняла меня?

Лиз взяла его руку в свою и сжала ее:

— В этом нет никакой моей заслуги. Мы — друзья, а именно для подобных случаев друзья и существуют. Чтобы знать нечто такое, благодаря чему они в решающий момент могут совершить чудо и оказать помощь, словно достать кролика из шляпы. И возможно, — тут на лице у Лиз мелькнула улыбка, которую Крис не мог видеть, — однажды я приду к тебе и попрошу прикрыть меня твоим широким плечом. Так что продолжай оставаться моим другом, ладно?

— Ладно? Только попробуй помешать мне в этом, вот что я тебе скажу! А пока могу ли я сказать кое-что?

— Говори, конечно.

— Благодарю тебя, Лиз. Благодарю тебя просто за то, что ты — это ты, а также за все остальное, вот и все. А теперь, нет ли у тебя с собой карандаша? Помоги мне составить эту телеграмму.

Однако случилось так, что Крис не сразу отправился в Англию вслед за своей телеграммой к Дженни. Хотя, будучи в больнице, он и находился более или менее в изоляции от окружающего мира, тем не менее он все равно попал в шестерку пациентов, заболевших лихорадкой денге.

— Понимаешь, в общем-то эта болезнь не убивает, — говорила Лиз сестра Олавия. — Однако из-за того, что, раз начавшись, она распространяется словно огонь, этот недуг — большая беда и неприятность. Ты чувствуешь себя нормальной и здоровой, а через час коченеешь от лихорадки. Опять же сыпь. Потом наступает период выздоровления — столь же долгий и утомительный, как и сама болезнь.

— Но всегда ли она поражает всех, приобретает характер эпидемии? — спросила Лиз.

— К сожалению, да, — вздохнула сестра Олавия. — До настоящего времени еще не разработано лекарства, чтобы остановить лихорадку денге, а поскольку к зиме она проходит сама собой, ни один из нас не способен приобрести к ней устойчивый иммунитет. Так что лучший способ побе-

дить лихорадку — это поступать так, как это делают нефтяники.

— Да почему? Они-то что могут с ней сделать?

— Как что? А разве не они привозят сырую нефть, которой поливают всякие камни и щебень, среди которых выводится эта зараза — в руслах высохших рек, в стенах рушащихся построек? И разве не сам доктор Йейт не давал властям покоя, изводя их требованиями вести профилактическую борьбу с этой болезнью. Однако нет надежды, что в этом году или в следующем она отступит перед его натиском, пусть даже он из тех людей, которые никогда не сдаются. Но кто знает, — заключила сестра Олавия и пожала плечами, — не может ли быть так, что, если бы нам не нужно было беспокоиться из-за этой денге, у нас были бы еще более серьезные поводы для беспокойства?

Все это было очень хорошо. Однако в течение следующих одной или двух недель, начав с малого количества пациентов в больнице, заболевание лихорадкой денге увеличилось уже до ряда случаев этой болезни в городе; оттуда она перекинулась на участок нефтедобычи и вновь возвратилась в кварталы туземных жителей, где она, скорее всего, родилась. Вслед за этим на город двинулась новая волна лихорадки денге.

В больнице, в отделении приема больных, не требующих стационарного лечения, с раннего утра и до глубокой ночи стояли очереди. В силу сложившихся обстоятельств оно превратилось в нечто вроде пересыльного пункта, где больных с тяжелой формой болезни направляли в стационар, а остальным давали успокаивающие средства и рекомендации по лечению болезни. На все приемное отделение выделялся только один врач. Остальную работу здесь выполнял младший медицинский персонал, не важно, имеющий или не имеющий соответствующую подготовку, главным было то, что болезнь все еще не коснулась данных людей.

Лиз была среди этих последних. По ее расчетам она, как не имеющая иммунитета к любым тропическим болезням, должна была бы одной из первых заболеть лихорадкой денге. Однако этого не случилось, и спустя несколько дней Лиз совершенно забыла о необходимости следить за симптомами, извещающими о начале заболевания. И в самом деле, физически она никогда не чувствовала себя так хорошо, как сейчас, и это при том, что подобно всем, кого не свалила

болезнь, она работала столько часов, сколько это было необходимо.

Ее отец тоже не стал жертвой этой лихорадки. Не заболела и Бет Карлайен, что было удивительно, поскольку Дженайна слегла, как только лихорадка денге оказалась в школе, опустошив ее в течение недели. К тому времени, когда пошла на убыль вторая волна эпидемии, Дженайна только-только начала поправляться, а в тот вечер, когда Лиз по дороге домой заглянула к ней, чтобы справиться о ее самочувствии, она была уже совсем здорова.

Бет тоже была дома, она делала вид, что занимается ремонтом больничного белья. Его принесла сюда Лиз в ответ на опрометчивое высказывание Бет, что здесь, кажется, нет таких дел, где могла бы понадобиться ее, Бет, помощь. Тогда Лиз на складе детского отделения быстро собрала порванное постельное белье и с тех пор стала регулярно носить его сюда.

Лиз вошла в дом, и Дженайна, которая отпарывала заплатку, вкось и вкривь поставленную Бет, отложила шитье в сторону.

— Дорогая моя, да ты просто валишься с ног от усталости! — воскликнула она. — Позволь мне чем-нибудь тебя угостить.

— Спасибо. Мне надо идти. — И Лиз присела на широкий подлокотник кресла Дженайны.

— Что же, если ты намерена идти домой, Бет отвезет тебя. А как сейчас дела в больнице?

— Мы уже почти справляемся. Когда я уходила домой, в приемном покое оставался только один пациент, такого у нас не было уже давно.

— А что, разве старшая медицинская сестра не ожидает получить какую-то дополнительную помощь из Эль-Голеи?

— Она ожидала. Но в Эль-Голее самой начинается эпидемия лихорадки денге. Хотя нам прислали еще одного врача, он немец из Алжира... — Лиз прервала себя на полуслове. Сидя на подлокотнике, она могла видеть, как за деревьями перед домом проскользнул автомобиль Роджера. Она сказала в ответ на удивленный взгляд Дженайны: — Я же говорила вам, что не могу задерживаться. Мне нужно быть дома еще до прихода папы. Нет, Бет, не надо подвозить меня, я доберусь и пешком.

Но Роджер уже стоял в дверях. Кроме того, в том проворстве, с которым Бет, отбросив шитье, бросилась Роджеру навстречу, с тем чтобы приветствовать его, был какой-то раздражающий вызов. Лиз решила не торопиться с уходом...

Войдя, Йейт с фамильярной нежностью взъерошил ее волосы. Затем он кивнул Лиз и согласился на предложение Дженайны чего-нибудь выпить.

А Бет ворковала:

— Ну до чего же я рада видеть вас, Роджер! Я не осмеливалась надоедать вам, боясь, что со всей этой лихорадкой вы просто оторвете мне голову. Что, положение улучшается? Лиз говорит...

— Как только вновь приступит к работе большая часть сестер и сиделок, мы справимся с эпидемией. Сейчас у нас больные лежат на всех кроватях, какие только нашлись в больнице, однако сегодня не было ни одного нового случая заболевания лихорадкой денге. Практически всех больных скоро можно будет отправлять на выписку. — С этими словами он повернулся к Лиз. — А вы когда освободились от дежурства?

— Примерно с полчаса назад. Когда была закончена работа в приемном покое.

Йейт посмотрел на свои часы:

— Ваша смена длилась двенадцать часов. Это слишком долго. В течение дня у вас были перерывы на отдых?

— Только чтобы поесть. Но, во всяком случае, я не устала.

— Все равно это слишком долго. Завтра вам лучше поработать в детском отделении. По крайней мере вечером, как только детей уложат спать, вы сможете освободиться от дежурства.

Его слова прозвучали как приказ, поэтому Лиз молча выслушала его. А Бет никак не хотела оставить Роджера в покое.

— Ведь вы же останетесь обедать с нами, не правда ли? Сперва я отвезу Лиз домой, уж очень она настаивает на том, что ей надо идти. Но после этого...

Йейт заглянул в свой стакан и послушал, как, ударяясь о стекло, звенят в нем кусочки льда.

— Спасибо, — сказал он, — но я не останусь. Не сегодня. В сущности, — при этом его взгляд скользнул мимо Бет в сторону Дженайны, — я пришел, чтобы спросить, не

пообедаете ли вы со мной? Ну разумеется, если вы достаточно хорошо себя чувствуете.

— Хорошо — не то слово! — улынулась Дженайна. — И мы буквально горим желанием. Да, Бет? Но где мы будем обедать?

— А я сегодня не собирался приглашать Бет, — невозможно сказал Роджер. — Я приглашаю только вас. Вы поймете? — И с этими словами он встал, не обращая внимания на озадаченный взгляд, который Дженайна бросила сперва на него, а потом на Бет.

— Конечно, пойду, — наконец сказала Дженайна. — Вы хотите, чтобы мы пошли прямо сейчас?

Йейт молча кивнул.

Дженайна, которую неожиданное приглашение явно привело в замешательство, обратилась к Бет:

— Я понимаю, мы не должны задерживать Лиз. Но ты должна убедить ее, чтобы она разрешила тебе отвезти ее домой. — Самой Лиз она сказала следующее: — Нет, Лиз, пожалуйста, не спорь, дорогая! А взамен, возможно...

«Она сможет провести вечер с нами, а как же». В любых других обстоятельствах Лиз дрогнула бы перед подобным предложением. Но ей хотелось помочь Дженайне, и, кроме того, в первый раз, с тех пор как она встретилась с Бет, ей было почти что жалко ее.

— И что ты скажешь на это? — взорвалась Бет, как только Роджер и Дженайна ушли.

— На что на это? — мягко спросила Лиз. — Миссис Карлайен уже переболела лихорадкой. А ты нет. Роджер заботится о тебе.

— Он еще никогда до этого не приглашал ее одну, — буркнула Бет. — Он хотя бы мог спросить, не против ли я...

— Бет, не будь ребенком! — усмехнулась Лиз.

— Я не ребенок! Он мог бы сделать это хотя бы в шутку, ведь мог бы? Он мог бы назвать любую причину, по которой ему нужно поговорить с маман наедине... О-о-ох!

Лиз заметила, что отвратительное настроение, в котором пребывала ее собеседница, стало исчезать, рассеиваясь как дым. А та продолжила:

— Но конечно же! Я хочу сказать, что я только что кое о чем подумала... — И по ее губам скользнула лукавая улыбка.

— Ты хочешь сказать, что готова простить Роджера, потому что считаешь, что он хочет поговорить с миссис Карлайен о тебе?

— Да, а разве ты не простила бы его? Но я все равно считаю, что ему не следовало делать из этого секрет. Но если уж он захотел поговорить с маман о нашей помолвке...

— Но если он захотел, ты-то ведь несомненно должна была бы знать об этом? Разве вы двое не должны были бы в первую очередь сами обсудить этот вопрос?

Бет самоуверенно вздернула голову:

— О да, мы достаточно хорошо понимаем друг друга и без лишних слов. Но, видишь ли, я еще несовершеннолетняя. И Роджер подумал, что маман понравится, что у нее спросят разрешения в первую очередь.

— На мой взгляд, это сильно отдает эпохой королевы Виктории и совсем не похоже на него, — отвечала на эти аргументы Лиз, не желая признаваться даже себе, насколько ей не хочется соглашаться с Бет. — Я должна тебе сказать, раз уж вы с Роджером находитесь в тех отношениях, о которых ты тут заявляешь, вам уже давным-давно пора бы быть помолвленными. Я полагаю, ты сама-то хоть представляешь уровень развития ваших отношений? Он хоть целовал тебя? Свою любовь к тебе он хоть раз как-то демонстрировал? Ты не сомневаешься в его чувствах по отношению к тебе?

— Не знаю, — ровно протянула Бет, — не знаю, есть ли у тебя право задавать подобные вопросы. Но я нисколько не сомневаюсь в его отношении ко мне. Кто сказал, что мне следует сомневаться?

— Но если ты не сомневаешься, почему же ты должна противиться тому, что по какой-то известной ему одному причине на этот раз он не захотел взять тебя с собой? — С этими словами Лиз встала. — Ну, если ты и впрямь намерена отвезти меня домой, — сказала она, — тогда поехали. И ради бога, даже и в том случае, если твоя маленькая проблема не найдет решения, не демонстрируй свое раздражение ни Роджеру, ни миссис Карлайен, когда она вернется домой.

На этот раз Бет подарила ей ангельскую улыбку.

— Я думаю, — сказала она при этом, — что она будет решена.

У Лиз такой уверенности не было. Не было никакого сомнения, что вел он себя сегодня особенно странно и вы-

глядел каким-то рассеянным. Было похоже на то, что хоть и временно, но меньше всего он думал о Бет, и его не слишком беспокоила ее реакция на такое его поведение. И еще он подчеркнул важность — почти что настоятельную необходимость — приглашения, сделанного им Дженайне.

Глава 8

Придя в больницу, Лиз узнала, что Роджер уже дал соответствующие указания о ее переводе в детское отделение, где в распоряжении сестры Олавии не осталось ни одного человека.

Хотя больных с серьезными заболеваниями не поступало, но из-за того, что отделение было заполнено до предела, время до полдневной сиесты пролетело в делах. А затем, когда дети заснули, сестра Олавия предложила выпить по чашке чаю и послала Лиз в крохотную кухоньку отделения, чтобы та приготовила его.

Кухонька выходила в коридор детского отделения, и едва Лиз залила чай кипятком, как услышала, что сестра Олавия разговаривает с кем-то.

— У меня никого нет, доктор, — говорила старая монахиня, — ни одной души, за исключением молоденькой девушки-англичанки, которая направлена сюда санитаркой.

— Никого? — услышала Лиз сомневающийся голос Роджера. — А как же сестра Бонавера? Мне казалось...

— Сестра Бонавера снова слегла, едва встав с больничной койки сегодня утром. Возможно, вам это еще неизвестно, ее осматривал доктор Херриот. Все та же денге. Однако, доктор, как же помочь вам? А вы не говорили с сестрой Урсулой? А с сестрой Доркас? А с любой из тех сестер, кто работает в других отделениях? Говорили? И ни одна из них не может поехать с вами?

— Ни одна. Я прочесал все отделения от начала до конца, и в любом из них все сестры нужны на своих постах. Моя последняя надежда заключалась в том, что, может быть, вы сможете выделить в мое распоряжение сестру Бонаверу.

— Я бы смогла, будь она со мной. Однако подождите, доктор, не может быть, чтобы вы не смогли бы сработать дело, довольствуясь не медсестрой, а кем-то из санитаров, а?

— Не смог бы сработать дело. — Лиз услышала, как рассмеялся доктор Роджер. — Полно, сестра, — продолжил он, — вы заставляете меня подражать вашему ирландскому диалекту. То есть я хочу сказать, что вообще мог бы избавить себя от необходимости брать с собой кого-то, если бы речь шла о санитарях-мужчинах. Но вам ведь известно, что нам приходится считаться со стеснительностью туарегов и условием, по которому врач должен осматривать женщин их племени только в присутствии медицинских работников женского пола?

— Конечно, известно. Нет сомнения, вам необходимо взять в поездку кого-то из женщин. Но я говорила о санитарях только потому, что могла бы обойтись без помощи молоденькой девушки-англичанки.

— Девушки-англичанки? А-а, вы имеете в виду мисс Шепард? Нет, я не могу взять ее, — резко и решительно произнес Йейт.

— Вы не можете взять ее у меня? Или не хотите брать ее вообще?

— Я не хочу брать ее в поселение туарегов. Она не является медицинской сестрой. У нее нет необходимого опыта.

— Она прилежная, ловкая и внимательная. А за несколько последних недель разве она не накопила уйму практического опыта? Так вы возьмете ее?

— Нет.

— Вы же сами понимаете, что, кроме нее, вам не с кем ехать, доктор.

— Да, но... — Наступила пауза, за которой последовал вопрос: — Она сейчас работает вместе с вами, а вы-то сможете обойтись без нее?

— Да, работает, да, смогу. Все малыши спят, и сейчас она готовит чай для нас двоих.

— Ну что же, ладно. Объясните ей, что мне требуется от нее, и направьте на больничный двор, чтобы она встретила меня там. Я позвоню ее отцу и скажу, что позже я доставлю ее домой живой и невредимой. Если меня в машине не будет, велите ей сесть в нее и ждать, пока я не подойду. И еще, сестра...

— Да?

— Позаботьтесь, чтобы она четко представляла, что от нее требуется, ладно? Скажите, что нас ждет работа, а не прогулка по пустыне с увеселительной целью, хорошо?

— Доктор, в этом нет никакой необходимости! Она доброе, благовоспитанное и скромное дитя.

— В этом я не сомневаюсь, — сухо сказал он. — Но поскольку в течение нескольких часов мне придется быть с нею наедине, возможно, ей потребуются заверения, что я тоже добрый, благовоспитанный и скромный.

— Мне бы не хотелось, доктор, чтобы в ее юную голову приходили какие-то фантазии!

— Хорошо, сестра. Скажите так, как сочтете нужным. Но у меня есть собственные основания желать, чтобы она знала, что это сугубо деловая поездка. Так что все равно скажите ей.

Хотя тактичная сестра Олавия изложила все сказанное Йейтом в более деликатной форме, все равно четверть часа спустя, когда они отправились в путь, Лиз все еще кипела от негодования.

Заводя машину, Роджер спросил ее:

— Вас проинформировали о нашем задании?

— Да. Лихорадка денге поразила поселение туарегов, в которое мы приезжали на праздник ахал. Вам поручили немедленно выехать туда, и вы взяли меня с собой, потому что незанятой и квалифицированной медицинской сестры для вас не нашлось.

— Верно, но не совсем. Да, это племя Тин Акелу, но они кочуют по другому маршруту. Это означает, что я не по той, а по другой дороге должен буду доехать до французского поста и там определить направление, по которому ехать дальше. Я даже не знаю, есть ли там дорога, пригодная для автомобиля.

— А как вы получили это известие? Что, кто-то из этого племени приехал в Тасгалу?

— Нет. Он доехал только до французского поста — там есть радиосвязь с Тасгалой, и *gardien*¹ передал сообщение. Похоже, что вспышка денге серьезно поразила племя, и мне придется осмотреть их всех. После этого на обратном пути я передам сведения о количестве больных, которых завтра нужно будет положить в больницу.

— А что я должна буду делать?

¹ Здесь: дежурный (фр.).

— Главным образом быть моим сопровождающим, когда я буду осматривать женское население племени. Вы умеете ставить градусники?

— Да.

— Что ж, неплохо. Вы сможете мне пригодиться.

На какое-то время наступила тишина. Потом Роджер спросил:

— А сколько времени вы уже работаете у нас?

— Пять месяцев. Нет, почти шесть.

— Можно сказать, стали почти что ветераном пустыни.

Что ж, *tempora mutantur*...¹

— Полгода назад кто мог бы предугадать, что вам окажется по плечу работа, подобная этой.

— Вы мне льстите. Но я и правда получаю удовольствие от каждой минуты своей работы. — Сказав это, Лиз замолчала. А потом, говоря себе, что это он, а не она завела разговор на личные темы, добавила: — Вы были невысокого мнения обо мне, не правда ли, в тот день, когда мы летели сюда на самолете?

Было видно, что он задумался над вопросом.

— Что, у вас сложилось такое впечатление?

— Да. И вы думали, что я испорченная девчонка, что у меня нет чувства благодарности к отцу и что я веду себя вызывающе.

— Но вы же не скажете, что я поверил в те качества, которых вы не проявляли? Я думал, мы обсуждали тогдашнее положение Эндрю, и в вопросе о том, что можно сделать для него, вы поняли меня буквально с полуслова.

— Однако обозвали меня зловредной маленькой негодницей, и это в тот момент, когда мысль о том, что это вы подали мне такую идею, была просто невыносима для меня. Кажется, вы совершенно не понимали, что я винила саму себя за то, что сама не додумалась до этого.

— Прошу меня простить. Я беру назад свои слова об испорченной девчонке. Теперь они к вам больше не подходят и, возможно, вообще никогда не подходили. — Роджер повернул голову и посмотрел на нее. — Вы повзрослели за эти шесть месяцев, Лиз.

— Вы так считаете?

¹ Начальные слова латинского изречения: «*Tempora mutantur et nos mutamur in illis*» — «Времена меняются, и мы меняемся с ними».

— Я бы сказал, что вы изменились почти до неузнаваемости. Например, какое большое дело вы сделали, окружив Эндрю заботой и вниманием, вы справляетесь с обязанностями санитарки в больнице, как я и надеялся, хотя и не мог быть уверенным, что вы на это способны.

Лиз вела проигрышную борьбу с радостным чувством, поднимавшимся в ней в результате его похвалы.

— Значит, вы думаете, что взрослым можно назвать лишь того, кто умеет должным образом противостоять возникающим трудностям? — спросила она.

— Нет, все гораздо сложнее. Но я всегда считал, что, когда вы перестали делать что-то из соображений показной храбрости и мобилизовали имеющуюся у вас твердость духа, это оказалось внешним признаком глубинных процессов, происходящих в вас.

— Но я решила остаться в Тасгале только из соображений бравады! Да хоть убейте меня, осталась только потому, что на самом деле я считала, что вы не верили в то, что я останусь.

В ответ на это Роджер весело рассмеялся.

— Что же, — сказал он, — благодарю вас за искренность. Значит, мое мнение постоянно побуждало вас к действию? — Йейт покачал головой. — Вы знаете, если бы я полностью поверил вам, это обстоятельство вынудило бы меня испытывать определенную неловкость. Но боюсь, вы преуменьшаете роль своего характера, который, как я знаю, слабым не назовешь. Теперь еще один вопрос, хотя, если у вас нет желания, вы можете на него не отвечать. Скажите, что помогло вам убедить Криса Соупера вернуться домой в Англию? Уж тут-то вы не можете сказать, что это я вдохновил вас на это!

— Как вы узнали, что я имею какое-то отношение к принятому им решению?

— От него и узнал, благодаря Фремье конечно. Никто не мог заставить Соупера отступить от своего решения не возвращаться в Англию. А вы смогли. В ваших силах было удержать его здесь, но вы убедили парня уехать. И уж это вы бы не стали делать, руководствуясь желанием не уронить свою репутацию в моих глазах.

— Но я знала, что в глубине души он хотел вернуться туда. Крис никогда не переставал любить девушку, оставшуюся в Англии. Он уверял, что это не так, но тем не менее...

— Это он сам сказал вам про девушку? — насторожился Йейт.

— Да.

— И когда вам стало известно о ней? Как долго вы жили с этим знанием?

— Ой, да все время. То есть, я хочу сказать, с тех пор, как я познакомилась с Крисом. У них с этой девушкой возникло какое-то недоразумение, и до тех пор, пока она совершенно неожиданно не написала ему письмо, это случилось уже после того, как он потерял зрение, Крис не хотел признаваться, что всегда помнил ее.

— Значит, я оказался не прав, и не нужно было прикладывать много сил, чтобы убедить его вернуться к ней?

— На самом деле не так уж и много. Он...

— Вы должны простить меня за то, что я проверяю вас, — перебил Роджер Лиз, — заставляя рассказывать то, что мне и так уже известно. Я хочу сказать, что Соупер рассказал Фреме про эту девушку и что это из-за нее он изменил свое решение не возвращаться в Англию. Но он добавил также, что это вы убедили его, а поскольку с вашей стороны это выглядело до некоторой степени донкихотством, мне захотелось выслушать вашу версию события.

— Донкихотством? — удивилась Лиз. — Но почему же? Мне не пришлось особо убеждать его, но вам-то должно быть понятно, что, поскольку максимальная вероятность спасти зрение предоставлялась Крису только в Англии, я должна была попытаться.

— Мне понятно то, что тот человек, которым вы стали за прошедшие шесть месяцев, чувствовал, что он не может не попытаться. И забудьте про донкихотство. На самом деле это слово для вас не подходит. А кстати, когда Крис уезжает?

— Как только доктор Фреме решит, что он полностью излечился от лихорадки денге. Если Крис известит нас заранее, я намерена перед отъездом устроить небольшую вечеринку в его честь. Может быть, и вы придете на нее?

Роджер посмотрел на нее с удивлением.

— Вечеринку? — переспросил он. — А доставит ли она вам радость? Да и ему тоже?

— Да ничего особенного. Просто тихо соберемся своим кругом, чтобы пожелать ему *bon voyage*¹. И я не понимаю;

¹ Счастливого пути (фр.).

почему это должно не понравиться Крису. В конце-то концов, даже если ему и не удастся восстановить свое зрение, ведь он все равно должен будет принимать гостей. И если он будет чувствовать себя лучше, вечеринка с целью отметить это событие не будет неуместной, верно?

— Я не думаю, что вам следует бояться того, что его не вылечат в Англии. Доктор Фреме на сто процентов убежден в том, что Крис поправится. Но все равно я бы не хотел, чтобы вы видели меня в числе приглашенных на этот ваш прощальный званый вечер, устраиваемый вами.

Лиз нахмурилась.

Далее наступила тишина, прерываемая только обрывочными фразами. Так продолжалось до тех пор, пока они не доехали до французского поста.

Gardien, которому надлежало сообщить Йейту указания по маршруту и направлению дальнейшего движения к новой стоянке туарегов, уже ждал их.

— А далеко до нее? — спросил Роджер.

— Километров тридцать пять, возможно, сорок.

— Так далеко? А как там дорога?

— Местами хороший рег, часто встречаются феч-феч. Вы взяли с собой кошму для проезда через зыбучий песок?

Роджер мотнул головой в сторону багажника.

— Да, — сказал он, — я никогда не выезжаю без нее.

— Вот и хорошо. Правда, в ней не будет никакой надобности, если только вовремя заметить феч-феч и разогнать машину.

— Не исключено, что мы будем возвращаться назад уже после наступления темноты. Что, дорога обставлена вехами?

— На каком-то отрезке пути трасса отмечена сложенными из камней пирамидами, но не везде. Но я покажу вам, куда ехать. После того холма, — и gardien показал на зазубренную гряду на горизонте, — там, где расходятся несколько дорог, берите левее. И начиная от этого места старайтесь держаться левее по всему маршруту вашего движения. Нужно будет объехать долину, где выходят скальные обнажения и лежат большие валуны, — на ее дне часто встречается феч-феч. После этого у вас будет длинный участок рега, на котором вы сможете развить приличную скорость. — Шаг за шагом он дал примерное описание маршрута, и Роджер кивнул в знак того, что понял.

Они приготовились ехать дальше, и Роджер спросил:

— Если окажется так, что мы застрянем где-нибудь на этой дороге, вы сможете приехать к нам на помощь?

— Этого я сделать не смогу, месье, — покачал головой *gardien*, — поймите меня, я не могу оставить дежурство на радиостанции.

— Я так и думал. Но мы и сами справимся с дорогой, я в этом не сомневаюсь! — И, выразительно вскинув руку в прощальном салюте, Роджер послал машину вперед.

Они, не встречая особых трудностей, ехали по показанной им дороге. Роджер великолепно владел машиной.

Стойбище туарегов возникло перед ними совершенно неожиданно. Кочевники разбили свой лагерь в крошечном оазисе под сенью финиковых пальм, окружавших цепочку прудов с солоноватой водой.

Как это бывало и раньше, вокруг машины собралась толпа зевак. Подбежавший посыльный тут же отвел Роджера в шатер Тин Акелу, после чего он и Лиз почти два часа подряд работали без перерыва.

В первую очередь Роджер осмотрел всех больных, у которых были явные признаки лихорадки денге, и взял на учет тех, кто нуждался в госпитализации. После этого он осмотрел каждого жителя стойбища и предупредил тех, у кого было подозрение на лихорадку денге, о необходимости соблюдать карантин. Осматривая заболевших, всем остальным Йейт безукоснительно отказывал как в таблетках, так и в инъекциях.

— Они любят уколы, — говорил он Лиз, убирая все свои инструменты. — Инъекции обеспечивают результаты, поэтому процесс лечения выглядит в их глазах чем-то похожим на колдовство. И в самом деле, им достаточно бывает сделать инъекцию простой воды, и вера в подобный метод лечения сделает все остальное.

Ночь опустилась задолго до того, как они поехали в обратный путь. Луны не было, но небо было чистым и усыпанным звездами, и любой более темный силуэт четко вырисовывался на его фоне. Но большую часть пути он вел машину на большой скорости и молча, заранее объяснив Лиз, что он рассчитывает приехать в Тасгалу еще до полуночи.

Еще довольно много километров отделяло их от французского поста, когда свет фар осветил их следующий естественный ориентир — низкую скалистую гряду, которая, казалось, преграждала им движение. Но они оба помнили,

что в этой гряде существовал более чем один распадок, и, хотя не было ни одной вешки, которая бы отмечала дорогу, что вела к распадку, где был нужный им проход, — одно только море вздыбленных песчаных волн, — они единогласно остановили свой выбор на одном и том же маршруте.

И оба ошиблись.

Роджер развил скорость, на какую только был способен автомобиль, но гребни песчаных волн, что лежали на пути к проходу, становились все выше и круче, а впадины между ними все глубже. Песок свивался в кольца вокруг их машины, с силой бил в стекло. Роджер отчаянно давил на педаль газа, машина накренилась, проползла немного вперед, потом задрожала, снова сползла в глубокую яму, выбралась из нее, сползла в другую и встала там окончательно.

Роджер выругался.

— Оказывается, это не тот распадок. На своем пути сюда мы никак не могли проезжать здесь.

— Да. А что же нам делать?

— Вы оставайтесь в машине, а я отправлюсь на разведку — посмотрю, насколько глубоко мы увязли в песке и сколько еще нужно добираться до следующего участка рега.

С этими словами он достал из кармана в дверце машины электрический фонарь и ушел. Спустя некоторое время Йейт вернулся и, прежде чем присоединиться к Лиз, которая не покидала автомобиль, обошел машину сзади.

— Мы даже увязли с перекосом, — сказал он, садясь в машину. — Задние колеса засели в песке на добрый фут глубже, чем передние, а глубина слоя рыхлого песка превышает два фута. Мне тут пришлось поковырять землю, чтобы выяснить это. В сорока ярдах впереди слой рыхлого песка становится тоньше, а еще чуть подальше эта колея сходится с той, которая нам нужна.

— Сорок ярдов подобного месива! Что, мы должны как-то выкапывать сами себя? А вы не можете заставить машину двигаться хоть как-то?

— Мог бы со временем — имей я какие-никакие орудия труда помимо своих собственных рук. Или будь у меня кошмы для движения по песку.

— Кошмы? Но мне казалось, вы говорили...

Роджер кивнул:

— Говорил. Но когда мы находились в поселении, я неосторожно оставил багажник машины незапертым, бо-

юсь, кто-то решил, что будет гораздо лучше, если кошмы будут лежать на полу у него в шатре. Еще у меня была пара совков; при удалении песка из-под колес машины ими гораздо удобнее пользоваться, чем лопатами — штыковыми или совковыми.

— Вы хотите сказать, что они тоже были украдены?

— Ах, не надо прикладывать мерки нашей западноевропейской морали к представлениям о том, что такое «мое» или «твое», принятым на Востоке. Кроме того, туареги — это не воры, что тащат все, что плохо лежит. Для этого они слишком гордятся своим происхождением. Я склонен думать, что кто-то, увидев эти вещи, пришел в восхищение и взял их, так сказать, взаймы, на временное пользование. Возможно, что, когда я в следующий раз приеду в это поселение, мне даже не придется спрашивать, кто взял эти принадлежащие мне вещи. Они будут возвращены мне со всем возможным почтением, и никто и не подумает, что их исчезновение могло разозлить меня. А пока что нам не выбраться отсюда, так как это не в наших силах, и вам предоставляется полное право винить меня за то, что я оставил багажник открытым.

— Но как же быть? — почти перебила его Лиз и продолжила: — Неужели нет никакого иного способа вытащить машину из песка?

— Никакого, разве что самому залезть под нее и нести на своих плечах все эти сорок ярдов или около того! Даже будь у нас совки, вам пришлось бы трудиться как пчелке, чтобы дюйм за дюймом поставить колеса на кошмы, прежде чем песок осыплется снова и сведет на нет всю вашу работу. Лиз, дорогая моя, — Роджер накрыл ее руку своей, не догадываясь, как взволновало девушку это бездумное прикосновение, — я отчаянно сожалею о случившемся, но боюсь, что нам придется остаться здесь. В лучшем случае до первого проблеска дня, когда я, возможно, смогу соорудить что-нибудь, что вытащит нас; в худшем случае до тех пор, пока кто-нибудь не приедет сюда и не вытащит нас отсюда.

— Мы остаемся здесь на всю ночь?

— Боюсь, что да. — Не сводя с Лиз взгляда, Роджер спросил: — Как вы думаете, наши репутации могут выдержать подобное испытание?

Лицо у Лиз вспыхнуло.

— Мы ведь бессильны что-либо сделать...

— И уж конечно, мы не позволим, чтобы нас заставили как-то оправдываться по данному поводу. Заботу об этом оставьте мне, — коротко и решительно сказал Йейт. — А пока давайте проанализируем положение, в котором мы оказались. Я не мог сказать тому gardien предельное время нашего возвращения, поскольку не знал, как долго мы будем находиться в поселении. Тем не менее он вскоре уже должен будет ожидать нашего появления на дороге. В этом случае нам остается ожидать, что у него хватит сообразительности связаться по радио с Тасгалой.

— А как же отец, ведь он же будет ждать нашего возвращения.

— Да. Я не мог сказать ему точный час нашего возвращения, я только сказал, что доставлю вас домой в целости и сохранности. Но Эндрю — наша главная надежда. Он первым начнет беспокоиться. Единственная закавыка здесь в том, что я всегда езжу со своими приспособлениями для самовытаскивания, и поэтому они могут заключить, что мы скорее сбились с пути, нежели увязли в песке, и на основании этого прийти к выводу, что будет гораздо лучше, если дожидаться утра и послать на поиски вертушку.

— Вертушку? Ах да, понимаю, вертолет. Но мы ведь не заблудились, верно?

— Нет. Нам точно известно направление движения. Но в любом случае несколько ближайших часов нам придется провести в неудобствах и в холоде.

— Мне не холодно.

— Но к тому моменту, когда взойдет солнце, вам, возможно, будет холодно. По ночам здесь доходит до заморозков. Вы не голодны? А пить не хотите? Я могу вам предложить немного шоколада из аварийного запаса, и, если хотите, на небольшой горелке с сухим спиртом, которую я всегда вожу с собой, мы могли бы приготовить чай.

— Чай?

— А у вас что, есть вода?

— Полный термос. Правда, кружка всего только одна. Так что чай нам придется пить по очереди.

На откинутой задней стенке багажника они вскипятили немного воды, заварили чай, а потом стали пить его, снова забравшись в кузов. Во время этого чаепития темой их беседы послужила постоянная озабоченность человека возможной нехваткой воды, и, недоумевая, Лиз спросила:

— На этот раз туареги разбили свой лагерь возле оазиса, где есть вода. Но как они добывают воду на той, другой их стоянке, там, где на мили вокруг только скалы и голая пустыня?

— А там они нашли фоггару. Возможно, что к ней их привели их же собственные верблюды, инстинкт которых позволяет им безошибочно учуять место, где имеется вода. Полагаю, вам не трудно вспомнить тот наш обмен мнениями, что состоялся под сенью холмов, выбранных туарегами в качестве защиты своей стоянки?

— Да, я помню. — Сказав так, Лиз подумала, зачем ему нужно намеренно смущать ее.

Но Роджер продолжал без малейшей запинки:

— Ну так вот, это были и не холмы вовсе, а гигантские песчаные дюны, которые могут служить колоссальными накопителями той влаги, что содержится в атмосфере. Эта влага просачивается сквозь песок дюн и скапливается в трещинах скальных пород, расположенных на глубине. Века назад в этих дюнах были сделаны тоннели, и до уровня воды были прорыты примитивные колодцы. Они имеют название фоггары, до сих пор находятся в рабочем состоянии, и нет никаких оснований считать, что когда-нибудь перестанут обеспечивать людей водой. Да и в любом случае, пустыня безводна только в своих верхних слоях.

— Неужели...

— Так сейчас считают специалисты. Среди прочих аргументов, приводимых ими, высказывается мнение, что реки, сбегаящие с Атласских гор, должны стекаться в какой-то природный резервуар, и открытие безграничных водяных запасов — это дело всего лишь нескольких лет. А после этого Сахара освободится от всякой зависимости от водных ресурсов.

— Вы и в самом деле верите в будущее пустыни, не так ли? — тихо спросила Лиз.

— Да, верю. Обязан верить. — Роджер потушил окурок своей сигареты и выкинул его в окно. — Я отдал ей большую часть моей трудовой жизни, и я должен верить, что в ней заключено все мое будущее.

— Вы этого хотите? Вы любите эти места?

— Да, я этого хочу. И когда мне придет время жениться, я надеюсь, что это произойдет здесь.

— Вы намерены жениться, не так ли? — Перед Лиз распахнулась бездна, и очертя голову она бросилась в нее,

подгоняемая странным желанием вынудить его сообщить ту новость, которую до сего времени ей думалось услышать от Бет.

— Давайте будем считать, что тут все зависит от милости богов, и кто знает, где кончаются ее пределы.

Лиз чувствовала, что в своих вопросах она зашла так далеко, что назад пути просто не было. Нет; она должна знать!

— Но... я полагала, что все уже решено, — произнесла Лиз заикаясь, — то есть я хочу сказать, что Бет...

— Бет? А какое она может иметь ко всему этому отношение?

— Самое непосредственное...

— Вы это сообщаете мне или же спрашиваете меня об этом?

— Думаю, что спрашиваю. То есть я хочу сказать, что в Тасгале каждый думает, что вы в конце концов женились на Бет.

— Под «каждым», очевидно, не подразумевается сама Бет. Если учесть, что ни она, ни я в наших разговорах никогда не касались темы брака, Бет вряд ли может думать что-либо подобное, верно же?

— Н-нет, я полагаю, что не может. — Лиз едва устояла перед соблазном воспользоваться предоставившейся ей возможностью отомстить. Она могла бы сказать: «Но ведь это же сама Бет распространяет подобные слухи и поощряет их». И все-таки что-то в характере Лиз не позволило ей опуститься до мелкой мести. Кроме того, решительное отрицание Роджером даже самой возможности помолвки оказалось для Лиз настолько сладкой музыкой, что одно это дало ей возможность быть великодушной.

А Роджер продолжал:

— Вы и сами не слишком уверенно говорите об этом. Очевидно, вы наслушались сплетен, в то время как Бет помалкивала. Но меня довольно сильно поразило то, что у вас никогда не возникало желания выслушать ее по данному поводу. Или же меня.

— Вас? Об этом мне даже и мечтать не следовало бы — о том, чтобы спросить вас!

— А почему бы и нет? — В тоне Йейта не звучало ничего, кроме искренней и мягкой заинтересованности.

— Потому что... это совсем не мое дело.

— Однако это оказалось делом болтунов в клубе, а также в гостинице и больнице? — Йейт безжалостно продолжал развивать эту тему.

Теперь Лиз возмутилась.

— Но это несправедливо! — так начала она свой протест. — Вам следует знать, что в такой небольшой общине, как наша в Тасгале, люди всегда будут говорить. Но как правило, это не более чем доброжелательный человеческий интерес к одному из своих ближних. В этом нет ничего предосудительного, а в вашем случае люди скорее выражают добрые пожелания, а не просто любопытствуют. Это скорее похоже на ситуацию, описываемую выражением: «Весь мир благоволит влюбленным». Вам следовало бы быть благодарным за такое отношение, а не злиться подобно безумному!

— Ладно, ладно! Успокойтесь. В любом случае меня раздражает не злость, а любопытство. Мне хочется знать, как это получилось; что кто-то стал истолковывать мои отношения с Бет как отношения влюбленных. Я полагаю, вам приходилось слышать, как все это началось — о том, как она и Дженайна Карлайен приехали в Тасгалу?

— Да. Полиомиелит сделал Бет калекой, а вы...

— А я вылечил ее, вы хотите сказать? Да, теперь я начинаю понимать, как появилась на свет эта история. Но в ней не все верно. У меня были кое-какие соображения по поводу методов лечения полиомиелита, которые мне хотелось бы испытать на практике, и Бет оказалась моим подопытным кроликом. Вот это действительно верно. Но есть еще ряд фактов, которые нельзя оставлять без внимания. Во-первых, несмотря на то что она выглядит трогательно хрупкой, физически Бет крепка и вынослива на зависть многим...

«Этого ты мне мог бы и не говорить», — с мрачной иронией подумала Лиз.

— А кроме того, Дженайна, благослови ее бог, всегда была убеждена в том, что все, что я делаю для Бет, — это правильно. И как мне кажется, это последнее обстоятельство, — теперь, казалось, он говорит больше сам с собой, а не с Лиз, — все время служило мне путеводной звездой, поскольку ни при каких условиях я не мог разочаровать Дженайну в ее надеждах. Что же, я не разочаровал ее, и сама Бет является очаровательным свидетельством своего полного выздоровления. И нет никаких поводов, за исключением одного, запрещающих ей выйти замуж хоть завтра.

— За исключением одного? Какого же?

— самого важного. Она к этому не готова. Она еще слишком молода.

— Мы с ней одного возраста, — напомнила Лиз, — что же, по-вашему, я тоже не готова к замужеству?

— Как я уже говорил вам, за последние несколько месяцев вы повзрослели, не знаю уж, то ли благодаря, то ли вопреки обстоятельствам. Зато я хорошо знаю Бет. Я знаком с ней дольше вашего, и уж если вы настаиваете на этой пространственной версии ее выздоровления, в том, чем она является сейчас, частично есть и моя заслуга. И я могу видеть, что она еще не достигла уровня развития, необходимого для того, чтобы быть счастливой в браке. Она все еще считает, что для того, чтобы привлечь мужчину и привязать его к себе, ей следует относиться к нему с почтением, соглашаться с ним, льстить ему и подражать во всем.

— Я думала, что, как считается, именно это и нравится мужчинам.

— Однако это не так. Ни один мужчина никогда не захочет, взглянув на жену, всегда видеть свое отражение, а также слышать, как высказанное им мнение воспроизводится для него с помощью такой жены-магнитофона.

— А как же тогда быть с этим: «Я намерен быть хозяином в своем доме»? — процитировала Лиз. — Многие мужчины время от времени говорят эту фразу.

— Это совсем другое. Признаю, она звучит довольно выскомерно. Но в ней заложен глубокий смысл. Быть хозяином — это включает в себя все: от желания работать ради жены до готовности сражаться за ее благо, если это будет необходимо. Это основные мужские потребности. В этом отказ мужчины поддакивать по любому поводу. Но такому мужчине не нужна и женщина, готовая во всем соглашаться с ним. И этим двоим самым важным друг для друга людям не приходится ни на йоту поступаться ни своим равенством, ни глубокой зависимостью друг от друга только потому, что они предпочитают вместе преодолеть все бури, а не дрейфовать в штиле безропотного согласия.

— Странные у вас метафоры, — несколько неуверенно произнесла Лиз, — то штормы, то штили...

Но Йейт только отмахнулся:

— Ну и пусть, зато сама мысль понятна. Суть в том, что пока еще Бет не обладает способностью самостоятель-

но формировать свою точку зрения. Ей нужен совет. Ей недостает искренности. Она ищет поддержки. И я должен сказать, что все это она делает с очаровательной беспомощностью. Но что касается меня, женщина, которую я захочу взять в жены, ничего подобного не должна делать, очаровательно это или нет, за исключением тех случаев, когда ей действительно нужна помощь или поддержка.

Он не собирается жениться на Бет! И в сказанном им не содержалось ничего такого, из чего можно было бы сделать вывод, что он влюблен в кого-либо еще. «Все зависит от милости богов», «женщина, которую я возьму в жены» — ведь это просто общие слова, не так ли? В них не содержалось ничего конкретного. И хотя любая попытка составить умозаключение типа «Он не любит Бет Карлайен, следовательно, благодаря этому появляется шанс у Лиз Шепард» не имела под собой никакой почвы, тем не менее подобное предположение привело Лиз на грань хрупкого, ничем не обоснованного возбуждения.

Она знала, что холодный рассвет завтрашнего дня не оставит камня на камне от ее иллюзий, что еще сегодня вечером Роджер может разрушить их одним своим словом или фразой, которая скажет правду: даже в тот раз, когда он целовал ее, как объект сердечной привязанности она для него не существовала и никогда не будет существовать. Лиз почти молилась: «Ну пусть моя мечта побудет со мной хоть еще немного, ну хоть чуточку!»

— До рассвета осталось пять часов, — сказал Роджер, посмотрев на часы. — Этого времени хватит на то, чтобы слегка вздремнуть. Боюсь, что умыться вы не сможете. Вода кончилась. Но может быть, вы воспользуетесь для этой цели кремом для бритья?

— Благодарю, у меня есть чистящий крем и туалетные салфетки. Однако где же это мне «слегка вздремнуть»?

— На заднем сиденье. Во весь рост вы там не растянетесь, но заснуть, надеюсь, сможете. А чтобы укрыться, когда ляжете, вот, возьмите это. — И с этими словами Роджер протянул ей мохеровый плед.

— А как же вы?

— Обо мне не беспокойтесь. С точки зрения беспокойства по поводу возможных намеков и того, что скажут люди, можете считать, что меня здесь нет. Как бы то ни

было, я намереваюсь отправиться на прогулку. Вы не боитесь остаться одна?

— Конечно нет. Что может случиться со мной?

Роджер улыбнулся и слегка коснулся щеки Лиз:

— Я надеюсь, что ничего. Ну, устраивайтесь поудобнее и сладких вам снов. Я возьму с собой фонарь.

Лиз легла на сиденье, подтянула плед к подбородку и стала вслушиваться в тишину безграничной пустыни вокруг нее.

Девушке не хотелось спать. Она хотела просто лежать вот так, собираясь с мыслями и чувствуя, какое это облегчение — освободиться от долгой и изнурительной ревности к Бет. Но вот ее веки сомкнулись, и она заснула здоровым сном уставшего за день человека.

Сквозь сон Лиз слышала, как возвратился Роджер. Еще до его прихода она нечаянно откинула плед и теперь почувствовала, как Роджер снова укрыл им ее плечи. Лиз пошевелилась, что-то пробормотала, но он ничего не ответил, а после этого всякий раз, когда Лиз просыпалась и засыпала снова, она смутно, сквозь сон, чувствовала, что Роджер рядом.

Вздвигнув то ли от шума, то ли от прикосновения, Лиз наконец проснулась окончательно и увидела Роджера. Лиз опустила ноги на пол, по-детски потерла кулаками глаза и улыбнулась ему.

— Как же крепко я спала! — сказала она.

Роджер улыбнулся ей в ответ:

— Мне ли не знать этого. Я пытался заговорить с вами — безрезультатно. Я пытался стянуть с вас плед — снова никакого эффекта. В конце концов мне пришлось прибегнуть к методу, которым была разбужена Спящая красавица. Это сработало.

Лиз не сводила с него глаз.

— Метод... Вы поцеловали меня?

Роджер кивнул:

— Так, ерунда. Недостойное внимания широкой общественности, но достаточно эффективное, чтобы рекомендовать его в качестве будильника. Я подумал, что мы могли бы вместе посмотреть на восход солнца. Оно вот-вот выйдет из-за горизонта.

Чтобы скрыть румянец, который запылал на ее щеках, Лиз повернулась к нему спиной и стала возиться с ремешками своих сандалий.

— Да, мне хотелось бы увидеть его, — сказала она сдавленным голосом.

Выйдя из машины, они встали, повернувшись лицом к востоку, и стали ждать. Прохладный ночной ветер ослаб до тихого шепота, но в воздухе возник иной звук, тонкий, но настойчивый, похожий на монотонное гудение вибрирующих телеграфных проводов.

Откинув голову назад, Лиз прислушалась. Роджер внимательно наблюдал за ней.

— Вы тоже слышите этот звук? Мне было интересно, слышен он вам или нет, — сказал он.

— Он какой-то странный, — прошептала Лиз. — И продолжает звучать, не утихая. А что это такое?

— Поющие пески — еще одно чудо пустыни, — объяснил Йейт. — Бет, например, не слышит песни песков. Дженай-не лишь временами удается услышать этот звук, а я всегда мог слышать его.

— Ну, как оказалось, это и в моих силах, — ответила на это Лиз, довольная этим уже потому, что она может услышать подобное явление, а Бет — нет.

К этому времени линия горизонта стала светлее и шире. Посылая в небо первые лучи света, солнце залило неярким мерцающим сиянием неровную поверхность песков.

В этот момент Лиз почувствовала, как руки Роджера легли ей на плечи, направляя и приглашая ее поднять голову и посмотреть на темноту, все еще висевшую над ними и далее за их спинами. Они вместе смотрели, как черное небо медленно превращалось в серое, потом в лиловое и розовое, а после рассыпалось на пуховые облачка, окрашенные в оттенки розового, особенно нежные на фоне синевы неба, которое через час или через два жара сделает совершенно бесцветным. Стремительно налетел ветер; солнце поднялось выше, и утро вступило в свои права.

Сведя брови к переносице, Роджер взглянул на Лиз:

— Все началось как сугубо деловая поездка, которая, согласно моим намерениям, должна была завершиться задолго до полуночи. И вы только посмотрите на нас! Заблудившиеся, немые, на расстоянии многих миль от ближайшего места, где можно надеяться на какую-то пищу, мы встречаем рассвет, как если бы...

— Как если бы что?

— Ну, как если бы мы были влюбленной парой, впервые встречающей вместе восход солнца.

Лиз сделала один-два шага в сторону, и рука Роджера скользнула с ее плеча. А в следующее мгновение ей стало ясно, что и его внимание более не сосредоточено на ней. Уперев руки в бока и вскинув голову, он стоял, напряженно прислушиваясь к чему-то.

— Вы слышите этот звук? — спросил Роджер, повернувшись к Лиз.

— Вы имеете в виду пески?

— Нет. Где-то идет автомобиль. И как мне кажется, не один. Прислушайтесь... — Напряжение покинуло Йейта, и он снова посмотрел в сторону Лиз. — Ну, вот и все дела. Сейчас нас окунут в поток жизненных реалий. Вы рады?

Лиз сделала глубокий вздох.

— Нет, — сказала она.

— Как это ни странно, я тоже.

И прежде чем уйти к колее, чтобы встретить приближающиеся машины, Роджер пристально посмотрел Лиз в глаза.

Глава 9

Все то время, пока Лиз наслаждалась горячей ванной, которую она обещала сама себе, возвращаясь домой, прошло в размышлениях о том, что способность мгновенно, от одного слова, переходить от радости к грусти, чтобы потом снова развеселиться, является одной из неизбежностей, сопровождающих то состояние, в котором находится влюбленный человек. И у нее самой, до того как Роджер признался, что он тоже жалеет, что это их приключение подошло к концу, настроение было хуже не придумаешь. И Лиз знала, что память об этом признании в течение долгого времени согревала бы ее душу, даже не будь того случайного открытия, сделанного ею после того, как он, увязая в песке, ушел от машины и скрылся за небольшим утесом, что был в сотне ярдов от них.

Сама же Лиз направилась к автомобилю и, увидев, что ветер наносит песок в открытый багажник, решила закрыть его.

Она уже хотела захлопнуть заднюю стенку багажника, но замерла, глядя в одну точку. Дело в том, что у стенки в глу-

бине багажника она увидела нечто столь неожиданное, что не могла поверить своим глазам до тех пор, пока не дотянулась до этого предмета и не вытащила его.

Это был тот кусок камня, который служил в качестве возвышения, на котором она стояла в ночь праздника ахал. На нем можно было видеть круг, которым были обведены контуры ее ног и ног Роджера, а также те символы, имевшие целью связать вместе их имена. И все это находилось в машине Роджера!

Лиз продолжала смотреть на камень, чувствуя, как сильно колотится сердце, как от волнения начинает звенеть в ушах и как ноги становятся ватными. Ей было точно известно, что в то утро после ахала Роджер не брал его с собой. Значит, в один из своих последующих приездов к туарегам он снова приходил на это место, чтобы разыскать камень. Но теперь-то Лиз знала наверняка, что на камне не было начертано ничего такого, что подразумевало бы союз Роджера и Бет. Стало быть, что для него могло быть в этом камне, если только не...

Лиз очень хотелось на какое-то время остаться одной, чтобы в полной мере отдалась рассуждениям на эту тему, чтобы сделать какое-то безумное сложение, присовокупив свою находку к «поцелую Спящей красавицы», полученному ею этим утром. Однако времени на все это у нее не было. Машины, навстречу которым пошел Роджер, гудели все ближе и ближе, и минутой позже они оказались на вершине холма.

Роджер ехал, стоя на подножке переднего джипа, очевидно, он указывал водителю, где нужно будет остановиться, так чтобы не угодить в феч-феч. Эндрю махал рукой с «лендровера», который следовал за джипом. И пока Лиз дожидалась приближения машин, точка, возникшая в глубокой синеве неба, приобрела очертания вертолета. Оказавшись над ними, он убедился, что поиски подошли к концу, и, сделав еще один круг над машинами, улетел в сторону Тасгалы.

Вооружившись привезенным на джипе инструментом, двое мужчин приступили к работе.

В это время Лиз рассказывала отцу о том, что произошло с ней. Она сделала любопытное открытие. Всего несколькими минутами раньше, закрывая багажник, она с нетерпением ждала той минуты, когда сможет остаться с Роджером

наедине и заставить его объяснить, почему «их» камень оказался там, где она его нашла. Но спустя короткое время ей стало ясно, что это дело может и подождать. Лиз даже пришла к выводу, что это ожидание доставляет ей удовольствие, что она может вести себя с Йейтом и со всеми другими так, как будто в душе ее нет и намека на надежду, на самом деле клочущую в ней.

Поэтому Лиз не стала возражать, когда было решено, что она домой поедет на «лендровере» вместе с Эндрю, а Роджер — один, остановится у французского поста и передаст в больницу по радио сведения о подлежащих госпитализации больных в поселении туарегов. Приехав туда первым, он приветствовал проезжавшего Эндрю, а Лиз показал кулак с поднятым большим пальцем и послал ей какую-то странную и хитрую улыбку.

У Лиз впереди был целый день, первый свободный день с начала эпидемии денге, и она вовсе не намеревалась истратить его на то, чтобы компенсировать плохой сон минувшей ночью. День обещал так много удовольствий!

Когда зазвонил телефон, Лиз уже вышла из ванны и начала энергично растирать себя полотенцем. Кто бы это мог быть? Возможно, Крис. А может, Дженайна. Могла позвонить и Бет, правда, Лиз надеялась, что этого не случится. А что, если это Роджер? В развевающемся халате, шлепая тапочками по каменному полу, она поспешила к телефонному аппарату.

Звонила Бет. Но это была другая Бет, ее обычно звонкий голос звучал глуше и говорила она бессвязно, как если бы была близка к слезам или находилась в состоянии сильнейшего возбуждения, об этом Лиз трудно было судить.

— Лиз? — произнесла Бет. — О-о, слава богу, ты дома. Послушай, мне нужно видеть тебя. И не говори, что это невозможно!

Лиз колебалась. Она почувствовала, что снова может быть великодушной по отношению к Бет, но все же медлила.

— Не знаю, — сказала она, — ведь я еще даже не успела позавтракать.

— Ну, а после завтрака? — настаивала Бет. — Ведь по причине событий прошлой ночи ты же не пойдешь сегодня в больницу. Да, да! — выкрикнула она с раздражением, — мне уже известно об этом. Роджер звонил. Да нет, не мне. Маман, кому же еще! Вот об этом-то я и хочу поговорить с

тобой, Лиз. Лиз, мне просто необходимо поговорить с кем-нибудь.

— Должна тебе сказать, что, судя по твоему голосу, ты ужасно огорчена. Но почему ты считаешь, что я могу тебе помочь? Если речь идет о чем-то, ну, что относится к тебе и Роджеру, разве миссис Карлайен не поймет тебя гораздо лучше, чем я?

— Маман... да она самый последний человек из тех, кто хоть как-то поймет меня. — Бет иронично хмыкнула. — Послушай, Лиз, ты просто обязана встретиться со мной, иначе я за себя не отвечаю. Они так или иначе пожалеют об этом, но им придется пожалеть еще больше, если...

Лиз прервала эту нелепую угрозу.

— Кто пожалеет? — спросила она.

— Как кто? Они пожалеют. Ну, Роджер, конечно. И маман.

— Да в чем же они провинились перед тобой? — Лиз не могла сдержать изумления. — С твоей стороны это по меньшей мере низко — говорить подобные вещи. И какие бы обвинения ты ни предъявляла Роджеру, вряд ли ты можешь хотеть в чем-то винить миссис Карлайен.

— Не могу винить маман? Это ее-то я не могу винить? Вот это действительно сильно сказано. Это действительно смешно!

И Бет засмеялась снова, но на этот раз ее деланный смех звучал на грани истерики, поэтому Лиз решила, что будет лучше уступить.

— Ну хорошо, — сказала она, — ты что, приедешь ко мне или мы встретимся в клубе?

— Нет не в клубе. Маман нет дома, и может быть так, что она пошла туда. Давай встретимся через час в «Мирамаре».

«Мирамар» представлял собой небольшое кафе, расположенное в старой части города. Когда Лиз пришла туда, Бет уже сидела за столиком и пила черный кофе.

Лиз была совершенно потрясена тем, как выглядела Бет. Нет, она не была заплаканной, но пудрилась она очень небрежно, а ее миниатюрное и хорошенькое личико осунулось. Лиз пододвинула стул и достала сигареты.

— Так в чем же дело? — спросила она. — Хотя нет, погоди, наверное, в первую очередь ты должна узнать, что, когда вчера ночью мы сидели в увязшей машине, Роджер сказал мне, что между вами ничего серьезного не было.

Бет скривила губы:

— О, неужели так и сказал? Надо же, какая радость для тебя! И просто очень благородно с его стороны?

— Он сделал это не по своей инициативе, — терпеливо пояснила ей Лиз. — Просто мною было сказано что-то такое, что подразумевало, что вас считают уже практически помолвленными, и он просто сказал, что это совсем не так.

— Ну и, конечно, ты сказала ему, что это я так считаю?

— Нет, этого я не говорила. Я дала ему понять, что это просто распространенный слух. Сам-то он думает, что ты так же далека от подобной мысли, как и он. И судя по тому, что он сказал, он ужасно хорошо относится к тебе, Бет.

— Благодарю покорно! — фыркнула она. — Хорошо относится, как же! Ты хочешь сказать, что он отнесся ко мне, как к некоему удобству, и ему совершенно безразлично, что это я стала ужасно хорошо относиться к нему, поскольку все, что ему нужно, — так это моя маман.

Лиз показалось, что небольшая, ярко убранная комната, в которой сидели только они одни, потемнела и закружилась вокруг нее. Чувствуя, как у нее задрожали руки, она положила свою недокуренную сигарету в пепельницу и повторила, словно эхо:

— Маман? Бет, подумай, что ты говоришь!

— Уже подумала. А тебе это тоже не нравится, не так ли? Ты и сама хочешь заполучить Роджера, а выцарапать его у маман будет нисколько не легче, чем у меня. А может, и еще труднее. Потому что она нравится тебе, ведь правда? И ты также не могла и подумать, что она когда-либо сделает такое по отношению к тебе, как не могла подумать об этом и я!

Это был момент триумфа Бет.

— Даже если бы я и поверила тебе, мне-то что до всего до этого? — спросила Лиз. — Ты единственный человек, который знает, что я равнодушна к Роджеру, и я благодарна тебе за то, что ты не разглашаешь мой секрет. Поскольку я... поскольку мне всегда было известно, что у меня в этом плане нет никаких надежд, да даже если бы я и считала иначе, я бы все равно не стала бы относиться хуже к миссис Карлайен.

— И все равно тебе лучше поверить в то, что я говорю, поскольку у меня есть доказательства. И откуда бы им взяться, если бы не этот подлый способ, с которым они проводили свою линию. Оба они одного и того же возраста, и

благодаря моей болезни они имели неограниченные возможности встречаться друг с другом. При этом все время притворяясь, что они только друзья!

— Нет, в это я решительно не поверю. Миссис Карлай-ен слишком хорошо относится к тебе, чтобы обманывать в течение такого долгого времени. Да даже если бы она и попыталась, не тот она человек, чтобы делать что-то исподтишка, — с убежденностью заявила Лиз.

Но вместе с тем она вспомнила, что прошлой ночью она в своих надеждах могла вложить в сказанное Роджером совершенно иной смысл. «Женщина, которую я возьму в жены». Эта фраза могла означать, что он имел в виду Дженайну...

Однако Лиз продолжала:

— Я просто не верю, что их отношения продолжаются в течение длительного времени. Если это было бы так, какой смысл скрывать их от тебя? Должно быть, это все произошло совершенно внезапно для них обоих.

Бет нахмурилась:

— Какой смысл? Да такой, что они должны были знать о моих чувствах к Роджеру!

— Ну, Роджер, например, не знал, — не слишком любезно ответила на это Лиз. — Как он сказал, ему известно, что ты довольно крепко привязана к нему, вот и все.

— Как я посмотрю, вы с ним достаточно долго перемывали мне косточки, не так ли? Ну хорошо, пусть все произошло внезапно. Но и в этом случае, как я полагаю, они тоже не захотели считаться с моими чувствами, а? А что говорить о том, как они позавчера вместе обедали, ты ведь должна помнить это? А что сказать о таком факте, что, как только вы этим утром возвратились из своей прогулки, Роджер позвонил маман, и они снова собрались пойти куда-то сегодняшним вечером?

— Они собрались?

— Да, и это еще не все. Ты же помнишь, тот позавчерашний вечер мы провели вместе с тобой. Так вот, я вернулась домой гораздо раньше их и уже легла спать к тому времени, когда приехали они. Я не видела, чтобы они заходили в дом. Но после их прихода автомобиль Роджера надолго остался стоять у дома, и я знаю, что они с маман занимались любовью на веранде.

— Да как же ты это узнала? — опешила Лиз. — Ты что же, подслушивала у дверей?

— Ты что, не можешь понять, что ли? — огрызнулась Бет. — Мне и не нужно этого. Моя комната частично расположена над верандой. Я не могу заглянуть на веранду, и мне не расслышать, что там говорится. Но я слышу звук голосов, доносящийся оттуда, а в ту ночь Роджер и маман говорили почти что шепотом, а потом вместе смеялись, а потом надолго наступала тишина, когда...

— А что, тот мужчина обязательно должен быть Роджером?

— Конечно, это был Роджер! Ты думаешь, я не знаю его машину? Да и маман не стала бы идти на обед с одним мужчиной, а возвращаться с другим. И кроме того, здесь, в Тасгале, просто нет другого мужчины, на которого она хотя бы раз обратила внимание.

— Но все это произошло позавчера вечером, — размышляла Лиз, — разве тебе не хотелось рассказать мне обо всем этом еще вчера? — (Если бы Бет знала, от каких несбыточных надежд это могло бы избавить Лиз, когда бы та услышала обо всем этом еще до минувшей ночи!)

— Конечно, хотелось. Дальше вся ночь была для меня сплошным мучением. Но я думала, что на следующий день маман обязательно объяснит мне все. По правде говоря, я была намерена заставить ее объясниться со мной. Но потом я решила позвонить тебе, но ты уже уехала в пустыню вместе с Роджером.

— Так что, миссис Карлайен так и не поделилась с тобой своим секретом?

— Ни единым словом. Правда, я сама довольно холодно разговариваю с ней. Я просто не могу иначе. Взять хотя бы сегодняшнее утро: бросив мне буквально несколько слов про то, что случилось с тобой и с Роджером, она тут же объявляет мне, что этим вечером она вновь уйдет из дому, и выражает уверенность, что я сама найду, чем мне заняться.

В отчаянной безрассудной надежде Лиз сказала:

— Я не верю этому. Должно же быть какое-то объяснение...

— Какое объяснение? Скажи мне какое? А кроме того, ты ведь не видела, как вчера выглядела маман. Сама она была какой-то очень спокойной, но глаза сверкали как звезды, и словно какое-то сияние исходило от нее. Казалось, маман прислушивается к какой-то чудесной музыке, звучащей в ее голове, и она совершенно не заметила мое сдержанное отно-

шение к ней. Подумать только, я верила, что к этому дню я сама бу-бу-буду помолвлена с Роджером!

Услышав, как дрогнул голос Бет, Лиз оказалась вынужденной пожалеть ее.

— Ну что же, Бет, в первый раз мы с тобой оказались, так сказать, в одной лодке. Но, пожалуйста, води себя так, чтобы миссис Карлайен было нетрудно рассказать тебе обо всем. Если дело обстоит так, как ты говоришь, тебе придется смириться с этим, а если не так, то ты только представь себе, от каких мук ревности ты избавишь себя.

— А Роджер все равно будет моим! — возразила ей Бет с новым приступом озлобления. — И если они сегодня опять куда-нибудь пойдут, не давая никаких объяснений, то я уже обещала, что заставлю их пожалеть об этом, и добьюсь своего. Ты увидишь!

— Бет! — Вставая, Лиз поймала запястье девушки. Но та вырвала у нее свою руку и с надменным видом вышла на залитую ярким солнцем улицу, и Лиз не стала преследовать ее.

В течение всего этого дня Лиз, испытывая какое-то странное самоедское наслаждение, рвала на клочки мечты и надежды, что родились у нее прошлой ночью, и с болью в сердце выкладывала из этих клочков совершенно иной рисунок.

Вспоминая о Роджере, Лиз смогла по-иному трактовать его слова и поступки и прийти к выводу, что они относились не к ней и не к какой-то гипотетической любви, что ожидала Роджера где-то в будущем, а к Дженайне. К мужественной и нежной Дженайне, ревновать к которой может только такой эгоистичный и недостойный человек, как Бет... Думая о Дженайне без злости и горечи, Лиз полагала, что та, со своей стороны, тоже не затаит на нее злобу за два ничего не значащих поцелуя. Вот только тот камень с праздника ахал, который, как оказалось, взял себе Роджер, никак не хотел вписываться в этот новый рисунок. Но ведь может быть и так, что туареги предложили Роджеру взять его в качестве сувенира, и, как только этот камень оказался у него в багажнике, он совершенно забыл о нем.

Рассуждения подобного рода весь день преследовали Лиз, и, когда вечером ей позвонил Крис, она очень обрадовалась возможности поговорить с кем-нибудь.

— Что такое? В чем дело, Лиз? — встревоженно спросил ее Крис.

Чтобы успокоиться, Лиз сделала глубокий вдох.

— Да ни в чем, — ответила она, — а почему ты спрашиваешь?

— Просто ты говорила таким голосом, как если бы находилась на пятом этаже охваченного пожаром здания и увидела, что я пришел, чтобы спасти тебя! Каким бы ни было мое отношение к Дженни, все равно, для того чтобы я уважал себя, мне исключительно важно заслужить твое расположение.

Они немного посмеялись вместе, а потом Крис сказал:

— Ну, вот и все, Лиз. Послезавтра я уезжаю в Англию.

— Боже, Крис... Я очень рада. Господи, хотя так ли это? Ведь я буду по тебе ужасно скучать.

— Значит, нас таких будет двое! Я тоже буду скучать по тебе. Но если ты говоришь это серьезно, повода для беспокойства нет. Как мне представляется, я снова вернусь сюда. Я и Дженни.

— Я так на это надеюсь. А что Дженни? Она-то хочет приехать в эти места?

— Если верить письмам, она поедет, как только я буду готов привезти ее, даже дикие верблюды не смогут ее остановить.

— А как на это смотрит мать Дженни?

— Она теперь постоянно пребывает в каком-то бридж-клубе для избранных и вполне довольна жизнью. Дженни утверждает, что она расцвела там. Наконец она великодушно простила Дженни за то, что та бросила ее ради меня, и теперь, когда мамаша отдыхает от своих больших шлемов и прочих игр, они прекрасно ладят друг с другом.

— Стало быть, мы приближаемся к счастливой развязке? — весело спросила Лиз.

— Мы можем надеяться на счастливую развязку, — чуть поправив, повторил Крис. — И все-таки, ты знаешь, может, все дело в телефонной линии, но голос твой все равно звучит как-то не так, он какой-то ломкий и сдавленный, будто ты говоришь через силу.

— Должно быть, все дело в телефоне. — Лиз переменяла тему разговора. — Значит, ты говоришь, послезавтра? Это ужасно скоро. Вечеринку в твою честь нам придется назна-

чить на завтра. Ты не обидишься, если она пройдет, так сказать, чуточку экспромтом?

— Нисколько. Вечеринки экспромтом зачастую оказываются самыми лучшими. Но как раз об этом я и хотел с тобой поговорить, Лиз. Ты не будешь против, если вместо тебя хозяином вечеринки буду я?

— Но ты же не вправе этого делать! Такая вечеринка — это как бы наше пожелание тебе «bon voyage!».

— Я знаю, чем она является. Но почему бы мне самому не пожелать себе счастливого пути! Мне страшно необходимо подобное пожелание, потому что, только ты об этом ни одной живой душе не говори, я могу ухитриться и заболеть морской болезнью еще во время регистрации багажа! Но если говорить серьезно, у меня есть особая причина, чтобы стать хозяином вечеринки. Так что ты разрешишь мне?

— Но это должна быть какая-то уж очень особая причина, чтобы я согласилась. Ты мне не можешь назвать ее? — упорствовала Лиз.

Возникла пауза, а потом Крис продолжил:

— Будем считать, что я хочу убить двух зайцев сразу. Эта вечеринка должна служить выражением моей признательности всем вам и выражением уверенности в том, что я смогу видеть снова или хотя бы знать причину своей слепоты. Ты меня понимаешь?

— Да, конечно, — тепло заверила его Лиз, — но, Крис...

— С этим все в порядке. — По простоте душевной он ждал, что она выразит сомнение в его способности организовать все как следует. — Если уж тебе так хочется знать, кое-что уже сделано мною. Я созвал всех, кого нужно, чтобы передать приглашения, а супруги Симон готовы выделить мне пару комнат в гостинице, организовать буфет, бар с напитками, ну и все такое. Меня туда приведет доктор Фремье, я специально просил его об этом, и все, что от тебя требуется, дорогая, — это привести себя в порядок и примерно в половине восьмого прийти вместе с отцом на вечеринку. Ладно?

— Ладно. Это просто великолепно.

И хотя Лиз старалась не думать об этом, тем не менее ей стало ясно, что предложение Криса решает и ее собственную проблему, а именно: как пригласить Дженайну и Бет, когда Роджер так решительно отказался от участия в этом мероприятии. Любопытство заставило ее задать Крису еще один вопрос:

— Я полагаю, ты позовешь на свою вечеринку мать и дочь Карлайен, а также... Роджера Йейта?

— Уже. Всех их. И мне уже удалось повстречаться с Йейтом, и он обещал прийти.

— Обещал?

— Да. Сегодня утром он заглянул ко мне в палату, и у нас с ним был довольно долгий разговор. Силы небесные, Лиз, чуть не забыл! Я же так и не спросил тебя, каково тебе-то пришлось? Йейт говорил, что ты стойко переносила все злоключения, и дал тебе наивысшую оценку. Но...

Лиз засмеялась немного сконфуженно:

— Да что там говорить! Было во всем этом нечто от Робинзона Крузо, и, я полагаю, любой из нас раз в жизни может вынести подобное приключение. Да мы, в сущности, и не терялись вовсе — просто ждали, когда нас выкопают из песка.

И Лиз продолжила рассказ о своем приключении. Она нашла, что, если довести его до обычной прозы жизни, это помогает стереть из памяти те яркие мгновения, которыми она по глупости так дорожила. Но прежде чем повесить трубку, она не смогла устоять и спросила:

— Крис, ты знаешь, что все тут все время считали, что существует роман между Роджером Йейтом и Бет. Ты никогда не интересовался: а может, мы все были не правы, и роман вовсе не с Бет, а с Дженайной Карлайен?

Снова возникла небольшая пауза. Затаив дыхание, Лиз ждала, что он скажет на это. Наконец Крис ответил:

— Суть дела вот в чем: я знаю, что мы все были не правы. Этим утром Йейт самолично рассеял мои иллюзии на этот счет. Сказал, что прошлой ночью ты рассказала ему о слухах, распространяющихся по их поводу, и о том, что он отрицал все и вся.

— Но, говорят, он влюблен в Дженайну?

— Этого он мне не сказал. Его интересовало, насколько широко распространились слухи про него и про Бет. Но вряд ли он стал бы вести со мной доверительный разговор о Дженайне. Настолько хорошо он меня не знает.

— Но ты-то считаешь, что он влюблен в нее? — настаивала Лиз.

— Нет, не считаю.

— Ох! — Крис говорил настолько уверенно, что бывшая надежда почти вернулась к Лиз. Но неожиданно ее память уцепилась за еще одно обстоятельство. И когда оно приоб-

рело четкие очертания... — Но, Крис, неужели ты не помнишь как ты сам говорил, что Дженайна пропадает во вдо-вах? Ты тогда еще продолжил: «Иногда мне даже думалось...» Но на этом месте ты остановился и не захотел продолжать свою мысль. Ты тогда думал о Роджере Йейте?

Крис засмеялся:

— Конечно же нет. Если уж тебе так хочется знать, я действительно подбирал подходящую супругу. Знаешь для кого? Угадай! Для твоего отца.

— Для папы?

— Извини, Лиз. Я всего лишь пытался связать оборван-ные нити у старшего поколения! Я хочу сказать, что Дже-найне Карлайен следует снова выйти замуж.

— Но папе это ни к чему, — произнесла Лиз, исходя из своего тайного убеждения, что для Эндрю могла существо-вать только одна женщина.

— Да. Кроме того, как только я тогда стал говорить ту необдуманную фразу, я понял что желать тебе Бет в каче-стве сводной сестры равносильно преступлению. Вот пото-му я и сказал тогда, чтобы ты не обращала внимания. Разве ты не рада, что я не одарил тебя подобной ужасной идеей?

— Думаю, что рада, хотя я бы знала, что ты ошибаешься. Папа не стал бы держать от меня в секрете такие вещи. Но как раз сейчас, когда я вспомнила, как ты говорил об этом, мне стало любопытно, знал ли ты тогда то, что сейчас извест-но Бет. И ты был прав, когда в тот день говорил, что Бет мо-жет быть не знающим жалости противником. Когда этим ут-ром она рассказывала мне про Роджера и Дженайну, она вела себя как загнанный в угол зверь. Это было довольно ужасно.

— И что же она знает или думает, что знает?

— Да нет, она знает. — И Лиз изложила все, что Бет рас-сказала ей о двух свиданиях и о любовной сцене в ночные часы.

— Бедная Бет! — проронил вдруг Крис.

— Что ты имеешь в виду? — спросила озадаченная Лиз.

— Ничего, — сказал Крис и, коротко хохотнув, повесил трубку.

На следующее утро Лиз снова отправилась в больницу. Вечером, когда она одевалась, чтобы отправиться на ве-черинку, у нее было такое ощущение, что сегодняшний

вечер отмечает окончание какого-то этапа, после которого все будет совершенно иным.

Конечно, ведь Дженайна и Роджер не смогут в течение долгого времени держать в тайне свои отношения, Лиз даже казалось, что, вероятно, сегодня вечером Дженайна поделится своим секретом с ней. Крис уедет, а когда он вернется, он почти наверняка будет женатым человеком.

Лиз одевалась без всякого интереса. Крис не сможет увидеть, как она выглядит, а больше посмотреть было и некому. Однако вскоре Лиз обуздала подобные пораженческие настроения. Ради Криса она просто обязана выглядеть наилучшим образом, не так ли? Если он мог продемонстрировать мужество и веру в будущее, значит, и она сможет!

Лиз не стала ждать, когда будет готов Эндрю, и пришла в гостиницу пораньше. Крис уже оказался там, в небольшом, специально установленном баре он угощал доктора Фремье и его коллегу, доктора Мейера, немецкого врача, направленного сюда для оказания помощи из Алжира; Лиз доводилось видеть его в больнице, но представлены друг другу они не были.

Крис жестом попросил их подойти поближе, после чего доктор Мейер поклонился так, как если бы он щелкнул при этом каблуками, хотя на самом деле ничего этого не было. Это был мужчина в возрасте примерно сорока пяти лет с прямыми серо-стальными волосами и печальной, но приятной улыбкой. На своем очень правильном английском он сказал Лиз, что уже много слышан о ней. Затем он и доктор Фремье продолжили свой разговор по-французски, а Лиз села на табурет рядом с Крисом.

— Как же очаровательно ты шуршишь! — усмехнулся Крис. — Расскажи мне, что на тебе надето?

Лиз рассмеялась:

— То, что шуршит, — это тонкий нейлон под платьем. А поверх него — серо-голубое полотно, хотя ты вряд ли поверишь, что это полотно.

— Почему же не поверю?

— Потому что от него исходит нечто вроде сияния света в тумане, это происходит потому, что ткань представляет собой массу крошечных складок, пересекающихся друг с другом. Да ты пощупай ее сам.

Подтверждая качество материала, Крис кивнул, и Лиз продолжила свой рассказ:

— Платье имеет очень широкую юбку, спереди оно начинается прямо у моих ключиц и имеет вырез сзади, ах да, и еще огромные накладные карманы-панье.

— Наверное, ты в нем очаровательна?

— Надеюсь, что да.

— И я тоже. Ты уж постарайся, — как-то загадочно сказал он и повернулся на своем табурете. — Это что, прибыл кто-то еще из моих гостей? Пойдем и поприветствуем их.

Немного позже гости заполнили обе комнаты, они собирались в группы, беседовали друг с другом, и все старались подойти поближе к Крису, чтобы пожелать ему удачи. А он ходил между присутствующими, и движения его были на удивление уверенными, а Лиз, наблюдая за Крисом, подумала, что, глядя на него, можно подумать, что темные очки у него на носу были скорее данью какому-то капризу, а вовсе не необходимостью. Она желала только одного: чтобы Джени Эдрайен была достойна его. Но в том, что у него все будет в порядке, Лиз не сомневалась.

Она повернулась, оглядывая тех, кто пришел. Роджера еще видно не было, но в противоположном конце комнаты стояла, вся в белом, Дженайна. Рядом с ней находились доктор Мейер и доктор Фремье. Дженайна улыбалась и вела разговор с обоими мужчинами, пока доктор Фремье не отошел. А когда Лиз снова посмотрела в ту сторону, исчезли и эти двое. Нигде в комнате Лиз не могла разглядеть пышной короны ее волос. Наверное, Роджер уже пришел, и теперь они вместе.

Придя на вечеринку, Бет избегала оставаться с Лиз наедине. Возможно, ей больше было нечего рассказывать, а если и было, то она решила держать это при себе. Когда они встретились, Лиз вопросительно подняла бровь, но Бет проигнорировала этот жест. Она была одета в зеленое, с глубоким вырезом платье для коктейлей, цветовой тон которого был слишком грубым для ее по-девически хрупкой внешности, и хотя по сравнению со вчерашним утром она была гораздо лучше напудрена и подкрашена, глаза у нее блестели так ярко, а щеки были такими пунцовыми, что, если бы Лиз не знала, что причиной всего этого были расстройство и ревность, она сказала бы, что у Бет запоздалый приступ лихорадки денге.

В углу большей по размеру комнаты кто-то затеял игру в покер и кости, которая в описываемый период являлась

всеобщим увлечением в клубе. Здесь оказалось большинство молодых людей, они подавали игрокам различные веселые советы, и Лиз уже была готова направиться туда, когда к ней подошел ее отец.

— Мы собрались у буфета во второй комнате, — сказал он. — Нас там немного — Дженайна, Бет, Йейт. На какое-то время нам удалось похитить Криса с целью поднять тост за его здоровье. Ты присоединишься?

— Да, я бы тоже хотела поднять этот тост.

В конце концов, она должна снова встретить Роджера и научиться вести себя как обычно.

Когда Лиз подошла к собравшимся в меньшей комнате, Дженайна, воспользовавшись тем, что Эндрю заказывал вино для тоста, оставила компанию и подошла к ней. Под складками широкого платья Дженайна нашла руку Лиз и сжала ее.

— По окончании этого торжества, Лиз, не подойдешь ли ты вместе с Эндрю к нам в виллу? Крис тоже придет, доктор Фремье заедет за ним попозже. Мне хочется сообщить вам одну восхитительную новость.

На этом месте Дженайна прервала свой рассказ, поскольку Эндрю стал передавать всем бокалы. Шампанское было разлито, и на какой-то момент каждый член небольшой группы замер, как будто позировал для группового портрета.

Эндрю поднял свой бокал. Остальные подняли свои.

— За Криса и за все остальное, — сказал он, — а под всем остальным я подразумеваю все, что Англия, благослови ее Бог, может сделать для Криса. Крис, я полагаю, мы вскоре снова увидим тебя, а?

Крис кивнул:

— Вы и оглянуться не успеете!

Но он замолчал, потому что его речь остановил голос Бет, высокий и сбивчивый.

— А пока вы тут провозглашаете тост за Криса, я произнесу другой тост! За мою дорогую маман и ее дорогого, драгоценного Роджера. За то, что они такие умные и все же недостаточно умные. За то, как они притворялись, будто бы для каждого из них я была объектом любви и заботы, тогда как они все это время просто использовали меня как прикрытия. — Бет сделала паузу, чтобы поднять бокал — жестом, исполненным мелодраматического пафо-

са. — Так давайте же поднимем бокалы за этот тост! Выпив его, мы, возможно, почувствуем желание потанцевать на их свадьбе. Потому что они наверняка пригласят нас всех на нее — даже меня!

Глава 10

Все были ошеломлены, в комнате повисла напряженная тишина. Затем Дженайна, лицо которой стало почти таким же белым, как и ее платье, быстро подошла к Бет и взяла ее за плечо:

— *Chérie*, прошу тебя, успокойся! Господи, какая ерунда... ты не понимаешь, что говоришь!

— Значит, не понимаю, так? — И подчеркнуто оскорбительным жестом Бет переломила ножку своего бокала и бросила его к ногам Дженайны. — Даже если и не понимаю, я все равно скажу, и тебе не остановить меня!

С этими словами она прошла взглядом над головой Дженайны и всех остальных, собравшихся здесь, явно не замечая удивления и отвращения, что ясно читалось на их лицах.

— Это мое представление! — пронзительно закричала Бет. — Они за мой счет получили свое, а теперь моя очередь. Но вы конечно же не знаете, о чем я тут говорю, не так ли? — Безумными глазами Бет уставилась на врача-француза и врача-немца. — Что же, я расскажу вам. Тут моя дорогая мачеха втихую прокручивала свои амурные делишки с мужчиной, который, как я думала, должен будет стать моим женихом — вот что! То дорогая Бет, то *chérie*, а на самом деле все это время он задумывал предательство по отношению ко мне, задумывал с той самой минуты, когда узнал, что на свете есть еще и она!

— Бет!

Хотя это слово, в котором одновременно прозвучали и мольба и упрек, было произнесено Дженайной, кое-кто еще, а именно доктор Мейер, направился в сторону Бет. Но остановить поток слов было невозможно.

— Он волочил за одной женщиной, что нисколько не помешало ему в это же время бегать и за другими юбками. И если вы считаете, что это невозможно, спросите Лиз Шепард, что сидит вон там. Спросите ее про ее воз-

любленного Роджера Йейта! Спросите ее, потому что она влюблена в него уж не знаю с какого времени...

Но на этом выступление Бет было прекращено. Потому что случилось нечто невероятное. Размахнувшись, доктор Мейер дал Бет хлесткую пощечину, а когда та вздрогнула всем телом и сжалась от удара, он пододвинул стул и, с силой надавив рукой на ее поникшие плечи, усадил девушку на него. Другую руку он протянул к Дженайне:

— Дорогая, прости меня, но это необходимо было сделать — у нее истерика. Ей непонятно, что происходит, и в этом причина ее озлобления, хоть она и сама не верит в то, что говорит. Потом Бет станет раскаиваться. Ради меня, пожалуйста, будь к ней снисходительна, ладно?

— Это все я виновата, — прошептала Дженайна. — Ты же говорил, Герхард, что нам следовало бы сразу сказать ей обо всем. А я решила, что надо подождать. Меня пугало то, как Бет воспримет все это.

Сказав это, Дженайна опустилась на колени рядом со стулом, на котором сидела Бет, и начала гладить ее волосы, несмотря на то что та все время отводила голову.

— Дорогая, прости меня! Мне и в голову не приходило, что ты можешь совершить такую чудовищную ошибку и возненавидеть меня из-за нее! Если бы только я или Роджер имели хоть малейшее представление о том, что ты хочешь выйти за него замуж! Послушай меня, вчера вечером я узнала, что он любит Лиз.

Бет вскинула на нее злые, мокрые от слез глаза.

— Лиз? И Роджер? Я не верю этому. А ты... ты вышла замуж за моего отца. Ты помнишь это?

— Да. Но только тогда, когда я решила, что мне больше никогда не увидеть Герхарда снова. Стивен знал о Герхарде. А ты была такой маленькой и такой беспомощной, Бет. Ты нуждалась в том, чтобы у тебя были и отец и мать, а я хотела заменить тебе мать настолько, насколько это было в моих силах. — И Дженайна взглянула на мужчину, что стоял рядом с ней. — Герхард, расскажи ей про нас все. Сделай так, чтобы она поняла.

Но прежде чем Герхард смог сделать это, казалось, что Дженайна вдруг поняла, что они трое здесь не одни. Поднявшись с колен, она подошла к Крису и взяла его руки в свои:

— Крис, мне очень жаль, что так получилось. На вашей вечеринке... Вы же понимаете, что Бет просто не в себе, ина-

че она бы ни за что не испортила ваш праздник? А что касается Лиз и Роджера, — и Дженайна перевела свой взгляд с одного на другого, — то винить нужно меня, ведь это я только что не оправдала доверие Роджера, в тот момент, когда пыталась убедить Бет. Но возможно, он простит меня. И Бет принесет свои извинения, это я вам обещаю. А сейчас мне лучше отвезти ее домой.

— Да не стоит и думать об этом, — сказал Крис, — и не нужно из-за меня заставлять Бет извиняться. Боюсь, что я знал, что нечто в этом роде должно случиться с ней, хотя и не думал, что все будет именно так. И как мне представляется, наш друг Йейт тоже не будет настаивать на извинении, даже если он и предпочел бы, чтобы Бет не разбалтывала его секреты. Однако не могу утверждать того же самого по поводу Лиз. Может быть и так, что ярость ее не будет знать границ. Но с другой стороны, может, она сдержит свои чувства ради бедняги Криса...

По этому поводу он мог бы и не сомневаться. Потому что несколькими минутами раньше взгляд Лиз, которая тоже забыла о том, что ее окружает, и об остальных людях, присутствующих здесь, встретился со взглядом Роджера, что находился в другом конце комнаты, и теперь ей стало точно известно, что и она и он — оба слушают одну и ту же соловьевую мелодию, понятную только им одним.

Как сквозь сон Лиз слышала голос Герхарда Мейера:

— Дженайна, прежде чем мы отвезем Бет домой, я думаю, нам следует немножко прояснить обстановку для наших добрых друзей, собравшихся здесь. Они должны это знать. — И, взяв Дженайну за руку, он продолжил: — Мы с Дженайной встретились в Кано еще до войны. Я там изучал тропическую медицину. Когда началась война, я вернулся в Германию. Но оказалось так, что моя бабушка не принадлежала к арийской расе. Надеюсь, вы меня понимаете? И вместо того чтобы служить военным врачом в армии, я провел войну в концентрационном лагере. Когда я вернулся в Кано, Дженайна, должно быть, уже была замужем и в течение нескольких лет жила в Тэменрессете, хотя тогда я этого не знал.

Достаточно сказать, что я не мог найти ее следов и переходил из одной больницы Северной Африки в другую, пока в конце концов не оказался в Алжире. Когда я приехал сюда для оказания помощи местной больнице, я в разговоре с доктором Йейтом случайно упомянул Дженайну и...

— Послушайте, поскольку это я сотворил все остальное, может, и все остальное лучше рассказать тоже мне? — вставил свое слово Йейт. — Я рассказал ему, что Дженайна живет и работает в Тасгале и что Стивен Карлайен умер. Но как только встал вопрос о возобновлении знакомства с последней, тут Мейер проявил изрядную робость. После этого мне пришлось предпринять собственный демарш. Я пригласил Дженайну отобедать со мной и сообщил ей новость о Мейере, а затем представил нашего друга. После этого я отдал им на весь вечер свой автомобиль и оставил их в обществе друг друга. В десять часов вечера того же дня я уже был дома. — Сказав это, он бросил косой взгляд на Лиз. — Это было как нельзя кстати. Следующую ночь я совсем не сомкнул глаз!

— И после этого по моей вине возникла вся эта атмосфера секретности, — вставила свое слово Дженайна. — Я чувствовала, что мне нужно лишь раз снова увидеться с Герхардом, в присутствии Роджера конечно, прежде чем я сказала бы Бет, что Герхард и я пришли к решению сочетаться браком. Мне было ясно, что говорить с ней на эту тему будет делом очень трудным, и я нуждалась в его помощи. Но Бет была настроена настолько воинственно по отношению ко мне, что мне никак не удавалось это сделать. — Она повернулась и снова обратилась к Бет: — Ах, *chérie*, я была не права, признаю это. Но ведь со временем ты простишь меня, правда?

— Простить тебя? Может быть, но спустя много лет и находясь от тебя на большом расстоянии! — Губы у Бет задрожали. — Ты же не станешь воображать, что после всего этого я останусь здесь с тобой, чтобы каждый в Тасгале смеялся надо мной? У папочки были родственники в Англии. Я... я поеду к ним. Ведь ты, по крайней мере, могла бы рассказать про Роджера и Лиз Шепард. Я знаю, что она сохнет по нему, но он!.. Господи, он же ни разу не приглашал ее на обед или в клуб на танцы...

— Бет, дорогая, — Дженайна протянула девушке руку, — как ты смотришь на то, что сейчас мы все пойдем домой. Но в это время сделал шаг вперед Эндрю.

— Если Бет хочет домой, я отвезу ее, — сказал он.

— Я не поеду домой! — огрызнулась Бет, сильнее вжимаясь в свой стул.

— Не хочешь? Ну и не надо! — Однако, сказав это, Эндрю взял ее за руку и потянул, заставив девушку встать. —

А ты знаешь, — при этих словах Эндрю кивнул, — могу ли я надеяться, что ты пожалеешь меня?

— Это как еще? — Теперь Бет говорила тоном обиженного ребенка, который никак не хотел расставаться со своей обидой.

— А вот так. Похоже, что на сегодняшний вечер мне выпала роль третьего лишнего. Я просто выпадаю из этого группового портрета. Не окажешь ли ты мне честь провести со мной вечер?

— Вы хотите меня увести только с одной целью — чтобы получить возможность читать мне проповеди.

От удивления брови у Эндрю взметнулись вверх.

— Это за обедом-то? Не будет ли такое занятие губительным для пищеварения? Кстати, с нефтяных приисков приехала в отпуск новая группа молодых людей, и, как я слышал, клуб устраивает для них танцевальный вечер.

— Хорошо, я пойду, — сказала Бет и, не глядя ни на кого, выбежала из комнаты.

Вздвигнув всем телом, Дженайна сделала глубокий вдох, однако Герхард Мейер быстро и уверенно провел ладонью по ее руке, и она успокоилась. Вслед за Бет к выходу пошел и Эндрю, а Лиз побежала за ним и догнала его только в вестибюле, когда Бет выходила на улицу через центральный подъезд гостиницы.

— Папа, — прошептала Лиз, — ты это очень хорошо придумал!

— Как мне представляется, стоит попробовать и посмотреть, что продуманно составленный обед и капля безвредной лести смогут сделать с ее достаточно искаженным представлением о ценностях этого мира. Однако передай Дженайне, что я к полуночи доставлю Бет домой, ладно? Когда вечеринка здесь окончится, ты намереваешься направиться к ней вместе с Крисом и со всеми остальными?

— Да-а-а, я полагаю, что да... — Лиз колебалась.

— Хотел бы я знать, что это ты полагаешь? — рассмеялся Эндрю. — Или у тебя в голове совершенно иные планы? Послушай-ка, юная дева, разве ты не должна мне кое-что объяснить?

— Ты имеешь в виду Роджера? Что он что-то сказал Дженайне... Но он никогда и ничего подобного не говорил мне, ты должен поверить этому. Да, он поцеловал меня ночью на том празднике ахал. Но это ровным счетом ничего не значи-

ло, вы оба мне так сказали. И я была решительно настроена не допустить, чтобы поцелуй что-либо значил для меня, тем более что я, кажется, даже не больно-то нравилась Роджеру.

— Что же, прикажешь мне превратиться в заботливого родителя и начать выяснение серьезности его намерений?

— Папа, да ты смеешься надо мной! Неужели же ты не видишь, что я... что я сама люблю его настолько сильно, что мне совсем не до смеха?

Эндрю вздернул ее подбородок:

— Я смеюсь только вместе с тобой и только тогда, детка, когда ты счастлива. Но расскажи ты мне обо всем этом чуть раньше, возможно, я бы смог помочь тебе разобраться с твоими проблемами. И ведь это мне ты обязана еще и этим: когда вы застряли в песках, он ведь не воспользовался ситуацией и не стал домогаться твоей любви, верно?

— Нет! Но мы говорили о многом, и я чувствовала, что мы стали более близкими друзьями, чем когда-либо ранее. Я была очень счастлива.

— Да. Мне тоже показалось, что ты выглядела довольно *exaltée*¹, когда мы ехали назад.

— Но не более двух часов после моего возвращения домой. Все кончилось после того, как Бет вывалила на меня все свои подозрения по поводу Дженайны.

Лиз резко повернулась и почувствовала, как пламенеют ее щеки. Позади нее стоял Роджер. Ей было слышно, как глубоко вздохнул Эндрю:

— Как я уже говорил, в этом акте пьесы я не занят. — И с этими словами он поспешил за Бет, а Роджер остался с Лиз, он стоял очень близко от нее, и его рука искала ее руку.

— Больше ждать я не мог, — прямо сказал Роджер, — должен же я оказаться рядом с тобой. Ты уже уходишь?

Зная, что ей хочется уйти вместе с ним, Лиз тем не менее возразила:

— Ухожу? Зачем? Мы не можем скомкать вечеринку Криса.

— Наоборот, мы покинем ее с его благословения, хотя, как я полагаю, тебе придется объяснить ему кое-что. Он просил меня передать тебе, что, как ему кажется, ты бы могла и рассказать ему.

— Мне это нравится! Это он мог бы рассказать мне!

¹ Возбужденная, взволнованная (*фр.*).

— Рассказать тебе что?

— Ничего. — Лиз почувствовала, как румянец снова заливает ее щеки. — Пожалуй, я действительно сейчас пойду и поговорю с Крисом.

— Ничего этого ты делать не будешь. Позже мы встретимся с ним у Дженайны. Кстати, Фремье довольно тактично избавил себя от присутствия на этом в общем-то семейном конфликте, поэтому Мейер и я будем доставлять Криса обратно в больницу. А пока что мы просто теряем драгоценное время. Ну что, пойдем?

Теплый ночной воздух мягко скользил по их лицам. Они вышли из гостиницы, и в темноте ночи послышался звук закрываемой автомобильной двери. Мгновением позже вдоль ведущей к гостинице аллеи на высокой скорости проехал «лендровер» Эндрю, на пассажирском сиденье которого высилась тонкая и прямая фигурка Бет.

— Должен сказать, что это весьма тактично со стороны Эндрю, — сухо прокомментировал увиденное Роджер. Мне думается, нам следует подняться в ваш садик на крыше. Я испытываю к нему особенно доброе чувство после того случая, когда я подцепил и втащил тебя обратно на крышу, не дав совершить тот самоубийственный шаг за парапет. И кроме того, это своеобразная китайская традиция.

— Какая китайская традиция?

Улыбка, которая не покидала их лица, совершенно ясно показывала, что они говорят просто для того, чтобы говорить и чтобы еще какое-то время не давать воли более драгоценным чувствам и переживаниям.

— Такая, согласно которой, если ты спасла кого-нибудь от самоубийства, ты должна брать на себя ответственность за него на всю оставшуюся жизнь.

— Я никогда не слышала о таком обычае! И я вовсе не собиралась совершать самоубийство. Просто я была взбешена поведением Бет.

— У меня сложилось впечатление, что еще в большей степени тебя взбесил я!

— А ты сам? Ты был просто в ярости, разговаривая со мной, ты всегда вставал на ее сторону, выступая против меня.

— Да. Каким же я был дураком, считая, что Бет нужно защищать от твоего здорового, бойцовского задора. — Тут легкомысленные нотки исчезли из тона Роджера. — Я был убежден в ее невинности и в наличии у ней доброжела-

тельности. И ведь я говорил тебе, что, по моему мнению, Бет еще не повзрослела! Да у нее уже вековой опыт заботы о себе самой, о любимой Бет Карлайен, а все остальные при этом могут идти ко всем чертям. И ты знала об этом, а я нет. Как такое могло случиться?

Лиз ответила уклончиво:

— Дело в том, что у нас у обоих был повод для ревности.

При этих словах Роджер еще крепче сжал ее руку. Однако девушка поторопилась со следующим вопросом:

— А как ты думаешь, что ждет в дальнейшем Бет и Дженайну? Если Бет осуществит свою угрозу и уедет в Англию, тем самым она разобьет сердце Дженайны.

— Лично я думаю, что Бет скоро охладит свой пыл. Признаю, мне приходится пересматривать некоторые аспекты в моем отношении к ней, но на основании последних наблюдений я полагаю, что она достаточно проницательна и понимает, «что в стране, где все слепые, королем будет и одноглазый». Короче говоря, если ее целью является замужество, то она знает, что в Англии конкуренция на рынке невест будет гораздо более жесткой. Возможно, в Сахаре и выбор женихов поменьше, но здесь еще меньше и претенденток на руку и сердце мужчины, готового вступить в брак.

— Но она все равно намерена отравлять жизнь Дженайны, даже и в том случае, если она останется жить с ней.

— Да долго ли ей будет позволено вести себя подобным образом? Мне как-то не представляется, чтобы наш друг Мейер согласился терпеть подобное.

— Не знаю. Но надеюсь, что так и будет. Ведь Бет, — и, сказав это, Лиз внезапно вздрогнула, — она такая притвора. Ей удастся создать впечатление, будто она гладит тебя одной рукой, тогда как на самом деле царапает ногтями другой! Однажды она вцепилась в меня ногтями обеих рук — в переносном смысле, конечно, — когда рассказывала мне про связь, якобы существовавшую между тобой и Дженайной.

— Когда она рассказывала тебе... То есть ты хочешь сказать, что прежде, чем вынести всю эту историю на публику, она рассказывала ее тебе?

— Да. Вскоре после того, как я приехала домой, Бет попросила меня встретиться с нею в кафе «Мирамар», и там она все и выложила мне.

— Но как же ты могла поверить ей! Понимаю, что, когда я пригласил на обед только одну Дженайну, не давая при

этом никаких объяснений, это выглядело достаточно странно. Но никому и в голову не придет, если он разумный человек, подобным образом истолковывать мой поступок!

— Возможно, я и не была разумной, — застенчиво призналась Лиз, — всю ночь я чувствовала себя такой счастливой, после того как ты сказал мне, что никогда не испытывал любви к Бет. Я понимала, что мне лично это вряд ли что могло бы принести, но хотела, чтобы оно так и было. А когда мы потом говорили о женщине, которую ты бы взял себе в жены, я говорила себе, что, конечно, это сказано не про меня, но ведь может быть и так, что это сказано не про кого-то конкретно!

— Птичка моя, у меня не было возможности прямо сказать тебе все, что я чувствовал, но ведь я говорил о тебе. Хвала Создателю, сегодня вечером ты смогла понять меня на расстоянии, стоило лишь встретиться нашим взглядам! Ведь ты же все поняла тогда, верно?

— Да-а. Но тогда ты не сказал ничего такого, что могло бы позволить мне хотя бы надеяться. А когда я услышала то, что рассказала мне Бет, то получилось так, что, говоря о женщине, которая могла бы стать твоей женой, ты имел в виду Дженайну...

— И я полагаю, я целовал именно Дженайну, с тем чтобы разбудить ее и дать возможность посмотреть на восход солнца?

— Вот как! Но ты же сказал, — на щеках у Лиз появились ямочки, — что тому поцелую была отведена роль будильника!

— Это была просто уловка, поскольку ты выглядела такой шокированной и такой смущенной. Если бы ты ответила на мой поцелуй хотя бы подрагиванием ресниц, предупреждаю тебя, возможно, я бы уже не смог нести ответственность за последствия. Но поскольку было так, как оно было, ты в значительной степени упростила для меня выполнение взятого мною обязательства.

— Какого обязательства?

— Такого, что я не воспользуюсь нашим вынужденным уединением в качестве предлога, чтобы объясняться тебе в любви. Я говорил сам себе, что, если попытаюсь превратить деловую поездку в любовное свидание, которого ты не хотела и которого не имела возможности избежать, я тем самым нарушу наш с тобой уговор.

Тут Роджер замолк, потому что они остановились у подножия железной лестницы, что вела в сад на крыше.

— Сперва поднимайся ты, — потребовал он, — и будь осторожна! Потому что если ты и на этот раз подвернешь щиколотку, тебе придется хромать к другому врачу. Я ни в коем случае не допущу, чтобы профессиональная этика снова мешала моей личной жизни!

Поднимаясь по лестнице, Лиз решила разобраться в данном вопросе. Вслед за ней поднялся и Роджер, он обнял девушку, и она повернулась к нему:

— Что ты хочешь сказать по поводу твоей личной жизни? Между тем вечером, когда я подвернула щиколотку, и той ссорой, которая случилась из-за Бет, прошло совсем немного времени!

— Ну и что из того? Так или иначе, я все равно намеревался сказать в тот вечер, что люблю тебя. Помнишь, я предложил тебе на выбор, то ли пойти танцевать со мной, то ли отправиться на прогулку. Вне зависимости от того, что ты выберешь, любой вариант обеспечивал мне свободу маневра! А что же сделала ты? Ты самым преступным образом превратилась в пациента с подвернутой щиколоткой, оказанием помощи которому пришлось заниматься мне. Но прежде чем мы расстались, ведь я же в надежде, что ты поймешь намек, попытался пообещать, что будут другие ночи и другие расветы, которые я попрошу тебя встретить вместе со мной.

— Выходит, ты знал... уже тогда?

— Да, любовь моя, и даже гораздо раньше!

— Тот вечер был первым для меня...

Но его губы уже опустились на ее губы, своим прикосновением заставляя их сперва неохотно, а затем, вобрав в себя огонь его страсти, цвести и наполняться пылким ответным чувством. В течение какого-то времени, какого точно, Лиз не знала и не хотела знать, она не ощущала ничего, кроме близости его тела, его жаждущего рта, его сильных и властных рук, что ласкали ее. Затем, будучи уверенной и уже не сомневаясь в том, что они смогут снова подарить друг другу эти волшебные переживания, Лиз захотелось дать волю своему любопытству.

— Но если еще когда мы были в пустыне, ты захотел, чтобы я знала о твоих чувствах, почему же ты не захотел сказать мне что-либо о них, как только мы вернулись назад. Раньше, чем я услышала от Бет эту историю про Дженайну!

— Ах это, — пальцы Роджера стали раскручивать непослушный завиток на виске у Лиз, — это, я боюсь, была еще одна из моих задумок, которые завершились совсем не так, как я планировал. Сперва всему помешало то, что ты подвернула щиколотку, и раньше, чем с этим припятствием было покончено, выяснилось, что ты достаточно крепко привязалась к Соуперу.

— Я никогда не привязывалась к Крису, не было ничего подобного!

— Значит, Эндрю и я не натолкнулись на вас в тот момент, когда ты была в объятиях Криса.

— Но я же говорила папе, что все это ничего не значит!

— Предложив мне с черт знает каким опозданием узнать от Криса Соупера, что он хотел было поцеловать тебя, но ты не продемонстрировала никакого ответного желания?

— Но как я могла сказать тебе об этом? Не мог же ты услышать от меня публичных заявлений такого рода: «Я люблю Криса. Я никогда не любила его».

— Очень смешно, — проворчал Роджер. — И все равно ты могла бы помочь мне и облегчить выяснение этого обстоятельства. Но ты спрашиваешь меня, почему я не набросился на тебя сразу же, как только мы вернулись из поездки? Отвечаю: как я уже говорил тебе, я планировал в тот вечер пригласить тебя и Эндрю отобедать со мной, а после обеда остаться с тобой наедине. Но все получилось совсем не так. А уж когда ты сказала, что намерена устроить праздник в честь Криса, это было уже слишком.

— Да, ты как-то странно отреагировал на это мое желание. Ты назвал его донкихотством.

— А разве это не донкихотство, во всяком случае, как это виделось мне? Посуди сама: тебя оставили ради какой-то другой девицы — это я так считал. И несмотря на это ты проявляешь такое великодушие, что не только отправляешь парня обратно к той девице, но еще и проявляешь готовность устроить ему пышные проводы.

— Но, в конце концов, ты же пришел?

— Только после того, как я убедил Соупера выступить в качестве хозяина вечеринки, благодаря чему мне не нужно было ломиться в открытые ворота из-за того, что я ранее отверг твое приглашение. Поскольку я допускал и такое, что ты можешь просто-напросто вышвырнуть меня отсюда, а я уже провел слишком большую подготовительную работу и не

мог рисковать. Вы понимаете, юная дама, что это моя первая, проведенная в отношении вас боевая операция, которая прошла в соответствии с намеченным планом? После того как вчера я с помощью Криса Соупера расставил все точки над «i», я намеревался поймать тебя и остаться с тобой наедине на время, достаточное, чтобы попросить тебя выйти за меня замуж.

— Значит, ты отправился к Крису?

— Да. Но отнюдь не с настроением деликатного наведения справок. Его увечье оказало ему добрую услугу, потому что из-за этого я был вынужден вести наш разговор в рамках, допустимых приличиями. Мы с ним расстались вполне приятельски.

— Так, значит, вот почему он знал, что между вами с Дженайной ничего нет! Если бы он только сказал мне...

— Я бы тоже сказал ему кое-что, сделай он это! Ты что, считаешь, что мне нужны посредники? Я не ожидал, что взволнованная своими проблемами Дженайна сообщит всем вокруг о том, что я люблю тебя. И кажется, ты тоже не в восторге от того, что Бет доложила обществу о твоих чувствах?

— Конечно, не в восторге. Мне тогда вообще не хотелось, что бы ты когда-либо узнал о них.

— Но в тот день, когда мы летели сюда, любой мог подумать, что ты умираешь от тоски. Да ты понимаешь, что я влюбился в тебя уже в тот день? Ты в своем поведении была столь же беззащитной и одновременно столь же доблестно храброй, как испуганный котенок. Сперва я подумал: «Эта сопливая идиотка хочет покорить Сахару!» И сразу же потом: «Господи, да если она только захочет, сможет и победить!» А потом я подумал: «А ведь мне хотелось бы увидеть, как она сделает это. Да что там — хотелось бы, я должен увидеть...» И после этого, моя дорогая Лиз, я принял тебя в свою душу, зная, что ты останешься в ней навсегда.

— Если бы только я тогда могла знать об этом.

— Тогда бы была не готова к тому, чтобы узнать что-либо ни обо мне, ни о себе. А после того моего неудачного выступления на празднике ахал, я был поставлен перед фактом, что, возможно, никогда не смогу убедить тебя в своих чувствах.

— Все случившееся потрясло меня, — прошептала Лиз, — и я была оскорблена тем, что ты осмелился поцеловать меня, поскольку была убеждена, что ты любишь Бет. Но еще боль-

ше я была поражена, когда мне стало известно, что ты бережешь наш камень. Этого я просто не могла понять!

— Я так и думал, что ты заметила его, — засмеялся Роджер, — и мне было любопытно, к какому заключению ты пришла. Я специально съездил и забрал камень еще до того, как туареги покинули стоянку. Думаю, Тин Акелу оценил мой романтический порыв.

У Лиз перехватило дыхание.

— Когда ты подарил мне *rose de sable*, я тоже хотела, чтобы он стал для меня напоминанием о тебе.

— Что же, они будут нашими домашними божками. Наш камень «Роджер любит Лиз» и цветок пустыни.

— Наш камень — да. Но не *rose de sable*. Роджер, он... он разбился! Когда это произошло, мне показалось, что вместе с ним разбилось и мое сердце. Это было все, что мне осталось от тебя, все, на что я когда-либо могла рассчитывать. И когда я увидела на полу море сверкающих осколков, мне показалось, что я этого не вынесу. Бет сказала, что этот камень для тебя ничего не значил, иначе бы ты не подарил его мне. И все равно она разбила его.

— Бет разбила?

Лиз рассказала, как все было, но, увидев, как гневно сжались губы Роджера, пожалела об этом.

— Не суди ее слишком строго, Роджер, — взмолилась она. — Возможно, она и впрямь любит тебя и потеряла голову от ревности.

— Сомневаюсь. А я-то верил, что она наивна, что она нуждается в защите!

С этими словами Роджер расправил плечи, словно стряхнул с себя какое-то неприятное одеяние, которое слишком долго было на нем, а потом снова заключил Лиз в объятия.

— Не стоит жалеть о *rose de sable*, любовь моя. Вместе мы когда-нибудь найдем другой цветок пустыни. А пока что поцелуй меня...

И вновь вспыхнувшая страсть унесла их в те края, где существовала только энергия, рожденная контактом рук и губ, и где имела значение лишь прерывистая, сладкая и бессвязная речь влюбленных. Согретые объятиями друг друга, уверенные в том, что принадлежат друг другу, они не замечали, как на пустыню опустилась ночь, как похолодел воздух.

Для них воздух Сахары всегда будет нежным, а ее бесконечные пески будут цвести вечно.

Очарование страсти

Роман

ETERNAL CIRCLE

Глава I

«Последний раз... Последний раз». Эти слова Лин мысленно повторяла целый день. Иногда с облегчением; время от времени с ощущением захватывающей радости при мысли о начале новой жизни рядом с Перри; но чаще с беспокойным чувством сожаления: с каждым «последним разом» навсегда затворялась еще одна дверь, скрывающая знакомые вещи, места, людей.

Два дня назад Лин в последний раз вызвали к начальнице сестринского корпуса. Ее суровое лицо, обрамленное волосами стального цвета и белоснежной оборкой чепца, потеплело в улыбке, когда она пожелала Лин счастья и сказала, как будет недоставать ее в больнице, и особенно в отделении.

У Лин промелькнула несправедливая мысль: это она только сейчас такая добрая. Как может большая больница вроде Бродфилдской почувствовать ее отсутствие — одной из десятка младших сестер, крохотного зубчика в колесе, которое так же будет вращаться и без нее? И внезапно устыдилась своих мыслей, чувствуя, что проницательная старая женщина читает их.

Начальница все так же ровно говорила:

— Нам вечно не хватает кадров, и безусловно, мы остро чувствуем уход каждой сестры, каковы бы ни были его причины. Стоит ли говорить вам об этом, сестра Эсолл... Но что касается вас, для Бродфилда это в самом деле потеря, и мне хочется, чтобы вы это знали, уходя от нас.

Лин пробормотала в ответ слова благодарности, а начальница продолжала:

— Я сама прошла через все это и понимаю, как часто работа бывает неблагодарной, поэтому иногда трудно поверить, что твои старания могут быть замечены на фоне остальных. Но старшие сестры и даже начальницы, — в уголке рта у нее появился намек на улыбку, — все-таки не слепые, и, когда больница теряет сестру, о которой известно, что она всегда ставит работу превыше своих личных интересов, — нельзя не пожалеть о ней, хотя за нее, казалось бы, надо радоваться.

У Лин что-то сжалось в горле, и она ничего не ответила. Начальница почувствовала ее состояние. Она больше ничего не сказала, повернулась к шкафчику красного дерева и достала серебряный поднос, бутылку шерри, бокалы и вазу с печеньем.

Печенье и шерри в кабинете начальницы. Таков был официальный традиционный ритуал прощания с каждой сотрудницей, уходящей с работы в связи с замужеством. Это была церемония, которой боялись или с удовольствием ждали — смотря по степени самообладания. Об этих приемах немало рассказывали и шутили в комнате отдыха сестер. И вдруг Лин почувствовала, что для нее все совсем по-другому. Это был символ всего того, чем стал для нее Бродфилд, — надежность, дружба, любимая работа. И даже родной дом, которого у нее больше нигде не было. Печенье и шерри в кабинете начальницы означали конец всему, и горечь сожаления стала почти невыносимой, даже на фоне счастья.

Начальница, медленно отпивая шерри, ласково говорила ей о будущем замужестве, расспрашивала о «вашем мистере Гарстоне»: как долго они знакомы и когда она ждет его в Англию для свадьбы.

— Мы обручены уже около полутора лет, — ответила Лин. — Но мой жених весь этот год был за границей, и мы не виделись.

— У него ни разу не было отпуска? — спросила начальница.

— Был. Но один раз ему пришлось съездить в Австрию к родным, а еще несколько дней он использовал для поездки в Шотландию, где у него живет отец-инвалид. Но сейчас он уже в Англии.

— И наверное, ему не терпится скорее увидеться с вами?

— Надеюсь, — счастливо улыбнулась Лин.

Начальница пошутила, что она всегда теряет лучшие кадры, принося их на алтарь семейной жизни, сказала, что сама подозревает: тут дело не в простом совпадении, и простилась с Лин. Дверь кабинета — внушающая такой же страх и уважение, как дверь суда, — закрылась за ней в последний раз.

И после этого было еще много всего последнего. Конец ее обычным обязанностям — она в последний раз подала ужин своим больным, последний раз проверила белье в кладовке, сделала последний обход палаты.

И потом — прощания: с санитарями, поварами, садовниками и, наконец, с сестрами.

Этого она боялась, но все оказалось замечательно: неприужденный маленький праздник в ее честь, который, по американскому обычаю, назывался у них «прощальный душ», потому что, согласно ритуалу, уходящую подругу осыпали сверточками с подарками.

У них было правило: ни один подарок не должен стоить дороже пяти шиллингов, — было ли это рукоделие или какая-нибудь вещь, купленная в магазине. Из-за этого прибегали ко всяким ухищрениям и к невинному обману. У Лин все происходило так же, как у всех.

Крики протеста звучали при явных нарушениях правил; аплодисментами встречали неожиданные и остроумные подарки. В комнате отдыха было шумно, весело и оживленно, и получилось, что грустить было некогда.

Большинство присутствующих, как и сама Лин, были в форме, так как только что сменились с дежурства или отпросились на полчаса. И как и все подобные праздники на ее памяти, этот кончился так же быстро и неожиданно. Уже через несколько минут комната опустела; помахав ей на прощание, сестры поспешили кто домой, кто к больным, а Лин пошла к себе в комнату с охапкой подарков.

Вот теперь подошел самый настоящий последний раз — последний раз она снимет форму и переоденется в свою одежду в этой маленькой комнатке, которая стала ее собственной, как только она была принята в штат больницы.

Теперь все было кончено. Она уложила форменное платье, затянула ремни чемодана и встала перед зеркалом в нарядном костюме, который показался немного непривычным и незнакомым.

Лин Эсолл... скоро она станет Лин Гарстон. Возраст — двадцать три года, рост средний, волосы темные, глаза серо-

голубые, одета в серый костюм и плащ длиной три четверти, тоже в серых тонах. Так она могла бы бесстрастно описать себя саму. Но внимательный наблюдатель, глядя в зеркало из-за ее плеча, заметил бы и многое другое... Гордая посадка головы, изящный очерк щек с природным румянцем, приподнятые уголки красиво очерченных нежных губ, прямой открытый взгляд. А если бы наблюдатель был женщиной, то позавидовал бы темному блеску ее волнистых волос, изяществу фигуры и тонким, но крепким кистям рук, вместе с тем инстинктивно почувствовав, что этой девушке можно доверять. Мужчина же, не заметив деталей, восхитился бы ее неувимой женственностью. Но оба согласились бы, что скромная характеристика, данная Лин Эсолл самой себе, не отражает ее сущности...

Она поставила чемодан у двери. Посмотрела на часы. Уже через несколько минут ей надо уходить, а она еще не попрощалась с Пэтси.

С Пэтси Хорган, неугомонной ирландкой, они подружились сразу, как только обе были приняты на службу в Бродфилд, одна через неделю после другой. Пэтси была уютной толстушкой с ярко-рыжими волосами и голубыми глазами, очень покладистой и уравновешенной. У нее была одна черта — очень подкупающая и вместе с тем делающая ее мишенью для шуточек всего коллектива больницы: она была крайне склонна творить себе кумиров, и каждый врач-консультант или хирург, с которым она работала, становился объектом ее обожания. Об ее пылких увлечениях быстро узнавали все. Труднее было проследить за сменой объектов.

Пэтси клятвенно обещала быть на проводах у Лин. А ее как раз и не было. Это могло значить только одно — что в ее отделение поступил экстренный больной и она занята. Лин опять взглянула на часики. Теперь уже надо идти. Ничего страшного, ведь Пэтси будет у нее на свадьбе...

Лин повернулась к двери, но та стремительно распахнулась чуть ли не ей в лицо. Перед ней стояла запыхавшаяся и покрасневшая Пэтси.

Она сунула сверточек в руки Лин и крепко обняла ее.

— Уезжаешь... — драматически сказала она. — А я торчу в палате перед старшей сестрой, исключительно ради удовольствия мистера Уорнера Бельмонта, хирурга-консультанта! Пусть его черти унесут, да и сестру тоже!

Лин изумилась:

— Хочешь сказать, что мистер Бельмонт вызвал тебя?

— Нет. Да и как бы он мог заметить меня? Просто Спелдер заболела, одной сестры нет, а знаешь ведь, старшая требует, чтобы на обходе за милордом ходила целая процессия. А мы для него — просто пара манжет да передник...

— Пэтси, да ведь ты совсем не сердишься. Тебе было приятно, — возразила ей Лин, поддразнивая.

— Ну уж нет. Я хотела быть у тебя на проводах!

— Да, тебя ужасно не хватало. Но мистер Уорнер Бельмонт! Ты же всегда говорила, что он «изумительный человек»... ох! Пэтси, я должна бежать. Такси ждет!

Она пообещала сразу же написать подруге, а ее подарок развернуть в поезде. Пэтси махнула рукой:

— Да так, пустячок.

И вдруг обе почувствовали себя скованно. Лин сказала:

— Пэтси, дорогая!..

Но Пэтси не ответила, а Лин почувствовала, что придется широко раскрыть глаза и не моргать, чтобы не полились слезы.

Она немного расстроилась, увидев, что Альфред, таксист, обычно возивший всех сестер, приехал на дряхлой машине, прозванной ими «старушенцией». Как она не раз убеждалась на горьком опыте, эта машина часто ломалась на полдороге, а сегодня у нее было времени в обрез.

Она рассчитывала попасть в Эмберли как раз к чаю. Чаепитие у Мэри и Денниса Дорн всегда было таким уютным. А потом, у нее впереди еще много дней и много дел: и планирование, и спокойные светлые мысли за шитьем приданого, которое они будут готовить вдвоем. Лин знала, что Мэри с таким же нетерпением ждет ее свадьбы, как и она сама.

От этих мыслей ее отвлекло внезапное замедление хода машины.

— Ох, Альфред, — сказала она, — неужели опять этот карбюратор?

— Не иначе как он, сестра. Ну, может, я его починю...

Он вылез из машины и поднял капот. Лин тоже вышла и нетерпеливо переминалась рядом.

— Только недолго, а то я опоздаю к поезду, — предупредила она. Посмотрев на часы, она поняла, что немного преувеличивает. Если она сейчас отправится пешком и

пробежит часть пути, она успеет. Несколько мгновений она колебалась, но потом достала из машины чемодан:

— Я пешком, — и сунула деньги Альфреду, который не хотел их брать. — Если удастся, догоните меня. А если нет — то до свидания и желаю удачи со «старушенцией»!

Дорога на станцию, обслуживающую Бродфилд, шла в гору около полумили. На станции ей надо сесть на местный поезд, который привезет ее на главный вокзал Спайрхэмптона, а оттуда она поедет на другом поезде до Эмберли, пятнадцать миль к югу от города. Ей нужно успеть именно на этот поезд, иначе придется долго ждать следующей пересадки.

К ее удивлению, она не успела сделать и нескольких шагов, как рядом с ней затормозила машина. Водитель перегнулся через сиденье, открыл ближайшую к ней дверцу, и Лин оказалась лицом к лицу с мистером Уорнером Бельмонтом.

— Насколько я понимаю, ваше такси сломалось и вы торопитесь на поезд. Могу ли я предложить вам подвезти вас до станции? — бодро произнес он.

— Вы так любезны... — Лин говорила как с незнакомым человеком; собственно, это почти так и было. Он не так давно стал хирургом-консультантом в Бродфилде и сталкивался в основном с хирургическими сестрами. Иногда он бывал и в Бартраме — терапевтическом отделении, но она не думала, что он может узнать ее.

Однако не успела она сесть рядом, как убедилась в обратном.

— Отделение Бартрам. Младшая сестра. Верно? — Решительный тон Уорнера Бельмонта говорил скорее о констатации факта, чем о вопросе.

— Да. Я была сестрой в Бартраме. Моя фамилия Эсолл, — ровно ответила Лин.

— Я знаю. Я вас хорошо помню, — последовал странный ответ.

На какой-то приятный момент Лин почувствовала удовольствие, что ее помнят. Но немедленно последовала отрезвляющая мысль, что феноменальная память и невероятная наблюдательность — качества, на которых строилась легенда об Уорнере Бельмонте... Ходили и другие слухи — например, что мистер Бельмонт совершенно не переносит несерьезности; что он безупречен, как и его работа; что

его частная жизнь совершенно скрыта от чужих глаз, так что, по мнению бродфилдских сплетниц, он ее вообще лишен; что сестры для него (и даже старшие) не женщины, а просто удобные роботы для исполнения его приказов.

Да ладно, думала Лин, что мне его репутация, я с ним больше не увижусь. И в этот момент девушка поняла, что он, коротко глянув на нее, переспрашивает:

— Была? Разве вы не в отпуск едете?

— Нет. Я уезжаю насовсем, потому что выхожу замуж.

— Сейчас уезжаете? К себе домой?

— У меня нет своего дома. Родители умерли, и я собираюсь выйти замуж в Эмберли, где приходский священник — мой очень старый друг Деннис Дорн. Я буду жить у мистера и миссис Дорн до свадьбы, то есть примерно месяц.

— Хм... Грустно.

— Грустно?! — Удивление сделало ее вопрос резким.

— Не для вас, конечно, — послышался спокойный ответ. — Просто я подумал о бесполезности женского образования: они осваивают сложные специальности только затем, чтобы все бросить, выходя замуж. Но едва ли это вас волнует. Ведь вы рады, что выходите замуж?

Лин помедлила.

— Да. Женщина всегда хочет выйти замуж.

Ей не хотелось подлаживаться и выражать сожаление о том, что да, все, что она знает и умеет, будет отброшено как ненужное, когда она примется вить гнездо для Перри и детей, о которых она мечтала.

Он промолчал. Они уже приближались к станции. Внезапно он спросил:

— Эмберли? Вам придется сделать пересадку?

— Да, на городском вокзале.

— Тогда, может быть, я вас прямо туда и отвезу? Мне самому надо в центр, и я вас там высажу.

Лин поблагодарила его и с облегчением уселась поудобнее. Машина развернулась и поехала прямо. Она не особенно задумалась над вопросом, который он ей задал, и мысленно искала тему, которая могла бы его заинтересовать.

Однако он сам выбрал тему. Снова вопрос:

— Я не мог вас видеть в операционной?

— Нет. Только когда я привозила больных на операцию.

— Конечно, вы не работали со мной. У вас нет опыта работы в хирургии. А в терапевтическом вы долго проработали?

— Довольно долго. — Снова детская строптивость заставила Лин промолчать о том, что до назначения Бельмонта в Бродфилд она прошла полный курс подготовки операционной сестры при его предшественнике на посту консультирующего хирурга. Теперь, когда она уезжала насовсем, незачем было оставлять данные о своих личных делах в знаменитой памяти Уорнера Бельмонта!

Снова наступило молчание; они медленно, с остановками, пробирались через узкие улочки университетского городка. Когда машина на мгновение остановилась у серых стен одного из колледжей, Уорнер Бельмонт указал девушке на здание:

— Моя альма матер.

— Вы учились в Сент-Питере? — спросила Лин.

— Да. Перед тем как заработал свои степени в медицине, разумеется. Для вас это очень-очень давно! — Его быстрый улыбающийся взгляд будто приглашал ее посмеяться вместе с ним, и внезапно ей тоже этого захотелось.

— Ну конечно, тысячу лет назад! — кротко ответила она и была вознаграждена его веселой улыбкой, оценившей ее понятливость. Оказывается, не такой уж он сухарь!

На вокзале он пожелал ей счастья и уехал, влившись в поток машин. Лин глядела вслед машине, пока она не исчезла, и пошла к своему поезду. Какое неожиданное последнее звено связи с Бродфилдом. И оно тоже разорвалось.

Осенний день клонился к закату, когда она сошла с поезда в Эмберли. Еще от станции ей были видны освещенные окна в доме ректора¹, и она почувствовала, что там ее ждут. Тропинка шла по лужайкам для игр, ведя к дому, стоящему в тени квадратной башни церкви, где Лин предстояло венчаться.

Она остановилась, положив руку на калитку, и, задрав голову, благодарно и благоговейно смотрела на ее силуэт на закатном небе. «Я хочу стать хорошей женой для Перри», — прошептала она и, пройдя в дом, попала в объятия Мэри Дорн.

¹ Ректор — приходский священник в английской церкви. (Примеч. пер.)

Мэри была на несколько лет старше Лин. Полненькая, с розовыми щеками, обычно воплощенный покой и доброжелательность, сегодня она была какой-то другой. Вопросы сыпались из нее нервным потоком, как будто она решила непрерывно говорить, и Лин с внутренней усмешкой подумала: как хорошо бы ни знать человека, он всегда может повернуться к вам незнакомой стороной, в необычном настроении. Она никогда не видела Мэри в таком... стаккатном¹ настроении.

Они расцеловались, и Мэри, заметив, что у Лин очень холодные щеки, сообщила, что Денниса нет, но он вот-вот вернется. Ей наверняка хочется подняться в свою комнату, верно? Должно быть, очень тяжело ей было прощаться с Бродфилдом; и, наверное, Лин ужасно хочется чаю...

Они вместе поднялись наверх, и в одну из редких пауз Лин еле успела спросить, не было ли для нее письма от Перри.

— Нет, нет, ничего не было. А ты ждала письма?

Лин постаралась подавить укол глупого разочарования.

— Ну, пожалуй, нет. Едва ли у него было время писать: он ведь позвонил мне, как только прилетел, и тут же отправился в Шотландию.

— Так ты с ним говорила?

— Да, — грустно улыбнулась Лин. — Но по-моему, как-то неудачно. Я была на дежурстве, а ты сама понимаешь, частные разговоры по телефону не очень-то поощряются начальством. Так что, наверное, я говорила без всякого чувства, и Перри, должна сказать, говорил в таком же тоне. Можно понять, мы ведь так давно не разговаривали и не виделись...

Мэри повесила платье Лин в гардероб. Ее вопрос прозвучал приглушенно:

— А Перри — он что-нибудь тебе сказал?

Лин расчесала волосы и небрежно взбила локоны.

— Насчет чего? Когда он к нам сюда приедет?

— Да, об этом или...

— Ничего определенного не сказал. У него отец все-таки еще очень болен, поэтому я и не настаивала. Тебя это не очень расстраивает, что мы точно не знаем?

¹ С т а к к а т о — в музыке: отрывистая манера игры. (Примеч. ред.)

— Нет, конечно нет, родная. — Внезапно Мэри импульсивно повернулась к девушке и обняла ее.

— Во всяком случае, к свадьбе-то он придет, — пообещала Лин немного жалобно, потому что ей так хотелось поговорить об этом с Мэри, начать строить планы.

Но Мэри выпустила ее из объятий, склонив голову набок и прислушиваясь.

— Вот и Деннис. Пойду скорее готовить чай, а ты, как переоденешься, иди к нему. Он тебя ждет не дождется.

Все еще не понимая настроения Мэри, Лин закончила приводить себя в порядок и спустилась вниз. Деннис стоял в дверях своего кабинета, выделяясь темным силуэтом на фоне пляшущих отсветов пламени камина. Он протянул ей руки; в голосе его было проникновенное чувство — сострадание, жалость?

— Родная моя, с приездом — вот ты и дома!

Вдруг Лин почувствовала укол тревоги в сердце. У нее похолодело внутри, и руки ее дрогнули в широких ладонях Денниса. Она остановила на нем взгляд:

— Деннис, что-то случилось?

Он ввел ее к себе в кабинет.

— Сейчас поговорим, хорошо? Хочешь закурить?

Она отрицательно покачала головой, не отрывая глаз от его лица:

— Деннис, что-то случилось?

— Боюсь, что так, Лин. У тебя есть вести от Перри?

— Да, мы говорили по телефону. Он собирался ехать к отцу. Что случилось? Он... — Горло у нее перехватило.

Губы Денниса сложились в жесткую линию.

— Он совершенно здоров. Но, Лин, приготовься услышать неприятную новость. Он не поехал в Шотландию. Он позвонил мне и попросил меня срочно увидеться с ним в Лондоне.

— Увидеться с ним? Зачем?

— Потому что у него не хватает смелости говорить с тобой. Он попросил подготовить тебя к известию, что он встретил другую девушку и собирается жениться на ней, как только она придет в Англию. Он хочет, чтобы ты знала, что ваша помолвка расторгнута. Он много мне наговорил... Он уверен, что ты и сама не захочешь связывать его, зная, что он любит другую. Он, мол, всегда будет вспоминать о тебе с уважением и благодарностью. Ну, да

это все не очень интересно. Главное в том, что я должен сказать тебе эту страшную правду.

В маленькой комнате воцарилось молчание.

Наконец Лин произнесла:

— Я понимаю, что он имел полное право влюбиться в другую...

— Согласен. Но по крайней мере, порядочность требует покончить с первым договором, прежде чем заключать новый. И не делать это через третье лицо, — сухо прокомментировал Деннис.

Лин спросила:

— А... кто она?

— Наверное, он встретил ее в Австрии.

— Да. Он ездил в Австрию в отпуск... Ох, Деннис, что же мне делать? — вдруг в отчаянии спросила она.

— Едва ли тут можно что-то посоветовать, родная, кроме как забыть его, — мягко ответил Деннис. — Можешь возбудить судебное дело, но я надеюсь, ты этого не сделаешь — только уронишь себя и утешения не найдешь; надо это пережить и забыть мало-помалу. Сейчас ты в это не поверишь, но я говорю тебе правду, Лин: ты снова будешь счастлива и снова полюбишь — когда-нибудь.

— Уже не так, как я любила Перри.

— Сейчас тебе так кажется, и это может быть правдой. Но ты найдешь утешение — пусть даже только в работе. А пока мы с Мэри хотим, чтобы Эмберли оставался твоим домом, сколько ты пожелаешь. Ты останешься, ведь так?

— Спасибо. Большое спасибо. Мне бы хотелось. — Она говорила вежливо, как ребенок. Это показывало глубину ее боли. Никаких других чувств у нее не было. Она продолжала: — Деннис, я... я не могу так. Я должна увидеть Перри. Пусть даже... в последний раз.

— Я бы тебе этого не советовал, пока ты сама не почувствуешь, что у тебя достаточно сил, чтобы сделать это действительно последним разом. Но я ему сказал, что он должен повидаться с тобой, если таково будет твое желание. Ты уверена, что тебе этого хочется?

— Да, я должна.

— Хорошо, я это устрою. — Деннис замолчал, когда дверь открылась и на пороге появилась Мэри. Она раскрыла объятия, и Лин, как слепая, уткнулась в ее грудь. Деннис тихо вышел, оставив их вдвоем.

Весь вечер они старательно разговаривали о другом. Деннис и Мэри — о природе, Лин — о больнице. Но все трое чувствовали, что ее ждет момент, который никто не может пережить за нее, — момент, когда она останется наедине со своим горем.

Одна, наверху, в своей комнате, когда все в доме утихло, она в отчаянии сказала себе, что нужно последовать совету Денниса — жить настоящим и не думать.

На туалетном столике лежал еще не разрезанный сверточек с подарком от Пэтси. Лин тупо подумала: «Я обещала открыть его в поезде» — и развернула обертку. Внутри были три теплых колпачка для яиц из коричневой фланели в виде животных, в которых с трудом можно было узнать Трех Медведей. Пэтси не была рукодельницей, поэтому на каждом было вышито «Отец-Медведь», «Мать-Медведица» и «Медвежонок».

Трогательная простота этих фигурок больно напомнила ей обо всем, что она потеряла, утратив Перри. Долгую минуту она смотрела на них, боясь, что не сможет заплакать. Потом ее голова опустилась на руки, и слезы полились, принося облегчение, в котором тонули все мысли.

Оглядываясь назад, Лин почти не помнила, как прошли эти первые дни. Наверное, она ела, спала и разговаривала, зная, что и Мэри и Деннис делают все, чтобы заинтересовать ее чем-нибудь. Но долгое-долгое время с жестокой ясностью у нее в мыслях стояла картина последнего свидания с Перри. Она твердила себе, что должна научиться забывать, и надеялась, что она вышла из этого испытания с честью. Она не знала, что, по мнению Денниса, она проявила неожиданную моральную силу во время этого свидания.

Она с безразличием смотрела в будущее, которое так переменилось. Это было так, как будто она смотрела в зеркало и со страхом видела, что там ничего нет. Пустота. Но ведь она должна опять связать разорванные жизненные нити, как будто ничего не случилось; с чувством, близким к панике, она поняла, что утратила вкус к той единственной работе, к которой ее готовили и на которой она была так счастлива.

Инстинкт заставлял ее прятаться, как раненое животное, дальше, как можно дальше от работы, приносящей столько воспоминаний, дальше от тех мест, где ее знали. И меньше всего она могла думать о возвращении в Бродфилд.

У нее не было сил ощущать на себе любопытные взгляды и чувствовать жалость друзей. Отказ Перри от помолвки ранил не только ее любовь — он подорвал самые корни ее веры в себя. Значит, где-то она сделала что-то не так...

Со все возрастающей тревогой она читала колонки объявлений в дневных газетах, ища работу, которая была бы «другой», хотя у нее не было ни склонности, ни опыта ни в чем, кроме медицины. Внутренний голос все время говорил ей, что она должна признать: есть много людей, куда более подходящих для этой работы, чем она.

Незаметно прошел месяц, который должен был быть счастливой прелюдией к семейной жизни. Она делала все, что могла, чтобы отплатить Деннису и Мэри за их доброту: помогала Мэри хозяйничать дома, работать с прихожанами, взяла на себя большую часть секретарской работы у Денниса, которой было очень много, благодаря его широким интересам, простирающимся далеко за рамки приходской жизни.

Он особенно любил свою работу в клубах для мальчиков — один был в Эмберли, второй — в промышленном районе Спайрхэмптона. Он абсолютно верил поговорке насчет дьявола и праздности¹. «Парень, занимающийся спортом или увлекающийся еще чем-нибудь, редко когда свихнется», — всегда говорил он и свято следовал этому принципу не жалея сил.

Как-то раз он сказал, что организует большой концерт для сбора средств для Дигбет-клуба — того, что в Спайрхэмптоне.

Мэри укоризненно покачала головой:

— Ах ты бессовестный! Я просто уверена, что ты способен уговорить и самого Иегуди Менухина на бесплатный концерт ради ребят из Дигбета!

— Да вот жаль, что его сейчас вроде нет здесь, — засмеялся он. — А то бы — да, попросил бы. Зато у нас будет пианист Сабата, тот самый, а петь будет Ева Адлер, сопрано. — Он повернулся к Лин: — Ты мне поможешь писать приглашения, хорошо? Я надеюсь, мы соберем прилично денег для Дигбета.

Они с Мэри настаивали, чтобы Лин пошла на концерт и сидела на возвышении для самых почетных гостей. Ей не

¹ Дьявол найдет работу для праздных рук (англ. поговорка). (Примеч. ред.)

хотелось — она совершенно утратила способность общаться с людьми. Но еще больше ей не хотелось обижать Денниса и Мэри, и она согласилась. Вряд ли кто-нибудь заметит ее в таком блестящем обществе, думалось ей. Лин не знала, что ее затравленный взгляд уже сам по себе привлекал внимание.

В концертном зале она почти сразу оказалась предоставленной самой себе. У Денниса и Мэри было здесь много дел. Лин проскользнула на свое место в задней части возвышения. Места вокруг нее понемногу заполнялись. Вскоре свет в зале померк, и концерт начался.

Открыл его струнный оркестр клуба, и Лин, помнившая первые шаги этого оркестра, терпеливо направляемые Деннисом, была поражена уровнем, которого удалось достигнуть мальчикам. Лин растворилась в музыке. Она отдалась мелодии, забыв о своих горестях...

Последним номером перед антрактом было выступление Евы Адлер. Лин много слышала о ее чудесном сопрано, но видела певицу впервые.

С первого взгляда она решила, что женщина, вступившая на освещенную сцену в сопровождении Денниса, — само совершенство. Очень высокая и стройная, с идеально пропорциональной фигурой и тяжелым узлом волос, спадающим на шею. Свободное золотистое одеяние не скрывало гибкости и уверенности ее движений. Горделивая посадка головы и ослепительная улыбка завершали это воплощение собственного достоинства.

Теперь Лин слышала не просто захватывающую мелодию. Это было настоящее торжество духа. Ей редко приходилось слышать подобное. Сцепив руки на коленях, она зачарованно слушала волшебную музыку и дивный голос.

Незадолго до конца арии она уловила какое-то движение у себя за спиной. Кто-то усаживался прямо за ней. Раздраженная тем, что ее вырвали из мира грез, она обернулась. К своему крайнему удивлению, она увидела мистера Уорнера Бельмонта. Без сомнения, он тоже узнал ее.

Заключительные такты Лин слышала в полуобмороке. Она едва знала этого человека, и тем не менее ее душил стыд — вот человек, который сейчас поймет, что ее отвергли. «Брошенная» — ужасное слово.

Раздался шквал аплодисментов, к которому поспешила присоединиться и Лин. Она скорее почувствовала, чем услышала, его вопрос:

— Раз вы больше не сестра Эсолл, могу ли я узнать, как к вам теперь обращаться?

Краска залила лицо Лин. Она обернулась:

— Моя фамилия по-прежнему Эсолл.

— Вот как? — Его брови удивленно приподнялись.

Ева Адлер снова собиралась петь, и на какой-то момент Лин почувствовала, что спасена. Но волшебство музыки было разрушено. Она не знала, как здесь оказался Уорнер Бельмонт, но знала, что его вопросы, хотя и учтивые, будут безжалостны.

Закончилась вторая ария мисс Адлер, затихли аплодисменты, люди задвигались, вставая со своих мест и переговариваясь. Большинство направлялось в зал, где находился буфет.

Уорнер Бельмонт тоже поднялся.

— Пойдемте перекусим чего-нибудь, — предложил он, к удивлению Лин.

— Мне не хотелось бы мешать вашей компании, — быстро ответила Лин.

Он покачал головой.

— Моя «компания» состоит из единственного человека, и вряд ли я доберусь до нее сейчас. — Он кивнул на Еву Адлер. — Мы старые друзья, и сегодня вечером я сопровождаю ее. Однако сейчас она во мне не нуждается, а больше я не знаю здесь ни единой души. Я буду очень признателен вам, если хоть вы меня пожалеете.

Ответить на это было нечего, и Лин молча последовала за ним. Народу было много, но он отыскал свободный столик для Лин, а сам отправился добывать кофе и сэндвичи.

Шум вокруг них достиг крещендо, но они разговаривали мало. Допив кофе, он попросил у Лин разрешения закурить. Склонившись над зажигалкой, осторожно спросил:

— Скажите, разве вы не говорили, что собираетесь выйти замуж вскоре после отъезда из Бродфилда?

— Говорила.

— Значит, вам пришлось отложить свадьбу? Извините. Жаль, конечно.

— Свадьба не отложена. Помолвка расторгнута. — Голос ей самой показался хриплым и неестественным.

Пауза.

— Мне очень жаль, — искренне произнес Уорнер Бельмонт и осторожно добавил: — Расскажите мне, что случилось?

— Рассказывать почти нечего. Произошло то, что, видимо, иногда происходит. Мой жених встретил за границей другую девушку и сказал мне об этом.

— Но ведь вы очень скоро собирались пожениться?

— Да.

Снова молчание. Лин молила Бога, чтобы он избавил ее от банальных утешений, что все утрясется. Она могла принять их от Денниса, хорошо знавшего ее. Но в устах Уорнера Бельмонта это было бы неуместным.

Однако он лишь задумчиво произнес:

— Видимо, вы очень любили этого человека?

Она промолчала.

— Это нарушило все ваши планы. Думаю, вам бы хотелось сейчас отдохнуть, а потом? Что вы собираетесь делать потом? Вы вернетесь в Бродфилд?

— Нет, — резко ответила она. — Только не это.

— По крайней мере, вы собираетесь работать медсестрой?

— Нет, точно нет. Я хочу заняться чем-то новым, сменить окружение. Может быть, уехать за границу.

— Да? И чем заниматься?

— Я... я еще не решила.

Его взгляд посуровел.

— А что вы умеете?

— Да в общем-то ничего. — Обескураженная этим безжалостным допросом, она сделала нетерпеливый жест: — Неужели вы не понимаете, что я не могу вернуться в Бродфилд — меня же будут жалеть все, кто знал меня раньше! Это так просто — работа, которую я любила, пока была счастлива, потеряла для меня всякий смысл!

Она презирала себя, что все так объясняет ему. Ведь он все равно не поймет.

— Вы хотите сказать, что эффективность вашей работы полностью зависит от благополучия личной жизни? — недоверчиво спросил он. — Не ставите ли вы жалость к себе чересчур высоко?

— Просто я должна привести себя в порядок. Я не считаю, что упиваюсь жалостью к себе, — попыталась защититься Лин.

— Простите, но, на мой взгляд, у вас совершенно неверные взгляды на чувство долга. Представьте, что было бы, если бы каждый человек забрасывал свою работу каждый раз, как только его постигнет неудача в личной жизни?

ни. Насколько я понимаю, у вас нет обязательств перед семьей, которые могли бы оправдать отказ от работы в медицине, одной из самых ценимых в обществе профессий. Я согласен, вам нужно время, чтобы прийти в себя. Но мне не хотелось бы, чтобы вы считали, что вы — единственный человек, оказавшийся в такой ситуации.

— Возможно, я не права. Но ваше мнение кажется мне довольно бездушным.

Уорнер Бельмонт слегка пожал плечами.

— Если и так, то причина в том, что я не сентиментален. Я реалист, я стараюсь прямо смотреть в глаза своим проблемам. То же самое пытаюсь делать и с вашими. Мне кажется, что ваш уход был потерей для Бродфилда. И ее надо восполнить. Хотел бы я, чтобы вы думали так же, но не в моих силах заставить вас. Кстати, как ваше имя? — внезапно спросил он.

— Лин, — ответила она. — Я не могу вернуться в Бродфилд. Просто не могу!

Буфет пустел, публика возвращалась в концертный зал. Уорнер Бельмонт взглянул через плечо Лин на выходящих. Она поднялась. Какое-то мгновение они молча смотрели в глаза друг другу, затем он довольно безразлично произнес:

— Ну что ж, Лин Эсолл, решать вам... Хотел бы быть вам полезным, но...

— Спасибо, — в тон ему ответила она.

Взяв девушку за локоть, он проводил ее в зал, усадил на место, поклонился и вышел.

Вновь заиграла музыка, но ее очарование пропало. Лин печально раздумывала, что не оправдала ожиданий Уорнера Бельмонта... И потеряла Перри. А в глубине души она понимала, что теряет себя.

Ей захотелось остановить эту череду неудач.

Глава 2

Уорнер Бельмонт так и не вернулся на свое место. Она видела, как он беседовал с Деннисом, а после того как Ева Адлер закончила свое выступление, они сели в первый ряд. Незадолго до конца они уехали.

Лин пришлось в голову, что ни разу с тех пор, как он появился в Бродфилде, беспроволочный телеграф сплетен не

связывал его имя ни с какой женщиной. Он сказал, что они с Евой Адлер старые друзья. Это могло означать что угодно. Но в комнате отдыха из упоминания о невинной дружбе могли сделать вывод о потрясающем романе. Следовательно, там никто ничего не знает.

Лин попыталась вспомнить, что ей известно о Еве Адлер, но на ум пришла лишь маленькая газетная заметка о том, что мисс Ева Адлер, колоратурное сопрано, сняла дом к северу от Спайрхэмптона, в одном из наиболее красивых пригородов. Это было, кажется, несколько недель назад, примерно тогда же, когда Деннис попросил помочь ему с Дигбет-клубом. Но Лин понимала, что мистер Бельмонт говорил о куда более давних отношениях, и ей было любопытно, как и когда они начались.

Она понимала и то, что, раздумывая над этим, она лишь пытается отвлечься от мысли, что он осуждает ее. Было необходимо признать это, но она чувствовала себя такой опустошенной, что это было сейчас просто ей не по силам. С одной стороны, нужно было как-то отделить его критику от него самого. Но она помнила его потемневшие от неодобрения глаза, безжалостно пытающиеся внушить ей мысль, что она не права. Было ясно, что задача не из простых.

Сегодня она забудет о нем. А завтра будет новый день.

Однако забыть об Уорнере Бельмонте было непросто, так как оказалось, что Деннис просто переполнен впечатлениями от их первой встречи.

— Вы знали, — обратился он к Мэри и Лин за поздним ужином в Эмберли, — что он учился в Сент-Питере, до того как занялся медициной?

— Я знала, — спокойно ответила Лин.

— Так вот, оказывается, в то время он много занимался клубами для мальчиков. Два вечера в неделю бывали специально отведены такому клубу в Спайрхэмптоне. И даже в Лондоне у него находилось время для такого же клуба. Мы сошлись на моей излюбленной теории, что, пока ребята растут, как ни занимай их руки и голову — все будет мало. На мой взгляд, он такой же энтузиаст этого дела, как и я сам.

— Удивительно. Ведь он, наверное, очень занят, — откликнулась Мэри.

— Я ему тоже это сказал. Но он только усмехнулся — довольно неожиданно, ведь у него такое серьезное лицо, правда, Лин? — и сказал: «А вам не кажется, Дорн, что на

любимое дело время всегда находится?» Трудно с этим не согласиться, — удовлетворенно заключил он.

— И не только свое время, но и чужое, — уколола его Мэри. — Ты отдаешь себе отчет в том, что ни у Лин, ни у меня не было и минуты свободной, с тех пор как ты затеял этот концерт? Кстати, как он получился?

— Пока рано говорить. Вот придут счета, Лин поможет мне разобраться с ними, тогда и увидим.

— Эксплуататор! — фыркнула Мэри и поцеловала его в макушку. — Знаешь, я бы на твоём месте не упустила возможности попросить мистера Бельмонта помочь клубу.

Деннис слегка смутился.

— Ну, собственно говоря...

— Можешь не рассказывать. Я так и знала, — сказала Мэри, начиная убирать со стола. — Ты неисправим.

— Пока ничего определенного. Был разговор, что он постарается составить правила поведения для ребят и еще, возможно, заглянет к нам как-нибудь. Надеюсь, так и будет.

— Я тоже. Тогда тебе, по крайней мере, не придется за-таскивать его туда под дулом пистолета, — живо откликнулась Мэри.

Вечер закончился смехом, и в первый раз Лин присоединилась к нему, не думая: «Как жаль, что Перри не слышит этого, я обязательно расскажу ему все в письме». Какая-то дымка затягивала ее воспоминания о Перри. Она все еще любила его. Но бывали моменты, когда она с ужасом понимала, что не может вспомнить его голос. «Мне следовало бы радоваться, — думала она. — Но не выходит. Я так привыкла любить его. И, забывая мелочи, связанные с ним, я чувствую себя еще более одинокой».

Два или три дня спустя она получила благоприятный ответ по поводу работы, на который почти не надеялась. Это было место стюардессы. Когда она писала запрос, ей думалось, что это возможность получить все то, что она искала: путешествия и новых людей, которые ничего не будут знать о ней.

Встреча была назначена на следующее утро, и, судя по письму, у Лин были основания рассчитывать, что ее примут. Она долго сидела, не сводя глаз с листка бумаги. Затем медленно порвала его на мелкие кусочки и пошла на кухню к Мэри.

Мэри рассматривала маленький кусочек мяса, лежащий на тарелке.

— Ты ведь уезжаешь завтра в Лондон, правда, Лин? — спросила она. — Я подумала, что, пожалуй, прокручу из этого фарш. На троих маловато, а нам с Деннисом хватит.

— Да, во время ленча меня не будет, — быстро встала Лин, — но, Мэри, я не собираюсь идти на собеседование.

— Как? Ты же так хотела получить это место!

Лин отвернулась.

— Я возвращаюсь в Бродфилд. Если начальница примет меня обратно.

— Ах, Лин!.. — Мэри обняла ее за плечи и развернула к себе. — Дорогая, я так рада! Мне всегда казалось, что твоя работа может сделать тебя счастливейшим человеком, и твое место в Бродфилде, среди друзей. Но когда мы говорили с Деннисом, я отстаивала противоположную точку зрения, так как не была уверена, что ты решишься вернуться. Он-то всегда этого хотел. Но я говорила, что не может мужчина знать, что в таких случаях чувствует девушка. А теперь ты сама все решила. Я так счастлива, Лин!

В глубине души Лин знала, что решила она не совсем сама, но говорить этого Мэри не стала. Деннис был менее эмоционален, чем его жена, но, когда ему рассказали о новостях, было видно, что он тоже очень рад.

— Никто из нас не вправе давить на тебя, Лин. Но ты приняла верное решение. Даже, пожалуй, благородное. И это тебе зачтется. Кроме того, для нас с Мэри очень много значит то, что ты по-прежнему будешь поблизости. Наш дом — твой дом.

Лин было непросто писать письмо начальнице с просьбой принять ее обратно в Бродфилд. Ее не покидало ощущение, что она должна распутать нити своей жизни и вновь смотать их в аккуратный клубок.

В ожидании ответа она договорилась встретиться с Пэтси Хорган в Спайрхэмптоне. Место выбрала Пэтси, и Лин надеялась, что это не один из тех ресторанчиков, где собираются обычно медсестры и студенты Бродфилда, когда пе-

рерыв между дежурствами позволяет им выбраться в центр города.

Она приехала первой. Чувствуя себя немного скованно, выбрала столик в углу и села спиной к залу. Она понимала, что нежелание быть узнанной — глупо, но ей хотелось проверить, как она будет чувствовать себя в новой ситуации, — сначала с Пэтси. Они переписывались и созванивались друг с другом, но еще не встречались с отъезда Лин из Бродфилда. Теперь желание Лин поговорить с Пэтси — хоть она-то ее поймет! — было первой попыткой сломать лед отчужденности, вернуться к бродфилдской жизни.

Пэтси, верная своим привычкам, как всегда, опоздала. И появилась, к испугу Лин, не одна.

Лин с замиранием сердца узнала ее спутника — это был доктор Том Дринан из Белфаста, один из молодых бродфилдских докторов. Жизнерадостный и добродушный, он относился к ее помолвке с Перри с деликатной почтительностью, за которую она была ему благодарна. Но он никогда не скрывал своих чувств к Лин, и как раз его ей бы не хотелось сейчас видеть.

— Не сердись, что я привела его, — сразу заявила Пэтси. — Как только он узнал, что мы с тобой встречаемся, он сразу сказал, что должен увидеть тебя.

— Если вы против, я уйду, — вставил Том. — Я только хотел узнать, как вы, и спросить, не могу ли я для вас что-нибудь сделать...

Лин подумала: «Ужасно, что люди, которым я нравлюсь, собираются обращаться со мной как с больной. На что я рассчитываю, возвращаясь к ним и, в сущности, напрашиваясь на их жалость и сочувствие?»

Но как могла она отвергнуть Тома, который всего лишь хотел быть ей полезным? Она тепло улыбнулась ему:

— Мы с Пэтси не собирались обсуждать ничего секретного. Так что оставайтесь, хорошо?

Пока он заказывал для них кофе, она попросила Пэтси рассказать ей больничные новости. Пэтси еще ничего не знала о письме начальнице, и Лин собиралась сказать ей, будь они одни.

— Ух, с тех пор как ты ушла, все так изменилось, — с отвращением заявила Пэтси. — Ни одного по-настоящему интересного случая в Бартраме, и абсолютно не с кем поговорить в свободное время.

— Хотя я и не имела отношения к отбору больных, когда работала в Бартраме, и хотя по крайней мере дюжина сестер бывают свободны одновременно с тобой? — улыбнулась Лин.

— Ты же понимаешь, о чем я, — усмехнулась Пэтси. — И кормят тоже не ахти, — добавила она мрачно.

— Ну уж за еду-то я точно не отвечала! — воскликнула Лин. Она обернулась к Тому, втягивая его в разговор: — Скажите-ка, неужели жизнь этого создания не всколыхнуло никакое новое сердечное влечение?

— Я ничего не слышал с тех пор, как она положила его к ногам Уорнера Бельмонта. Он ведь еще не получил отставки, а, Пэтси? — ухмыльнулся Том.

Пэтси застенчиво комкала край скатерти.

— Пожалуй, не совсем, — созналась она.

— Но появился один очаровательный объект из консультирующих ортопедов. Как там его зовут? — Том весело гоготнул. — Его зовут Пэннингтон-Дэллоу, шикарное имечко! Пятьдесят лет, толстый как бочонок. Ох, Пэтси, милая, я бы на вашем месте все-таки выбрал Уорнера.

Пэтси скорчила гримаску.

— А что толку? Разве вы не слышали, что романтика вошла в его жизнь?

— Нет, а если бы и слышал, то не поверил бы, — отозвался беспечно Том. — Это айсберг, чьи чувства не затронуть ни одной женщине. И я не одинок в этом мнении.

— Ну, тогда он просто играет чувствами женщин, — возразила Пэтси. — Несколько раз его видели в обществе Евы Адлер, певицы.

— Кто вам сказал?

— Нора Фейерс, фармацевт. Она точно знает, потому что приходится Еве Адлер то ли кузиной, то ли еще кем-то. Ведь ты помнишь Фейерс, Лин?

Лин, слушавшая молча, думала, что эта смесь добродушного подтрунивания и сплетен и есть самая суть всех больничных разговоров в свободное время, и обычно она получала от этого удовольствие. Однако сегодня ей почему-то было неприятно. Хорошо, если это не означало, что она совсем оторвалась от их жизни.

Пэтси повторила свой вопрос:

— Фейерс — ты знаешь ее?

Лин знала. Нора Фейерс была одной из тех немногих людей, которые вносили диссонанс в жизнь Бродфилда. В силу какой-то причины, которую Лин не могла понять, эта девушка, помощник провизора, всегда не любила ее. Казалось, она была готова на все, чтобы сделать мелкую гадость, исправлять которую приходилось Лин. Она старалась неправильно отчитаться по списку лекарств, необходимых ежедневно для отделения Бартрам, а потом обвиняла Лин в том, что та дала ей неверные сведения. Она могла отправить сестру-стажера назад через всю больницу только потому, что та пришла на несколько минут раньше открытия аптеки. Частенько Лин приходилось использовать весь свой такт и терпение, чтобы отделение было обслужено как полагается, а слухи об этих инцидентах не дошли до ушей старшей медсестры. Умение наживать врагов не способствует укреплению репутации в больнице. Когда от слаженной работы гигантского механизма зависят жизни людей, никакие личные отношения, могущие нарушить ее, недопустимы.

К счастью, избежать общения с ней было несложно. Нора, как и все остальные фармацевты, жила за пределами больницы, так что обычно они встречались лишь по работе да во время еды.

— Нора Фейерс всегда знает больше, чем кто бы то ни было в городе, — отзывалась Лин. — Но на этот раз и я могу внести свою лепту. Она говорила правду.

— Правду?

— Да. — Лин рассказала им о концерте, устроенном Деннисом, где Уорнер Бельмонт эскортировал Еву Адлер. Ей казалось, что она просто обязана удовлетворить их любопытство. Но от упоминания о своей беседе с ним она воздержалась. Конечно, он наставил ее на путь истинный, но воспоминания о том, как он это сделал, были довольно мучительны. Пэтси слушала приоткрыв рот.

— Ну вот, а я вам что говорила? А мы-то все время считали его миза... меза... ну, в общем, женоненавистником.

Том и Лин рассмеялись. Том поднялся, собираясь уходить. Он наклонился к Лин:

— Так приятно было повидаться с вами. Вы дадите Пэтси знать о ваших планах?

— Да — когда определюсь, — пообещала она.

Том стиснул ей на прощание руку.

Когда он вышел, Пэтси вздохнула.

— Он готов что угодно для тебя сделать, дорогая. Как жаль, что... — Смутившись, она оборвала фразу.

— Что он тратит время понапрасну? — с легкой горечью докончила Лин.

— Ах, нет... Просто у вас могло бы что-нибудь получиться, если бы ты не...

— Давай не будем говорить об этом, если ты не против, — быстро сказала Лин. — Послушай, Пэтси. Я хотела встретиться с тобой по делу. Я хотела сказать тебе, что собираюсь вернуться в Бродфилд, я уже написала начальнице.

— Лин, какая чудная новость! Но разве тебе не будет тяжело?

— Как раз это я и хотела выяснить, поговорив с тобой.

— Могла бы и сообразить, что уж я-то не буду усложнять тебе жизнь! — обиженно воскликнула Пэтси.

— Конечно, ты не будешь. Но видишь ли, я боялась, что даже обычная дружба — твоя или Тома — может превратиться в какое-то особо бережное отношение ко мне, которого я просто не вынесу. Мне кажется, — добавила она с печальной улыбкой, — что именно эта полужалость доводит людей до крайности.

— Да нет. Я в свое время чувствовала то же самое, — спокойно возразила Пэтси. — Не будет к тебе никакого особо бережного отношения. А что касается Тома, с его стороны это вовсе не дружба. Он влюблен в тебя, Лин!

— Пэтси, не надо!

— Но тем не менее это так! И он никогда не бросит тебя, — твердо продолжала Пэтси, не замечая, что Лин инстинктивно сжалась от ее слов.

«Влюблен». Лин вспомнила, что одна мудрая пожилая женщина сказала ей, что, по ее мнению, влюбленность — нечто меньшее, чем любовь. Если влюбленность — это восторженное состояние, то любовь — реальность, определяющая всю жизнь. Она подумала, что Перри больше не влюблен в нее; что он наслаждался влюбленностью в Лин до тех пор, пока не встретил человека, к которому его повлекло сильнее. То есть, по бесхитростному выражению Пэтси, «бросил ее». Неужели она никогда не оправится от этого?

Пэтси задумчиво говорила:

— Вот те, кого не назовешь твоими друзьями, — с ними может быть сложнее. Эта наглая Фейерс, например...

— Мне будет легче перенести злобу, чем жалость, — медленно ответила Лин.

— Пусть только кто-нибудь попробует пожалеть тебя, — мрачно пообещала Пэтси.

Письмо начальницы с согласием принять ее обратно в Бродфилд было деловым, но ободряющим. Она писала, что будет рада встретиться с Лин как можно скорее.

Так приятно было снова почувствовать себя нужной... Лин собиралась в Бродфилд в состоянии какого-то радостного возбуждения. Возможно, ей хотелось доказать себе, что работа, а особенно привычная, — ее единственное спасение. Если так, стоило бы поблагодарить Уорнера Бельмонта за то, что он избавил ее от бесполезного убегания от самой себя, которым она уже начала злоупотреблять. Лин хотелось выразить ему свою признательность, но она понимала, что не сможет этого сделать, даже если их пути по ее возвращении в больницу пересекутся.

Конечно, рано или поздно он увидит ее. И тогда то, что она опять работает в Бродфилде, будет говорить само за себя. Она надеялась, что это хоть немного обрадует его. Может быть, она даже услышит несколько ободряющих слов. Что-то подсказывало ей, что он не мог забыть язвительности своих замечаний. Ей казалось, что он не упустит возможности сгладить эту резкость.

Сегодня ее не удручало даже то, что она возвращается в Бродфилд по той же дороге, которая так недавно казалась дорогой к счастью. Она села в поезд с чувством, что возвращается домой.

Напротив нее в вагоне девушка читала журнал. При появлении Лин она отложила его.

— Привет, какая неожиданность! — произнесла она отнюдь не сердечно. Нора Фейерс не скрывала, что считает свое положение фармацевта в Бродфилде неизмеримо выше положения медсестры. Что, разумеется, не внушало к ней особой любви.

С небрежной легкостью, порадовавшей ее самое, Лин ответила:

— Ничего удивительного. Я возвращаюсь в Бродфилд, да ведь и вы, видимо, едете туда же на дежурство.

— Я-то — да. Но я полагала, что вы вышли замуж и стали домашней хозяйкой или, по крайней мере, наслаждаетесь медовым месяцем.

Лин расслышала насмешку в ее словах, но не была уверена, то ли это просто удивление, то ли Нора уже знает о ее расторгнутой помолвке. Она спокойно ответила:

— Нет, я не вышла замуж и не собираюсь. Я еду в Бродфилд поговорить с начальницей о возвращении на работу в больницу.

Ответный блеск в глазах ее спутницы сказал Лин все, что ей хотелось знать. Нора не была особенно удивлена, увидев здесь Лин, она также и не думала, что Лин вышла замуж. Бродфилдские слухи докатились и до нее. Нет, она просто вынуждена Лин признать в том, что ей было и так известно.

Нора произнесла безмятежно:

— Господи! Странно, что вы решили вернуться. Полный провал, да? А вас не пугает, что будут говорить люди?

— Почему это должно меня пугать? Что они могут сказать? — Ни за что на свете Лин не собиралась поверять опасений врагу.

Нора Фейерс пожала плечами:

— Да, собственно, ничего, наверное. Просто мое богатое воображение помогает мне представить то, что будет за словами.

— И что же? — поинтересовалась Лин.

— Ну, все будут хихикать за вашей спиной. Я хочу сказать, вероятно, что-то не так с девушкой, если ее бросают, правда? Конечно, может, это вовсе и не ее вина, но люди обычно считают, что мужчина не бросит девушку просто так. Глупо, правда?

— Довольно глупо, — согласилась Лин, стараясь, чтобы голос не выдал ее. — Действительно, если двое решают, что не подходят друг другу, то уж лучше понять это до свадьбы, а не после, так ведь?

— О, разумеется. Если это обоюдное решение, то тогда все в порядке... Только... это такое избитое объяснение... Если бы я и сказала это кому-нибудь, боюсь, что они подумали бы, что я хочу скрыть факт, что меня просто бросили и я сама во всем виновата.

— Надеюсь, что вам никогда не придется оказаться в такой ситуации, — сказала Лин, спокойно ставя точку в обсуждении больной темы. Разговор прекратился.

Девушку все еще трясло от гнева и унижения, когда она вошла в кабинет начальницы. Но это быстро прошло. Пожилая женщина, ни словом не затрагивая личных дел Лин, все же сумела дать ей ощутить свое сочувствие и доверие.

На этот раз бисквитов и шерри не было, встреча была чисто деловой. Начальница спросила, когда она сможет приступить к работе, предположила, что, вероятно, Лин хотела бы жить в своей прежней комнате, но добавила, что место Лин в отделении Бартрам уже занято.

— Придется найти для вас что-нибудь еще, — улыбнулась она. — А сейчас, наверное, вам не терпится сбегать в Бартрам и перемолвиться словечком с старшей сестрой. Я знаю, она скучала по вас.

Понимая, что аудиенция закончена, Лин встала. К ее удивлению, начальница протянула ей руку.

— Поздравляю, сестра, — спокойно произнесла она. — Я думаю, вам нелегко было принять это решение, но уверена, вы о нем не пожалеете.

Придя в отделение, Лин обнаружила, что у старшей сестры выходной, а Пэтси, исполняющая ее обязанности, была слишком занята, чтобы уделить ей время. Она лишь кивнула на дверь кабинета:

— Том Дринан как раз закончил дежурство и пишет отчет. Загляни к нему, хорошо?

Лин так и сделала.

Том вскочил на ноги с радостным возгласом:

— Лин, какой сюрприз! Хотя не совсем, Пэтси говорила мне...

Было понятно, что он действительно рад ее видеть. Лин покачала головой с шутливым неодобрением:

— Будьте любезны называть меня в отделении «сестра Эсолл».

— Так вы возвращаетесь в Бартрам?

— Нет. Я пока не знаю, в какое отделение меня назначат.

— А куда вы направляетесь сейчас?

— Возвращаюсь в Эмберли. Я приезжала лишь поговорить с начальницей.

— Можно мне подвезти вас? Я свободен, и делать мне совершенно нечего.

Лин поблагодарила его. Они договорились встретиться через десять минут на эспланаде — большой полукруглой

бетонной площадке, где разрешалось оставлять машины членам больничного совета и приезжим консультантам. Том, будучи простым врачом, держал свою машину в гаражах за больницей, и ему надо было сходить за ней.

По дороге Лин заглянула в общую комнату, но она была пуста. По привычке бросила взгляд на затянутую зеленым сукном полку для писем, словно ожидая увидеть на одном из конвертов почерк Перри. Затем мысленно захлопнула дверь за этими воспоминаниями и вышла из здания больницы.

Из-за угла главного здания вывернула машина Тома и подъехала к Лин. Том распахнул дверцу, она села; старая, но ухоженная машина, нервно дернувшись, поехала. В это же время к главному зданию подъехал еще один автомобиль. Его водитель обернулся на смех Лин, слегка поклонился и, выйдя из машины, направился к входу. Это был Уорнер Бельмонт.

Две недели спустя Лин сообщили, что она принята обратно в Бродфилд. Ожидание кончилось, и она почувствовала облегчение. Жаль было покидать Эмберли; Мэри и Деннису не хотелось отпускать ее, но она знала, что всегда может вернуться сюда и ей будут рады.

Мэри потребовала от нее пообещать, что она навестит их в первый же свободный день, а затем невинно добавила:

— А ты не могла бы привезти с собой того милого молодого доктора, который подвозил тебя последний раз?

— Доктора Дринана? Не знаю, будет ли он свободен.

— А если будет?

— Если будет, я обязательно скажу ему, что вы его приглашаете.

— А ты-то хотела бы, чтобы он приехал?

Лин отвернулась.

— Мне было бы приятно привезти его к вам на денек. Его родные в Белфасте, и он ездит туда лишь во время отпусков, — уклончиво ответила она.

Мэри нахмурилась:

— Похоже, что ты жалеешь его. Лучше бы тебе было приятно свозить его к нам просто ради его общества.

— Но мне правда приятно! — запротестовала Лин. — Мне лишь кажется, что не стоит отнимать у него слишком много времени.

— А если он сам не против? — рассмеялась Мэри. — Я знаю, что ты хочешь сказать. Что из-за Перри у милого доктора Дринана нет никаких шансов. Но я видела, какими глазами он на тебя смотрит. Мне кажется, ты недооцениваешь его готовность ждать, пока ты забудешь Перри...

— Ему незачем ждать!

Мэри покачала головой и мудро промолчала.

В Бродфилде Лин с благодарностью узнала, что начальница сдержала свое обещание. Лин будет жить в своей прежней комнате сестринского корпуса, окнами в сад. Ей всегда нравилась эта комната, но она понимала, что надо подавить в себе излишнюю сентиментальность. Войдя в комнату, она первым делом принялась распаковывать вещи. Она развешивала платья в шкафу, заполняла ящики, расставляла по привычным местам фотографии. Портрет отца сюда. Мамин — сюда. Посередине полки осталось пустое место, раньше здесь стояла фотография в серебряной рамке... Хотя можно немного подвинуть к центру мамин портрет, и папин тоже... Вот и все. Теперь уже не кажется, что чего-то не хватает. Осталось лишь ощущение невосполнимой пустоты в сердце у их дочери Лин.

Утро у нее было свободно, но она переделась и была готова к ленчу уже в полдень. В столовой она приободрилась — другие медсестры радостно приветствовали ее. Хотя она заметила несколько новых лиц, все остальное было по-прежнему. Еда... Старшая сестра... Начальница... Казалось, это все незыблемо и вечно. Так приятно было снова слышать их голоса и быть среди них. Лин чувствовала, что вернулась домой.

Чуть позже она снова поговорила с начальницей.

— Сестра, я назначаю вас временно в операционную. Ваша сменщица — сестра Крэдок. Ведь у вас есть совсем недавний опыт такой работы?

— До отделения Бартрам я работала под началом мистера Кельвина, — пробормотала Лин.

— Я знаю. Потому и ставлю вас туда. Хотя мистера Кельвина там больше нет. Сегодня оперируют мистер Бельмонт и мистер Палмер. Мне бы хотелось, чтобы вы сейчас же предупредили сестру Крэдок, что будете работать в паре.

Операционная. То место, где забывают обо всех собственных горестях, где работа поглощает тебя целиком без остатка. Как раз то, что ей нужно сейчас. Однако Лин почувствовала, как учащенно забилося ее сердце. Теперь ей придется столкнуться с Уорнером Бельмонтом куда раньше, чем она могла предположить.

Вряд ли у нее в операционной будет время поблагодарить его за то, что он сделал. Но она не сомневалась, что он помнит их встречу и, увидя ее за работой, порадует, что она последовала его совету. Эта мысль доставляла ей странное удовольствие.

В операционном отделении, однако, ее поджидала неприязнь. В дезинфекционной она обнаружила двух стажеров, пытающихся выглядеть деловитыми, но занимающихся исключительно болтовней, медсестру второго года, стерилизующую и подсчитывающую инструменты, еще одну сестру, которая готовила тампоны; но сестры Крэдок не было.

— Заболела. Начальница передала, что заменяете ее вы, — был лаконичный ответ на вопрос Лин.

— Я?

— Ну да. Вы ведь старшая по должности.

— Да, но...

— Надо сказать, не повезло вам. В первое дежурство, да еще с У.Б.! Палмер по сравнению с ним просто овечка. Я слышала, он и старшую сестру может в порошок стереть.

— Умеете вы подбодрить, — невесело отозвалась Лин, надевая халат и собираясь мыть руки. — Кто оперирует первым и что за операция?

— У.Б., коленная чашечка. Рентгеновские снимки в кабинете, если хотите взглянуть на них до его прихода.

Лин просмотрела снимки и в ожидании хирургов зашла в операционную; с каждой секундой к ней все больше возвращался интерес к работе и уверенность в себе. Она принадлежала этому миру. Здесь можно было забыть обо всем.

Это был демонстрационный день, и в комнате, отделенной от операционной стеклянной перегородкой, начинали собираться студенты медицинской школы. Вошел Том Дриган, исполняющий обязанности анестезиолога, его глаза поверх маски улыбнулись Лин. Хирурги появились вместе, рассматривая снимки и обсуждая предстоящую операцию. Все было готово, за исключением пациента.

Лин ступила в круг света, очерченный дуговыми лампами, проверяя порядок в наборе разложенных инструментов. Как главный ассистент, она должна была подавать их по требованию хирурга и даже предвосхищая его просьбы. Она знала, что и Бельмонт и Палмер уже подошли к операционному столу, но не поднимала глаз от инструментария, пока не услышала знакомый резкий голос:

— Где сестра Крэдок?

Тогда ее глаза встретились с глазами Уорнера Бельмонта.

— Сестра Крэдок больна, сэр, — спокойно ответила она. — Ее заменяю я.

С минуту он молча смотрел на Лин, затем удивление на его лице сменилось раздраженной недоверчивостью. Когда он заговорил, то обращался уже не к Лин, а ко второму хирургу.

— Ну уж, — воскликнул он, — этого я не потерплю! Неужели начальница рассчитывает, что я буду работать с сестрой, не имеющей опыта?

Мистер Палмер повернулся к Лин.

— Разве у вас нет опыта работы в операционной, сестра? — спросил он.

— У нее его нет, она мне сама говорила. Более того, мне известно, что у нее вообще был перерыв в работе не менее двух месяцев, — ответил за нее Уорнер Бельмонт. — Извините, но я вынужден настоять, чтобы прислали замену. Если необходимо, пусть задержат доставку первого пациента. — Он повернулся спиной к Лин. И после недолгого молчания произнес: — Я буду работать с сестрой Эйнджел или с сестрой Пейнтер, если кто-нибудь из них свободен. Выясните это, сестра, будьте любезны.

В операционной повисло напряженное молчание. Лин передала приказание хирурга стажеру и, почти задышав от унижения, вышла из круга света. Ее лишили права участвовать в работе, той работе, к которой она собиралась приступить всего несколько минут назад с такой гордостью и уверенностью. Хирурги тихо переговаривались между собой. Лин знала, что Том смотрит на нее с теплым сочувствием, но не могла заставить себя посмотреть на него. Слишком явно на ее лице сейчас была написана оскорбленная гордость, не хватало только, чтобы Том начал жалеть ее.

Она с облегчением вздохнула, когда ее место у стола заняла сестра Эйнджел и в операционную ввели на каталке пациента.

Теперь все личные качества каждого из них, казалось, потеряли свое значение по сравнению с чудом мастерства и знаниями обоих хирургов.

Лин следила за работой, которая всегда очаровывала ее. Настроение немного поднялось. Если бы Уорнер Бельмонт хотел унижить ее, он не мог выбрать лучший способ — перед своими коллегами, перед студентами, перед равными ей и даже подчиненными сестрами... Но она знала, что он был вправе поступить так. Хирург должен быть абсолютно уверен в своих ассистентах, в противном случае пострадает его работа. В конце концов, здесь она была не более чем инструментом в его руках. Его долг был отложить инструмент, в котором он не уверен. Как профессионал, она вполне понимала мистера Бельмонта и не обижалась.

Но как человек? О, это было совершенно другое дело! Она жаждала его одобрения больше, чем могла признаться самой себе. И то, что он так отверг ее, ударило не только по ее профессиональной гордости.

Значит, даже после Перри оставалась в ней некая часть, которую мог уязвить мужчина? Все в ней протестовало против этого.

Глава 3

Когда они встретились в общей комнате после ужина, Лин было приятно слышать, как негодует Пэтси в ответ на рассказ о первом рабочем дне.

— Ну и тип! — воскликнула Пэтси. В ее устах слово «тип» выражало крайнюю степень неодобрения. — Чего ради ему понадобилось выставять тебя перед всеми на посмешище? И с чего он взял, что у тебя нет опыта операционной работы?

— Боюсь, я сама дала ему повод так думать.

— Ты? Каким образом?

— Помнишь, я писала в первом письме, что он подвожил меня в день отъезда и засыпал вопросами? Так вот, когда он решил, что, раз я никогда не работала с ним, значит, вообще не работала в операционной, я не стала возражать. Наверное, это было глупо, но тогда это казалось не имеющим никакого значения. — Она судорожно вздохнула.

Пэтси в недоумении потрясла головой:

— Ну тогда ты сама напросилась... А сейчас-то что?

— Пока вместо сестры Крэдок будет работать сестра Эйнджел. А мне, я думаю, будет позволено стоять у стерилизатора или считать тампоны в предоперационной вместе со стажерами! — Лин говорила посмеиваясь, но чуткое ухо Пэтси уловило горькие нотки.

— Лин, не принимай ты это так близко к сердцу! Это жестоко, но иногда случается и такое.

Лин поднялась, выпрямившись.

— Я знаю. Мистер Бельмонт был вправе так поступить, это я переживу. Просто... просто последнее время я словно жду, что меня обидят... И постоянно готова к обороне...

Она резко отвернулась, подошла к окну, отодвинула тяжелый занавес и выглянула.

— Пойдем погуляем, — сказала она, не поворачиваясь.

Пэтси взглянула на часы:

— Поздновато, и погода плохая.

— Ветер сильный, но дождя нет. Хочется пройтись. Не обязательно ходить далеко, а на обратном пути можно заглянуть в «Ель», выпить по чашечке кофе.

Пэтси встала.

— Хорошо. Я схожу за плащом.

«Елью» называлось кафе в деревне, там же пекли настоящие домашние кексы. Его содержали две старые девы, чьи-ми клиентами являлся в основном персонал больницы Бродфилд. Видимо, торговля закусками, кексами и кофе приносила им неплохой доход.

Однако сегодня ресторанчик был пуст. Мисс Тэнси поспешила к их столу, чтобы принять заказ.

— Так приятно видеть вас снова, дорогая! И знать, что мы еще не потеряли вас!

— А мне... мне так не хватало ваших кексов! — откликнулась Лин.

— Господи, да какое они имели значение! Но мы-то с мисс Линси знаем, что заказ на ваш свадебный торт не отменен, а только пока отложен! — Она так сердечно рассмеялась, что Лин не почувствовала себя задетой.

Они с Пэтси сидели за столиком около большого камина, с кофе и сигаретами, почти не разговаривая, изредка их лица озарялись отблесками тлеющих в камине поленьев.

Пэтси мечтательно произнесла:

— Когда я почувствую, что схожу с ума от повязок и уколов, я куплю себе местечко вроде этого.

-- Чепуха! Ты выйдешь замуж! — рассмеялась Лин.

— Интересно, за кого?

— У тебя комплекс неполноценности. Куча народу была бы просто счастлива, если бы такая милая и кроткая девушка сказала им «да».

— Но я не могу выйти замуж за кучу народу, — нерешительно возразила Пэтси.

— Дурочка! Ты прекрасно поняла, что я имела в виду.

Открылась дверь, и на пороге появился Том Дринан. Он заметил девушек и, щурясь от света, направился к их столу. Поздоровавшись, он сказал, что был с другом в кино в Спайрхэмптоне, а теперь возвращается в Брэдфилд.

— Я подвезу вас, когда вы закончите... — предложил он, внимательно рассматривая кусок сливового кекса, прежде чем вонзить в него зубы.

— Мы собирались прогуляться, — отозвалась Пэтси.

— На улице дождь. Соглашайтесь, пока предлагают. — Том повернулся к Лин: — Соболезную по поводу сегодняшнего... У.Б. умеет портить настроение, когда ему хочется. Как вы ухитрились так восстановить его против себя?

— По недоразумению, я думаю. — Она рассказала Тому то же, что и Пэтси недавно, а затем поспешила перевести разговор на другое.

Они беседовали уже четверть часа, когда к Тому обратилась мисс Тэнси:

— Там вас спрашивает джентльмен в большом автомобиле. Он просит узнать, не выручите ли вы его, доктор Дринан, ему нужен бензин.

Том встал.

— Пожалуй, выручу. Кто он? Кто-нибудь из наших?

— Не знаю. Если и из ваших... — Она замолчала, заметив вошедшего.

— А, это вы, Дринан. У меня кончился бензин, и я подумал, может, кто-нибудь сможет мне помочь. Не откажетесь поделиться?

— Да, сэр. У меня есть пара галлонов в канистре. Пойдемте.

Мужчины вышли. Сидящих за столиком Уорнер Бельмонт, похоже, и не заметил.

— «Не более чем пы-ыль под колесо-ом пово-озки...» — иронично промурлыкала Пэтси. — Удивительно, как это здорово у них получается — глядеть даже не мимо, а сквозь обычную медсестру, или если уж замечают, то смотрят так, словно у нее дыра на чулке. А чего бы они без нас стоили?

Лин неуверенно рассмеялась.

— По-моему, он нас вообще не видел. И слава Богу.

— Ну, еще бы. У кого теперь комплекс неполноценности? — поддела ее Пэтси.

Появился Том, чтобы узнать, едут ли они с ним.

Они попрощались с мисс Тэнси и вышли вместе.

— Как это их светлость ухитрились выехать с пустым баком? Леди в его машине это, видимо, не очень понравилось.

— Леди? — удивленно спросила Лин.

— Да. Очаровательное создание в вечернем туалете. И У.Б. тоже при параде. Послушайте-ка, — Том приостановился, — а может, это и была та самая Ева Адлер? Ведь вы ее видели, Лин? Роскошная золотистая грива, классические черты лица и невероятное высокомерие?

— Наверное, это была она, — спокойно ответила Лин. — Она действительно великолепна. — Лин непроизвольно оглядела свое платье, не отдавая себе отчета в том, что автоматически сравнивает себя с Евой.

— Признаки раздражения были налицо, — фыркнул Том. — Она барабанила пальцами по дверце, а объяснения У.Б. слушала с таким видом, будто ни капельки им не верит. Даже бензин они приняли так, словно я обязан им помочь. Интересно, куда или откуда они направляются?

— Чему я рада, так это тому, что ты увидел ее своими глазами, — торжествующе произнесла Пэтси. — Иначе ты бы не поверил, что он собирается жениться на ней. Теперь то веришь?

— Нет, конечно, — серьезно возразил Том. — Того, что я видел, явно недостаточно, чтобы заставить меня поверить, что этот человек может принести себя в жертву браку.

— Но некоторым удастся жениться, не жертвуя почти ничем, — на удивление мудро заметила Пэтси.

— Да, но, мне кажется, Бельмонт не из таких. Я слишком уважаю его, чтобы подумать о нем нечто подобное. Видимо, работа значит для него куда больше, чем может

значить женщина. И я уверен, если он почувствует, что женщина заинтересовалась им, он, по крайней мере, не станет обманывать ее. — Он мельком взглянул на Лин, но она этого не заметила. Через несколько минут машина остановилась около корпуса медсестер.

Пэтси выпрыгнула первой и под дождем побежала к подъезду. Лин, собиравшуюся последовать за ней, мягко удержала рука Тома.

— Мне нужно идти, Том.

— Подождите, — умоляюще произнес он. — Я хочу кое-что подарить вам.

— Подарить?

— Да. — Том извлек из кармана аккуратный квадратный пакет, в котором оказались дорожные часы в шагреневом футляре. Лин некоторое время восхищенно глядела на них, но затем покачала головой и вернула их Тому.

— Я не могу принять это...

— Лин, пожалуйста! — Он вложил часы ей в руку. — Послушайте. Я собирался подарить их вам на свадьбу, но знал, что дарить такие подарки во время прощальной церемонии не принято. Поэтому я хотел отправить их позже. А потом, когда я узнал от Пэтси... Я все равно хотел, чтобы они были вашими, если только у меня хватит смелости преподнести их... Пожалуйста, возьмите. И не вздумайте просить меня подарить их еще кому-нибудь.

— Но вы могли бы оставить их себе.

— Чтобы они всякий раз напоминали мне о вас? Разве вы не видите, имя «Лин» написано у меня на лбу большими буквами?

— Том, не надо... Хорошо, я возьму их, — неуверенно сказала Лин. И с улыбкой добавила: — Все же не стоило покупать такой дорогой подарок, даже и к свадьбе.

— Я должен был это сделать. В конце концов, это был мой прощальный подарок. А людям нравится делать такие жесты, особенно когда ничего другого не остается. — Том завернул часы и положил их на колени Лин. Поколебавшись немного, он добавил: — Я же не мог знать, что мне представится еще один шанс...

Он замолчал, заметив промелькнувшую в ее глазах тревогу.

— Ну хорошо, Лин. Я не буду навязываться со своей любовью, если вы не хотите. Я понимаю. И еще кое-что

понимаю, как мне кажется. Вы страшно боитесь, что вас опять обидят, да?

Она не сразу ответила, и он повторил:

— Да?

— Наверное, да.

— Вы даже меня боитесь! Дорогая, не надо. Я лишь хочу, чтобы вы были счастливы. И чтобы вы попробовали еще раз, не важно, если не со мной. Когда я говорил, что У.Б. не способен на обман, я хотел убедить вас, что ни один порядочный человек не станет обманывать. А таких все-таки куда больше.

— То есть мне просто не повезло? — с горечью спросила Лин.

— Да, но мне не хотелось бы, чтобы вы думали, что так будет всегда. Что бы ни случилось, вы не должны замыкаться в жалости к себе.

Жалость к себе! То же самое сказал ей Уорнер Бельмонт. Странно, насколько тяжелее ей было услышать это от него, чем от Тома. Внезапно она поняла, как много значит для нее дружба Тома. Собираясь выйти из машины, она повернулась к нему:

— Спасибо вам, Том. У меня и не получится замкнуться в себе, даже если бы мне и хотелось. Благодаря вам с Пэтси.

— Но вы не захотите этого. У вас слишком сильный характер, — заверил он ее. — Я буду рад помочь вам, если смогу.

— Сможете. Вы уже помогаете. — Она улыбнулась и, повинуясь какому-то импульсу, добавила: — Поедете со мной в Эмберли еще, когда у нас совпадут выходные? Мэри Дорн приглашала вас.

— Вы же знаете, с удовольствием.

На мгновение Лин пожалела, что позвала его: в глазах молодого врача мелькнула надежда. Уж не обманывает она его невольно, пользуясь его дружбой, не будучи в состоянии предложить ничего большего? Но идти на попятную было уже поздно. Они распрощались, договорившись связаться друг с другом, и Лин пошла в свою комнату, чувствуя себя смущенной и почему-то виноватой.

Хотя работа в операционной отличалась от работы в терапевтическом отделении, Лин втянулась достаточно быстро. Сестра Крэддок вышла на работу, и Лин больше не приходилось встречаться с мистером Бельмонтом или с кем-либо из хирургов.

В операционной они работали до глубокой ночи. Кроме того, существовало неизбежное разделение между старшим и младшим медперсоналом, и сестра Крэддок частенько приглашала Лин в свой кабинет попить кофе по окончании дежурства. К этому времени операционная пустела, хирурги уходили домой. Теперь они обе могли расслабиться, поболтать.

Однажды ночью раздался неожиданный стук в дверь, и на пороге появился мистер Бельмонт. Обе сестры немедленно вытянулись чуть не по стойке «смирно». Лин обнаружила, что она отодвинула чашку кофе, застегнула манжеты и встала, хотя он обращался к сестре Крэддок. «Как же нас вымуштровали в больнице», — подумала она.

Он спрашивал о каком-то отчете и рентгеновских снимках, которые хотел забрать с собой.

Сестра Крэддок покраснела.

— Мне следовало напомнить вам...

— Нет, это полностью моя вина. Я собирался просмотреть их здесь. А теперь, если можно, я их заберу. — Он повернулся к Лин: — Сестра принесет их мне, правда?

— Хорошо. Нет... Лучше я сама, — сказала сестра Крэддок и вышла, оставив Уорнера Бельмонта и Лин вдвоем.

Повисло короткое молчание. Сердце у Лин колотилось. Хотя внешне в ней ничего не читалось, кроме спокойной почтительности. Она с облегчением вздохнула, когда Уорнер Бельмонт взглянул на кофейный поднос и попросил чашечку кофе для себя.

— Конечно, сэр. — Она подала ему кофе.

Он сидел опершись об угол стола, и в его позе была такая непринужденность, которой она у него никогда не замечала. Она забыла уже, что он дважды задевал ее самолюбие, теперь ей было интересно: что он читает, какие игры любит, какие люди ему нравятся... Конечно, вряд ли она когда-либо узнает его настолько хорошо...

Ее мысли прервал голос Бельмонта:

— Не ожидал увидеть вас здесь. Но я, пожалуй, воспользуюсь случаем. Я должен извиниться перед вами, сестра Эсолл...

Лин почувствовала себя хозяйкой положения, и ей захотелось совершенно искренне возразить, что, хотя ее профессиональная гордость и была задета, обида уже прошла. Она спокойно спросила:

— Извиниться? За что же?

Он нахмурился:

— Господи, да не лукавьте вы! Вы прекрасно понимаете, что я говорю о том случае, когда я отказался работать с вами как с первым ассистентом вместо сестры Крэддок!

— Понимаю. Но вы были вправе так поступать. Вы считали, что у меня мало опыта.

— Да, вправе. Но это было бестактно. Тем более, что я поторопился с выводом, хотя способствовали этому вы. Ведь это вы заставили меня думать, что ваш опыт ограничивается работой в отделении Бартрам.

— Это вышло случайно, — объяснила Лин. — Я покидала больницу, и мне казалось, что это уже не важно, даже если бы вы и запомнили наш разговор.

— Да, понимаю. Но у меня хорошая память, а вот использовал я ее очень неудачно. Повторяю, что я очень сожалею. Если будет случай поработать вместе, уверяю вас, все будет хорошо. Я наблюдал за вами с тех пор и теперь знаю, что могу быть вполне уверен в вашей работе.

Его похвала заставила Лин покраснеть от удовольствия, и она, осмелев, спросила его, как он узнал, что ошибся.

— Начальница сказала мне. — Он устроился поудобнее, сидя на столе и качая ногой. В его глазах была веселая искорка, отчего он выглядел совсем мальчишкой.

— Ах, так...

Уорнер Бельмонт кивнул:

— Да, мне так здорово досталось от нее за то, что я решил сделать по-своему, а не так, как она назначила. Сказала, что она вполне компетентна делать любые перестановки сестер в своей больнице. В будущем она будет весьма благодарна, если я воздержусь от замены сестер, которых она назначила в отделение, или, по крайней мере, снесусь с ней для уточнения необходимости такой замены. — Необычные торжественные интонации его голоса так точно передавали холодную манеру выговоров начальницы, что Лин не удержалась от улыбки.

— Я тоже прошу извинить меня, — притворно застенчиво сказала она.

Он выпил кофе, слез со стола и взял пальто.

— Значит, все в порядке. Обещал ей хорошо вести себя в будущем и пригласил ее где-нибудь вместе пообедать.

Мы с ней опять друзья. Ну а где же все-таки сестра со снимками?

Она как раз в этот момент вернулась. Обменявшись с мисс Крэддок замечаниями насчет рентгенографии, он ушел не взглянув на Лин. Потом, раздумывая, она заметила, что он принял ее возвращение в больницу как нечто само собой разумеющееся. Неужели он был так уверен в силе собственного убеждения? Лин вспомнила свои колебания в тот момент, когда он говорил ей, в чем заключается ее долг. И опять пожалела, что не поблагодарила его. Но если бы ему было интересно, разве он не спросил бы об этом сам?

Нет, все же ясно, что сестра Лин Эсолл является инструментом в его собственной работе и только в этом качестве представляет интерес для него. В его мыслях не остается места для девушки Лин Эсолл, которая после большой душевной борьбы приняла решение, давшееся ей так трудно. Она не понимала, почему чувствует себя разочарованной. Но почему-то чувствовала себя именно так.

Лин все больше и больше начинала жалеть, что пригласила Тома Дринана в Эмберли, с беспокойством видя, как нетерпеливо он ждет этой поездки, видимо надеясь на многое. Как она и говорила Мэри, она была рада разделить с ним уютное гостеприимство Эмберли, раз его собственный дом был так далек, что он не мог ездить туда часто. Но пригласить его с собой было то же самое, что ввести его в тот единственный дом, который был у нее. А это могло значить для него гораздо больше, чем она бы хотела.

Если бы могла поехать и Пэтси, все выглядело бы совсем по-другому. Но троим ждать, чтобы совпали их дни отдыха, означало ждать месяцами. Поэтому ничего не оставалось, как сдержат слово, данное Мэри и ему, и при первой же возможности поехать туда с Томом.

Последнее время Лин иногда в мечтах рисовала себе, что увлечение Тома ею переносится на Пэтси и дружеские отношения этих двоих вдруг за один вечер чудом превращаются в самые романтические.

Но как это могло случиться?.. Хотя Пэтси нравился Том сам по себе, все-таки он оставался для нее одним из этих проклятых оранжистов¹ из Северной Ирландии.

¹ О р а н ж и с т ы — сторонники Вильгельма III Оранского, поработившего Ирландию.

Что же касается Пэтси, то ее склонность к неистовому обожанию любого мужчины-врача постарше ее явилась бы серьезным испытанием даже для преданного и верного Тома. Нет, пожалуй, Лин не удастся устроить их брак. Но каким бы счастливым выходом это было!

Поэтому, когда за день или два до предполагавшейся поездки в Эмберли она узнала, что у Тома подозревают ветрянку, которую он мог подцепить в детском отделении, она испытала чувство облегчения с оттенком вины. Он был в отдельной палате изолятора, и посетителей к нему не пускали. Но Пэтси, которая была временно назначена дежурить в отдельных палатах, сообщила Лин:

— У него вид такой, как будто его приговорили к смерти.

— Ну, Пэтси, ведь он не так уж и болен?

— Не болен. Только очень жалеет себя, ну, как полагается мужчине, даже если у него только палец болит. Он велел сказать тебе, что ужасно жалеет и что, может быть, ты его еще раз пригласишь?

— Ну конечно, — с раскаянием ответила Лин, решив обязательно сделать это.

А пока она собиралась отправиться в Эмберли одна. Ей нужно было выехать из больницы в четыре часа дня, тогда она проведет там ночь и всю субботу, но к вечеру вернется. Снова, как и в тот злосчастный день, она вызвала Альфреда, чтобы поехать на станцию. Но судьба не позволила ей продолжить сравнение: «старушенция» вела себя прилично, Уорнер Бельмонт был в Бродфилде и в этот момент оперировал, как она точно знала. И даже Эмберли со временем, если она решительно не позволит воспоминаниям осаждать ее, не будет больше напоминать ей о Перри, который и бывал-то здесь редко, а когда бывал, то явно скучал от тишины и покоя здешней жизни.

В этот раз она опоздала к чаю и приехала перед ужином. Поужинав, Мэри принесла в кабинет Денниса, где они сидели, громадную охапку серебряной, золотой и цветной креповой бумаги, которую свалила у ног Лин.

— Это еще зачем? — спросила девушка, глядя на огромную кучу.

— Будем клеить бумажные цепи для рождественского вечера в Дигбет-клубе. Вот ножницы, вот клей, тут на подносе все, что нужно. Тебе предстоит поработать, моя

девочка. — Мэри подала еще пару ножниц Деннису: — Ну, и ты тоже помогай.

Деннис протестующе замахал трубкой:

— Нас, мальчиков, этому в детском саду не учили.

Мэри пригвоздила его к месту суровым взглядом:

— Украшения в холле — это твоя идея как будто?

— Да, конечно...

— Прекрасно. Значит, с тебя причитается не менее пятнадцати ярдов цепей, и сегодня же вечером. Причем сделанных с радостью в душе! — Мэри подмигнула в сторону Лин: — Как видишь, и я иногда бываю надсмотрщиком.

Не найдя других возражений, Деннис принялся за дело и оказался таким же ловким, как Мэри и Лин. В один из моментов Лин остановилась, глядя на их склоненные головы; супруги явно не замечали ничего вокруг. Она с болью подумала: «Какая прекрасная пара! Оба, несмотря на свои шутки и поддразнивания, так поглощены и увлечены любимой работой! И они так удачно дополняют друг друга! На этом и построен их брак».

Когда-то она надеялась, что у них с Перри тоже все будет так. Но могло ли это сбыться? Она припомнила, что иногда у нее возникали сомнения, чуть ли не переходящие в страх, когда она думала об их с Перри будущем. Было ли это какое-то глубокое инстинктивное предубеждение? Понимала ли она уже тогда, что им не хватает общности интересов, необходимой для создания такой крепкой, дружной семьи, как у Денниса и Мэри? И если теперь она уже может думать об этом так ясно и бесстрастно, не признак ли это начала выздоровления от любви к Перри?

Ее мысли были прерваны непринужденным замечанием Денниса:

— Кстати, Лин, завтра к ленчу у нас будет один общий знакомый.

Лин, наклонившись, подбирала с пола креповую бумагу.

— Да? И кто же это?

— Это твой мистер Бельмонт из Бродфилда, — тихо засмеялась Мэри. — Разве я не предсказывала, что Деннис заарканит его рано или поздно?

Лин выпрямилась, держа в руке, как веер, разноцветную бумагу:

— Мистер Уорнер Бельмонт приедет сюда?

— Ну да. Он так заинтересовался тобой в клубе на концерте в тот вечер. Значит, он сдержал свое обещание. Я этому рада.

Вначале Лин растерялась, но потом быстро преодолела внезапную тревогу. После того короткого разговора в кабинете сестры Крэдок, когда он уселся боком на стол и с юмором отозвался о начальнице, он перестал казаться ей таким страшным. Даже приятно будет встретиться здесь, в неофициальной дружеской обстановке.

Деннис сказал:

— Да, придет. И что бы там Мэри ни говорила, я его совсем не заарканивал. Он сам мне позвонил и напомнил о нашем разговоре об уроках фехтования, которые он хотел бы давать ребятам в клубе. Завтра вечером мы с ним туда пойдем. Я знал, что ты приедешь, Лин, поэтому и пригласил его к ленчу и на весь день к нам. Вечером мы поедем в город, и я подумал, что и ты можешь ехать с нами, раз тебе надо вечером обратно в больницу.

Лин сказала, что все это вполне устраивает ее, а Мэри с любопытством спросила:

— Часто ты видишь мистера Бельмонта в больнице?

— Пока я не стала работать в операционной, почти не видела. Теперь, конечно, вижу его чуть не каждый день.

— Он тебе нравится?

Наступила пауза.

— Очень, — проговорила Лин. Отвечая, она поняла, что выразила не больше чем всю правду о своем уважении и том инстинктивном доверии, которое он вызывал у нее. Но ведь он еще и умел по-настоящему вдохновить ее, и тогда ей хотелось делать все как можно лучше; ведь когда от тебя ждут хорошего, оказывается, что ты и способен на самое лучшее. Ты становишься лучше, и тебе хочется дать еще больше...

Мэри и Дэннис говорили о всяких приходских делах, потом пришло время ложиться спать. Лин поднималась в свою комнату, с нетерпением ожидая завтрашнего дня. Может быть, Уорнер Бельмонт и едва заметит ее присутствие, но, как истая женщина, она собиралась заранее решить, в каком платье она встретит его завтра.

Когда ее помолвка внезапно разорвалась, они с Мэри уже почти подготовили приданое, и теперь в гардеробе Лин было немало красивых вещей. Она выбрала костюм из коричневого джерси с яркими желтыми пятнышками.

К нему она наденет коричневые туфли на низком каблучке. Когда поедет вечером обратно в город, наденет к этому еще и коричневое пальто.

Она почти уже легла в постель, когда зашла Мэри пожелать ей спокойной ночи. Мэри присела на край кровати, пока Лин расчесывала волосы, и потом, после молчания, сказала:

— Ты кажешься счастливой, Лин. Я так рада!

Лин пытливо посмотрела в зеркало, увидела, что кончики ее губ опять весело изогнулись вверх, что глаза ярко блестят и что, в самом деле, она выглядит красивой и счастливой.

— Да, так и есть, Мэри. Это все благодаря работе и всем вам — прежде всего тебе и Деннису, конечно.

— Ты уже... простила Перри?

— Знаешь, наверное, да. Во всяком случае, душа уже не так болит.

— И тебе совершенно не хочется снова увидеть его, а?

Лин повернулась к ней вместе со своим низким стульчиком, на котором она сидела перед зеркалом.

— Увидеть его снова? Нет, конечно. Теперь все кончено.

— Ты уверена?

— Ну конечно. Но почему ты меня спрашиваешь об этом?

— Потому что Деннис получил от него письмо, и он пишет, что, может быть, ты захочешь увидеться с ним.

— Боже мой...

— Он пишет, что его мучит мысль о тебе. Деннис сказал, что письмо какое-то страшно сентиментальное и чувствуется, что его укололо то, как ты его легко отпустила, почти без всяких протестов. А Деннис ответил ему, что ты в полном порядке, что вернулась на прежнюю работу и чтобы Перри больше не писал ни тебе, ни ему. Потом он — Деннис то есть — сказал, что, может быть, и не стоит тебе говорить об этом письме. Но я с ним была не согласна и сказала, что мы обязаны сказать тебе и пусть ты сама решишь, что тебе делать.

Лин молча сидела, думая о том, как сильно переменилось ее отношение к Перри с тех пор, как она в последний раз была в Эмберли. Тогда она бы уцепилась за самый последний шанс, за любую возможность поверить, что еще не

все кончено между ними; по совету Денниса или без него, у нее было бы сильнейшее искушение снова повидать Перри. А сейчас у нее в душе было лишь спокойствие и уверенность, когда она ответила Мэри:

— Ты права, что сказала мне. Потому что теперь, когда я должна сама принять решение, я прекрасно знаю, на что решусь. Я не хочу видеть Перри снова. Никогда.

Мэри вздохнула с облегчением:

— Ну, значит, так и есть. И я очень рада. — Через минуту она добавила: — А как ты думаешь, что за девушка эта его новая невеста? И как она может быть счастлива, зная, что отняла своего жениха у другой?

— Она может и не подозревать об этом, — ответила Лин.

— Неужели ты так думаешь?

— Это вполне может быть. Судя по тому, что он говорил, можно понять, что это был водоворот чувств, что она австрийка и что она не была в Англии. Так что, может быть, ему и не пришлось ничего объяснять про меня, пока он не разделался с нашей помолвкой. И еще вопрос, сказал ли он ей после этого.

— Наверное, нет. — И Мэри поцеловала ее, пожелав спокойной ночи, но свирепо пробормотав: — Вот если бы было так принято, чтобы и мужчины носили кольца после обручения. Было бы тогда дело!..

Она ушла, предоставив Лин раздумывать об окончательности своего разрыва с Перри. Но что же должно было заменить ей любовь к нему, планы, в которых всегда был он, заполнявшие большую часть ее жизни? Казалось, что ничего, только работа и несколько хороших друзей. И конечно, трудно представить, что опять у нее счастливо забьется сердце при мысли о другом человеке...

Она резко встала, выключила свет и прыгнула в постель.

Она и так счастлива, сказала она сама себе. Больше ей ничего не нужно. Но прежде чем уснуть, она зарылась лицом в подушку, стараясь прогнать из мыслей образ и голос. Память о голосе человека, отчитывающего ее без всяких признаков понимания или симпатии. И образ — более дружеский — того же человека, по-мальчишески, боком присевшего на край стола и смеющегося вместе с ней. Оба были реальны. Оба — были. Но не стоило, наверное, вспоминать об этом как о чем-то важном. Пусть они взаимно сотрут друг друга, прежде чем превратятся в невероятные сны.

Глава 4

Следующий день был одним из тех замечательно тихих дней, когда Лин хотелось гулять, и она воспользовалась случаем, когда Деннис объявил, что ему нужно навесить кое-кого в приходе.

По дороге Деннис озабоченно сказал:

— Есть одно дело, которое меня очень тревожит. Часто возникают такие затруднения, и не знаешь, что и делать; или опыта не хватает, или ума.

— Мне кажется, с тобой не может быть ничего подобного, — улыбнулась ему Лин.

— Вот то-то и оно, что бывает. Тут есть один паренек... Он был очень активным членом моего клуба в Эмберли. Так вот, у него развилась какая-то непонятная болезнь, слабость спины, и практически превратила его в инвалида. Болезнь-то, может быть, и понятная, но беда в том, что его мать — вдова, берет заказы на шитье — просто отказывается вызвать врача к нему или съездить с ним к специалисту. Она совершенно не поддается убеждению, а других родственников, кто бы мог поговорить с ней, нет. Я все пытаюсь ее убедить, но не могу понять, почему она так относится к этому.

Лин медленно спросила:

— А может быть, она испугана — или даже стыдится?

— Стыдится? Чего же?

— Знаешь, есть люди, которые как-то стыдятся, что заболели, вот как у животных бывает. И когда они попадают в больницу, то часто именно это не позволяет, мешает им выздоравливать, хотя иногда бывает и обратное — они очень быстро поправляются. Но и в том и в другом случае у них навязчивая идея, что они сами виноваты в своей болезни.

— Ну-у, не знаю... У миссис Бейнер такой случай, как ты думаешь?

— Миссис Бейнер? Так это, значит, Джонни Бейнер? Я его хорошо помню. И мать его тоже. А местный врач что же? Джонни уже не школьник? — начала расспрашивать Лин.

— Нет, не школьник. Ему шестнадцатый год. И я пока не хочу прибегать к насильственным мерам, а то его мать вообще откажется говорить с нами. Она очень хороший

человек, работающая, очень любит Джонни. Но вот такая упрямая, и что с ней делать, прямо не знаю.

Они замолчали. Потом Лин задумчиво сказала:

— Я вот что думаю... Скажи, Деннис, кто-нибудь из врачей смотрел мальчика?

— Еще никто.

— Тогда я собираюсь предложить одну идею, и, главное, здесь не будет никакого нарушения медицинской этики. Деннис, как думаешь, можно уговорить миссис Бейнер, чтобы она позволила мистеру Бельмонту посмотреть Джонни?

Деннис остановился.

— Мистер Бельмонт?

— Да. И сегодня же. Когда он придет к ленчу. Только бы приехал! — увлеченно убеждала Лин.

— То есть пойти с ним к миссис Бейнер и сказать: «Вот знаменитый хирург, член всяких научных обществ. Приведика сюда Джонни»? — Деннис грустно покачал головой: — Ничего не получится, Лин.

Лин закусила губу:

— Да, я и сама вижу. Но если мы, предположим, расскажем мистеру Бельмонту об этом, — медленно продолжала Лин, — а потом он и я вместе сходим к миссис Бейнер, как бы случайно. Скажу, что я хочу повидать ее и Джонни, раз приехала сюда на уик-энд. В общем, это все совершенно естественно, а я думаю, что мистер Бельмонт сразу составит какое-то представление, даже если нам повезет не больше, чем тебе. Во всяком случае, это будет другая точка зрения.

— Да, понимаю. Но не посчитает ли он, что тут есть какой-то элемент обмана? С профессиональной точки зрения?

— Почему-то мне кажется, что нет. Видишь ли, для него работа — это самое важное в жизни. Я не думаю, что он может отделять ее от всего прочего, даже если он не занят с больными в этот момент. Я бы сказала, что она у него на уме все время, и, может быть, случай Джонни для него будет еще одним интересным аспектом. Вот если бы только у меня хватило смелости попросить его об этом!

— Ну, с этим-то я тебе помогу, — пообещал Деннис. Он с усмешкой взглянул на ее смеющиеся глаза, покрасневшие щеки. — По-моему, ты хочешь что-то доказать мне в отношении Уорнера Бельмонта!

— Я просто верю, что он поможет, если сможет; я сама уверена: Джонни не мог бы попасть в лучшие руки. Совершенно уверена, — уже спокойно закончила она.

Они вернулись домой через час. Лин отправилась в кухню помочь Мэри с завтраком. Они обе еще были там, когда приехал Уорнер Бельмонт, и обе вышли поздороваться с ним, не сняв фартуков.

Так как Деннис сказал ему, что у них гостит Лин, он поздоровался с ней, не удивившись, но как будто бы с удовольствием, — во всяком случае, так ей показалось, когда ее рука почувствовала его сильное, твердое пожатие.

За завтраком говорили о клубе. Деннис рассказывал, что у него уже подобралась кучка энтузиастов, которые станут ядром секции фехтования.

— Мы уже нашли рапиры, где взяли на время, где купили, правда подержанные. Наверное, уже не один парнишка воображает себя в роли д'Артаньяна или Робин Гуда.

Уорнер Бельмонт улыбался:

— Еще бы! Они, конечно, не представляют, сколько для этого придется затратить усилий, тренировки ведь не всегда бывают интересными! Что ж, я всегда говорю: слава Богу за то, что воображение и идеализм помогают справиться с однообразием и увидеть в нем средство для достижения цели, к которой так стремишься. — Он неожиданно добавил, повернувшись к Лин: — Вы-то должны знать об этом.

После завтрака Деннис завел разговор о миссис Бейнер и Джонни. Уорнер Бельмонт внимательно слушал, иногда вставляя краткие уточняющие вопросы. Лин сидела на краешке стула, удивляясь в душе, почему для нее так важно, чтобы он одобрил ее план.

— То есть идея такая, что я иду туда просто как спутник мисс Эсолл на прогулке, а потом ловлю случай, чтобы порасспросить мать мальчика, если это будет удобно? — спросил он наконец.

— Да. Как вы считаете, это хорошая идея? — взволнованно обратилась к нему Лин.

Он посмотрел на нее серьезно и как-то безлично.

— Это мы увидим, — ответил он осторожно и обратился к Деннису: — Вы говорите, мальчик не лежит в постели?

— Нет. Почти все время он сидит, подпертый подушками, на диване в комнате, где мать занимается шитьем. У них очень маленький дом, понимаете?

— Ну, так это упрощает дело. Мне не придется просить позволения пройти к нему. Я думаю, что мисс Эсолл лучше занять женщину всякими разговорами, а меня представить как своего приятеля. И я, значит, использую свои глаза и уши, пока не удастся поговорить с мальчиком. Вы так себе это представляете? Правда, заранее я ничего не обещаю.

Когда они подошли к домику, миссис Бейнер явно обрадовалась, увидев Лин, но, приглашая их в маленькую комнату, в которую прямо вела входная дверь, она сказала извиняющимся тоном:

— Вы не обращайте внимания на Джонни. Он посидит здесь со мной; мальчик не больно-то здоров...

— Джонни? О, как жаль! А что с ним приключилось? Надеюсь, он скоро выздоровеет, и все будет в порядке. — В голосе Лин звучало неподдельное удивление, и никто бы не подумал, что это для нее не новость.

— Да, я тоже надеюсь. Правда, у него это уже давно. Спина у него болит — вот в чем беда.

— А доктор что говорит?

— А доктор его и не видел. Уж если я не могу ему помочь, что же доктор-то сможет? Отлежаться ему надо, вот что.

Лин увидела, как губы миссис Бейнер твердо сжались в тонкую черту, и поняла, какой барьер чужой воли стоит за этими словами. Она почувствовала себя бессильной.

А тем временем ее спутник увлекся разговором с мальчиком и восхищался недоконченным фрегатом, который Джонни вырезал из дерева и теперь показывал гостю, держа игрушку худыми пальцами. Уорнер Бельмонт сказал через плечо, обращаясь к Лин:

— Посмотрите, как хорошо сделано. Я хочу попросить Джонни, чтобы он вырезал еще один фрегат для меня. — Мальчика он тихо спросил: — А тебе эта боль в спине не мешает работать пальцами? Руки не болят от работы?

Джонни ответил, что не мешает, потому что, когда болит, это где-то ниже. И вдруг Лин чуть не вздрогнула от нелепой неуклюжести Уорнера Бельмонта: он неосторожно сшиб одну из подушек Джонни. Впрочем, сразу поднял ее и снова подпер Джонни спину, изо всех сил заткнув подушку ему за позвоночник.

Почти тут же Лин поняла: он прибег к такой хитрости, чтобы определить степень чувствительности спины мальчи-

ка. Собственный опыт сказал ей, что, раз мальчик дернулся от боли, значит, это не паралич.

Потом они поговорили с обоими — и с Джонни, и с матерью, задавая им как бы праздные вопросы. Лин не ожидала, что все-таки им удастся узнать, как все произошло. Оказалось, что Джонни как-то влез на дерево, свалился, приковываясь домой, но не сказал ни товарищу, ни матери, что он очень сильно ушибся. Миссис Бейнер лечила ему спину растиранием, надеясь, что все пройдет. А теперь, когда ему все не становилось лучше, какой-то стыд стал мучить ее. Насколько могла разобраться Лин, стыд был вызван нелепым убеждением, что, будь она подтверже с Джонни, с ним ничего бы не случилось, а она недосмотрела и не предотвратила эту беду. А потом к этому стыду добавился страх, что, раз ее средства не помогают, ему становится все хуже, то виновата в этом она. Образовался печальный порочный круг, и Лин пожалела ее от всего сердца. Но как переломить материнское упрямство?

Неожиданно Уорнер Бельмонт принялся задумчиво рассматривать комнату, переводя взгляд с разбросанных на столе кусков ткани, булавок и ножниц на столе на швейную машинку в углу. Он медленно спросил миссис Бейкер:

— Скажите, мэм, а вдруг бы ваша машинка сломалась, из-за какого-то случая или дефекта, и вы бы прекрасно знали, что это произошло никак не по вашей вине, потому что вы всегда правильно обращаетесь с ней, ухаживаете, смазываете. Вот что бы вы стали делать?

Она удивленно смотрела на него:

— Что? Ну, я бы постаралась сама ее наладить, наверное. А если бы не смогла...

— Ну да, сначала попытались бы сами исправить ее, понятно. А если она так и не заработала бы?

— Ну, тогда бы я... — Она остановилась, закрыв рот ладонью, словно вдруг поняла истинное значение его вопросов. Она выглядела испуганной и растерянной, а он продолжал:

— Вам ведь не было бы стыдно вызвать настоящего мастера, чтобы он посмотрел, в чем дело? Или сказать ему, что, вот, вы все делали, как нужно, но что-то не получается?

— Наверное, нет...

— И уж конечно, вы бы не оставили вашу машину стоять здесь без пользы?

— Мне это нельзя. Мы кормимся моим шитьем, — просто ответила она.

Он подошел к ней, ласково взял обе ее руки в свои и, глядя на женщину, мягко сказал:

— Вам нельзя делать так и по отношению к Джонни. Вы ведь знаете это, правда?

Наступило молчание, и вдруг миссис Бейнер зарыдала, не в силах больше сдерживаться. Лин подошла к ней, обняла за плечи, не решаясь поднять глаза на человека, стоявшего рядом с ними, чтобы не выдать свое восхищение и благодарность.

Уорнер Бельмонт спокойно сказал:

— Видите ли, миссис Бейнер, я ведь по профессии доктор — специалист по человеческой машине, если можно так сравнить. Вы позволите мне немного посмотреть Джонни? А мисс Эсолл мне поможет.

Началась работа для Лин — нужно было уложить Джонни на кровать, снять с него лишнюю одежду и стоять рядом наготове, пока твердые, крепкие пальцы хирурга делали свое дело. Лин еще успела подумать, что, наверное, навсегда в ее памяти останется этот прекрасный момент, когда они вместе работали. Вдруг Уорнер Бельмонт выпрямился и тихо сказал ей:

— В нижнем отделе позвоночника есть какое-то повреждение. Насколько сильное — трудно сказать без рентгена. В понедельник я договорюсь, чтобы его положили в Бродфилд. А пока мальчик должен оставаться в постели.

Они вышли из дома, и Уорнер остановился на секунду закурить сигарету. Он с облегчением затянулся.

— Ну как, теперь мы должны идти сразу обратно? — спросил он. — Я бы не прочь размять ноги.

— Мы можем пойти по другой дороге, она длиннее, — ответила Лин.

— Покажите, что это за дорога. — Он зашагал рядом.

Она решилась и заговорила:

— Это не будет самонадеянно с моей стороны, если я вас поздравлю?

— Конечно нет. Похвала всем приятна. Мне было ясно, что единственный путь добиться разумного отношения от его матери — это идти от чего-то, что для нее дорого и не-

обходимо, почти так же, как здоровье сына. Я посмотрел на ее швейную машинку, и мне показалось, что это будет удачным сравнением. И в самом деле, сработало.

— Странно, — вслух подумала Лин, — как люди могут собственным воображением загнать себя в какой-то тупик стыда или страха, как миссис Бейнер.

— Но как раз вы кое-что знаете об этом? — Он проницательно посмотрел ей в глаза, хотя в надвигающихся сумерках уже было плохо видно его лицо.

— Я?! О... — Она была рада, что он тоже не может видеть, что она сильно покраснела.

— Конечно вы... В прошлый раз, когда мы серьезно говорили об этом, ведь вы страдали от воображаемых страхов, что даже ваши друзья будут плохо думать о вас из-за того, что никогда, никак не могло быть вашей виной. Но в отличие от миссис Бейнер у вас хватило характера самой выйти из этого состояния.

— Не совсем самой, — тихо проговорила Лин.

— То есть вы хотите сказать, что мой совет вам смог немного помочь?

— Помог очень сильно. Он показал мне, в каком неверном масштабе я представляла себе мое горе.

Он покачал головой:

— Вот уж не знаю, стоит ли меня благодарить. То немногое, что я вам тогда сказал, могло лишь вселить в вас какие-то сомнения относительно правильной оценки обстоятельств. Наверное, у вас уже было какое-то подсознательное убеждение, что вы не можете отказаться от своей профессии. Это было бы недостойно вас.

— Потом я это поняла, — признала Лин. — Но без вас я бы могла никогда не услышать свой внутренний голос или не поверить ему. Я... мне поэтому хотелось поблагодарить вас.

— Дорогая моя. — Он говорил ласково. — Я всего лишь выразил свое убеждение, что вы не должны бросать свою профессию по такой причине. И я знал, что вы были совершенно не правы, считая, что кто-то будет думать о вас хуже из-за несчастного опыта, выпавшего на вашу долю.

Они шли по неровной тропинке через деревенский выгон почти уже в темноте, и его рука деликатно, но надежно поддерживала ее под локоть. Он продолжал:

— Если вы правдивый человек, вы признаете, что все оказалось не так плохо, как вам рисовалось.

«Ничего, верно, — мысленно криво усмехнулась Лин, — кроме нашей первой встречи с вами, когда я надеялась, что вас хоть немного обрадует то, что я послушалась вашего совета!» Вслух она сказала:

— Нет, все были ко мне добры.

— Ваши друзья помогали вам, не мешали, правда? А с кем вы особенно дружите в Бродфилде, кстати?

— Моя лучшая подруга — сестра Хорган, девушка из Ирландии, мы с ней вместе учились. Она — сестра в отделении Бартрам.

— А из врачей?

Лин колебалась, но потом ответила:

— Из мужчин? Ну, пожалуй, мы с Пэтси Хорган — приятельницы доктора Дринана.

Они шли по ровной лужайке, и Уорнер Бельмонт освободил ее руку.

— А, молодой Дринан? Помню, он как-то вечером выручил меня, дал бензина. Конечно, и вы были там.

Так что эти все замечающие глаза все-таки видели ее, хотя она была уверена, что он даже не посмотрел в ее сторону. Интересно, могло ли что-нибудь ускользнуть от его внимания?

— Мне бы нужно было остаться тогда и поговорить с вами, но я был в жуткой спешке. Я вез мисс Адлер на другой концерт, и мы уже опаздывали. Значит, вам нравится Дринан?

— Да, нравится, — ответила Лин, сохраняя лояльность.

— Что ж, кроме его поступка, достойного доброго самаритянина, я о нем знаю очень мало, кроме того, что он очень хороший анестезиолог. — Он помолчал, а потом спросил: — Скажите мне, если это не чересчур уж личный вопрос, — как вам кажется, начинаете ли вы забывать того человека, с кем вы были помолвлены?

— Перри Гарстона? Да, с этим у меня все покончено.

— Никаких оглядываний назад и сожалений, к которым часто так склонны многие женщины?

— Я думаю, что нет. Я знаю, что могу вполне спокойно думать о том, что он женится на другой девушке.

Уорнер Бельмонт внезапно остановился.

— Я этому рад, — сказал он. — Теперь во мне опять говорит любопытство, наверное уж очень бесцеремонное: что же вызвало такое изменение — неожиданная поддер-

жка друзей, работа, сила вашего собственного характера или... новая привязанность?

Хотя она и знала, что в темноте он всё равно не увидит ее лицо, она не осмеливалась поднять на него глаза. Потому что в этот момент она слишком отчетливо почувствовала, что именно навсегда вытеснило память о Перри из самых глубоких уголков ее сердца. И ощущала, что даже в своем рождении это чувство к человеку, стоящему рядом, превосходит все, что она знала раньше. А она-то думала — и даже говорила Деннису, — что после Перри она больше никого не полюбит!

В ответ на его вопрос она сказала с легкой уклончивостью:

— Я думаю, что, наверное, друзья и работа. И понимание того, что нужно жить дальше, что бы ни случилось.

— Ну, вы не по годам мудры, — заметил он.

Она ничего не ответила, слишком поглощенная новыми проблемами, возникшими перед ней. Ведь, несмотря на то, что теперь они смогут лучше понимать друг друга, у нее не было иллюзий, что дружеская близость этого дня может продолжаться бесконечно. Когда они в следующий раз встретятся в операционной, он будет хирургом, а она — сестрой, и ничто не будет их сближать, кроме работы, которую они будут делать вдвоем. Потом они разойдутся в разные стороны, куда повлекут каждого его интересы. В частной жизни Уорнера Бельмонта для нее нет места, и у него не возникнет желания разделить ее жизнь. Неужели любовь всегда означает страшное одиночество сердца?

А он непринужденно спрашивал ее, знает ли она или часто видит одну девушку из аптеки — некую мисс Фейерс?

— Да. Я знаю ее.

— Это звучит очень сдержанно. Она вам не нравится?

Боже мой, думала Лин, почему он так наблюдателен, да еще с такой интуицией? Вслух она ответила:

— Просто она не входит в число моих друзей.

Он засмеялся:

— Тем самым вы даете понять очень многое в области отношений женщины к женщине! Ну хорошо. Она и мне никакая не приятельница. Я просто встретил ее у мисс Адлер, и она сказала, что работает в аптеке в Бродфилде. Оказалось, что они с Евой — дальние родственники.

Они замолчали, подойдя к калитке ректорского сада. Он нашупал ручку, а Лин вдруг представила, что сейчас он заговорит о своей дружбе с Евой Адлер. Но он быстро открыл засов, и через минуту они уже были в домашнем тепле, где их ждали Мэри и Деннис.

— Так что ты оказалась права, Лин, — задумчиво сказал Деннис, когда услышал их рассказ. Он повернулся к Уорнеру: — Хочу вас поблагодарить. Вы сделали то, к чему я никак не мог подойти, а если бы и решился, то пришлось бы прибегать бог знает к чему. Значит, считаете, что можно устроить Джонни в Бродфилд?

— Да. Займусь этим сразу, как приеду туда, — пообещал Уорнер.

Разговор перешел на их планы на вечер. Деннис сказал, что в семь часов фехтовальная секция Дигбет-клуба будет ждать Уорнера. Значит, нужно было выехать из Эмберли к шести пятнадцати. Но тогда это было бы слишком рано для Лин, которой придется вернуться в больницу, хотя у нее нет дежурства в эту ночь.

— На меня не обращайтесь внимания, — быстро сказала Лин. — Если вы меня высадите на станции...

— Но я тоже еду в клуб, нужно какой-то ужин там приготовить, — вступила в разговор Мэри. — Может быть, составишь мне компанию и поедешь на следующем поезде, если есть еще поезда?

— Есть последний, который уходит в девять.

— Ты не была в Дигбете целую вечность. Прошу тебя, поезжай на этом поезде, — умоляла Мэри.

— А можно и по-другому, — предложил Уорнер. — Я могу отвезти вас прямо в Бродфилд после занятий.

— Пожалуйста, не беспокойтесь, — сказала Лин, хотя сердце ее сильно забилося при мысли, что она могла бы еще немного побыть в этой дружеской атмосфере, которую создало для нее волшебство Эмберли. — Этот поезд вполне удобен для меня, и к его прибытию всегда подходит наш автобус из Бродфилда.

Она не знала, согласился ли он с ней или остался при своем предложении, потому что в этот момент Деннис стал обсуждать, как им ехать.

— Если ты и мистер Бельмонт поедете вперед в его машине, мне бы хотелось, чтобы Мэри заглянула к миссис Бейнер посмотреть, не надо ли ей чего-нибудь, раз они

собираются положить Джонни в больницу чуть ли не завтра.

Выяснилось, что это устраивает всех, и Лин, взглянув на часы, сказала, что ей пора идти укладывать свой чемодан. Деннис пошел к себе в кабинет, чтобы собрать кое-какие бумаги, которые нужно было отвезти в клуб, а Мэри и Уорнер остались у огня.

Только один раз по дороге в Спайрхэмптон Уорнер задал неожиданный вопрос, хотя и непринужденным тоном:

— А вы мне говорили, что собирались привезти Дрина-на сюда, в Эмберли, на эти выходные?

Удивленная Лин ответила:

— Нет. Просто как-то речь не заходила.

— Да ведь мы говорили о нем, — напомнил он ей.

— Да, но... — Она замолчала, не зная, что сказать, потому что этот внезапный вопрос смутил ее, и остаток пути она ломала себе голову над тем, какое же значение могло иметь ее сообщение, если бы она его и сделала.

Уорнера Бельмонта с нетерпением ждали в клубе. Он переоделся в белый свитер с застежкой у горла и фланелевые брюки и стал чуть ли не таким же стройным и гибким, как и мальчишки, обступившие его, когда он, сидя на краю стола, вел с ними предварительную беседу, рассказывая и показывая инструменты фехтовального искусства.

Лин сидела у самовара, задвинутая длинным импровизированным столом на козлах, и слушала его голос, с легкими, дружелюбными интонациями, время от времени прерываемый громким хором: «Да, сэр», «Да, сэр», — это гомонили десяток собравшихся вокруг него мальчиков. Она была удивлена этой новой стороной его характера. Он, внешне такой строгий и недоступный, оказывается, мог вызвать расположение и доверие при первой же встрече.

Мэри стояла у подноса с горой бутербродов и булочек, осаждаемая голодной толпой мальчишек, только что закончивших тренировку по боксу. Деннис сидел в дальнем углу среди группы мальчиков, которым он показывал, как вязать морские узлы. Лин была еще ничем не занята, как вдруг сообразила, что сейчас клиенты Мэри прибегут к ней за чаем, и приготовилась к набегу, но в этот момент зазвонил телефон в маленькой комнате за ее спиной, и Деннис крикнул:

— Лин, если ты свободна, возьми трубочку, пожалуйста!

Лин кивнула и выбралась из-за стола. В трубке послышался голос — женский, явно культурный.

— Это Дигбет-клуб, наконец? — Собеседница была почему-то немного раздражена.

— Да, это Дигбет-клуб. Кто говорит? Чем могу быть полезна?

— Насколько я поняла, это должен быть клуб *мальчиков*. Кто вы? Уборщица или кто? — требовательно допрашивал голос.

Лин не удержалась и хихикнула:

— Нет, я не уборщица. Скорее «кто». Я здесь помогаю кормить мальчиков. Но мистер Дорн здесь. Если вам нужно поговорить с ним, пожалуйста, назовите ваше имя.

— Мне не нужен мистер Дорн. Мне сказали, что мистер Уорнер Бельмонт должен быть в клубе, и он мне нужен. Скажите ему, пожалуйста, что мисс Адлер хочет поговорить с ним.

Это было не столько просьбой, сколько командой, и Лин пришлось проглотить свое неприятное впечатление, особенно когда последовало:

— И пожалуйста, поскорее.

Лин показалось, что вся поспешность была просто следствием нетерпеливости мисс Адлер.

Когда Уорнер Бельмонт подошел к телефону, он не закрыл за собой дверь комнаты, и Лин, начавшая разливать чай, стала невольной слушательницей разговора, хотя и с одной стороны. Вначале он долго слушал — видно, в ухо ему лился нескончаемый поток слов, потом он спокойно сказал:

— Моя дорогая, ты ошиблась. Мы с тобой на сегодня ничего не планировали. Я уже довольно давно знал, что у меня будет здесь тренировка, а я всегда твердо помню дни и числа.

В ответ на что-то, сказанное мисс Адлер, он засмеялся и ответил:

— Но, Ева, дорогая, я и раньше знал за тобой подобные проделки. Боюсь, что на этот раз ты делаешь то же самое. Разумеется, я очень сожалею, что ты разочарована.

Потом:

— Ну, раз уж ты вся разодела, то почему бы тебе не дожидаться меня дома? Пусть Пэтри подаст тебе что-нибудь выпить, и мы поедем туда позднее, если тебе так хочется.

После ее ответа он посмотрел на часы и сказал:

— Нет, боюсь, это будет намного позднее. Мне надо будет еще переодеться, и еще я должен отвезти в Бродфилд одну из наших сестер, которая сейчас помогает нам здесь, ей нужно успеть обратно к ночи.

Его последней репликой было:

— Ну хорошо, Ева. Думаю, что это не последний раз, верно ведь? Съездим в другой раз. — И он повесил трубку.

А Лин, непонятно почему, почувствовала какое-то унижение. Наверное, из-за своего невольного подслушивания и из-за этого небрежного, безличного упоминания о себе как об «одной из наших сестер». Глупо, конечно, обращать на это внимание. Тем не менее она именно это и делала, и этим как бы ставила себя в недостойное и неравное соперничество с Евой Адлер за внимание Уорнера Бельмонта.

Видно, эта Ева была кем-то, кто имел большие права на него. Лин же не могла рассчитывать на большее, чем обещание, нарушить которое ему не позволит его хорошее воспитание. «Одна из наших сестер» — о, как это обидно звучит!

Она постаралась скорее забыть остальную часть разговора. В конце концов, это не ее дело — не должно быть ее делом! — что манера Уорнера говорить с Евой казалась проникнутой мягкой снисходительностью мужчины к капризу любимой женщины. Это было что-то глубоко личное, что не открывают посторонним, чувствовала Лин. О, если бы, если бы только она не услышала это!

Когда он подошел, наконец, к ней и спросил, готова ли она, она изо всех сил попыталась отговориться от поездки с ним. Но ее поезд ушел, как он прекрасно знал, и потому отмел все ее отговорки с присущей ему резкостью:

— Чепуха. Мы уговорились, что я вас подвезу, ведь так? Идите и садитесь в машину, я подойду через минуту.

Сейчас более, чем когда-либо, Лин чувствовала, что он жалеет о своем обещании. Они ехали в полном молчании, прерываемом только односложными замечаниями. Быстро убывающая самоуверенность Лин заставила ее ощутить это молчание как что-то осязаемое и тяжелое.

Она с горечью думала: «Он, видно, решил поставить меня на место, напомнив о разнице нашего положения в Бродфилде. Как будто он забыл, что я сама все это прекрасно знаю».

Он не показал виду, что догадался о том, что она могла слышать его телефонный разговор, и имя Евы Адлер ни разу не было упомянуто между ними. Все равно мысль об этой другой женщине нависла, как тень, над душой Лин, испортив ей день, который мог быть таким счастливым.

Глава 5

Утром, уже незадолго до Рождества, когда Лин вошла в комнату отдыха за своим кофе, который полагался ей в десять часов, она увидела, как Пэтси отошла от группы сестер перед доской объявлений.

— И изрекла она! — распевала Пэтси, получая озорное удовольствие от явного расстройства Лин.

— Как, еще один эдикт начальницы? — спросила Лин. — Нет, я решительно отказываюсь проходить еще один курс популярных лекций в университете. Ей все кажется, что нам не хватает общей культуры!

— Культуры? Нет-с! — хихикнула Пэтси. — Милая, на этот раз это общественная работа. Нам практически предписывается направить наши легкие танцующие ножки на благотворительный бал в пятницу в Спайрхэмптоне. Проводится Фондом по борьбе с раком — так что мы обязаны! Подойди и прочитай сама, коли не веришь.

Лин пробралась вперед к доске и прочитала напечатанное на машинке объявление, подписанное начальницей.

«Надеемся, что весь персонал, имеющий хоть небольшую возможность, приобретет билеты и будет присутствовать на балу, который состоится в Общественном центре Спайрхэмптона для сбора средств в Национальный фонд по борьбе с раком. Подобное достойное мероприятие должно найти самую искреннюю поддержку у всех нас, как представителей медицинской профессии. Освобождения от работы будут даваться беспрепятственно, за исключением совершенно необходимых дежурств. Просьба соответственно изменить свои личные планы».

— «Личные планы», — передразнила Пэтси. — Меня мало беспокоят эти призывы изменить мои личные планы. В конце концов, что тут планировать? Просто под-

веди ко мне мужчину, и пусть он пригласит меня танцевать.

— Получить освобождение — вот в чем суть, — напомнила ей Лин. — Нельзя же отпустить всех до одного.

Но оптимизм Пэтси не позволял ей и думать, что ей и Лин может не повезти с освобождением.

— Я надену свое розовое платье! — блаженно объявила она.

Лин была в ужасе:

— Ох, Пэтси, только не розовое!

— Как так — не розовое? Продавщица сказала мне, что это шикарное платье, когда я покупала.

— Ну, может быть, и так — но не по цвету! Продавщица никак не должна была убеждать тебя, что оно тебе идет!

— Хочешь сказать, морковные волосы не терпят розового? — грустно спросила Пэтси.

— Да нет, не в волосах дело, — мягко ответила Лин. — К твоим глазам, к цвету кожи так идет то зеленовато-голубое! Ты в нем такая свежая!

— Это в том, старом? — возмутилась Пэтси, но, поразмыслив, спросила: — Но скажи, ты правда думаешь, что в зеленом у меня будет больше успеха?

— Сразу все побегут приглашать тебя, — уверила ее Лин.

Как оказалось, девушкам не пришлось и думать о спутниках. Том Дринан, вышедший из карантина, сразу же пригласил Лин и сказал, что его приятель в Спайрхэмптоне очень бы хотел познакомиться с девушкой и будет страшно рад пригласить Пэтси на бал, если она позволит.

— Позволю ли я! — воскликнула Пэтси, вне себя от радости. — Я позволю! Но он, он, бедный молодой человек... Его не предупреждали о моих волосах и моем весе?

Сама Лин решила надеть белое платье, вышитое «бродерии англез». Как и лучшие ее выходные платья, оно было частью ее приданого, и она ни разу еще не надевала его. Когда-то она мечтала в нем впервые танцевать с Перри уже как его жена. Странно, что теперь это так мало значило для нее и что она совсем не жалела о том, что не стала его женой. Но странно и то, что ей бы так хотелось, чтобы в этом платье ее увидел другой человек...

Дня за два до бала она осталась еще на лишний час после ночного дежурства, чтобы иметь возможность уйти с дежурства не в семь, а в шесть часов вечера в день бала, если

все сложится благополучно. Из-за этого она немного опоздала даже ко второму завтраку и, когда вошла в столовую, увидела, что уже никого нет, кроме Норы Фейерс, которая ела за отдельным боковым столиком.

Лин никак не хотела бы сидеть с ней рядом, но Кэт, подавальщица, уже убрала все другие столы и, увидев Лин, с грохотом высыпала столовый прибор напротив Норы.

— Ничего, что я тебя сама усаживаю? Надеюсь, не поссоритесь... Мне уже пора готовить чай. А вы обе поздно-то явились. Сию минуту подам! Только пусть у тебя аппетит не очень разыгрывается — остались только котлеты.

Лин села за столик, Нора холодно ей кивнула.

— Почему вы так поздно? — спросила она без особого интереса.

Лин сказала. На это Нора заметила со своим слегка снисходительным видом, который так злил сестер:

— Как хорошо, что в аптеке мы должны быть с девяти до шести без строго предписанных перерывов. Все-таки это, наверное, ужасно, когда все рабочее время и даже перерывы расписаны по минутам, как у вас, сестра...

— Мы привыкли, — спокойно отрезала Лин. — И потом, все старшие сестры, с которыми я работаю, всегда считаются с нами и не придираются по мелочам.

— Но все равно вы себе не принадлежите ни минуты, — настаивала Нора. — А вдруг привезли экстренного больного? Вам всем нужно со всех ног кидаться туда.

— Ну, экстренные случаи — это яркие события в нашей скучной жизни, — иронически ответила Лин. — Мы их, скорее, ждем.

Нора пожала плечами, как будто не веря Лин. Потом опять начала:

— Значит, как я понимаю, вы надеетесь получить отгул, чтобы попасть на бал?

— Да. А вы сами идете?

Нора похлопала тонкими пальцами по рту, подавляя зевок.

— Иду. Вместе с компанией Евы Адлер. Она, кстати, приходится мне кузиной, так что сами понимаете... Теперь, когда она приехала в Спайрхэмптон, мы с ней очень часто видимся.

Нора явно хотела произвести на нее впечатление, и Лин, чувствуя это, ответила ей сдержанно и нейтрально:

— Да, я от кого-то слышала, что вы в родстве. — И потом все-таки великодушно добавила: — Я была на одном концерте и слышала мисс Адлер. У нее замечательный голос, и сама она хороша собой, правда?

Нора лаконично ответила:

— Кажется, мужчины так считают, даже великий У.Б. равнодушен к ней. Нельзя не заметить, что они оба снова начинают вместе выезжать. И на балу он тоже будет с нами.

От этой новости, которую ей так хотелось услышать, у Лин перехватило дыхание, хотя все удовольствие было испорчено этим словечком «снова». Она глядела к себе в тарелку и осторожно сказала:

— У.Б. тоже был на том концерте и сказал мне, что он и мисс Адлер — старые друзья.

Нора рассмеялась своим неприятным смехом:

— Ну, это очень мягко сказано, «друзья». Знаете, моя милая, несколько лет назад они были просто неразлучны, и так никто и не понял, почему Ева вышла замуж за этого Брона Адлера, а не за У.Б. И меньше всего сам У.Б., должна сказать. Хотя, разумеется, я тогда еще училась в школе и слышала только то, что в семье считали нужным говорить мне.

Лин в удивлении подняла на нее глаза:

— Но разве она — не мисс Адлер? Я не знала, что она замужем.

— Теперь уже нет. Она овдовела. Но как певица она всегда работала под именем «мисс Ева Адлер». С тех самых пор, как она увидела, что это для нее более перспективно, чем быть просто Евой Харрингтон. Не очень-то она преуспевала, пока не встретила Брона Адлера. Даже поговаривали о том, что, хотя она и У.Б. были друзьями бог знает с каких пор, она бросила У.Б., потому что считала, что Адлер сделает больше для ее карьеры, чем У.Б., который сам слишком увлекается собственной карьерой.

Лин молча сидела, удивляясь про себя способности этой девушки истолковывать все мотивы и действия людей только в худшую сторону. Потом она медленно спросила:

— То есть вы утверждаете, что Ева отказалась от помолвки с мистером Бельмонтом только для того, чтобы выйти замуж за другого?

Нора скривила губы:

— Дорогая моя, откуда мне знать, чем они были друг для друга? Только было известно, что У.Б. настолько рассвирепел тогда, что с тех пор получил репутацию человека, сторонящегося женщин. Хотя, наверное, он сам рисовался этим впоследствии. Ведь даже великий Уорнер Бельмонт не может быть равнодушен к тому эффекту, который его ореол производит на женщин.

Лин с неприязнью сказала:

— У вас довольно скверное мнение обо всех людях, не так ли?

— Ну, пусть люди не будут так однозначны в своих действиях. Я ведь все это вижу, — возразила Нора.

— Но если вы говорите, что мистер Бельмонт ухаживает теперь за мисс Адлер, разве это не доказывает неверность ваших теорий?

— «Ухаживает»? Господи, какое древнее выражение! Это вы так сказали. Я — нет, — насмешливо сказала Нора. — Я сказала, что они снова стали везде появляться вместе. Это может значить только то, что, несмотря на все его кажущееся равнодушие, он все тот же мотылек, летящий прямо на огонь свечи. Или то, что Ева, получив все, что хотела, от Адлера, теперь не прочь стать женой знаменитого хирурга. Или еще третье: что У.Б. сам не прочь немножко отомстить ей за старое — давая ей повод думать кое о чем, хотя сам он ничего подобного и не замышляет.

Щеки Лин ярко горели.

— Я думаю, что ужасно, когда говорят такие вещи! — с волнением воскликнула она.

На Нору это не произвело никакого впечатления.

— Это только мои предположения, — небрежно сказала она. — Может быть, вы, работая с У.Б., в отличие от меня, и можете утверждать, что знаете его лучше, чем я. Но разве вы не замечали, что они — каждый в своей области, конечно — одинаково хорошо известны?

— И что же из этого?

— Ну, видите ли, — голос Норы звучал с нежной вкрадчивостью, — почему-то я лично не могу представить себе, что великий Уорнер Бельмонт склонен разделять почести с кем-то еще. Он — такой тип, который желает быть единственным камешком на пляже. Я имею в виду то, что рядом с Евой ему, возможно, придется видеть, как о его собственной репутации начинают забывать, и он через не-

которое время вдруг превратится просто в «мужа Евы Адлер». Это опасно. Хотя и это не значит, что они — пусть даже не обручены сейчас, — может быть, уже очень много значат друг для друга...

Лин вскочила на ноги так неожиданно, что ножки ее стула пронзительно взвизгнули, проехав по полированному полу. Она придвинула его к столу и, заметив, что руки ее дрожат, постаралась успокоиться.

— Просто безобразие так говорить! — сказала Лин.

Хотя Нора и вздрогнула от неожиданности, она изобразила на лице мягкое изумление.

— Боже мой, что такого я сказала? — спросила она.

— Слишком многое, — отрезала Лин. — То сплетни, то ваши предположения...

— Которые вы слушали открыв рот, — недобро сказала Нора.

— Может быть, но я теперь презираю себя за это! Вы ничего не знаете толком, но позволяете себе воображать и придумывать невесть что о других людях и их жизни. Вы мне страшно напоминаете одного маленького мальчишка, который насаживал комара на булавку. Я ему не позволила это делать, а теперь не позволю и вам, потому что последнее, что вы сказали о мистере Бельмонте, было не просто сплетней. Это непристойно!

— Намекнуть, что он неплохо проводит время, не теряя практического взгляда на вещи? Ну, Эсолл, где же ваше чувство юмора? — издевательски спросила Нора.

— Вы хотели сказать, что он настолько недалек, что может завидовать известности мисс Адлер. Так говорить о мужчине вообще гадко, а о мистере Бельмонте — это просто не может быть правдой! Да, он жесткий, с ним трудно, но он абсолютно не мелочен. А что касается вашего последнего намека...

Глаза Норы злобно сузились.

— Да, да, именно здесь собака зарыта. Создается странное впечатление от вашей горячности. С чего бы это так могло вас расстроить? — протянула она слащавым голосом.

Боясь сказать лишнее, Лин повернулась и ушла. В коридоре она прислонилась к стене, жалея, что у нее не нашлось решимости остаться и как следует отчитать эту девицу за ее ядовитые и гадкие намеки.

Но как получилось?.. Только сейчас до нее дошла вся ирония ситуации. Защищая Уорнера Бельмонта, поставила себя в фальшивое положение; она выступала за то, против чего протестовало все ее сердце. Из всего, что она слышала, меньше всего она хотела верить тому, на что Нора так скверно намекнула. Как она сказала? Уорнер и Ева Адлер очень много значат друг для друга. Она почувствовала себя так, как если бы дверь, которую она надеялась найти открытой, на самом деле медленно и неумолимо закрывается. Теперь она захлопнулась у нее прямо перед носом.

Она встревожилась бы еще больше, если бы знала, как сильно выдали ее наблюдательным глазам Норы Фейерс яркий румянец, дрожащие руки и ее неожиданная вспышка.

Лин была права. В характере Норы было много жестокого; аналитический интерес, который она испытывала к людям, был сродни забавам ребенка с пойманным беззащитным созданием. Вся разница была только в том, что ребенок причинял мучения, не ведая, что творит; она же делала это совершенно обдуманно, наслаждаясь тайной силой, которую ей давало это занятие.

В пятницу из главного хирургического отделения сообщили по телефону в операционную, что мистер Бельмонт планирует сделать еще одну аппендэктомию и чтобы готовились к операции. Лин приуныла, поняв, что теперь все послеобеденные операции закончатся позднее, чем она думала. Она уже отработала лишнее время, надеясь использовать его, чтобы уйти раньше, чем обычно, неторопливо полежать в ванне и иметь побольше времени, чтобы переодеться к балу.

Старшая сестра Крэддок, которая не собиралась на бал, очень сочувствовала ей, но, кроме обещания помочь, если сможет, ничего не могла сделать. Лин не имела права уйти, пока последний пациент не будет прооперирован и перевезен в палату. Как она опасалась, так все и получилось: хирурги вышли из операционной и отправились переодеваться, когда время подходило к семи часам вечера — обычному концу дежурства, а Лин еще должна была привести операционную в порядок, правда с помощью стажера.

Она пожала плечами, примирившись с вечными неожиданностями, так часто случающимися в ее работе, и принялась за дело со своей обычной ловкостью и быстротой. Она занялась стерилизатором, когда в зал вошла старшая сестра Крэддок.

— Ну, теперь бегите, сестра, я все dokonчу, — сказала она, закатывая рукава халата.

— Нет, пожалуйста, — я ведь почти кончила! — запротестовала Лин.

Но мисс Крэддок была тверда:

— Приказ, приказ, дорогая. Немедленно уходить с дежурства!

В тот момент, когда Лин неохотно уступила и собралась уходить, в дверях появился Уорнер Бельмонт.

Как обычно, когда он был в операционной, он не заметил присутствия Лин, но поманил к себе сестру Крэддок, у которой в удивлении поднялись брови. Она пошла к нему, на ходу торопливо откатывая рукава и застегивая манжеты.

В холле перед операционной он спросил у нее о плановых операциях на следующий день, а затем задал ей еще один вопрос: считает ли она необходимым брать на себя работу, которую должны выполнять младшие сестры.

Старшая сестра Крэддок слегка обиделась на скрытую критику в его замечании.

— Дело просто в том, что начальница выразила желание, чтобы сегодня вечером как можно больше сестер были на балу ракового фонда. Сестра Эсолл хотела сегодня уйти пораньше, но не получилось. Уже очень поздно, поэтому я и решила ей...

— Ну, это внимательно с вашей стороны! Хотя я думаю, что сестра Эсолл вполне понимает, что есть непредвиденные обстоятельства, накладываемые нашей профессией? — хладнокровно возразил ей мистер Бельмонт.

— О, разумеется. Кстати, она — одна из лучших наших сестер. Но дело даже не в этом. У нашей молодежи есть право на личную жизнь, и я никогда не относилась к тем, кто пытается усложнить ее для них, — живо ответила старшая сестра.

Хирург ничего не сказал на это, но через минуту опять вернулся в операционную, где Лин еще кое-что доделывала. Она стояла перед стерилизатором и из-за его пронзительного свиста не слышала, как мистер Бельмонт подошел к ней, пока не увидела его прямо перед собой.

Она вздрогнула от неожиданности, услышав его вопрос:

— Вам придется здорово торопиться сейчас в город: сестра Крэддок сказала, что вы собираетесь на бал. Я подумал, что могу вам помочь — подвезти вас туда.

От неожиданности и изумления Лин сбивчиво ответила:
— Вы очень добры, сэр. Но... пожалуйста, не беспокойтесь. Мне...

Он взглянул на ее форменное платье:

— Если хотите мне сказать, что вам надо еще переодеться, я подожду.

— Спасибо. Большое спасибо! Но в самом деле, не нужно, у меня еще есть время, — солгала Лин. Не пускаться же ей в длинные объяснения по поводу того, почему она не может принять его предложение, не обидев Тома Дринана, который должен отвезти ее и Пэтси на танцы в Спайрхэмптон и который готов ждать ее хоть до рассвета!

Она надеялась, что Уорнер Бельмонт сам догадается, что у нее вполне может быть компаньон, собирающийся ее отвезти в город; но так как он сразу отошел от нее, довольно холодно сказав:

— Ну, как хотите, — было видно, что этот вариант и не пришел ему в голову. По его тону нельзя было понять, обиделся он или ему безразлично.

Все время, пока одевалась, она бранила сама себя за свой ошалелый тон, граничащий с бестолковостью, каким она ответила ему на его предложение. Почему только она не проявила больше хладнокровия или хотя бы воспитанности и не смогла как-то показать ему, что она крайне высоко ценит его внимание, но просто не имеет возможности воспользоваться им? Когда, наконец, она присоединилась к Тому и Пэтси, терпеливо ожидавшим ее в машине Тома, у нее было мучительное чувство, что она попусту отвергла его первый дружеский жест по отношению к ней после их встречи в Эмберли. Разумеется, ей бы пришлось все равно отказать ему, но ведь это можно было сделать совсем по-другому, дружелюбно или шутливо. А она не смогла!..

Перед Общественным центром стояла длинная вереница машин, высаживающих своих пассажиров и затем отъезжающих на стоянку. Дело продвигалось очень медленно и еще медленнее шло на стоянке, так что, когда обе девушки вышли из гардероба в фойе, им пришлось еще дожидаться возвращения Тома с его приятелем — партнером Пэтси. Когда они вошли в танцевальный зал, бал уже начался.

Последовав совету подруги, Пэтси надела свое зеленоватого-голубое платье вместо розового. У нее всегда был очень яркий румянец, но в этот вечер его сменила бледность, от

этого ее глаза казались огромными. Она притихла, и, когда обе поправили прически и стали осматриваться, Лин тихонько поддразнила ее, сказав, что она такая паинька, наверное, ради своего партнера, которого еще не видела.

Этот молодой человек, Майкл Кэррон, был родом из Дублина и познакомился с Томом, когда они оба еще учились в университете Белфаста. Перед танцами между всеми четверыми завязался общий разговор, из которого девушки узнали, что Майкл работает в инженерной фирме, изучая практическую сторону дела в Спайрхэмптоне, и что у него есть планы организовать собственный гараж, когда он вернется в Эйре.

Когда они пошли танцевать, Лин, смеясь, взглянула на Тома:

— Вы и не сказали нам, что ваш друг Майкл — ирландец. Да, надо было бы познакомить его с Пэтси давным-давно.

Том через плечо Лин смотрел на тех двоих.

— Моей вины тут нет, — улыбнулся он. — Он не так давно появился в Спайрхэмптоне. Но в самом деле, они как будто созданы друг для друга.

Когда смолкла музыка, Лин оглядела зал, рассчитывая увидеть Уорнера Бельмонта, Еву Адлер или хотя бы Нору Фейерс, чье появление показало бы, что прибыла вся компания мисс Адлер. Но никого из них так и не увидела.

Она снова потанцевала с Томом, потом с Майклом Кэрроном и снова с Томом.

Во время танцев Том был скорее молчалив, и она чувствовала, что ему бы хотелось увидеть ее глаза поднятыми к нему; и она через некоторое время взглянула на него. Встретив его взгляд, она почувствовала, как он крепче обнял ее; как же сильно было в нем чувство любви к ней! Она знала, что, если он не сдержится, ей придется поступить жестоко по отношению к нему, и ей самой это будет очень тяжело.

Том сказал сдавленным голосом:

— Лин, простите меня, но вы сегодня так красивы! Я просто не знаю, как и сказать вам...

— Не нужно, Том, — попросила она его.

Но он уже не мог сдержаться; переполнявшие его чувства были сильнее ее просьбы. Он торопливо проговорил:

— Если бы только я мог надеяться, что вы забудете этого Гарстона! Я уверен, я бы смог сделать вас счастливой,

только если бы вы мне дали время! Дайте мне возможность надеяться, Лин!

Чувствуя себя виноватой, она прошептала:

— Я его забыла. Но...

Она не договорила; он внезапно восторженно притянул ее поближе:

— В самом деле, Лин? У вас уже не осталось никаких чувств к нему? Тогда...

«Милый Том, если бы все было так просто», — думала Лин. Но для Тома действительно все было просто. Его отчаяние превратилось в веселье. Он сказал восхищенно:

— Нет, это точно мой добрый ангел сделал вас сегодня такой невероятно прекрасной! Хотя я и собирался долго ждать и терпеть, но вдруг сегодня почувствовал, что больше не могу сопротивляться своему чувству, а вы как раз говорите, что, может быть, мне и не нужно так долго ждать.

— Том, я этого не говорила!

Но он не слушал ее.

— Наверное, отчасти это ваше платье. Оно такое прохладное, далекое, заставляет вспомнить облака на горизонте. Вам хочется погрузить в них руки, хотя вы и знаете, что это невозможно... О, Лин, может быть, и вы как это облако — здесь ли вы, Лин, или вас нет? — И с игривостью, порожденной воображаемым счастьем, Том наклонился над ней и нежно потерся своей щекой об ее.

— Не нужно! — Лин инстинктивно отпрянула, схватившись пальцами за щеку, и ее взгляд предостерег его, чтобы он больше не заходил так далеко.

— Простите. Так нельзя было поступать здесь, на виду у всех, — удрученно сказал Том. — Хотя зачем мы здесь, в этой толпе? Может быть, пойдем куда-нибудь, чтобы поговорить?

Но Лин уже не слушала его. Как раз в тот момент, когда Том осмелился прижаться своей щекой к ней, рядом танцевала еще одна пара, и она слишком поздно поняла, что ничто не скрылось от наблюдательных глаз Уорнера Бельмонта и от циничных — Норы Фейерс.

Что же он теперь будет думать о ней? Неужели он подумает, что ей ничего не стоит танцевать щекой к щеке со своими партнерами на публичном балу перед всеми этими людьми?!

Сначала она рассердилась на Тома, но потом ей стало просто стыдно за себя. Она знала, что он сделал так не удержавшись, из радости, пусть и обманчивой. Нет, что бы ни подумал Уорнер Бельмонт, она будет стыдиться не за Тома!

Она постаралась улыбнуться Тому, зная, что раньше или позже им придется поговорить начистоту, что ей придется сказать, что она может испытывать к нему только чувство дружбы, не более. И он тоже больше ничего не говорил, наслаждаясь тем, что, как ему думалось, у него есть.

На другом конце зала Нора говорила:

— Все-таки поразительно, как некоторые люди ведут себя в обществе! Эта нежная сцена была разыграна между вашей операционной сестрой, мистер Бельмонт, и одним из младших докторов, мистером Дринамом. Вы заметили?

— Да. — Голос у него был безмятежный и ничего не выражал.

— Должна сказать, что она — сестра Эсолл, я имею в виду, — видимо, замечательно быстро оправилась от несчастной любви, согласно бродфилдским сплетням, — упорно продолжала Нора.

— Сейчас в сердечной хирургии достигнуты громадные успехи!

Она удивленно взглянула на него из-под ресниц.

— Вы смеетесь надо мной, — недовольно сказала она.

— Просто даю понять, что все эти мелкие больничные сплетни меня совершенно не интересуют.

Но Нору было не так-то легко поставить на место.

— Как прекрасно, наверное, чувствовать себя вознесенным надо всем миром? Хотя ведь даже консультантам не удается спастись от этого!

— Неужели!

— О, конечно. Эти молодые сестренки — мы, фармацевты, слава богу, все-таки не так глупы — просто захлебываются в воображаемых романах между сестрами и врачами или в своей безнадежной любви к хирургу-консультанту. Конечно, некоторые из них еще ухитряются быть притчей во языцех; вот хотя бы, к примеру, сестра Эсолл...

— А вы, значит, точно знаете, что ее теперешний роман, признаки которого мы как раз сейчас наблюдали, не воображаемый? — холодно спросил Уорнер Бельмонт.

— Ну, знаете, разве похоже на то? — сказала Нора, добавив к своим словам лукавый смехок.

После еще двух танцев Лин увидела решительно направляющегося к ней через весь зал Уорнера Бельмонта; на какой-то безумный момент она почувствовала желание, чтобы он пригласил ее потанцевать... Она не успела ничего толком понять, а он уже держал ее в своих руках.

Она восхищенно думала: «Я должна наслаждаться каждой секундой! Это больше не повторится, а потом я даже не смогу вспомнить все ощущения: как все это было, каково было чувствовать себя так близко к нему и скрывать, скрывать, что я испытываю...»

Это ощущение счастья заставило ее молчать, пока они танцевали. Но и ее партнер, казалось, был совсем не склонен к разговорам. В отличие от Тома и его манеры танцевать, он был увереннее, изысканнее, и одного касания его пальцев, лежавших на ее спине, было довольно, чтобы Лин чувствовала себя ловко и уверенно и танцевала, может быть, так грациозно, как никогда.

В конце танца он выпустил ее из объятий и сказал:

— Это было что-то близкое к совершенству. Где же вы научились так прекрасно танцевать? — И, не дожидаясь ее ответа, неожиданно повел ее через зал к группе своих знакомых.

Последовало одно или два сумбурных взаимных представления людям, имена которых она едва разобрала, а затем Уорнер представил ее Еве Адлер, которая только что кончила танцевать со своим партнером и вернулась к ним. Она без интереса посмотрела на Лин, когда Уорнер сказал весело:

— А вас двоих, наверное, можно и не знакомить, вы ведь уже встречались — правда, по телефону!

Тонкие брови Евы поднялись.

— А, так это я с вами говорила в этом невозможном клубе, куда так зачастил Уорнер? — Она обратила на Уорнера смутно-недоумевающий взгляд: — Помнится, ты говорил мне, что эта девушка — сестра?

— Это она самая, — улыбнулся Уорнер.

— Но... — Ева по-новому, оценивающее смотрела на Лин, и во взгляде у нее сквозило удивление.

Лин не хотела ждать ее следующего вопроса и, перехватив инициативу, быстро сказала:

— Конечно, я вас видела и раньше, мисс Адлер. На благотворительном концерте, организованном в пользу клуба.

— Ах, на том... да, конечно. Хотя я вас не помню, — ответила Ева.

С этой темы уже было легко перевести разговор в русло музыки, беседа оживилась, пока речь не зашла о всемирно известной рождественской службе с гимнами в Спайрхэм-птонском кафедральном соборе, отправляемой в сочельник днем.

— Как-то странно, но факт: или у меня бывал рождественский отпуск и я уезжала, или я была на дежурстве, но я ни разу не смогла прийти послушать службу, а мне так хочется, — сказала Лин.

Уорнер повернулся к ней:

— Я тоже не был. Хотя для меня это не странно, ведь это будет мое первое Рождество здесь. Если вы будете свободны на этот раз, может быть, вы захотите пойти в церковь вместе со мной?

Его слова звучали как обычное вежливое приглашение, но Лин, быстро взглянув на него, мельком почувствовала какое-то впечатление вызова, бросаемого им. Может быть, он припомнил ее слишком упорный отказ ехать с ним на бал этим вечером и хотел проверить, всегда ли она будет отвергать его приглашения? Она мысленно тут же встряхнулась, как бы прогоняя подальше свою фантазию и воображение. Взглянув ему прямо в глаза, она спокойно и сердечно поблагодарила его, сказав, что очень бы хотела этого.

— Ну, тогда ближе к делу договоримся. — И он, довольный, кивнул.

Но Ева, как сразу почувствовала Лин, совсем не была так же довольна. Она сказала:

— Я тоже никогда не была на рождественской службе с гимнами.

— Да ведь тебя здесь не будет на Рождество, — быстро напомнил ей Уорнер.

— Да, но... — Надувшись, она замолчала.

— Ну, тогда, может быть, в этом году тебе не уезжать? Как, это возможно?

Она ничего не ответила, только пожала плечами. Эта маленькая интермедия немного испортила Лин удовольствие от приглашения Уорнера. Значит, если бы она никуда не уехала, он бы повел Еву в собор слушать гимны.

Она отыскала Тома и Майкла, стоявших в одиночестве: Пэтси рядом не было. Лин подождала ее, но потом сказала, что сама сходит за ней в дамскую комнату. Когда она вошла туда, то увидела Пэтси, скорчившуюся в неловкой позе на стуле, обхватив голову руками. Весь вид ее говорил о мучительной боли, испытываемой ею.

Одна или две девушки беспомощно стояли около нее, а служительница упрашивала ее выпить воды; Пэтси пить не могла.

— Пэтси, дорогая. — Лин бросила сумочку на стол и опустилась на колени перед подругой, тихонько обхватив ее руками и испугавшись ее белого, искаженного лица и потускневших глаз.

— Ох, Лин, мне так плохо, — с трудом выговорила Пэтси. — Я... ох, как бы мне скорее домой? Как ты думаешь?

— Конечно, подожди. — Лин видела, что она даже не может отвечать на вопросы. Она вскочила на ноги, быстро сказав служительнице: — Скорее, позовите сюда... Нет! Вы же его не знаете. Я сама побегу за ним. Только пусть она не двигается, последите за этим.

Она выбежала в танцевальный зал, ее глаза взволнованно искали в толпе высокую фигуру Тома, но его нигде не было видно, и вдруг она подумала, что, не дождавшись возвращения девушек, он и Майкл могли отправиться в бар что-нибудь выпить.

Бар. Но где же он? Она резко повернулась, вспомнив, что, кажется, знает, где это, и в этот момент с размаху налетела на какого-то мужчину — Уорнер Бельмонт!

Он положил обе ладони на ее обнаженные плечи, удерживая ее, и заглянул ей в лицо.

— Извините, виноват... — начал он, но тут же резко спросил: — Что случилось?

Лин, задыхаясь, проговорила:

— Пэтси, то есть мисс Хорган... Ей вдруг стало очень плохо. Я ищу доктора Дринана, а его нет... Может быть, вы пойдете к ней?

— Где она? В дамской комнате?

Он быстро пошел перед ней, властно приказал всем женщинам выйти, сказав, что он врач. Лин стояла рядом с Пэтси, когда он осматривал ее и задавал вопросы.

Он посмотрел на Лин, и взгляд его был суровым и сердитым.

— Вы не имели права позволить ей ехать на танцы в таком состоянии, — сказал он. — Где ваша наблюдательность, сестра?

Лин покраснела и возразила:

— Она была совершенно здорова. Ни на какие боли не жаловалась. Только...

— Что «только»?

— Она казалась притихшей, и больше ничего. Я подумала, что это из-за возбуждения перед танцами. Она так любит танцевать.

— Хм... Вот она и возбудила свой уже воспаленный аппендикс в сильнейший процесс. Ее нужно немедленно везти в больницу и готовить к операции.

— Сегодня ночью?!

— Да. Соберите ее и свои вещи. Я позвоню дежурным, чтобы готовили операционную. Вы как сюда приехали?

— С доктором Дринаном, в его машине.

— Машина маленькая? — Он сам ответил на свой вопрос: — Да, конечно, я же ее видел. В моей будет больше места, и это будет быстрее, чем вызывать и ждать «скорую помощь». Найдите Дринана или еще кого-нибудь, пусть помогут вам отвести ее к машине. Может быть, даже придется ее нести. Через пять минут встречаю вас у машины внизу.

Его торопливость, лишенная всякой паники, успокаивала и внушала чувство полного доверия. Но довести скорчившуюся от боли Пэтси даже на такое короткое расстояние — до машины — было мучительной процедурой, и Лин была рада, когда наконец, с Пэтси на руках, удобнее усеялась в машине, надежно упершись ногами и боком, чтобы уберечь подругу от неизбежных толчков, когда машина поехала в ночь с Уорнером Бельмонтом за рулем.

В Бродфилде он подъехал прямо к корпусу «Скорой помощи», где всегда, в любое время суток, наготове были носилки. Опытные руки быстро и осторожно переложили Пэтси на них и повезли к лифту. Мистер Бельмонт и Лин остались стоять в первом приемном кабинете, глядя вслед Пэтси.

Лин глубоко и прерывисто вздохнула, отчасти от облегчения, а отчасти и от страха. Что будет с Пэтси? Ей легко было работать в операционной, где ее собственные четкие действия тоже помогали успеху операции, где она чувство-

вала себя спокойной и уверенной в успехе почти всегда. Но когда на столе лежит кто-то близкий, любимый, заботу о ком вдруг внезапно взяли из твоих рук, оставив тебя одинокой и беспомощной и все же уверенной, что в чем-то ты могла бы помочь...

Она импульсивно сказала:

— Мистер Бельмонт, вы считаете, что сестру Хорган следует оперировать сразу же? Если бы я... попросила разрешения у старшей ночной сестры, как вы думаете, позволила бы она мне помочь вам при операции? Мне, чтобы переодеться в форму, нужно пять минут. Позвольте!

Он отрицательно покачал головой:

— Не я буду распоряжаться.

— Как — не вы? — У Лин упало сердце. — Вы... вы не будете оперировать?

— Конечно нет. Это будет делать дежурный ночной хирург. — В его голосе слышался упрек, и Лин стало стыдно, что она забыла о правиле, по которому хирург не мог отпраиваться оперировать сразу после вечерних танцев, обеда, выпивки, даже если он пил совсем немного.

— Извините, — пробормотала она. — Но как вы думаете, может быть, мне позволят помогать? — Уж если он предоставляет Пэтси заботам другого хирурга, то тем более важно, чтобы хоть она осталась рядом с ней!

Но он снова покачал головой:

— К сожалению, нет. Даже и думать не могу, чтобы вы позволили себе обратиться к старшей ночной сестре или ночному хирургу с необычной просьбой. Я даже удивлен, что вы просите о такой вещи. Вы дневная сестра, и ваша обязанность ухаживать завтра за своими больными. Не сегодня ночью, как бы больной ни был лично близок вам. Это правило, и я должен попросить вас, чтобы вы ему подчинились.

Ресницы Лин опустились.

— Я подчиняюсь, сэр, — тихо сказала она. Но когда она повернулась, чтобы идти, вся ее фигура казалась поникшей.

Наступила короткая пауза, а потом Уорнер Бельмонт спросил:

— Это второй раз, правда? Вы не соглашаетесь с моим представлением о ваших обязанностях — считаете, что они намного менее сентиментальны, чем ваши?

Лин посмотрела на него; взволнованное отрицание его обвинения в сентиментальности уже было у нее на губах.

Какой он холодный, как безразличен к чужим чувствам, если не постеснялся определить этим словом ее боль за Пэтси! Но она не произнесла ничего, потому что, несмотря на язвительный тон, глаза его были удивительно добрыми, когда встретили взгляд Лин.

Он проговорил:

— Не беспокойтесь о вашей подруге! Я не буду оперировать, но я буду рядом. Вам будет спокойнее от этого?

Она благодарно кивнула. Он придвинулся к ней и затем, на какой-то один изумительный, счастливый момент его рука обняла ее за плечи и сильные пальцы крепко пожали ее руку. Так мужчина неуверенно впервые приближается к женщине, которую он любит. И хотя Лин знала, что для нее это не значит ничего подобного, она почувствовала покой и уверенность в этом коротком прикосновении.

Под его наблюдением Пэтси будет в безопасности. А у нее в душе останется воспоминание о добром понимании в его глазах и мгновенном счастье его короткого прикосновения. Не много. Но любовь пирует и на крохах.

Глава 6

Лин проснулась в темноте декабрьского утра, с удивлением почувствовав, что проспала всю ночь, и тут же подумала о Пэтси. Прооперировали ли ее ночью? И если да, то как она себя сейчас чувствует? Лин знала, что ее должны поместить в одну из одноместных палат; чтобы получить какие-нибудь новости от нее, придется ловить кого-нибудь из ночных сестер отдельных палат, идущих с дежурства. Если она сразу встанет и быстро позавтракает, как раз успеет попасть туда до начала своей работы в операционной.

При этой мысли ожило яркое воспоминание о вчерашнем бале и всех событиях, связанных с ним, и на какой-то момент она позволила себе с горько-сладким чувством вспомнить то, что было между ней и Уорнером Бельмонтом в те несколько минут после того, как увезли Пэтси. Тогда он сделал ей замечание, и она покраснела, вспомнив, что почувствовала волну негодования против него. Как хорошо, что она сдержалась и промолчала и что уже не чувствовала обиды, когда посмотрела ему в глаза и вдруг увидела эту

необычную доброту во взгляде... И как он на мгновение сжал ее плечи, одобряя ее... Лин вызвала в воображении это чувство от крепкой, сильной, твердой руки, охватившей ее плечи. Лучше бы он этого не делал, хотя, конечно, он не мог догадаться о том, какую дрожь восторга вызывает у нее малейшее его прикосновение. Но ведь ему хотелось утешить и успокоить ее относительно Пэтси... Она зажмурила глаза, не веря промелькнувшей слепящей невероятной надежде, что это могло быть что-то большее.

По пути в столовую она зашла в комнату отдыха и с радостью мысленно отметила, что, по крайней мере, теперь ей не придется первым делом взглядывать на полку для писем, надеясь увидеть конверт от Перри. Редкие письма, приходящие на ее имя, были обычно от Мэри Дорн, поэтому она удивилась, когда другая сестра, подошедшая к полке за своими письмами, вдруг обернулась к Лин, бросив ей конверт без марки.

— Любовное послание, интересный почерк, Эсолл! «А что же случилось с тем тайником в старом дупле в саду?» — пропела она игриво, выходя из комнаты.

Лин с удивлением повертела конверт, зная, что письмо не от Тома, но не узнавая почерка. Она распечатала его, сразу же взглянув на подпись «Уорнер Бельмонт» — четкие буквы, — и опять почувствовала, как забилося сердце. Записка от него, которую он мог написать только сегодня в конце ночи. Значит, тут будет о Пэтси! И значит, он действительно позаботился о ней, зная, как она тревожилась о Пэтси, и даже успел написать записку! Она почувствовала переполняющую ее благодарность, читая его строки:

«Дорогая.

Вчера ночью Вам казалось, что я слишком педантично отношусь к больничной дисциплине. Сейчас же, утром, я не сомневаюсь, что Ваш здравый смысл говорит о том, что я был прав. Сейчас четыре тридцать утра, и я только что ушел из операционной, где мистер Эмберсон закончил вполне удачную операцию на сестре Хорган, хотя она была сделана в самый последний момент. Она находится в отдельной палате, и Вы узнаете все новости о ней, как только она проснется.

Мне хочется напомнить Вам о нашей предварительной договоренности на 24 декабря. Как только Вы узнаете, бу-

дете ли Вы свободны, позвоните мне или дайте знать по прилагаемому адресу. Я с нетерпением жду рождественских песен.

Искренне Ваш

Уорнер Бельмонт».

Лин посмотрела на печатный адрес сверху на листе официальной бумаги Бродфилда и увидела, что он от руки приписал свой адрес и телефон. Она в легкой панике стала мысленно решать, что лучше: написать или сказать по телефону? Впрочем, она это решит, когда узнает расписание своих дежурств. Она снова прочла письмо, прежде чем спрятать его в конверт и засунуть в карман передника. Она улыбалась, делая это. Быстрые экономящие фразы были так характерны для этого человека. Казалось, что из письма едва ли можно извлечь пищу для сентиментальных мечтаний девушке, лелеющей одно-два воспоминания в тиши своей комнаты. И все же... все же. Он обращался к ней не формально, а написал «дорогая», — да, вот так. По крайней мере, он был по-доброму настроен к ней.

Ее мысли с облегчением вернулись к Пэтси. И конечно, придя в столовую, она увидела, что все вокруг уже знают не меньше ее обо всех событиях прошедшей ночи. А некоторые знали даже больше! Лин волей-неволей пришлось опровергнуть некоторые самые дикие измышления о полуночном путешествии обратно в больницу. Например, будто бы, согласно одному из вариантов, У.Б. вызвал «скорую» и сам сел за руль.

Когда она рассказала, как все было на самом деле, кто-то заметил:

— Бедняжка Хорган! Вообразить только злую иронию судьбы: ее лично везет один из ее кумиров, а она даже не может насладиться этим моментом!..

Кто-то спросил:

— А оперировал У.Б.? Ах, Эмберсон, но У.Б. тоже был там? Значит, скорее всего, они оба ее навещают после операции. То-то она будет в своей стихии!

Все засмеялись, совершенно беззлобно и весело. У Пэтси нет врагов, благодарно думала Лин, торопливо допивая кофе, чтобы выкроить несколько минут. Она хотела сбегать к подруге и увидеть ее, если позволят.

Ночная сестра, дежурящая в отдельных палатах, оказалась сестрой Клэрк, которая всегда хорошо относилась к Лин. Она разрешила зайти к Пэтси на одну минутку.

Но когда Лин на цыпочках подошла к кровати Пэтси, она увидела, что, хотя та еще не полностью отошла от наркоза и то и дело засыпает, она очень хочет что-то ей сказать.

Она прошептала:

— Лин, поверь, что до того, как мы приехали на танцы, у меня не было никакой боли. Это только потом я почувствовала.

Лин не видела особого значения в том, что ей так упорно повторяла Пэтси.

— Ну и хорошо, родная. — Она положила прохладную ладонь на лоб Пэтси.

Но та продолжала:

— Нет, это началось совершенно неожиданно, вдруг... И почему же он думал, что это ты виновата?

— «Он»? А, ты говоришь о мистере Бельмонте?

— О ком же еще? Ведь я слышала, как он с тебя снимал стружку, бранил за то, что ты не заметила того, чего я и сама не знала. А я и пальцем не могла пошевелить, не то что защитить тебя. Бедная ты моя! — Голос Пэтси совсем замер от слабости.

«Бедная твоя» — в самом деле, но совсем не по этой причине», — с иронией подумала Лин. Она знала, что покраснела, произнося имя Уорнера Бельмонта, но взгляд голубых глаз Пэтси был настолько туманным и неопределенным, что она не могла видеть этого. Ее секрет остался секретом.

Пэтси продолжала:

— Этот Майкл славный. Он так меня веселил. А я испортила весь вечер, пусть Том передаст ему, что я очень жалею.

Лин уверила ее, что она обязательно заставит Тома это сделать, хотя никакой вины Пэтси во всем этом не было, нечего ей было укорять себя попусту. Ей нужно сосредоточить всю волю, чтобы скорее поправиться. Все этого ждут.

Пэтси выслушала все это с какой-то тенью улыбки на губах и снова уплыла в свой полусон, когда дневная дежурная-стажер пришла к ней в палату, а Лин с неохотой вышла. Скоро она совсем поправится, тут нет сомнений. Но можно ли

унять тревогу о близком человеке, даже зная, что он получит всю заботу и внимание от других людей?..

Лин поспешила в свой операционный блок, думая по дороге, будет ли сегодня оперировать Уорнер Бельмонт. Оказалось, что у него на сегодня операций нет. Зато не было никаких трудностей с передачей поручения Пэтси — Том был тут в своей роли анестезиолога во время двух утренних операций. После конца операций он снял маску и халат и подошел к ней поговорить.

Его первой мыслью было успокоить ее насчет Пэтси, в случае если она еще не знала о хороших новостях. Он сказал, что сам звонил к ней в отделение, как только пришел на дежурство.

— Да я и сама ее навестила, меня пустили на минутку, — сказала ему Лин. — Но я рада, что вы тоже позвонили ей.

Том ухмыльнулся:

— Попробовал бы я не позвонить! Меня еще в шесть утра подняли по телефону — Мик Кэррон устроил мне такой тарарам, выясняя, что сейчас с Пэтси, удачно ли прошла операция и когда, по моему мнению, его пустят к ней!

Лин засмеялась:

— О, я так этому рада! Потому что единственное, что она мне могла сказать, — это насчет вечера, что она его вам испортила и что просит передать Майклу ее извинения.

— Ну, если речь зашла об этом, то она действительно испортила вечер не только молодому Кэррону, — ответил Том с напускной суровостью. — Еще У.Б., кроме прочих.

— Ну, и вам тоже!

Наступила небольшая пауза, потом он тихо сказал:

— Мой вечер ничто не могло испортить, Лин!

Она болезненно вздрогнула от глубоко спрятанной радости в его тоне и, чтобы выиграть время, спросила его, что делали он и Майкл после того, как Пэтси увезли в больницу.

— Мы остались еще на час, но в этом уже не было никакого смысла. Мы пошли домой к Майклу — у него такая холостяцкая квартира. Немножко выпили, и я вернулся сюда. Лин, нам нужно поговорить. Вы ведь сами знаете, что нужно?

Ей пришлось уступить.

— Да, Том, знаю.

— Ну, так, может быть, мы вместе пообедаем сегодня?

— Лучше нет. Понимаете, я бы хотела побыть немного у Пэтси, если мне позволят. Но я согласна встретиться в «Ели», выпьем там кофе, если это вас устроит?

Том сказал, что его устроит все, что она захочет, и, счастливый, пошел по своим делам. А Лин начала с изумлением раздумывать, не эта ли черта кроткой покладистости в его характере навсегда помешает ей влюбиться в него, как он мечтает. Он просил так мало, что становилось очень легко давать ему не больше, чем он просит. Но женщине в любви необходимо, чтобы у нее не просили, а *властно требовали*.

Этот день тянулся долго и был каким-то тяжелым. У сестры Крэддок болела голова, и она часто раздражалась, а дежурящие младшие сестры первого курса казались, как нарочно, бестолковыми. Одна из них забыла завернуть кран в дезинфекционной, и вода залила весь пол чуть ли не на ладонь высотой, когда Лин обнаружила это. Вторую послали в аптеку получить необходимый материал для следующего дня работы хирурга, а она явилась обратно с пустыми руками, говоря, что фармацевт знать ничего не знает о заказе и поэтому ничего не дала.

— Какая чушь! — возмутилась сестра Крэддок. — Все заказано еще неделю назад, я прекрасно помню. Эсолл, придется вам пойти туда самой. И обратитесь к провизору, если это опять шутки этой Фейерс! Она заходит уже слишком далеко.

Лин послушно отправилась в аптеку, хотя ей совсем не хотелось. Она больше ни разу не говорила с Норой после того случая в столовой, когда она так вспыхнула. Хотя она считала, что тогда с достоинством прекратила неприятный разговор, но накануне, когда она танцевала с Томом и тот так неосторожно поступил, Нора с Уорнером была совсем близко и все видела. И Лин не могла забыть тот высокомерно-презрительный взгляд Норы в ее сторону. Поэтому сейчас, идя к ней, она чувствовала себя очень неловко.

Но если Нора так глупо поступила, безобразно ответив их посланнице из операционной, тогда она сейчас в очень неприятном положении! Лин решительно вошла в аптеку, готовая начать бой.

Нора занималась подготовкой материала, заказанного патологами, и даже не взглянула на Лин, когда та подошла к стойке. Лин заметила, что в аптеке была еще одна фигурка в белом халате — худенькая девушка, которую она раньше никогда не видела. Она стояла на приставной лестнице у стеллажа с химикатами. Лин, ожидая, когда Нора обратит на нее внимание, праздно подумала: «Уж очень слабенькая на вид, чтобы таскать эти огромные бутылки с кислотой. Интересно, кто она такая? Наверное, новенькая...»

Как раз в этот момент Нора соизволила повернуться к ней. Она была в очках с очень большой оправой. Она всегда снимала их с видом утомленного превосходства и сейчас сделала так же, как бы неохотно уступая Лин минуту своего драгоценного времени.

Лин подала ей бумагу от хирурга, ранее отвергнутую аптекой:

— Сестра говорит, что ваш ответ насчет этого заказа — сплошное недоразумение. Все это должно быть давно готово.

Нора раздраженно покраснела.

— Никакого ответа в вашу хирургию я не давала, — ответила она.

— Но кто же сделал это? Нам сказали, что аптека ничего не знает об этом.

Нора нетерпеливо пожала плечами:

— Ну хорошо, могу сказать, что я ненадолго отлучалась. Мисс Брейнтри, — резко позвала она девушку. — Вы получали какое-нибудь требование? Что вы сказали, пока меня здесь не было?

Лин увидела, что девушка закусила губу и нервно сжала тряпку в руке.

— Да, я...

— Почему вы сказали, что мы ничего не знаем об их требовании? — резко спросила Нора.

— Я... Я не то сказала. Я сказала, что я сама ничего не знаю здесь, потому что я новенькая, и что вас нет. А сестра мне сказала...

Нетерпеливое восклицание Норы заставило ее замолчать, и Лин, увидев, как девушка начинает краснеть, пожалела ее. Она могла представить, как вечный сарказм Норы может буквально парализовать природную сообразительность нервной девушки. Она быстро сказала:

— Ну хорошо, значит, это всего-навсего недоразумение между мисс Брейнтри и нашей практиканткой. Значит, все давно готово и я могу получить это?

— Конечно, давным-давно. — Нора снова надела очки и склонилась над требованием, проверяя его. — Все давно было бы доставлено в вашу операционную, если бы мне не навязали всяких полоумных девиц! Я должна учить их работе, к которой они не способны...

Нора прервала свою филиппику, услышав грохот и звон стекла, разбивающегося о каменный пол.

— Господи! Что там еще?.. — раздраженно крикнула она. Кислота медленно растекалась по плиткам, зеленые бутылочные осколки разлетелись по всему полу. Нора холодным злобным взглядом уставилась на девушку на лестнице, а Лин быстро бросилась на помощь ей, видя ее склоненную голову и капли крови, падающие из порезов на кисти и ладони.

— Скорее, Фейерс! Она порезалась. Где аптечка первой помощи? У меня тут только чистый носовой платок.

Она выхватила его из кармана своего передника вместе с авторучкой, зацепившейся за платок и загремевшей по полу. Но она не заметила, что вместе с ними выпало и письмо от Уорнера Бельмонта и что, когда Нора подошла с бинтами, она подняла и ручку и письмо, потому что Лин была поглощена перевязкой руки девушки.

Лин выпрямилась и ободряюще улыбнулась, глядя в испуганные глаза девушки. Она сказала Норе через плечо:

— Я, пожалуй, возьму ее с собой в отделение скорой помощи. Они ей дадут выпить горячего против шока и посмотрят, не нужно ли наложить скобки на порез.

— Ну хорошо, — с неохотой уступила Нора. Когда Лин взяла девушку под руку, она протянула Лин ручку и письмо Уорнера: — Вы выронили это, доставая платок.

— О, спасибо! — Их глаза на мгновение встретились, и Лин непроизвольно покраснела. Но она не поняла все значение сузившегося взгляда Норы, быстро отвернувшейся от нее. Она не знала, что Нора сразу узнала характерный крупный подчерк на конверте: «Мисс Лин Эсолл. Лично», потому что уже изучила его по многочисленным требованиям и запискам, направляемым Уорнером Бельмонтом в аптеку.... Уорнер Бельмонт пишет сестре Эсолл?.. И к тому же «лично»?! Любопытство Норы Фейерс было возбуждено до предела.

Как Лин и ожидала, Том ждал ее, когда она приехала вечером в «Ель». Он встал навстречу ей, и лицо его засияло от удовольствия и предвкушения разговора.

— Как Пэтси? Вы ее видели? — был его первый вопрос после того, как он заказал кофе у мисс Линси.

— Видела. Последствия наркоза прошли, она полностью проснулась и сегодня даже поела. Она... — глаза Лин весело сверкнули, — она все не слезает с этой темы насчет Майкла. Том, они в самом деле так понравились друг другу, правда?

— Наверное. Когда он приехал в Англию, он знакомился со многими девушками, но всегда говорил мне, что поедет обратно в Эйре, чтобы отыскать там ту, которая станет его женой. Я все думаю — а может, он нашел ее здесь, прямо в Спайрхэмптоне...

— Все это очень похоже на любовь с первого взгляда. Я не знала, что так бывает на самом деле, — задумчиво сказала Лин.

— Бывает! По-моему, почти так же случилось и с нами... со мной, я хочу сказать. — Он не спускал с нее глаз, не позволяя ей отвернуться. Он мягко продолжал: — Лин, Лин, мы ведь сейчас поговорим об этом, правда? О нас с вами?

— Да, Том. — Она не могла решиться, но потом очертя голову бросилась в неизбежное. — Понимаете, когда вчера вечером я вам сказала, что вылечилась от своего чувства к Перри, вы подумали, что... что... — Нет, это было невозможно трудно.

После маленькой паузы он попытался подсказать ей:

— Что в вашем сердце найдется уголок и для меня? Я не знаю, Лин! Может быть, я даже не столько думаю так, сколько надеюсь на это. Вчера вы были так прекрасны — я был просто на вершине блаженства. Но сегодня я весь день думаю и думаю — если бы вы действительно были моей, мне не нужно было бы ломать голову, терзаться, надеяться — я должен был бы *знать!*

— Да, конечно, вы должны это знать, — рассудительно ответила Лин.

— Значит, вы хотите сказать мне, что мне не на что надеяться?

— Я хочу сказать только одно: то, что я освободилась теперь от Перри, совсем не значит, что я готова... готова снова влюбиться.

Она тут же пожалела, что сказала это в такой форме, потому что Том тут же схватился за эту тонкую ниточку надежды, которую он почему-то увидел в ее словах:

— Значит, если я буду ждать... я хочу сказать, что сейчас вы никого больше не любите?

Она опять колебалась, как ему сказать, зная, что уклончивость — казалось бы, такой удобный путь — только дает Тому новую надежду, поощрять которую она не имела права. Наконец она медленно проговорила:

— Я ввела вас в заблуждение, когда сказала, что я не готова снова полюбить. Я и не думаю, что готова, но, знаете, ведь любовь нас не спрашивает, а приходит сама, когда хочет. — Она сказала это с вымученной улыбкой.

— Тогда, значит, есть кто-то другой? Кто не отвечает вам взаимностью?

— Кто даже никогда не думает обо мне в этом свете. Глупо, правда?

— Бедная моя Лин! Не повезло вам! — Щедрая душа Тома тревожилась теперь только о ней, забыв про свое разочарование. Ему было горько, он был расстроен и все же нашел в себе силы постараться помочь ей. — Вам хочется сказать мне, кто этот человек, или вам легче не говорить?

— Наверное, лучше не надо. Мне кажется, если я твердо решу не думать об этом и не говорить, даже вам, я скорее справлюсь с этим. Мне кажется, это здравый подход, правда?

Он грустно смотрел на нее:

— Боюсь, что это не так. У меня... о вас... Нет, не думаю, что это когда-нибудь поможет. Но вы можете попытаться.

— Думаю, что справлюсь. — Она улыбнулась ему и мягко положила свою руку на его. — Мы с вами теперь почти в одном положении, да?

— И у нас будет все по-прежнему? Мы останемся друзьями, я хочу сказать?

— Но будет ли это справедливо по отношению к вам, Том? — возразила она.

Но Том не принимал никаких возражений.

— Если мне хорошо, то вам не нужно возражать, — сказал он. И затем, перейдя к шутливому тону, добавил: — Кроме того, возможно, на нас двоих ляжет задача направить корабль Кэррона — Хорган в спокойную гавань. Не выбро-

сите же вы меня за борт, пока мы не доведем этого дела до конца?

Лин засмеялась:

— Кажется, они пока благополучно идут под собственными парусами, если хотите знать.

Все хорошо. Том оказался тем добрым, великодушным другом, каким она его и считала. А дружба так помогает там, где любовь остается без утешения!

Было уже совсем темно, и начинали показываться звезды, когда она и Уорнер Бельмонт вышли из собора после окончания рождественского концерта.

Он обменялся с ней только несколькими словами, когда оставил ее у большой колонны подождать, пока приведет машину с места стоянки. Как ни странно, хотя она так остро ощущала его присутствие рядом с собой во время всего концерта, сейчас она почти и не заметила, что он ушел.

Слишком полна была душа волшебством музыки, которую она слушала и чувствовала, будто она рождается в ней самой. Замерли последние мощные аккорды большого органа, а она еще слышала их в мыслях и ощущала душой. Она медленно пробуждалась к повседневности окружающего мира, но когда увидела прихожан, толпой выходящих из дверей собора и расходящихся по лужайкам вокруг него, направляясь домой, то почувствовала какой-то комок в горле.

Вся сущность человеческого одиночества была в этом. Только сейчас, ненадолго, Лин еще была частью этой огромной толпы, объединенной общим чувством, — а теперь она уже почувствовала, какой тонкой и хрупкой была эта связь. Все эти люди — опять они были чужими, хотя совсем недавно, в соборе, они и она были одно. Лин представила себе, как все идут по своим последним делам, торопясь купить подарки по секрету от близких; как отцы и матери ухитряются переправить втайне от детских глаз елки в детскую; как дети старательно завязывают коробочки с подарками для родителей неумелыми пальчиками; как во всех уголках города молодые люди собираются на веселые вечеринки в сочельник, а над всем этим в небесах таится чудо приближающейся ночи.

Рождество почти для всех означает уют родного дома, кроме тех, у которых, как у нее, его нет. Комок в ее горле

стал больше, когда она вспомнила другие сочельники в те времена, когда они отчетливо ощущались в атмосфере родного дома и семьи, в чувстве необходимости друг другу и взаимной любви...

— Извините, что долго,— сказал Уорнер, открывая перед ней дверь автомобиля и усаживая ее впереди. — Надеюсь, вы не замерзли?

— Ничуть, спасибо.

— Все равно, похоже, что похолодает... Рождество! Как вам понравилась служба?

— Это что-то незабываемое! — пылко сказала она.

— Да, замечательно трогательно, — согласился он. — Скажите, какой ваш любимый гимн?

— О, даже не знаю, какой лучше... «Придите ко мне, верующие» — просто чудо.

— Да, самая сущность поклонения! А знаете, я страшно люблю мелодию и ритм «Восточных королей»: «Мы, три восточных короля издалека...» Я редко могу устоять перед искушением тоже запеть с ними, когда заканчивают произносить первый стих и вступает хор.

— Я думаю, что это не грех, — засмеялась Лин, — по моему, все начинают подпевать.

— А как вам гимн о Венцеславе? Или уж дети его чересчур часто поют и совсем замучили?

— Конечно, но все-таки я и его очень люблю. Его всегда хочется слушать.

— Да, верно... «Тихая ночь, святая ночь»?

— О, вот, наверное, это и есть самый любимый гимн, — серьезно сказала Лин.

— И мой тоже, мне кажется. Для меня он символизирует все то, что я называю *близостью* Рождества, тот факт, что почти две тысячи лет назад стояла эта Ночь всех ночей, даже один Момент из всех других моментов, и все же оба они — Ночь и Момент — опять с нами, здесь.

— Вы хотите сказать, что дух Рождества не имеет пределов времени и границ и что в эту ночь он опять везде с людьми?

— Да. — Он добавил, помолчав: — Для меня этот дух — детская, лишенная всяких сомнений вера, живущая в глубине каждого сердца, — лучше всего выражен в небольшом стихотворении Томаса Харди «Волы». Вы его знаете?

Лин не знала, и он продолжал:

— Оно очень короткое. В нем говорится, что еще маленьким мальчиком как-то в канун Рождества он услышал от взрослых о старом поверье деревенских жителей, что в сочельник, в самую полночь, даже волы встают на колени в своем хлеву...

Он внезапно замолчал, и Лин, посмотрев на него, заметила, что машина стала тормозить. Оказалось, они подъехали к перекрестку дорог. Одна дорога уходила к уютному пригороду Спайрхэмптона, другая вела в Бродфилд. Он остановил машину и сказал:

— Знаете, о чем я сейчас подумал? Может быть, вы не откажетесь сделать небольшой крюк и заедете ко мне? У меня есть полное собрание стихотворений Харди, и мне бы хотелось, чтобы вы его прочли. У меня гостит моя старая тетушка, приехавшая на Рождество, и я вас с удовольствием познакомлю с ней. Она любит молодежь. Поедем?

Лин колебалась секунду и тут же сказала, что ей бы очень хотелось.

— Хорошо! И потом я отвезу вас в больницу.

Он жил на втором этаже большого многоквартирного дома. Когда они поднимались на лифте, он сказал:

— Вам понравится миссис Бросертон — моя тетя. Ей уже за семьдесят, она живет в отеле в Карлайте. Она очень смелая и пускается в эту поездку сюда, на юг, с видом старого исследователя, ведущего экспедицию к полюсу. Она это делает, по ее словам, потому, что убеждена: я не должен справлять Рождество, как она выражается, в одиночестве. Да и в самом деле, что хорошего?..

Гостиная оказалась уютной и хорошо обжитой комнатой. Потом Лин стала замечать детали обстановки — глубокие кресла, обитые рубчатой тканью натурального оттенка; горы разноцветных подушек, домотканых и вышитых; цветы — кувшин красной меди с махровыми белыми хризантемами в углу — и книги. Ей было приятно увидеть, что Уорнер соблюдает старинный обычай выкладывать на виду полученные им поздравительные открытки и что у него есть и маленькая елочка в кадке на боковом столике.

Церемония знакомства с миссис Бросертон была совершенно непринужденной: она подставила Уорнеру для поцелуя щеку, который чмокнул ее, и обратилась к Лин:

— Дорогая моя, вы, наверное, очень озябли, но выглядите чудесно. Снимайте-ка пальто поскорее и идите побли-

же к огню. Вы мне нужны — поможете с пышками. Какую сторону надо поджаривать вначале?

Лин на секунду с наслаждением ощутила прикосновение рук Уорнера, снимающего с нее пальто, и сразу же подошла к огню, поближе к старушке:

— Вы меня о булочках спрашиваете? А я и не знаю, есть ли разница.

— Есть, есть. Разве вы не знаете? — Тетя Мели насадила булочку на двузубую вилку и в раздумье вертела ее перед собой. — Если вы вначале поджариваете сторону с дыркой, то, когда помажете маслом, она будет хрустящей. А если другую жарите, то она будет мягкой и пышной. Или же все наоборот, я вот точно не помню.

— Если бы было две вилки, то мы бы могли одновременно поджарить с двух разных сторон и посмотреть, что получится, — предложила Лин. Она все время чувствовала, что Уорнер смотрит на нее, когда она рядом со старой дамой опустилась на колени перед очагом. Странно, но она больше не стеснялась его и чувствовала себя как дома.

— Конечно есть. Уорнер, еще одну вилку из кухни! — В ее голосе чувствовалась та же повелительность, какая была у Уорнера в его молчаливом жесте, которым он требовал у ассистента скальпель в операционной, внутренне улыбнувшись, подметила Лин. Но он послушно заспешил в кухню, выполняя властную команду, и, возвратившись, принес вилку и для себя.

Тетя Мели говорила, обращаясь к Лин:

— Милая, вы должны провести Рождество завтра с нами, если у вас нет других планов. Верно ведь, Уорнер?

Но Лин покачала головой:

— Боюсь, что я завтра должна дежурить.

Глаза старушки опечалились.

— Дежурить в Рождество? Ну, милая, это мало радости!

— Еще меньше — у больных, — сухо сказал Уорнер. — Хотя должен сказать, что вы, сестры, действительно себя не жалеете, чтобы всеми силами скрасить им пребывание в больнице.

— У нас почти все понимают, как они себя чувствуют, находясь в больнице, а не дома, — сказала Лин. — В больнице и так остаются только самые необходимые люди на случай появления экстренных больных. Я буду завтра в детских палатах. Им грустнее всего бывает в праздники. Но

знаете, — добавила она с улыбкой, — вы не думайте, что мы чувствуем себя мученицами. Мы тоже радуемся со всеми.

Уорнер подошел к книжным полкам и возвратился с тонкой книжечкой в кожаном переплете, страницу которой он заложил пальцем. Он протянул ее Лин, но она, повинувшись внезапному импульсу, сказала:

— Может быть, лучше вы его прочтете? Мне бы хотелось...

— Как угодно. — Он оперся о спинку дивана, на котором она сидела. Его руки, держащие книгу, были рядом; если бы она повернула голову, она могла бы коснуться их щекой.

...Лин слушала стихи, потрясенная и чистой верой, звучащей в них, и его глубоким серьезным голосом.

Дочитав четвертую, завершающую строфу, он замолчал, а потом, как бы про себя, повторил:

— «Надеюсь, что это так...» В этом для меня вся суть христианской веры.

Лин склонила голову, как бы соглашаясь с ним. Она не могла говорить. Она все время думала, что после самых первых мгновений, когда она все больше и больше внутренне тянулась к этому человеку, наконец пришло то, чего ей больше всего хотелось, — узнать его глубже, через его мнения, через его любимые книги, через все, что ему наиболее дорого. И сегодня, почему-то казалось, он приглашает ее войти в этот заколдованный круг, проникнуть в который она раньше лишь мечтала. И она молчала и молчала, боясь разрушить это волшебство.

Глава 7

Пэтси быстро поправлялась и с середины января могла считаться вполне здоровой. У Лин были основания считать, что Майкл Кэррон приезжает навещать ее почти во все дни разрешенных посещений. Не раз, заходя к Пэтси, она заставляла обоих, погруженных в настольные игры вроде «Вверх-вниз» или «Лудо», которые Пэтси обожала, говоря в объяснение: «Мой природный ум никогда не позволяет мне выигрывать, где нужно соображать; но там, где нужно бросать кости, ирландское счастье всегда меня выручает!»

Отец Пэтси приехал из Ирландии, чтобы забрать ее домой для отдыха, который ей полагался после болезни, прежде чем она вернется к своим обязанностям. Чтобы она не утомилась от долгого путешествия к себе в Голуэй, они договорились, что остановятся на ночевку в Дублине, в доме у Майкла. Самого Майкла там уже не будет, но Лин сказала, что это удачная идея, спросив у Пэтси, довольна ли она и волнуется ли, что познакомится с сестрами Майкла. Но оказалось, что Пэтси смотрит на эту перспективу с мрачной тревогой:

— Целых три сестры, — хмуро сказала она, когда Лин помогала ей укладывать вещи в дорогу. — Дублинские девушки, — добавила она мрачно и загадочно, как если бы это многое объясняло.

— Ну и что ж такого? — не понимая, спросила Лин.

— Что такого?.. А то, что все дублинцы ходят задранным выше головы, такие они, видите ли, важные и разодетые! Я спросила у Майкла: «Скажи мне, где, интересно, твои сестры покупают себе платья?» А он сказал: «Ну, где... На Грэфтон-стрит, где же еще?» Так что сама видишь, какой у них уровень и как мне придется тоже стараться не ударить в грязь лицом — это мне-то, у которой все платья шила одна женщина в Клэнмое? Все до одного, кроме того розового, что ты не позволяешь мне надевать!..

Лин подавила смех.

— Ну, Грэфтон-стрит — это не Пятая авеню или рю де ля Пэ! — возразила она.

— Может, оно и так, но...

— Ну хорошо, если это и так, ты думаешь, Майклу не все равно, где ты одеваешься — в Клэнмое или на Грэфтон-стрит? Да когда он в первый раз увидел тебя после операции, ты была со вкусом одета в неотбеленную бязь, завязанную на шее тесемками! — отпарировала Лин, не щадя ее.

Пэтси застыла, держа платье в руках:

— Неужели? Я не помню.

— Да! Он в первый же день приехал и так упрасивал, чтобы ему разрешили увидеть тебя, что сестра позволила ему заглянуть одним глазком в щелку, когда ты еще спала. И поверь, дорогая Пэтси, ты была не в лучшем виде тогда.

— О боже! А что он сказал?

— Сестра не доложила об этом. Но, правда, сказала, что он смотрел на тебя чуть ли не с молитвенным выражением.

— С молитвенным?!

— Да. Так сказала сестра. Больше я ничего не знаю. — И Лин низко нагнулась над чемоданом Пэтси, чтобы скрыть свой смех над ее пораженным молчанием, показывающим, какое глубокое впечатление на нее произвело это наблюдение сестры. Во всяком случае, она благополучно уехала на следующий день, и вскоре Лин получила от нее первое письмо, которое ее полностью успокоило, потому что Пэтси писала, что сестры Майкла — совсем не гордячки и очень славные, почти как сам Майкл.

Несколько дней спустя после отъезда подруги Лин с удивлением узнала, что ее вызывают в кабинет к начальнице. Она мысленно быстро перебирала свои возможные грехи и нарушения правил, но никак не могла догадаться о причине вызова.

Но степенная улыбка и радушная манера начальницы сестринского корпуса сразу же успокоили ее. Пожилая дама серьезно сказала:

— Я вызвала вас сюда, сестра, чтобы сказать вам о своем решении порекомендовать вам собственную палату — с понедельника вы назначаетесь в палату Принстон. Вы будете исполняющей обязанности старшей сестры только вначале, а затем, если ваша работа докажет, что вы достойны этого, вы будете официально утверждены как старшая сестра.

Собственная палата! О, это стоило всей тяжелой и нудной работы младшей сестры, всех разочарований и скучной рутины, иногда казавшейся бесконечной. Теперь у нее будут некоторые привилегии и новые права. Но тут вдруг все эти быстро мелькающие мысли оборвались, и сердце у нее упало. Ведь это означает и конец ее работы в операционной, конец ежедневных встреч с Уорнером Бельмонтом!

Она знала, что начальница ждет от нее ответа, но пока она с трудом пыталась найти тактичные фразы, чтобы отказать от этого выдвижения, сказать ей, что лучше она останется на прежнем месте, та неуклонно продолжала:

— Я признаю, что в качестве первого места в новом звании Принстон, с его репутацией несколько трудной палаты, явится для вас чем-то вроде испытания. Я надеюсь, что вы оправдаете мое решение назначить вас туда и будете смотреть на вашу работу там как на настоящий вызов ва-

шим способностям. Но хотя я чувствую, что вы готовы к этому выдвижению, не менее важно, чтобы это почувствовали и вы сами. Что вы мне ответите, сестра?

Лин еще не знала, что сказать, и боялась, что ее нерешительность будет замечена начальницей и та посчитает, что она не уверена в себе.

Может быть, поэтому она так тщательно выбирала слова, говоря с ней, и Лин, к собственному удивлению, почувствовала, что она понимает старую даму.

Вызов ей, ее способностям! Да, именно так она будет теперь воспринимать эту возможность освободиться от сладкой горечи порабоощающего влияния Уорнера Бельмонта на ее мысли и жизнь, раз из этого для нее не может ничего получиться. Она примет предложение начальницы перейти в палату Принстон. Потому что... вдруг Уорнер — и при этой мысли ей стало чуть ли не плохо, — вдруг он услышит, что кто-нибудь истолковывает ее отказ от повышения по службе лишь желанием оставаться поближе к нему? Если это случится, что он будет думать о ней? Впрочем, тут нечего было и задавать такой вопрос — она знала, что он даже не попытается скрыть свое неблагоприятное мнение о ней.

Она спокойно сказала:

— Я очень благодарна вам, мэм. Я сделаю все, что могу, работая в палате Принстон.

— Хорошо. Вы становитесь самой молодой старшей сестрой в нашей больнице. Конечно, были и другие претенденты на это место, но, наверное, мне стоит сказать вам, что ваша смелость в решении вернуться снова сюда и ваш твердый выбор сестринского дела как профессии после ваших больших личных переживаний делают вам честь и оправдывают мое решение выбрать именно вас.

Лин возразила:

— Но я всегда любила эту работу, мэм. Мне не хотелось оставлять ее даже ради...

— О, разумеется. — Начальница поднялась, двинулась к двери и открыла ее. — Но я так понимаю, хотя и не из ваших собственных слов, что перед тем, как вернуться назад, у вас была серьезная внутренняя борьба, в которой победила сила вашего собственного характера...

И при этих словах Лин внезапно оказалась по другую сторону двери, мягко, но решительно затворившейся за ней.

Она была права! Они никогда не обсуждали обстоятельства, которые привели ее к решению вернуться на старое место в Бродфилд. Но тогда каким образом начальница узнала обо всем этом, если... У нее забилося сердце... Если не через Уорнера Бельмонта? Лин покраснела, вспомнив, как он тогда вмешался со своим жестким непрошеным советом. По крайней мере, он дал возможность начальнице поверить, что окончательное решение было принято ею самостоятельно. Но как мало она заслуживает этого!

Палата Принстон была «трудной», как сказала начальница, не столько из-за ее величины или сложностей работы, сколько из-за ее обитателей. Собственно, палата была не так уж и велика, в ней было не более десяти кроватей, зато в них лежали мальчики-подростки. Народ был более чем живой, склонный к бойкости и дерзости с нянями, и Лин увидела, что поздравления от коллег были смешаны с немалой долей сочувствия к ней. В самом деле, любители поострить вспоминали всякие жуткие повествования кое о ком из сестер этой палаты, которых в свое время уносили в состоянии полной невменяемости прямо в психиатрическое отделение.

Но только Нора Фейерс ухитрилась подпустить дозу яда в свои поздравления, добавив:

— Операционная без вас заскучает.

— Ну, не считаю себя незаменимой, но все же надеюсь, что меня будут помнить, — ровно ответила Лин.

— Но наверное, все же не так, как вы их?

— Судя по отзывам, работа в Принстоне занимает весь день, и на сожаления едва ли останется время, — хладнокровно парировала Лин, надеясь в душе, что Нора сама не подозревает, насколько она близка к правде.

— Но значит, сожаления все-таки будут? — хитро спросила Нора. — Я думаю, что они и должны быть, если вы достаточно ценили вашу близость к некоторым хирургам. В Принстоне, поскольку это терапевтическая палата для выздоравливающих, вряд ли будут те же возможности для личных контактов подобного рода!

Лин даже проглотила комок в горле, поворачиваясь к ней и говоря:

— Если бы вы когда-нибудь работали в операционной, вы едва ли бы возразили, что в группе бесформенных фигур, закутанных в халаты и маски от пяток до глаз и рабо-

тающих при температуре бог знает сколько градусов, есть что-то восхитительно личное! — сказала она.

Но Нора ответила только скептическим смешком, и Лин почувствовала, что ее отповедь не имела такого успеха, как она надеялась.

В воскресенье Лин отправилась в палату Принстон, чтобы заранее ознакомиться с обстановкой и воспользоваться советами уходящей оттуда сестры Оллмен. Она пришла в тихий час, когда предполагалось, что больные должны лежать в постелях, но, когда они вошли в палату, из-за задернутых занавесок послышался тихий топот и как будто столкнулись несколько человек, бегущих к своим кроватям.

Сестра Оллмен пригвоздила одного из провинившихся внимательным взглядом.

— Аллан, ты вылезал из кровати! — сказала она строго.

— Нет, сестра!

— Я видела, как ты бросился в кровать, когда я вошла.

— Это у меня только одна нога была не в кровати...

Это остроумие вызвало всеобщее хихиканье, и даже Лин хотела улыбнуться. Сестра наклонилась, чтобы подоткнуть одеяло привычной рукой, прошептав Лин на ходу:

— Они страшно любят эти нагловатые ответы. Но вам нельзя подавать вид, что вы обращаете на это внимание, потому что, если они увидят, что вам это не нравится, вам спасу не будет.

Лин пообещала усвоить это и затем, когда они обходили все кровати, сосредоточилась, пытаясь запомнить подробности истории болезни каждого мальчика. Сама палата была светлой и очень приятной; в данный момент здесь было занято только несколько кроватей. Дальний конец палаты был отгорожен. Сестра Оллмен объяснила, что эту часть палаты держат как резервную на случай поступления пострадавших при чрезвычайных происшествиях, но что она еще ни разу не использовалась по назначению с тех пор, как она здесь работает.

— Я думаю, что в этих случаях штаб по чрезвычайным ситуациям должен прислать сюда и своих медиков, а что касается вас, вы должны работать с нашим персоналом, в том числе и с младшей сестрой и двумя практикантками.

Лин понравился ее будущий кабинет, рядом со входом в палату, которую можно было видеть через внутреннее стеклянное окно кабинета. Здесь она будет советоваться с тера-

певтами и хирургами, писать отчеты и принимать родственников больных, если им нужно будет поговорить с ней. Она почувствовала приятное волнение при мысли о том, как она украсит кабинет какими-нибудь своими вещами: например, на подоконник поставит керамическую вазу с цветами; дорожные часы — подарок Тома — очень пригодятся здесь. А может быть, ей удастся подобрать какой-нибудь хорошенький чайный сервиз.

Сестра Оллмен заваривала чай. Некоторое время они говорили на чисто профессиональные темы и о палате, а затем сестра сказала задумчиво:

— Знаете, все-таки странно думать, что завтра меня уже не будет касаться то, что происходит в этой палате!

— Вы увольняетесь, значит?

— Да. Я выхожу замуж. Можете себе представить, с каким трудом я пытаюсь ничего не забыть? Надеюсь, что я ничего не забыла рассказать вам, Эсолл!

— По-моему, вы рассказали мне все. Я считаю, что вы полностью ввели меня в курс дела.

— Я рада, если это так, дорогая. Во всяком случае, я уверена, что у вас все пойдет успешно. Вы единственный человек, кому я со спокойной душой передаю палату.

— А вам не жаль уходить отсюда? Я помню, я очень жалела, — сказала Лин не подумав.

На лице ее собеседницы внезапно показалось пристыженное выражение.

— Дорогая моя, я ведь совсем забыла, что вы... Поверьте, мне совестно за мою бестактность.

— О, пожалуйста, не надо. В тот момент мне было очень плохо, но я ни разу не пожалела, что вернулась сюда, в больницу. А теперь, когда мне поручили Принстон, я чувствую, что у меня впереди самое интересное.

На следующее утро во время завтрака отключили электричество. Конечно, в Бродфилде была автономная аварийная станция, но, пока переключались на эту систему, весь обычный распорядок дня немного сбился с ритма.

В столовой кто-то ворчал над тарелкой с холодной овсянкой:

— Странно, почему это случается всегда по утрам? Я думаю, что ночные дежурные сговорились с электростан-

цией и у них есть прекрасная причина не доделать все к нашей смене.

Лин уныло сказала:

— А у меня сегодня как раз первый день работы в новой палате.

— Что делать, милая, такова жизнь — слышали такое изречение? — добавил кто-то саркастически, и посреди общего смеха Лин, доев свой завтрак, встала из-за стола и вышла.

Как она и опасалась, все утренние процедуры в палате шли с опозданием; и она поняла, что ей и ее подчиненным придется работать изо всех сил, чтобы нагнать упущенное, если они хотят доделать все к обычному времени докторского обхода.

Когда она вошла в палату, то немедленно стала объектом комментариев больных.

— Гляди, вот наша новая сестра!

— Нет, это не она!

— Она! Та самая, что вчера приходила и смотрела нас...

— А она куда красивее, чем наша Оллмен, правда?

Слыша все это, она сочла за лучшее не подавать виду, хотя все замечания были явно рассчитаны на ее реакцию.

Вместо этого, она поочередно обошла всех мальчиков, спрашивая, не нужно ли им что-нибудь и что передать от них родным, если они будут звонить. Закончив обход, она собралась идти к себе в кабинет, когда в дверях палаты навстречу ей показалась каталка, сопровождаемая незнакомым практикантом и санитаром.

— Что это? У меня не должно быть новых больных сегодня, — спросила Лин. — У нас нет готовой постели.

— Его переводят из мужской хирургической палаты, сестра. Это пациент мистера Бельмонта, — ответил практикант. — С этого утра он должен быть в вашей палате.

— Но нас не уведомили, — начала было Лин и замолчала, посмотрев на мальчика, лежащего на каталке. Это был Джонни Бейнер, лежащий с широко открытыми тревожными глазами; он словно боялся, что спор, идущий над его головой, окончится тем, что его не пустят в палату.

Лин успокаивающе погладила его по плечу:

— Не беспокойся, Джонни. Сейчас мы тебе найдем место. — Обращаясь к практиканту, она сказала: — Везите его в палату и поставьте пока там, где нет сквозняка; а я схожу позвонить в мужскую хирургию.

Но никто не посочувствовал ей по поводу того, что палата Принстон не была извещена заранее о переводе в нее Джонни.

Сестра из хирургической палаты лаконично ответила:

— Он переведен по приказу У.Б. И вам вчера сказали об этом, чтобы вы утром его ждали.

— Мне не сказали, потому что я приняла палату только сегодня, и в журнале за вчерашнее число нет такой записи, — настаивала Лин. Она догадалась, что, видимо, это было той вещью, которую сестра Оллмен все-таки не вспомнила, и от всей души надеялась, что этим ее забывчивость ограничилась.

— Ну, милая, это вы должны ломать себе голову, как быть. Вы что, хотите сказать, что у вас нет свободных кроватей?

— Да. Вообще, есть две, но обе для больных, которые поступят днем. Неужели вы не могли прислать мальчика пораньше, сестра? Ведь вот-вот начнется докторский обход.

— Ну конечно, мы должны были раньше сделать это. Но в нашей палате хаос — ну, полный хаос — из-за отключения света. И теперь уж все равно он у вас, и я вам советую занять одну из этих постелей — быстро! А тех дневных больных потом как-нибудь устроите. Знаете, почему? Потому что приказ У.Б. был — поместить Джонни Бейнера у вас к тому времени, как он — У.Б. то есть — придет лично проследить, как ему проводят лечение прогревом. А так как упомянутый джентльмен уже у нас, то надо думать, что потом он пойдет сразу к вам.

— Господи!.. Спасибо, что сказали! — Лин положила телефонную трубку, бросилась в палату, чуть не наткнулась на аппарат, который катили по коридору.

— Мы немножко не готовы для вашей процедуры, — запыхавшись, сказала она физиотерапевту. — Вы можете немного подождать?

— Я-то могу, — улыбнулась девушка. — Но ведь вы знаете, что мистер Бельмонт сейчас придет?

Лин кивнула и вошла в палату, приняв спокойный вид, который скрывал ее тревогу. Но она сталкивалась с сестрами, которые теряли голову и беспомощно разводили руками, заражая всех окружающих чувством собственной паники, уже совершенно не соответствующей породившей ее причине. Она подумала, как было бы хорошо, если бы

это был какой-нибудь другой хирург, но не Уорнер Бельмонт. Но она решила, что никто — ни один человек — не должен догадаться, как важно для нее, чтобы именно сейчас все прошло гладко.

Она организовала кровать для Джонни, отослала прочь каталку и была готова к встрече Уорнера, когда он вошел в палату.

— Доброе утро... сестра! — Он бросил мгновенный взгляд на белую вуаль, символизирующую новый ранг Лин и заменившую форменный чепчик младшей сестры только сегодня утром. Она почувствовала огромное желание — как уже было один раз раньше! — чтобы он забыл про этикет и сказал ей что-нибудь более дружеское и теплое. Но он продолжал: — У вас здесь мой больной, переведенный из мужской хирургической палаты. Но мы ведь оба знаем этого мальчика — Бейнера.

— Да, он здесь. — Она подвела его к кровати Джонни как раз в тот момент, когда ее помощница положила грелку между простыней и поставила кувшинчик с лимонадом ему на тумбочку.

От его взгляда не ускользнули эти запоздалые манипуляции, и он, быстро взглянув на Лин и щупая пульс Джонни, резко спросил ее:

— Надеюсь, у него было время привыкнуть к обстановке? Я назначил ему лечение, проводимое при мне, и я бы не хотел, чтобы моих больных сразу кидали под аппарат, не дав им возможности осмотреться.

На какой-то момент у Лин было искушение уверить его, что у Джонни было достаточно времени, чтобы отдохнуть после перевода его сюда. Но она не хотела лгать и, прямо посмотрев ему в глаза, сказала:

— Нет, он поступил к нам как раз перед вашим приходом.

— Я так и думал. Но я понял, что переводы из одной палаты в другую обычно делаются с самого утра, как можно раньше?

— Да, думаю, что обычно так и делается, — спокойно ответила Лин. — Но сегодня утром у нас отключили электричество, и из-за этого в каждой палате весь распорядок сдвинулся.

— Я все-таки думаю, что подобные непредвиденности бывают достаточно часто, чтобы научиться примиряться с

ними, — без всякого сочувствия сказал Уорнер. — Вы что же, значит, считаете, что виновата мужская хирургическая палата, что так поздно отправила к вам пациента?

— Не совсем, — призналась Лин честно. — Боюсь, что я не получила извещения о его переводе к нам или о том, что вы будете присутствовать во время лечения. Если бы я знала, я бы сама послала туда каталку за ним.

— А почему же вам не прислали извещения?

— Оно должно было быть записано в журнале за вчерашний день, но записи там не было.

— Так чья же это вина? — Один безжалостный вопрос следовал за другим.

— Сестра, сдавшая дежурство, должна была меня предупредить устно или сделать запись в журнале.

— Значит, она должна подвергнуться взысканию. Кто она?

По губам Лин пробежала еле заметная улыбка.

— Это была сестра Оллмен. Но вчера вечером она уехала насовсем — она выходит замуж.

— Что, по-вашему, конечно, извиняет ее упущение? Боюсь, что, по-моему, ничуть! Очень хорошо, сестра. Можете готовить Бейнера к сеансу. Я хочу посмотреть, как это будет проходить у него, но, если у вас есть дела, я вас больше не задерживаю.

Жалея, что ее так уязвили его слова, звучавшие, как будто он прогнал ее с глаз долой, Лин пошла обратно в свой кабинет, и оказалось, что там сидит Том Дринан, собирающийся навестить своего больного.

— Здесь У.Б., следит за сеансом лечения, — зачем-то доложила она Тому.

— Да, я знаю. Можно, я подожду здесь, пока он не уйдет? Кстати, как наш гений сегодня настроен?

Лин состроила гримаску:

— Не в восторге от порядка в палате, по-моему.

— В вашей палате? Но ведь это несправедливо! Вы только что приняли палату, — возмущенно проговорил Том. — Интересно, существует ли для него чисто человеческая сторона дела?

— Насколько это касается работы, для У.Б. человеческий элемент как таковой вообще не существует, — провозгласила Лин, садясь рядом с Томом у окна.

— Пожалуй... — В голосе Тома звучало что-то близкое к сомнению. — И все же, Лин, у него должны быть обычные

человеческие симпатии, просто он всегда умеет их глубоко прятать.

— Почему вы так думаете?

Лин знала, что опасно обсуждать У.Б. в таком тоне, как будто он ничего не значит для нее. Рано или поздно какая-нибудь неосторожная нотка в ее голосе может ее выдать. Когда Том говорил, она уловила слово «доброжелательность». Вдруг она почувствовала, как важно для нее, чтобы к Уорнеру Бельмонту — человеку, которого она любила, — относились бы с доброжелательностью — и Том, и все, кто его знает. Потому что слушать, как его хвалят, было неизмеримо слаще, чем услышать похвалу самой себе.

Том продолжал:

— Нет, я совершенно точно знаю, что он не жалеет сил, если надо помочь кому-нибудь из наших в больнице. Помогает и советом, и практической помощью. Знаете, Лин, если бы у меня были какие-нибудь затруднения, я бы и минуты не сомневался, что могу обратиться к нему. Я иногда даже думал... — Том замолчал и слегка пожал плечами, видимо прогоняя какую-то давнюю мысль. Потом он опять заговорил: — И еще есть одно... Не знаю, говорила ли вам Оллмен, как она ухитрялась держать в порядке эту озорную ораву, которую теперь спихнули на вас?

— Нет, а как же?

Том фыркнул:

— Ну, с ними не так легко справиться, вы и сами увидите. Но Оллмен обычно грозила им тем, что, если они будут себя плохо вести, она не позовет У.Б. к ним в палату для осмотра.

— Но ведь это не от нее зависит! — сказала Лин, которую слегка покорило от таких дисциплинарных методов своей предшественницы.

— Ну конечно. Но они-то не знают и никогда не решились бы проверить. Одной этой угрозы было довольно. Оллмен говорила, что это было безошибочным средством, мгновенно дающим результаты, потому что вся палата обожает — заметьте, просто обожает! — У.Б., так что ни один мальчишка не решился бы безобразничать, зная, что ему достанется на орехи от других. В общем, изобретательно! Вам тоже надо будет воспользоваться этим, Лин.

Но Лин медленно сказала:

— Я тоже видела, как он умеет ладить с мальчишками. Вы помните, я вам говорила о клубе Денниса Дорна? Так вот, все ребята просто льнули к нему, когда он появлялся среди них.

— Да, это-то и странно. Он прекрасно ладит с мужчинами, для мальчишек — он вообще кумир. Но вот с женщинами — особенно с вами, сестрами, — он все-таки обращается так, как будто вы машины: опустил монетку, и все зачилаго-заработало. Неудивительно, что вас это возмущает.

— Я думаю, что я возмущаюсь не столько им, сколько сама собой, когда он тыкает меня носом, что я не то сделала, не достигла установленного стандарта. — Лин формулировала то, о чем она раньше думала, — что женщина отдает все самое лучшее, когда понимает, что от нее хотят получить только самое лучшее и ничего другого.

— Значит, вам не как с гуся вода, если он начинает уж очень допекать вас своими несправедливыми замечаниями? — спросил Том с любопытством.

Лин грустно улыбнулась:

— Если бы как с гуся вода, я бы так не переживала. Но я думаю, что едва ли найдется хоть одна сестра, которая не чувствовала бы то же самое после разговора с ним.

— Ну, в этом я все же сомневаюсь, потому что не у каждой есть такая самоотверженность и взыскательность к себе, как у вас, хотя У.Б. умеет вызывать такие чувства. А что, наверное, он все-таки вам нравится?..

Том замолк, почувствовав, что вся Лин вдруг застыла в каком-то произвольном движении. Он бросил на нее озабоченный взгляд, но она не смотрела в его сторону. «Вот она, эта опасность, — думала она, — которую я сама, по глупости, навлекла на себя, когда поддалась искушению поговорить с Томом об Уорнере». Гордость заставила ее стараться из всех сил, чтобы любой ценой удержать в тайне свои чувства. Но она напрасно пыталась придумать какую-нибудь тривиальную, обычную уловку, которая бы прозвучала правдиво. И в конце концов первым опять заговорил Том.

Он сказал очень тихо:

— Извините, Лин, но, пожалуй, теперь поздно продолжать скрывать. Похоже на то, что я, сам того не зная, попал на правду. Только ведь он не просто нравится вам?

— Нет, не просто.

— Это он «кто-то», о ком вы мне тогда говорили?

— Да.

Том повернулся и крепко взял ее за плечи.

С внезапным страхом она прошептала:

— Не нужно, Том! Здесь нельзя говорить об этом. Я сейчас на дежурстве...

Но он не обращал внимания и крепко сжимал ее плечи, тревожно и быстро говоря:

— Лин, это хуже, чем я думал! Я не спал ночами, без конца ломая себе голову над тем, кто бы это мог быть. Я перебирал мысленно всех мужчин, которых когда-нибудь видел говорящими с вами. Да, я даже обсуждал вероятность того, что это сам У.Б., хотя сразу же подумал, что вы должны отдавать себе отчет, что здесь не может быть реальной надежды для вас. Прежде всего, он полностью и абсолютно независим по характеру. Я даже как-то слышал его высказывания: он не признает зависимости ни от кого — ни от кого, вы слышите? Он не сказал, но дал понять, что не нуждается ни в чьем совете, помощи, расположении, ни в чем, ни от одного человеческого существа. И как же вы думаете, чем все это окончится для женщины, которая полюбит его? Чем это окончится для вас, Лин? Даже здесь, на этой работе, вы привыкли к тому, что вы нужны, в вас нуждаются многие. Разве у вас у самой в таком случае нет права ожидать от мужчины, которому отдаете свою любовь, того же: чтобы он нуждался в вас?

— Том, вы такой славный, что заботитесь обо мне. Вы наговорили мне так много... Но это ничего не значит для той части меня, которая любит его, — ничего... — Беспомощным жалобным жестом Лин приложила кончики пальцев к вискам, как бы желая утишить невыносимую боль.

Но Том был безжалостен и продолжал не останавливаясь:

— Перри Гарстон обманул вас, Лин. Он заставил вас поверить, что вы ему нужны, хотя это было не так. Конечно, здесь совсем другой случай. Я и сам вам говорил, что У.Б., по крайней мере, никогда не обманет. Но результат этого ужасного увлечения в общем получится таким же — вы тратите свою любовь на человека, который в ней не нуждается. И никогда не будет!

— Том, пожалуйста!.. — Лин попыталась освободиться.

Он снял свои большие руки с ее плеч и мягко положил ладони на ее руки, охватившие лицо. Наступило молчание,

и на мгновение Лин испугалась, что он собирается поцеловать ее. Но он опять заговорил:

— Лин, милая, здесь не время и не место снова говорить об этом. Но вы нужны мне. Вы знаете это, правда?

Потом Лин никак не могла припомнить, кто же из них двоих первым понял, что они не одни. О себе она только знала, что внезапно почувствовала, как электрическую искру, что в дверях появился Уорнер Бельмонт и что Том тоже это заметил. Следующей осознанной мыслью было то, что, появившись он моментом раньше, он бы мог услышать, как они говорят о нем. Но по-видимому, он слышал, как Том назвал ее «милой», и видел, как он взял ее лицо в руки. И снова, как тогда на танцах, вся ее преданность Тому заставила ее почувствовать стыд не за него — только за себя, что ее увидели в такой момент. Она — сестра, к тому же на дежурстве. Заметив жесткие линии вокруг губ Уорнера Бельмонта, означавшие, по ее опыту, осуждение и презрение, она собралась с силами для защиты Тома, хотя не чувствовала достаточной уверенности.

Но к ее удивлению, Уорнер обратился не к ней; он смотрел на Тома.

— Если вы делаете обход, Дринан, я готов, я кончил дела в этой палате.

— Благодарю, сэр. — Коротко взглянув на Лин, Том вышел, оставив их вдвоем.

— Ну, сестра, что-нибудь хотите мне сказать о больных?

— Пожалуй, нет, мистер Бельмонт. Вы хотите, чтобы мы ежедневно записывали данные о Бейнере, новом больном? — Неужели он ничего не скажет? То, что он так подчеркнуто игнорирует сцену, которую нечаянно застал, было бесконечно обиднее, чем самое саркастическое замечание, которое он мог сделать.

— Нет, пока не нужно, если не будет ухудшения. Но я раза два в неделю буду его навещать. Пока же пусть он продолжает свои корректирующие упражнения, может начать даже следующие, после тех, что мы с ним делали у нас в мужской хирургической палате. Я вам пришло инструкции и объяснения. Кстати, что вы о нем думаете?

Если бы Лин была в состоянии, ей было бы приятно почувствовать это признание ее нового ранга. Хирурги-консультанты не спрашивают мнения младших сестер о состоянии их больных! Но она почти и не видела

еще Джонни Бейнера, и все, что она могла ответить, было:

— Я не думала, что он будет так хорошо поправляться. У него просто замечательный прогресс, правда?

— Не более замечательный, чем следовало ожидать при правильном лечении, и даже вообще при лечении. Что касается его выздоровления, то я много работал с ним последние несколько дней, потому что хотел, чтобы он был именно под вашим наблюдением.

— Под моим? Значит, когда я ушла из операционной, вы знали, что я перехожу сюда, в палату Принстон?

— А почему бы мне не знать? В интересах моих больных мне приходится быть в курсе таких вещей. И когда я узнал об этом, я подумал, что, поскольку на нас лежит общая ответственность за его госпитализацию, то мы можем также разделить и удовлетворение от того, что он уйдет от нас здоровым. Поэтому я и поторопился перевести его из моего мужского отделения к вам в Принстон, надеясь, что эта идея будет так же приятна вам, как и мне.

— Я рада. И я так благодарна.

Странно, что в этот момент она действительно чувствовала себя полностью довольной этим подразумеваемым объединением их интересов, пусть даже только в сфере работы. Потом, думая об этом, она перебирала свои воспоминания, копалась в них, тщетно надеясь найти какой-нибудь намек на то, что он воспринимал ее хоть немного как женщину, а не только идеально натренированную сестру. Наверное, все же Том был прав. Редко и неожиданно, но тем более вызывая у нее чувство радости, Уорнер позволял ей заглянуть себе в душу. Так было, когда он утешил и успокоил ее в ночь несчастья с Пэтси. Так было, когда он позволил ей побывать в уюте своего дома на Рождество. Но он не требовал от нее ничего взамен. Ничего, что она так мечтала ему дать.

Она услышала его вопрос:

— Скажите, а вы больше не видели мать мальчика?

— Видела. По-моему, она совершенно успокоилась насчет Джонни. Я специально ходила навестить ее, когда была в Эмберли на Новый год.

В тот раз Том был с ней в Эмберли, приехав в гости после своего карантина. Но сейчас она даже не захотела думать о Томе.

— А, значит, вы были там? А я видел мистера Дорна в клубе, но больше не встречал миссис Дорн. Как она поживает? Наверное, теперь не беспокоится о вас?

— Обо мне?

— Конечно. Когда я был там, мне казалось, она тревожится за вас, но теперь у нее прекрасные планы на ваше будущее.

— Боюсь, что я чего-то не понимаю. Мэри Дорн мой очень близкий друг, и я знаю, что она беспокоилась за меня в определенный период моей жизни. Но вы хотите сказать, что она говорила с вами обо мне? — Лин была в полном недоумении, чувствуя, что он подразумевает больше того, что сказал, и пытаюсь прорваться сквозь этот туман недоговоренности к истинному значению его слов.

— Да. Пока мы были одни с ней в Эмберли, она заговорила на эту тему. Не я. Но у меня сложилось впечатление, что у нее в отношении вас появились определенные надежды...

— Извините, но я все еще не понимаю... — Лин чувствовала, что у нее пересохло в горле.

— Неужели не понимаете? Да, сейчас мне пришло в голову — слишком поздно, — что я, вероятно, злоупотребляю доверием Мэри, заговорив об этом. Если так, то раскаиваюсь и прошу вас извиниться за меня перед миссис Дорн. Хотя теперь, когда ее планы в отношении вас, по-видимому, сбываются, я не поверю, что она будет так уж сердиться.

Он резко повернулся и вышел из комнаты. Слушая, как замирает звук его шагов по каменному полу коридора, Лин инстинктивно почувствовала, что, хотя он нарочно пытался скрыть значение своих слов в туманных выражениях, между ними все-таки промелькнуло что-то важное. Но что это было, она не знала.

Глава 8

Лин чувствовала, что она не может ждать своего свободного дня, чтобы поехать в Эмберли. Надо было выяснить у Мэри, что именно было сказано ею в разговоре с Уорнером. Она не хотела писать об этом в письме, потому что это могло заострить на теме ненужное внимание... Гораздо проще бывает поговорить о чем-то,

небрежно упоминая интересующую тему, чем написать. И она позвонила Мэри по телефону, предложив ей встретиться на днях в Спайрхэмптоне и вместе посидеть за кофе.

Мэри впервые была в этом месте — том же самом ресторане, где Лин когда-то сидела с Пэтси, прежде чем вернуться в Бродфилд. Когда Лин подошла к ней, она пошутила:

— Знаешь, я сидела и думала, не обанкротится ли ресторан, если не будет вас, бродфилдских. А ты заметила, что ты никогда не предлагала мне встретиться где-нибудь в другом месте?

Лин, придвигая к себе стул, сказала:

— Если хочешь, мы можем пойти куда-нибудь еще. Видно, у нас уже образовалась привычка ходить именно сюда. Тут всегда тепло, кофе действительно похож на кофе, и официанты не парят над столами, как коршуны, мечтая, чтобы вы поскорее вымелись отсюда. Так останемся или пойдем?

Мэри поудобнее устроилась в кресле:

— Конечно останемся. Я ведь так, только поддразнила тебя. В самом деле это самое уютное место в городе. Потом, я просто обвешана покупками для дома. Я была на распродаже, и теперь у меня нет ни малейшего желания двигаться.

Лин взяла сигарету, предложенную ей Мэри, и осмотрелась вокруг, ожидая, когда подойдет официант. Засмеявшись, сказала:

— Не знаю, почему ты ворчишь, что бродфилдские медики монополизировали весь ресторан. По-моему, сегодня я тут единственная из Бродфилда. Впрочем, нет, не совсем. Еще один образчик, вон там, — Нора Фейерс, наш фармацевт.

— Которая? — Мэри проследила за взглядом Лин. — Ах, вон та? Брюнетка с ехидным лицом? Господи, не хотела бы я, чтобы такая особа готовила мне лекарство. А это кто там с ней? О, но ведь, конечно, это...

Лин снова посмотрела:

— Да, это мисс Адлер.

— Но каким же образом?..

— Они родственницы, какие-то кузины или что-то вроде, и, кажется, они в довольно дружеских отношениях.

Мэри вздохнула:

— Я, конечно, неприлично пялюсь, но в самом деле не могу отвести глаз. Посмотри на меха этой Евы Адлер, только взгляни! Лин, ну почему у одной женщины есть все — красота, прекрасный голос и большие деньги?

— Я думаю, что деньги — следствие обладания таким голосом и что ей приходится много работать с ним. А красота... да, это, конечно, дар. Но ты бы поменялась с ней, Мэри?

Мэри сделала гримаску и постучала пальцем по одному из пакетов:

— Когда мне приходится дожидаться распродажи белья, чтобы купить даже хлопковые простыни, признаюсь — да, бывает искушение. Но нет, конечно нет, не поменялась бы. Я бы не обменяла Денниса или приход ни на что в мире!

— Я так и думала, что нет, — улыбнулась Лин. — А кроме простыней, купила что-нибудь интересное? Покажи!

— Знаешь, я бы купила чудный костюм, если бы Деннису не были позарез нужны рубашки. Шерстяные вещи вполне могут подождать — все равно уже скоро весна. А вот я купила остаток «мокрого» шелка на блузку, смотри...

Обе углубились в уютную женскую болтовню о покупках Мэри, и только тогда, когда Мэри снова упаковала свои свертки, Лин вспомнила, что она еще и не приступила к тому «случайному» вопросу...

Наконец она беззаботно спросила:

— Мэри, ты помнишь тот уик-энд, что я провела у вас с Дэннисом, когда мистер Бельмонт приходил к ленчу, а потом мы все поехали вечером в Дигбет-клуб?

— Помню, конечно. Том Дринан должен был приехать вместе с тобой, но вместо этого попал в карантин. А в Новый год ему понравилось у нас? Как по-твоему? — Мэри смотрела на нее с беспокойной заботливостью.

— О, еще как, очень понравилось — и ему и мне. Но вот тогда, Мэри, — и не говори мне, что, мол, это не мое дело, — в тот раз ты что-нибудь говорила обо мне мистериу Бельмонту?

Мэри нахмурилась, припоминая:

— Да. Да, говорила. Помнишь, накануне ты мне сказала, что ты в самом деле перестала мучиться из-за Перри? А я была так рада за тебя, что мне хотелось поговорить с кем-нибудь, кто тоже знает тебя и кто хорошо относится к тебе. Конечно, я сразу не поняла, пока не стало слишком поздно,

до чего он не человек, а какая-то рыба холодная! Я потом сказала Деннису, что, может быть, он и прекрасный хирург, но, по-моему, абсолютно лишен всяких человеческих чувств!

— Ты что, хотела, чтобы он вслух пожалел меня? — тихо спросила Лин.

— Конечно нет. К тому времени ты уже не нуждалась ни в чьем сострадании. Ты справилась со всем сама. Но когда я сказала, что ты стала счастливее, он спросил: «В самом деле?» — или что-то в этом роде. Ну, и я прямо растаяла и сказала, почему ты стала счастливее, по моему мнению, — из-за Тома!

— Из-за Тома? Но, Мэри, я же сказала тебе, что между Томом и мной ничего такого нет — и вообще, даже и не может быть!

— Я знаю, но это было до того, как ты начала забывать Перри, и я подумала, что со временем ты и Том... Я хочу сказать, что была так рада, когда ты спросила у меня, можно ли привезти его к нам в Эмберли. Он тогда не мог приехать, но на Новый год ты ведь появилась с ним, поэтому я думала, что между вами все налаживается. Лин, он такой славный, добрый, честный, и я увидела, что он любит тебя.

— Я его привозила на Новый год, потому что он так жалел тогда, что попал в карантин, — вяло ответила Лин. — Но тогда он приехал просто как приятель. Я ему уже тогда сказала, что не люблю его.

— Боже мой, какой болтушкой ты меня, наверное, считаешь! Деннис всегда говорит, что я неисправима и вечно суюсь в дела других, хотя думает, что это, наверное, профессиональная болезнь всех пасторских жен. Но неужели это имеет такое большое значение — то, что я сказала Бельмонту, ведь я тогда искренне так думала?

— Но он ведь почти совершенно незнаком тебе! — сказала уклончиво Лин.

Огорченное лицо Мэри немного просветлело.

— Да, ну конечно, меня это не оправдывает за болтовню, но для тебя это не так неловко. В самом деле, Лин, я думаю, что я потому так безбожно разболталась, что его манеры создали у меня такое впечатление, что ему настолько все безразлично, что... Хотя, когда я сказала, что мне кажется, что Том тебе нравится и что ты могла бы выйти за него замуж, у мистера Бельмонта хватило бесцеремоннос-

ти спросить: разве в таком случае ты не считаешь, что обязана любить Тома?

Милая Мэри!.. С каждым старательным объяснением она как будто снова и снова тыкала Лин ножом в сердце. Девушке пришлось выдавить из себя улыбку, спросив:

— Ну а тут что ты сказала ему в ответ?

— Ну, я возмутилась. Я сказала, что ты, конечно, не выйдешь замуж, если не полюбишь. Но кажется, в это время ты вошла в комнату, так что больше ничего не говорилось об этом.

Вот оно, значит, как. Теперь Лин поняла. Гора улик росла и росла: Уорнер слушал рассказ Мэри, видел невинный любящий жест Тома во время танцев, видел Тома, державшего ее за плечи у нее в кабинете в тот день, и слышал, как Том назвал ее «милой». Все это теперь объясняло его холодно-загадочные слова; может быть, она теперь даже должна быть рада тому, что он поверит в то, что ее любит другой и ценит ее собственную любовь. На момент, из-за гордости, у нее даже возникло искушение использовать Тома, даже несколько афишировать его любовь к ней. Но нет, конечно, она не может так поступить. Это будет нечестно по отношению к Тому, а главное... Уорнеру будет безразлично. Именно это незримой нитью проходило через все — она ничего не значила для него.

Он убедил ее вернуться в Бродфилд, потому что считал ее хорошей сестрой, которую больнице невыгодно терять; он успокаивал ее насчет Пэтси, потому что должен был это сделать, видя ее тревогу. Он даже перевел к ней Джонни Бейнера, зная ее хорошие руки и еще потому, что быстрое выздоровление мальчика удовлетворит его профессиональную гордость, впрочем и ее тоже. Да, все, что она до сих пор прокручивала в своей памяти и так и сяк, чтобы создать картину ласковых и интимных отношений между ними, на самом деле ничего не значило. Странно, как совмещается то, что ты совершенно точно знаешь умом и все-таки сохраняешь отчаянную надежду в сердце... Но теперь все это в прошлом...

Она так долго молчала, что Мэри, наконец, робко сказала:

— Вот так все было, Лин. Это важно, да?

— Да совсем это не важно. — Она заставит себя так смотреть на это. — Если бы я все это время знала, что ты

обсуждала меня с мистером Бельмонтом, мне, наверное, было бы неловко работать с ним рядом в операционной. А теперь, когда мне поручена палата Принстон, я его вижу редко. Во всяком случае, я не думаю, что он помнит все то, о чем вы говорили тогда.

— Я тоже так думаю. — Эта мысль снова вернула Мэри жизнерадостность. — Но тогда как же ты узнала обо всем этом, если не от него?

— От него, — призналась Лин. — Он спрашивал о тебе и сказал что-то такое, что я не могла понять, — насчет того, что ты теперь испытываешь облегчение и счастлива за меня. Кажется, он принял все, что ты ему рассказывала о Томе, за чистую монету и... по какой-то причине стал считать, что ты оказалась права. Но пожалуй, кончим этот разговор. В общем-то все это не имеет значения. Я просто захотела точно узнать об этом, вот и все.

Когда через некоторое время Лин и Мэри уходили, острые глаза Норы Фейерс следили за ними. Она посмотрела из-под ресниц на Еву Адлер, сидящую напротив.

— Эти девицы, которые только что вышли... узнали одну из них, Ева?

— Нет. А почему я должна ее узнать? — Тон Евы был лишен всякого интереса.

Нора пожала плечами:

— Вы сегодня совсем потусторонняя почему-то. Иначе вы могли бы почуять совершенно определенный запах соперничества, который от меня не ускользнул!

Ева развела руками с удивленным и слегка раздраженным видом:

— Соперничества? Боюсь, что ничего не понимаю.

— Я и не думаю, что это должно вас беспокоить. Мне кажется, привязанность Уорнера к вам настолько безгранична, что его отвлечения по мелочам не должны вас занимать.

— Уорнер? А что насчет Уорнера? — Наконец у Евы пробудился какой-то живой интерес.

— Да я просто думаю, что он обращает внимание на девушку, которая сейчас прошла мимо нашего стола, — младшая из двоих, в сером пальто. Да вы ее и сами встречали. Уорнер подводил ее к вам, когда мы были на благотворительном балу, а потом она потащила его к своей подруге, у которой приключился аппендицит, и они поехали в больницу.

— Ах, та? Я думала, что она просто младшая медсестра, работающая с ним в операционной. Довольно обыкновенная, как мне показалось.

Нора сказала небрежно:

— Тогда так и было, хотя теперь ее повысили до ранга старшей сестры и дали ей собственную палату после Рождества. Это может ничего не значить, конечно, но вы помните ведь, да? — что он ее пригласил, очень подчеркнуто, пойти слушать рождественскую службу и гимны вместе с ним?

— Значит, он все-таки...

Тон Евы стал задумчивым.

Нора поспешила добавить:

— Да, конечно, и с тех пор они даже переписываются друг с другом.

— Но зачем им это надо? Вы сказали, что они вместе работают?

Нора пожала плечами:

— Да, вместе. Я только могу предположить, что у них в операционной недостаточно возможности для разговора на личные темы, которые их интересуют. Я знаю только, что я видела его письмо к ней.

— Но может быть, это что-то служебное, по работе? А может быть, ответ на глупое письмо, которое эта девица написала Уорнеру без всяких поводов с его стороны? Я знаю, что раньше у него бывали такие случаи...

Нора презрительно сказала:

— Милая Ева, спуститесь на землю! Хирурги-консультанты не обращаются с записками к каким-то там сестрам. Они отдают приказы и ожидают их беспрекословного выполнения. К тому же, повторяю, письмо, которое я видела, — чисто случайно, разумеется, — было не от Лин Эсолл к Уорнеру, а от него к ней. И это было личное письмо, которое он сам отнес, оно пришло не по почте.

Лицо Евы стало еще бледнее.

Минута молчания казалась очень долгой. Потом Ева прошептала с чувством:

— Что ж, это меняет дело.

Нервно и сердито она погасила сигарету, растирая ее в серый пепел тонкими изящными пальцами, и сказала, не глядя на свою собеседницу:

— Вчера мы с Уорнером поссорились. Кажется, он начинает думать, что, раз раньше я предоставляла Брону уст-

раивать все мои дела, а теперь иногда обращаюсь за советом к нему, он может распоряжаться всей моей жизнью и диктовать мне, какие приглашения на концерты я должна принимать, а какие отвергать. По отношению к нему я вела себя более чем глупо, так что он стал считать, что может управлять мною в любой ситуации. А я этого не потерплю!

— Но если вы ничего не получаете от этого, то, значит, вы еще более простодушны, чем я думала, — нежно сказала Нора.

— Я? О, наверное... — Ева пожала плечами, не желая прерывать свою речь. — Уорнер, конечно, получает от этого больше, потому что власть надо мною дает ему такое же удовлетворение, какое он получает, помыкая всеми этими несчастными сестрами. Но со мной это у него больше не пройдет, так я ему вчера и сказала...

— Вы правильно делаете, раз он, по-видимому, даже не способен быть лояльным по отношению к вам! — мурлыкнула Нора.

На секунду Ева подняла на нее глаза, потом продолжала возмущаться:

— Его последняя идея заключается в том, что якобы в интересах моей карьеры я должна быть готова петь где попало и когда попало, если меня приглашают. Я, Ева Адлер, — представьте! — будто бы обязана петь на любом концерте, который предложит мне мой агент, и даже давать бесплатные концерты, видите ли, чтобы мое имя было всегда на виду. Вчера он рассердился из-за того, что я пробыла в Швейцарии почти два месяца и не дала за это время нигде ни одного концерта. И более того! Он еще имел наглость предложить мне «открыть новый сезон», как он сказал. Как раз за этим он и явился ко мне — чтобы я исполнила два песенных цикла на каком-то несчастном концертке, который организуют в последний день масленицы в самом Бродфилде.

— А вы что на это сказали?

— Наотрез отказалась. Я пела в Париже, и Риме, и Нью-Йорке, и...

— Да, я знаю. И наверное, вы так и сказали Уорнеру. Ну а он что на это вам ответил?

— Просто разозлился, по-моему. Но он еще говорил о моих обязанностях перед публикой, которая помогла мне преуспеть, о том, что нельзя презирать лестницу, по которой поднимаешься, и много чего еще. Но я все-таки отка-

залась. А теперь, после всего, что вы мне сказали, я даже рада, что так поступила.

— Рады?

— Да. А что?

— Ничего. — Тон Норы был равнодушным. — Только я думаю, что вы делаете очень большую ошибку, вот и все. Смотрите, сейчас вы на него сердитесь, но ведь с тех пор, как умер Брон, он был вам очень полезен. Да просто хотя бы как внушительный и презентабельный мужчина рядом с вами! Я подозреваю, что он все-таки нечто большее. Но все равно. А теперь что вы предлагаете ему делать? Да вы просто сами бросаете его в объятия этой Лин Эсолл!

— Если он хочет бегать за ней, пожалуйста, — хмуро сказала Ева.

— Нет, не надо! Теперь, по-моему, ясно, что вы не можете позволить себе потерять его, да еще ради какой-то девицы. Нет, Ева! То, что я вам сказала, — это просто предупреждение. Но как раз сейчас у вас есть шанс — берите его!

— Что вы имеете в виду?

— Можете не говорить Уорнеру, что вы передумали, но обязательно выступите на этом бродфилдском концерте. Пойте так, как никогда не пели, но главное — это еще важнее! — выглядите так, как никогда не выглядели до этого. Ева, у вас есть все! Все преимущества перед Лин Эсолл, какие только могут быть у женщины: красота, блеск, осанка... неужели вы думаете, что, если вы используете все это, Уорнер будет еще думать о ней? В этот вечер она будет сидеть в ряду сестер: все в форменных платьях, с разинутыми ртами будут глядеть на вас и завидовать вам. И она будет просто одной из сестер в этой толпе; а вы — Ева Адлер — будете единственной и неповторимой. Не бойтесь, Уорнер это почувствует!

Ева заерзала в своем кресле, нервно сплетая и расплетая пальцы.

— Пожалуй, вы правы, и я так и сделаю, — сказала она.

— Глупо будет, если не сделаете, — решительно заключила Нора.

Хотя концерт в последний день масленицы должен был состояться вечером, после окончания дневных дежурств, начальница издала очередной эдикт, в котором предписыва-

лось всему персоналу, присутствующему на концерте, быть в форменных платьях. Старшая сестра — ее заместительница — пыталась переубедить ее, но начальница была тверда, говоря, что большое собрание женщин выглядит очень приятно, когда все одеты одинаково, и что больничная публика должна выглядеть «монолитом».

— Женщин? — Старшая сестра сморщила носик в разочаровании. — Неужели весь этот вечер будет только дамским, мэм?

— Нет, сестра, конечно нет. Я надеюсь, что все мужчины-доктора тоже придут, и даже наши консультанты. Кстати, хотя мисс Адлер ранее сообщила через мистера Бельмонта, что она не сможет выступить у нас, потом я получила от нее письмо, в котором говорится, что, к ее удовольствию, у нее появилась возможность спеть на нашем вечере. Правда замечательно?

Старшая сестра согласилась, что это великолепно, хотя ее сокровенные мысли сосредоточивались на некоем темно-синем платье в ее гардеробе, которое она еще ни разу не надевала и в котором собиралась быть на этом концерте. Старшая сестра была не музыкальна, и одним сопрано больше, одним меньше — едва ли что-то значило для нее.

В этот вечер Лин оказалось очень на руку распоряжение начальницы о желательной «монолитности» вида женского персонала, потому что она поздно вернулась с дежурства и только успела пройти в зал, когда стал подниматься занавес. Некоторое время ей придется постоять у стенки, надеясь, что она увидит свободное место после первого номера программы, когда ее глаза привыкнут к полумраку. Если бы Пэтси вернулась из Эйре, она бы заняла ей местечко. Или Том... Но они с Томом в последнее время избегали друг друга, и, хотя ей было грустно из-за этого, Лин сама никак не могла найти верную линию поведения.

Она все еще думала о Томе, когда ее тронули за руку. Уорнер Бельмонт встал со своего места с краю ряда и жестами показывал ей, что рядом есть еще одно свободное место.

— Спасибо, — прошептала Лин и заняла его.

Уорнер сел рядом с ней, больше не глядя на девушку и не отвлекаясь от сцены. «Он мне предлагает место, но дает понять, что я не вправе ожидать сопровождающей любезности или дружелюбия», — грустно подумала Лин. Она тут же

укорила себя за чрезмерную чувствительность и настроилась на то, чтобы наслаждаться концертом.

Между номерами они обменивались формальными репликами о впечатлениях от выступлений. Но так как подходило время, когда должна была появиться Ева, какое-то интуитивное чувство подсказывало Лин, что он так же напряженно ждет этого, как и она сама. Оба они были скованы атмосферой нервного ожидания, которое красавица Ева так умела вызывать.

Сцену еще немного затемнили для выхода Евы, и, когда она появилась, было такое впечатление, будто ниоткуда возник язык пламени. Ее платье было розово-золотым; ее золотые волосы светились над ним, и на локте согнутой руки она держала сноп гладиолусов, таких неожиданных в это время года, что казалось, будто она вышла из сказки.

Она поклонилась в ответ на аплодисменты и положила цветы на крышку рояля, прежде чем начать петь. Она выбрала цикл песен Шумана, и Лин, сидящая со сложенными на коленях руками, приготовилась ощутить увлекательное волшебство ее голоса, которое, подумала она, всегда может преодолеть любое чувство зависти, неприязни или благоговейного страха перед его обладательницей.

Но странно, сегодня она не слышала этого волшебства. Певица с опытом Евы едва ли могла петь неуверенно или просто плохо, но Лин вспомнила, как музыкальные критики писали о том, что в ее прекрасном голосе всегда присутствует особый колорит, и понять, что ее сегодняшнее пение как раз было лишено этого колорита.

Она украдкой посмотрела на профиль сидящего рядом человека. Глаза Уорнера не отрывались от Евы, но он хмурился. Лин невольно подумала о том, какого сурового критика имеет Ева в его лице. Конечно, намек Норы был абсурдным. Невозможно, чтобы он мог ревновать к этому блеску Евы; даже его нахмуренный лоб свидетельствовал о его волнении за нее здесь, в этой аудитории, которую никто не мог назвать искушенной в музыке.

Аплодисменты были оглушительными, как будто исполнение Евы превзошло все ожидания. Когда они затихли, Уорнер повернулся к Лин.

— Ну как? — спросил он строгим тоном.

Лин колебалась, но потом прошептала, что у мисс Адлер прекрасный голос.

Он поднял брови:

— Я не жду, что вы будете рассыпаться в ничего не значащих похвалах. Я ожидал от вас большей смелости. Вы ведь слышали раньше, как поет Ева, верно? И вы действительно не замечаете разницы между тем и сегодняшним?

— Если бы и заметила, то едва ли решилась бы критиковать... — начала Лин.

— Ага, тогда, значит, вы согласны, что сегодняшнее исполнение было ниже ее возможностей?

— Я признаю, что я не почувствовала той захватывающей магии в звуке, как в последний раз. Но ведь это может объясняться тем, что я не в том настроении слушаю, или...

— Ну, не думаю, что дело в этом. Э... обстоятельства как раз очень сходные, верно? — Что он мог иметь в виду под этими словами? Он продолжал: — Нет, я боюсь, что просто ее исполнение было не на высоте. Хотя и не знаю почему. Я склонен упрекнуть ее за то, что она согласилась петь, раз чувствовала, что не может дать все, что должна. У нее нет права так бросаться своей репутацией.

Боевой дух Лин немедленно восстал в защиту певицы. Она никогда не пыталась защитить себя, когда его требования становились просто невыполнимыми. Сейчас она даже не успела подумать, как странно то, что она вдруг стала защищать Еву Адлер. Наверное, сама Ева только засмеялась бы со своей прохладной снисходительностью и посоветовала бы ей не обращать внимания... Но прежде чем она могла сдержать свой порыв, слова уже полились горячим потоком:

— Неужели вы никогда не думали, мистер Бельмонт, что нельзя требовать от людей слишком многого, ожидать от них, чтобы они работали как машины, хотя они все-навсего люди? Например, у мисс Адлер может быть несколько причин, о которых невежливо расспрашивать, — она устала, или больна, или опечалена, или встревожена чем-то. И конечно, сама эта непредсказуемость спасает людей от превращения в автоматы и даже делает их... милыми?

Голос ее был взволнован, но она старалась говорить тихо, чтобы ее не услышали посторонние. Он заговорил таким же тоном. Прямо и вызывающе глядя на нее, он сказал:

— Как ни странно, но я полностью согласен, что наличие каких-то непредсказуемых качеств в людях может иметь свои привлекательные стороны. Например, ваше внезапное

нападение на меня — как освежающий душ. Так что в собственную защиту я могу только сказать: видимо, я сделал слишком поспешное заключение о том, почему Ева далеко не полностью раскрылась, приписав это каким-то ее эгоистическим соображениям.

— Едва ли у вас есть право судить других, мне кажется, — тихо проговорила Лин.

— Нет? Но видите ли, я никогда не видел раньше, чтобы Ева позволила эмоциям одержать верх над ее работой. Хотя, я бы сказал, это обычный недостаток женщин. — Он улыбнулся. — Ну, вот теперь можете ругать меня за огульное обвинение всех женщин в этом грехе.

Но Лин, растерявшись от его насмешек, не нашла в себе сил продолжать этот разговор. Перед началом исполнения Евой следующего цикла песен он поднялся, извинился и ушел.

Вернулась Пэтси — счастливая и снова миловидная после своего отдыха. Обратный путь она проделала одна, но Майкл встретил ее в Лондоне и привез в Спайрхэмптон. Когда Лин вошла к ней в комнату поздороваться, она увидела сияющую Пэтси.

— Он попросил меня выйти за него замуж, — объявила Пэтси, раскрасневшись. — Представь себе!

— И представлять нечего! Я так рада, — сказала Лин, обнимая подругу. — Ну и как все это было?

— В поезде, когда мы ехали из Лондона. У меня не был заказан билет, а поезд был так набит, что негде было и сесть. Я села на свой чемодан, а Майкл сказал мне, чтобы я опиралась на него. А потом вдруг нагнулся и спросил: «Пэтси, ты выйдешь за меня замуж?» — вот так, без всяких разговоров.

— А что ты ему сказала? — спросила Лин.

— Я сказала: «Что?!»

— Ох, Пэтси!..

— Да, знаешь, такой шум стоял, поезд гремит, людей полно, я толком не услышала. А он снова сказал, но так громко, что люди вокруг нас все слышали. Но мне было все равно. Я ему заорала в ответ: «С удовольствием, Майкл!» И опять это все слышали. Я его потом спросила. Говорю: «Отчего же ты, Майкл, решил делать предложение всему вагону, а не только мне?» И что же, ты думаешь, он ска-

зал? — Глаза Пэтси округлились в изумлении. — Он сказал, что ему нужно было сказать сразу, в тот момент, когда он, наконец, осмелился, а то, говорит, потом опять бы всю храбрость растерял. Храбрость делать мне предложение, можешь ты это себе представить?!

Лин мягко шлепнула ее по руке и пожурила:

— Пэтси, Пэтси, опять у тебя этот комплекс неполноценности! Когда же ты поймешь, что тебя все любят, как тут устоять Майклу? Пока тебя тут не было, о тебе спрашивали все, буквально все до одного, и я просто купалась в отражении твоей популярности. Да ты знаешь, что даже старый Пэннингтон-Дэллоу как-то остановил меня и спросил, где ты и что с тобой?

— Не может быть!

— Я тебе правду говорю.

— Какой милый!.. — растроганно сказала Пэтси, хотя через минуту в ее глазах уже зажегся озорной огонек. — Теперь Майкл не позволит мне питать возвышенные чувства к консультирующим хирургам, верно? Но я выздоровела от этой привычки обожать их. Ведь он настолько лучше всех их для меня, правда?

Лин грустно сказала:

— Скоро ты уедешь от нас, Пэтси. И не будет тебя здесь, в Бродфилде...

Но Пэтси успокоила ее.

— Еще не скоро, я думаю, — сказала она. — Нам нужно еще накопить денег, прежде чем мы поженимся, и, хотя Майкл уже присмотрел замечательный гараж в Дублине, его пока не продают, хотя он думает, что будут. Но это еще сто лет ждать, прежде чем я уеду от вас.

— Сто лет? — улыбнулась Лин.

— Ну, во всяком случае, месяцы и месяцы, — согласилась Пэтси. И Лин, которая измеряла свою жизнь в Бродфилде не месяцами, а годами, постаралась подавить чувство уныния, охватившее ее при мысли, что теперь, уже очень скоро, Пэтси не будет делить с ней эту жизнь.

Пэтси вернулась к своей работе в отдельных палатах, и обе девушки были очень счастливы своей дружбой, даже если Лин и чувствовала ту разделяющую их в будущем черту, которую создала помолвка Пэтси. Они все еще проводили свои недолгие свободные часы вместе, но, когда у Пэтси был выходной, она всегда была с Майклом, и, хотя

они иногда убеждали Лин съездить куда-нибудь вместе с ними, она упорно отказывалась. Однажды Пэтси предложила поехать с ними, взяв четвертым Тома. Но Лин сумела как-то мягко, под благовидным предлогом отказаться.

Жизнь в больнице шла раз и навсегда заведенным порядком день за днем; казавшаяся бесконечной зима стала отступать перед приближением весны. Пришло официальное уведомление о присвоении Лин звания старшей сестры.

И вскоре Пэтси появилась днем в комнате отдыха, с важным таинственным видом.

— У нас среди больных кто-то новенький, — провозгласила она.

— Хорошо! Теперь у вас появятся дела в отдельных палатах, а то всем известно, что вы там большую часть дня возлежите на шелковых подушках, благо делать нечего, — поддразнила ее Лин.

— Нет, в самом деле! Угадай, кто?

— Ну, не знаю. Ты все равно ведь умираешь от нетерпения? Ну и скажи сама — кто?

Пэтси набрала воздуха в легкие:

— Так вот, это сама мисс Адлер!

— Ева Адлер?

— Да. Поступила с каким-то тяжелым осложнением гор-тани.

— С горлом? Ох, это значит, что ее голос под угрозой?

Пэтси серьезно кивнула:

— Они даже считают, что придется делать операцию.

— «Они»?

— Знаешь мистера Майклмаса, лондонского специалиста-отоларинголога? Вот он будет оперировать. Но первый диагноз поставил наш У.Б. и послал ее сюда. То есть не то что послал. Он сам ее сюда и привез и в свободную минуту то и дело заглядывает к ней.

— Это понятно, они друзья, — пробормотала Лин.

— Более чем, если хочешь знать. Я не поверила Тому, когда он говорил, что У.Б. никогда не увлечется...

Но Лин не слушала ее. Ее мысли были полны Евой Адлер, которой судьба дала талант, красоту и, наверное, любовь Уорнера Бельмонта и к которой в сердце Лин сейчас не было никакой зависти, а вместо этого — глубокая жалость. Сейчас она даже не могла ревновать Еву к той любви, к которой она сама так стремилась.

По сообщениям Пэтси, Ева Адлер не относилась к числу хороших пациентов. Днем и ночью она трезвонила, вызывая сестер, и чаще всего из-за таких пустяков, которые она прекрасно могла бы сделать сама. Пэтси, в состоянии ее недавно обретенного счастья, теперь ничто не могло вывести из себя, но и она с иронией рассказывала Лин:

— Нет, ты знаешь, она как будто понятия не имеет, зачем мы здесь существуем. Ей кажется, что только для того, чтобы вызывать нас и велеть поворачивать ветку мимозы в вазе и так, и этак, и в ту сторону, и в эту, чтобы она, видишь ли, бросала приятную тень на стену. Вчера утром она меня продержала за этим занятием четверть часа, а старшая сестра прыгала, как боб на сковородке, ждала меня на перевязку. Но знаешь, все равно у меня как-то нет к ней злобы. Как ты думаешь, что может ждать бедняжку в будущем?

Лин не могла не улыбнуться, видя ту быстроту, с которой Пэтси разжаловала бывшую великую Еву в категорию «бедняжек». Но умение обращаться со своими пациентами, как с детьми, и относиться к ним по-матерински заботливо, что совершенно не соответствовало юным годам, составляло главное искусство Пэтси; она всегда ладила со своими больными. Среди сестер в комнате отдыха была популярна шутка насчет Пэтси, что если бы, например, начальница вдруг слегла, то Пэтси тут же явилась бы с утешениями и стала бы похлопывать ее по руке, приговаривая: «Ну ничего, ничего, сейчас будет легче!»

— А они уже решили, когда будет операция? — спросила Лин.

— Нет, даже еще и не решили, будет или не будет, кажется. Старшая сестра не знает, ну а мисс Адлер тем более. Я думаю, что она именно из-за этого так нервничает и капризничает. Как ты думаешь, Лин, — серьезно спросила Пэтси, — доктора и хирурги действительно должны все хранить в тайне?

— Не всегда, по-моему, — возразила Лин. — Я часто видела, что они совершенно откровенны с больными. Но я думаю, что как раз часть их искусства в том и заключается, чтобы уметь судить, в какой степени можно говорить правду о его состоянии каждому отдельному больному. Некоторые так легко пугаются...

— Да, но есть и такие, которые просто голову теряют от тех вещей, которых им не говорят.

— И это тоже правда. В общем, для врача, конечно, это трудное дело — правильно решить, — проговорила Лин.

— Вот возьми мисс Адлер, — продолжала Пэтси. — Она просто не верит нам, когда мы объясняем ей, что мистер Майклмас хочет пронаблюдать ее перед лечением. Она узнала или догадалась с самого начала, что, может быть, потребуется делать операцию, и она ждет, вся напряглась и все время, конечно, боится, что это может означать потерю голоса. Я считаю, что У.Б., во всяком случае, достаточно хорошо ее знает, чтобы быть с ней вполне откровенным относительно ее шансов!

— Но может быть, он считает, что не имеет права вмешиваться в дела доктора Майклмаса, раз уж она его пациентка, — напомнила ей Лин.

— Это я понимаю, конечно. Но мне кажется, никакого нарушения этикета не было бы, если бы он ей намекнул, что и как, в качестве друга, потому что он даже не скрывает от старшей сестры, что его визиты к мисс Адлер не носят профессиональный характер. Ты бы посмотрела на старшую — она прямо вся расплылась перед ним. «Ну конечно, коне-е-е-чно, я все понимаю, мистер Бельмонт!» — передразнила ее Пэтси со смехом.

Лин провела пальцем по краю подоконника, как бы проверяя чистоту:

— Ты говоришь, он часто навещает мисс Адлер?

— Да, почти каждый день, и всегда с букетом цветов и кучей журналов. А если не приходит сам, то присылает цветы. Например, сегодня утром принесли большой букет гладиолусов. Там была его карточка и по-французски приписано: «Воспоминание о триумфе». Ты сама посуди, Лин, где в это время года можно достать гладиолусы?

Лин очнулась:

— Гладиолусы? У крупных лондонских цветоводов есть все, конечно, но цена!.. — Она задумалась: гладиолусы — те самые цветы, с которыми Ева появилась на концерте и которые, значит, и тогда были от Уорнера, как и сегодняшний подарок. А «воспоминание о триумфе» — конечно, о триумфе ее красоты в тот вечер, которой Уорнер не смог сопротивляться, хотя и критиковал ее исполнение. Это вос-

поминание жгло ее, и сознательным усилием воли Лин прогнала от себя эти мысли.

Но на следующий день она получила болезненное напоминание об этом.

Она как раз пришла к себе после работы и уже сняла форменное платье, переделась в обычное и собралась дойти до отдельных палат, чтобы узнать, когда освободится Пэтси. Она нашла ее в санитарном тамбуре посреди пустых ваз и груды цветов, которые нужно было немедленно расставить.

— Господи, Пэтси! Ты тут провозишься с этим еще час. Почему ты не заставишь практикантку заняться этими цветами! — возмутилась Лин.

Пэтси мокрой рукой провела по лбу, стирая пот:

— Я бы заставила, но у нас сегодня столько людей не хватает. Одна вчера заболела гриппом, другая, видно, тоже собирается, сегодня ходила как мокрая курица, пока старшая не отослала ее после ленча. Душенька, помоги мне с этим, я тогда поскорее кончу.

— Конечно помогу. Ты говоришь, грипп? Боже упаси нас от той эпидемии, что была зимой три года назад. Помнишь, что было?

— Еще бы не помнить!.. — пылко сказала Пэтси. — Резервного персонала никого нет, половина из нас еле ноги таскают, живут на аспирине, потому что кому-то надо ухаживать за второй половиной, которые совсем свалились. Но ты тогда не заболела?

— Нет, мне тогда повезло. У меня и еще нескольких человек оказалось крепкое здоровье, как считается, — подтвердила с улыбкой Лин. — Но наверное, я никогда в жизни так не уставала и потом часто думала, что же мы будем делать, если случится опять что-нибудь чрезвычайное — например, будет поступать огромное количество раненых или больных...

— Да... Хорошо, что пока этого не было. — Пэтси на шаг отступила от вазы, которую она только что закончила. — Посмотри, милая — обе вазы для моей бедной язвы из двенадцатой палаты (Пэтси часто обозначала своих пациентов их диагнозами). А что, если нам освободить немного места? Ты отнесешь эти цветы в палату, тут будет посвободнее, и я займусь этими.

— Я не в форме. Как же я туда пойду? — возразила Лин.

— Ну и пусть. Ты в палату не входи, а просто поставь их на столике у двери в двенадцатую, в коридоре, и подожди меня. Я тут с этим кончу, захвачу второй букет для язвы и все принесу, а ты мне будешь открывать двери в палаты.

Лин согласилась и, взяв две вазы в обе руки, понесла их в отделение. Вазы были тяжелые, и она с облегчением поставила их на коридорный столик, как сказала Пэтси. Отступив на шаг, она осмотрела оба букета и решила, что надо подправить некоторые веточки, пострадавшие от переноски. Она занялась этим и вдруг заметила, что дверь напротив палаты номер двенадцать открыта настежь, и она не могла не услышать голоса, доносящиеся из палаты. Она настолько изучила голос Уорнера Бельмонта, что сразу узнала его. Ему отвечал голос Евы Адлер, показавшийся Лин еще более привлекательным и волнующим из-за легкой хрипотцы.

Уорнер говорил ей:

— Я вижу, ты получила мои цветы. Ты поняла, что я написал на карточке?

Ева засмеялась не совсем приятно:

— Дорогой мой Уорнер, как тебе известно, я умею читать по-французски.

— Ты прекрасно знаешь, что я хотел сказать, дорогая. Я подумал, что, может быть, ты не поняла, о чем я пишу.

— Поняла. Не беспокойся. — В голосе Евы были горькие нотки. — Ты хотел подчеркнуть, что последний раз, когда я выступала — на этом вашем дурацком концерте, — я пела отвратительно. Смеялся надо мной, изощрялся в саркастических замечаниях на мой счет!

Оба замолчали. Потом Уорнер медленно сказал:

— Ты... так подумала?

— Что же еще можно было подумать?

— Значит, ты ничего не поняла. Я-то думал... Впрочем, ты и вправду могла не понять. Потому что, Ева, дорогая, я хотел, чтобы эти цветы были напоминанием о моем триумфе.

— Твоем?!

— Да. Как ты помнишь, ты отказалась и слушать, когда я попросил тебя выступить у нас на концерте. А потом, когда ты все-таки приехала, я понял, что ты изменила свое решение — ради меня. Я очень ценю это, Ева. Ты, наверное, теперь поймешь, что для меня это явилось чем-то вроде неожиданного триумфа?

Ева ничего не ответила, и он продолжал:

— Конечно, с тех пор я понял, что у меня сложилось неправильное представление о тебе и что ты не хотела петь, потому что уже тогда не чувствовала себя в форме. Но ведь ты мне ничего не сказала, и это было неправильно; и все же потом ты прислушалась к моей просьбе и приехала. Я понял так, что это означает, что, наконец, ты начинаешь...

В этот момент Лин повернулась, не глядя, и помчалась прочь по коридору обратно. Она была у столика не более полутора-двух минут, но то, что она услышала, заставило замереть ее руки среди ветвей цветущего миндаля. Но ее беспокойной совести и надежде, замершей в ее сердце, казалось, что прошел целый век с тех пор, как она услышала начало этого разговора — разговора, не предназначенного для чужих ушей, но который, как бы она ни старалась, навсегда останется в ее памяти.

Подслушивание!.. Это было так же позорно и так же гадко, как чтение чужих писем. Но если за такие поступки всегда следует наказание, разве судьба не позаботилась о том, чтобы она получила его сполна? Разве теперь она не знала, что Уорнер любит Еву и уверен, что она испытывает (или начинает...) те же чувства к нему. Что могло подтвердить это еще определеннее?

За вторым поворотом коридора она увидела Пэтси, несущую железный поднос с множеством ваз.

— Я ведь сказала тебе ждать меня у дверей палаты, — удивилась Пэтси.

— Я тебя провожу. Наверное, я не так поняла, — сказала Лин.

— А я решила расставить все цветы по вазам и уж нести все заодно. Если ты будешь открывать мне двери, я быстро разнесу все по своим местам, и мы будем свободны.

Лин повернулась и пошла рядом с подругой, благодарная, что по крайней мере в этот момент она не одна.

Грипп, занесенный больным из отдельной палаты, начал распространяться среди сестринского персонала больницы, хотя и не достиг еще угрожающих размеров. Начальница, которая была большой любительницей свежего воздуха, издала еще один из приказов, в котором обязывала сестер всех рангов проводить около половины свободного времени на воздухе, желательно занимаясь спортивными упражнениями. Сестры палат получили инструкцию, требующую

вывоза всех выздоравливающих и ожидающих лечения на балконы или даже в сад в хорошую погоду («хорошим», по мнению начальницы, был любой день, о котором не поступало штормового предупреждения).

Лин любила больничный сад. Аллеи были окаймлены подстриженными изгородями из самшита, и в неожиданных укромных уголках прятались гроты. В теплые дни можно было усесться где-нибудь в тишине и полностью забыть, что где-то рядом шумит хлопотливая и торопливая жизнь больницы, о которой так скоро придется вспомнить и окунуться в нее.

Однажды она ушла в сад, чтобы, используя время после дежурства, отдохнуть в покое. По пути обратно она увидела в одном из уютных уголков шезлонг, на котором кто-то лежал. Подходя сзади к креслу, Лин приготовилась улыбнуться больному, проходя мимо. Но улыбка замерла у нее на губах, когда она увидела, кто был в кресле. Ева не могла догадываться о чувствах Лин к Уорнеру, но все же девушке стало неловко; придется быть очень осторожной в разговоре с Евой.

Ева тоже взглянула на нее, и по ее глазам было видно, что она узнала Лин. Лин произнесла:

— Доброе утро, мисс Адлер. Как здесь хорошо, в этом затишье не дует, правда? — и продолжала идти своей дорогой.

— Подождите!.. Пожалуйста... — Это была не столько просьба, сколько команда, и, удивленная самим этим тоном, Лин остановилась, повернувшись к ней:

— Вам что-нибудь нужно? Или вы хотите вернуться к себе в палату?

— Ни то, ни другое. Мне нужны вы. Мне нужно вам что-то сказать.

— Мне?

— Да, да. Вы меня помните, конечно? Я думаю, нам совершенно не нужны эти церемонии взаимных представлений, прежде чем начать разговор. Мне нужно кое-что спросить у вас. — Ева говорила как-то натянуто и вместе с тем раздраженно.

— Конечно, если я могу что-нибудь сделать для вас, — ровно сказала Лин, подходя и становясь перед ней.

— Не знаю, может быть, и можете. Это относительно моей болезни...

Лин запротестовала:

— Но, мисс Адлер, я ничего не знаю о вашей болезни. При всем желании я ничем не могу помочь вам. Если вы желаете поговорить об этом, вам следует обратиться или к старшей сестре вашей палаты, или к врачу, который лечит вас. Вы не должны спрашивать у меня.

— А я спрашиваю именно у вас. И мне нужен не ваш совет, а ваша помощь... — Ева замолчала, проницательно глядя на Лин, как бы определяя эффект от своих слов. — Вы довольно хорошо знакомы с Уорнером Бельмонтом, верно?

— Не очень хорошо. Я работала с ним в операционной, — ответила Лин, ненавидя себя за то, что предательский румянец опять выступает у нее на щеках.

— Ну, нет. Между вами есть что-то большее, чем служебные отношения. Он вас приглашал с собой в разные места, он познакомил вас со мной на балу ракового фонда.

— И все-таки я не могу сказать, что хорошо его знаю. Далеко не так хорошо, как вы, я уверена, знаете его сами, мисс Адлер. — «Неужели у меня совсем нет гордости?» — думала Лин.

Ева страстно заговорила:

— О, я знаю его очень хорошо! Точно так же, как он знает меня, — настолько, что может помыкать мной, как ребенком! В этом и заключается вся моя беда. Вот почему вы просто должны помочь мне! Потому что я больше не в силах терпеть это. Мне ничего не говорят; я мучаюсь оттого, что ничего не знаю; мне без конца задают вопросы и всегда, всегда отделиваются от меня отговорками, увертками или ложью...

Голос ее все повышался и уже граничил с истерией. Чтобы успокоить ее, Лин сказала со спокойной твердостью:

— Я крайне сомневаюсь, что кто-нибудь говорит вам неправду, мисс Адлер. Однако, если вы думаете, что я хоть чем-то могу помочь вам, я сделаю все, что могу. — Лин и сама чувствовала, что в ее словах не прозвучало особой симпатии, но они почему-то оказали желаемое действие. Ева внезапно успокоилась. В самом деле, она, кажется, совсем пала духом, подумала Лин, жалея ее. Ева смотрела на Лин, как бы медленно приходя в себя, а затем просто сказала:

— Вы можете заставить Уорнера сказать мне правду о моем голосе; о том, буду ли я когда-нибудь снова петь.

— Я не могу сделать этого! — Самая неприкрытая паника охватила Лин, заставила сжаться ее горло.

— Но вы сказали, что поможете мне! — обвиняющим тоном возразила ей Ева. — Вы достаточно хорошо знаете Уорнера, чтобы быть в состоянии спросить его об этом. Представьте себе, я точно знаю, что вы это можете! И потом... — Ее взгляд упал на вуаль на голове Лин. — Ведь вы старшая сестра, не так ли? Разве вы не пользуетесь большим авторитетом у хирургов?

— Мой авторитет не распространяется дальше пределов моей палаты, — объяснила Лин. — И я не имею права расспрашивать мистера Бельмонта о его больных, к которым я не имею никакого отношения.

— Больная! Да, теперь это все, чем я стала, — просто больная плюс график температуры и история болезни! — с горечью сказала Ева. — Они теперь начинают говорить и думать обо мне как о каком-то «случае», пока я сама не начинаю напоминать о себе. И однако, я все еще Ева Адлер, я выступала и пела в тех местах, где пение ценят, — до того, как это случилось со мной, тогда я увидела, что у меня нет ни одного человека, которому я могла бы доверять и который сказал бы мне правду. Они должны знать ее. Но они не говорят мне. Или потому, что они не понимают, насколько важно мне это знать, или потому, что боятся. А я не могу больше бороться с ними — не могу!

Она уткнулась лицом в ладони, и Лин, мягко положив руку на ее плечо, думала, как безжалостно этот голый страх лишил Еву всего лоска ее осанки, холодного достоинства, которые, как броня, прикрывали ее от всех.

Лин ни на секунду не поверила, что ее хирург или Уорнер намеренно безжалостно не говорят ей правду. Если они ей так ничего и не сказали, это могло означать только то, что они еще не пришли к окончательному мнению. Только истеричность Евы превратила их сдержанность в садистскую жестокость, направленную против нее. Но как могла она, как могла, думала Лин, возвести такую злую напраслину на Уорнера, который так явно проявлял свою любовь к ней.

Лин заговорила:

— Мисс Адлер, вы не должны так огорчаться. Прошу вас, поверьте мне, я утверждаю, что ни один, вообще ни один врач не станет намеренно обманывать вас. Вы в са-

мом деле разговаривали с хирургом-специалистом относительно ваших опасений?

— Да, но он только отделяется от меня потоком слов, которые ничего не значат. Я уже начинаю думать, что все вы — доктора и сестры — просто специалисты по пустословию...

— А мистер Бельмонт?

— Уорнер? Ну, знаете ли, я всегда вижу, когда он лжет. И я ему не позволяю упражняться на мне в своих профессиональных оговорках, — отрезала Ева.

Лин беспомощно развела руками.

— Но почему же вы думаете, что он скажет мне то, что, по вашему мнению, скрывает от вас? — спросила она ее.

— Почему? Ну, конечно, потому, что с вами он не должен так считаться, как со мной!..

«Как же ей это удастся — уколоть меня каждым своим словом?» — думала Лин.

Вслух она сказала:

— Но предположим, что он будет не так осторожен в разговоре со мной, как с вами, — вы совершенно уверены, мисс Адлер, что вы действительно хотите знать правду?

— Да... да, хочу. — Но глаза Евы нерешительно забежали.

— Какова бы ни была эта правда? — настаивала Лин.

— Да... Нет!.. Я не знаю, не знаю! — иступленно вскрикнула Ева.

Лин взяла ее за руку:

— Я думаю, что вы хотите получить успокоение, а не правду — если правдой окажется плохая новость. Может быть, вам лучше ждать и верить в лучшее — ждать осталось совсем немного?

— Но я не хочу ждать! Я боюсь, говорю вам — боюсь! Вы должны увидеть Уорнера и сказать ему, что я больше не могу выдерживать это страшное, мучительное ожидание. Они должны что-то сделать — все равно что! Потому что, если я не смогу снова петь, я этого не вынесу — я не могу!

Ее голос, который вначале снова поднялся до истерических нот, почти замер на последних словах, переходя в шепот отчаяния.

Лин мягко сказала:

— Но даже если так, ведь есть другие вещи в жизни: любовь, замужество.

Ева подняла на нее глаза.

— И вы думаете, — спросила с каким-то страшным, фанатическим убеждением, — что это сможет заменить мне пение?

Думала ли Лин! Она ни секунды не сомневалась в том, что любовь Уорнера Бельмонта, шанс стать его женой более чем с лихвой возместили бы ей любую утрату в мире. Но у Евы явно преобладали другие жизненные ценности, и, когда Лин увидела ее несчастные, измученные глаза, ее собственные трезвые рассуждения отхлынули куда-то, уступив место волне горячего сочувствия.

Она тихо сказала:

— Если вы действительно хотите, чтобы я передала то, что вы мне сказали, мистеру Бельмонту так, как я считаю возможным, я это сделаю.

— Сделаете, правда?

— Да. И хотя я ничего не обещаю, может быть, дело в том, что вы... слишком близки друг другу, чтобы он сумел понять: вам необходимо знать больше того, чем сказали вам специалисты-отоларингологи или он сам. Может быть, действительно постороннему человеку это лучше удастся.

— Да, вот именно! Мы слишком близки. — Ева ухватила за эту мысль. — Это все равно что стоять к кому-нибудь слишком близко, чтобы можно было увидеть все лицо. Часто я чувствую, что я просто не могу разговаривать с Уорнером, потому что он так много знает обо мне...

«Но он вас любит, — грустно подумала Лин. — Разве этого не достаточно?»

Когда она ушла от Евы и получила время поразмыслить над своим обещанием, то была удивлена: как могла Ева заставить ее пообещать такую вещь? В сущности, что она могла сказать Уорнеру Бельмонту? Взять на себя смелость диктовать ему, насколько он должен посвятить Еву в свои соображения о ее болезни? Уорнер ей ответит, например... но заранее продуманные разговоры редко идут по плану. Она поговорит с ним и покончит с этим в следующий раз, когда он придет в ее палату... Но перед этим произошло еще кое-что.

На следующий день, когда Лин собиралась поехать в Спайрхэмптон, чтобы сделать необходимые покупки, она,

проходя через комнату отдыха, как обычно, автоматически взглянула на полку для писем. Внезапно она остановилась, увидев свое имя и адрес на конверте и приписку: «В случае отъезда просьба переслать по новому адресу». Почерк был слишком хорошо знаком, потому что когда-то он был ей очень дорог.

Она мгновение смотрела на письмо, потом, подойдя к полке, взяла его и опустила в свою сумку. Она и раньше часто раздумывала, что будет, если вдруг она снова услышит какие-то новости или даже увидит Перри Гарстона. Теперь она знала. Больше он был не властен заставить ее сердце биться хотя бы немного быстрее; письмо пробудило в ней легкое праздное любопытство — что заставило его снова писать ей, но кроме этого она не обнаружила у себя в душе никаких чувств. Да, она была когда-то влюблена в него! И любовь, если бы они тогда поженились, могла бы теперь тихо умереть — но было бы слишком поздно.

Сидя в поезде, идущем в город, она прочла его письмо. Она было полно почти трогательного желания возобновить дружеские отношения. Лин заметила, что непроизвольно улыбается легкости, с которой он писал фразы вроде: «Когда мы решили расстаться» и «Как хорошо, что мы вовремя обнаружили, что не подходим друг другу»; но вспомнила, что Перри всегда умел сгладить обстоятельства, которые говорили не в его пользу. Ну что ж, ничто из того, что он писал теперь, ее не трогало — но что же заставило его снова написать ей?

По-видимому, больше всего ему хотелось рассказать о своей недавней женитьбе и вроде как бы попросить ее благословения своей новобрачной.

«Конечно, Лин, я никак не мог тебе сказать это, когда в прошлом году мы решили с тобой расстаться, — беззаботно писал Перри, — но Герда (да, ее действительно зовут Герда, как в той волшебной сказке!) — самый замечательный человек, которого я когда-либо встречал. Голубоглазая и с их традиционными светлыми косами, обвитыми вокруг головы, она прелестнее всех на свете, и я бы все отдал за то, чтобы вы обе встретились и даже подружились. В самом деле, Лин, она тебе понравится. Как бы нам это устроить?

Мы поженились в Австрии, потому что так хотели ее родные, но вскоре она приедет в Англию, причем она едет

одна, так как я уже здесь, как ты увидишь по моему адресу, и я надеюсь получить место в пределах Англии, хотя бы на некоторое время. Когда она придет, можно будет мне снова написать тебе? Пожалуйста! Я надеюсь, что ты все еще в Бродфилде, так как обратиться к Дорнам, откровенно говоря, мне неловко. В последний раз мы не очень приятно поговорили с падре».

Перри подписался как всегда — с самоуверенным росчерком: «Всегда твой», но дальше следовал еще и постскриптум, над беззастенчивостью которого Лин рассмеялась прямо вслух. «Кстати, — говорилось в нем, — вначале я не сказал Герде о тебе. Но теперь она знает и простила меня за то, что я обманул ее, и вообще за все».

Она все еще чувствовала себя скорее позабавившейся, чем обиженной и раздраженной, когда, выходя из последнего магазина, столкнулась лицом к лицу с Деннисом Дорном.

— Какая приятная встреча! — заулыбался Деннис. — Выпьем вместе? — Он объяснил, что приехал в Эмберли, чтобы присутствовать на вечерне в соборе, и ему не особенно улыбается ужинать в ресторане в одиночестве.

Они едва сели за стол, когда Лин импульсивно сказала:

— Деннис, я получила письмо от Перри!

Деннис нахмурился:

— Чего он хочет добиться, обращаясь с письмами к тебе? Лучше бы ты позволила мне ответить ему вместо тебя.

Она покачала головой.

— Нет. Ты можешь прочитать его — мне бы даже хотелось, — сказала она, передавая ему письмо. — Я отвечу ему сама. Потому что теперь я это могу. Видишь ли, Деннис, теперь у меня нет никаких чувств к Перри — совершенно никаких. — Она засмеялась: — По-моему, самое время тебе сказать: «А я что говорил?»

Он сложил письмо и отдал ей.

— Хочу только поздравить тебя с твоей уравновешенностью, которая, как я знал, всегда была характерна для тебя и которая должна была снова вернуться, когда ты преодолела этот удар судьбы. Но это очень бесцеремонное письмо. Ты ведь можешь не отвечать на него.

— Да, — медленно сказала она. — Но почему-то я думаю, что все же напишу ему. Мне безразлично, увижу ли я

еще раз Перри или нет, но Герду мне бы хотелось встретить, хотя бы один раз.

— Это страшно похоже на любопытство — нужно посмотреть, что это за девушка, которая вытеснила тебя из его сердца, ведь так?

— Нет, это не то. — Улыбка Лин была уверенной. — Просто я помню, что сказала я Мэри тогда. Что я считаю вероятным, что та девушка ничего и не знала обо мне. И кажется, я была права. Но теперь-то она знает все, и я думаю, что, выйдя замуж за него, она ничем меня не обделила. Видишь ли, несмотря на всю легковесность письма Перри, я думаю, что у Герды бывали тяжелые моменты из-за меня, и мне бы хотелось убедить ее, что ее душа должна быть спокойна. Вот почему я сама отвечаю на письмо и встречаюсь с Гердой, как просит Перри.

Деннис негромко сказал:

— Ты великодушна, Лин, и вообще прекрасный человек, мы с Мэри всегда это знали. Ты заслуживаешь счастья.

Лин покачала головой, как бы протестуя против его похвалы. Но все равно на сердце у нее стало тепло от того, как верно он понимает мотивы ее действий.

Она решила не терять времени и сразу же ответить на письмо Перри, и, выбрав спокойные минуты во время работы на следующий же день, она села в своем кабинете за письмо. У нее была привычка сначала приготовить конверт и надписать его. Она так и сделала и празднично сидела, держа бумагу и думая, о чем написать Перри. Начало письма шло с некоторым трудом, но потом слова нашлись, и она стала писать легко и непринужденно. Короткое письмо было вскоре кончено последней импульсивной фразой:

«Мне было приятно получить весточку от тебя. Пожалуйста, пиши еще, как ты хотел. Буду с нетерпением ждать нашей встречи».

Она колебалась, думая, как подписаться, но потом, не желая прибегать к официальным фразам вроде «искренне твоя» (какая же «твоя»?..), она просто написала «Лин». Положила ручку и приготовилась перечитать написанное. В этот момент в дверь торопливо постучали, и ее младшая

практикантка предстала на пороге, слегка важничая дурной новостью, которую она принесла.

— Ох, сестра! — драматически сказала она. — Младшая сестра просит вас скорее прийти, пожалуйста! Что-то случилось с кипятильником в дезинфекционной, вода льется на пол; там никого не было, и воды уже чуть ли не по щиколотку!..

— Хорошо. Не надо терять голову, сестра! — Лин спокойно поднялась, отложив письмо в сторону. Она пошла в дезинфекционную, которая была действительно в состоянии некоторого затопления, младшая сестра, балансируя на каблуках, пыталась нащупать вентиль под кипятильником. Прошло несколько минут, прежде чем общими усилиями девушкам удалось завернуть кран; потом Лин позвонила слесарям и велела практикантке вытереть пол, после чего пошла назад в свой кабинет.

Но кто-то уже ждал ее там. Уорнер Бельмонт повернулся к ней.

— Извините, мистер Бельмонт, — быстро сказала она. — Вы хотите сделать обход палаты?

— Нет, только посмотреть, да я уж и сделал это. Бейнера можно выписывать. Я думаю, мы все хорошо поработали с ним. Последние одна-две недели у вас в Принстоне совершенно успокоили меня на его счет — теперь у него дело пойдет хорошо. Но я хочу, чтобы на его место положили еще одного моего больного из мужского хирургического. Это мальчик по фамилии Дэлглиш. Ему потребуется специальное наблюдение...

Он продолжал знакомить Лин с ее будущим больным, а затем встал, собираясь уйти. И в этот момент она решила — импульсивно и не вовремя — приступить к трудному разговору о Еве. Она вдруг услышала самое себя, говорящую:

— Мистер Бельмонт, можно мне поговорить с вами по поручению мисс Адлер? — Только бы у него нашлось достаточно способности понимать — сейчас ей это было так нужно ради Евы, а не для самой себя!

— По поручению Евы? — Это удивленное повторение ее слов уже не давало никакой надежды на одобрение. Но Лин очертя голову бросилась в разговор:

— Да... хотя вам может показаться странным, что она обратилась ко мне с такой просьбой — поговорить с вами.

С профессиональной точки зрения я, конечно, не имею права вмешиваться...

Уорнер повернулся, чтобы поудобнее опереться о стол, и сложил руки.

— Давайте с самого начала уточним, — сказал он тем тоном терпеливого снисхождения, который казался Лин очень холодным. — Значит, вы говорите, что Ева просила вас передать что-то такое, что она сама не в состоянии лично сказать мне?

— Боюсь, что это выглядело немного по-другому. Просто дело в том, что, когда я увидела ее очень расстроенной и очень близкой к истерии, она уговорила меня попросить вас вот о чем: чтобы вы прямо рассказали ей все об ее болезни. Она уверена, что вы знаете гораздо больше и скрываете от нее факты.

— Я не ее лечащий врач, — коротко сказал Уорнер.

— Конечно, я это понимаю. Но я уверена, что вы для нее именно тот человек, который может внушить ей уверенность, в которой она так нуждается. Она считает, что вы могли бы это сделать, если бы хотели, и она глубоко страдает от того, наверное, что вы, зная ее так хорошо, не доверяете ей и не говорите всю правду.

— А вы, значит, убеждены, что правда всегда абсолютно необходима для хорошего самочувствия больного? — отрывисто сказал Уорнер.

Лин покоробил сарказм его тона, но она открыто взглянула ему в глаза и ответила:

— Конечно, все больные разные. Некоторым совершенно противопоказана правда, некоторые даже не хотят ее слышать. Но ведь есть и такие, мистер Бельмонт, которые черпают мужество из того, что знают худшее, ожидающее их?

— И вы думаете, что Ева одна из них? — И так как Лин колебалась, он безжалостно переспросил: — Вы это думаете?

Она отрицательно покачала головой, сразу почувствовав, что он безошибочно нащупал слабое звено в ее доказательствах. Ева не хотела правды, если эта правда потребует от нее мужества.

Уорнер ровно продолжал:

— Не думаете! Тогда как прикажете рассматривать ваше обращение ко мне с просьбой, в правомерности которой вы сами не убеждены? Боюсь, что я даже не могу понять при-

чину, по которой вы позволили Еве ставить вас в такое сложное положение. Но допустим, что мы соглашаемся в том, что Ева не тот больной, которому можно сказать правду и который найдет в себе мужество примириться с этой правдой — страшной правдой. Так что же тогда вы хотите, чтобы я сделал для нее?

Глаза Лин расширились.

— Вы хотите сказать, что ей придется примириться с худшим?

— Я этого не сказал. И вы не ответили на мой вопрос.

— Но ведь я не могу указывать вам, что вы должны сделать, — возразила Лин.

— Можете, если знаете.

— Ну, я думаю, что больше всего ей необходимо, чтобы ей помогли выработать глубокое внутреннее убеждение в том, что на свете много прекрасного, ради чего стоит жить, даже если она утратит свой голос. Я пыталась говорить ей об этом, но, поскольку это была только я, я знаю, что для нее это были пустые слова...

— Почему же это должно звучать по-другому, если я буду говорить об этом?

Она смотрела на него, мужественно скрывая боль от того, что собиралась сказать. «Потому что вы любите ее. И только вы можете заставить ее поверить в это.

Он подождал еще ее ответа и, увидев, что она молчит, сказал:

— Все это совершенно загадочно для меня. Например, я мог бы совсем по-другому, может быть неправильно, истолковать ваши мотивы. С профессиональной точки зрения вы не имеете абсолютно никакого права обсуждать со мной больного, который не является вашим. И я мог бы также здорово обидеться на вашу попытку диктовать, как мне лично обходиться с Евой, если бы хотел. Вот поэтому я все еще не могу понять, зачем вы так рискуете — ради Евы?

— Я вам сказала. Потому что она была близка к отчаянию — и мне стало так жаль ее, — просто ответила Лин.

Он выпрямился и повернулся к ней, оказавшись рядом, но чуть сзади нее. К ее изумлению, его рука легла на ее плечо, чуть заметно сжав его. Он сказал:

— Наверное, мне нужно предупредить вас, что вы никогда не должны позволять своему чувству жалости лишать вас способности к трезвой оценке.

Она ничего не говорила и не двигалась. Как она желала сейчас, чтобы время остановилось, и боялась спугнуть его, шевельнувшись. Когда она все-таки повернула к нему голову, то увидела, что они стоят так близко, что накрахмаленная складка ее вуали даже задела его по губам при этом движении. Ей хотелось, чтобы это мгновение не кончалось, чтобы еще немного продлилось очарование этого момента...

— Я понимаю, что сестра не может позволить себе быть сентиментальной, — спокойно сказала она.

— Я рад. Потому что мне кажется, что вы несете свою храбрость, как знамя, Лин Эсолл. И я не знаю, всегда ли вам в этом сопутствует житейская мудрость!

Она удивленно и непонимающе глядела на него. Он кивнул в сторону стола.

— Вы должны простить меня, — сказал он, — но пока вас здесь не было, я не мог не видеть этого конверта с адресом и даже нескольких строчек вашего письма. Разумеется, я понимаю, что не имею никакого права воспользоваться тем, что я узнал. Но память подсказывает мне, что Гарстон — это тот человек, который нарушил свое обручальное обещание. Вот поэтому я и сомневаюсь в вашей мудрости, узнав о возобновлении отношений с ним, если вы именно это намеревались сделать.

Чтобы выиграть время, Лин взяла свое письмо к Перри, сложила его и положила в конверт. Она не подумала, что это молчаливое действие показалось ему немым упреком за его вмешательство. Она колебалась, зная, что могла бы успокоить весь его страх за нее, дав ему прочитать все свое письмо, в котором она писала о Герде и о том, что с радостью услышала весть о его женитьбе. Но гордость и застенчивость удержали ее; она колебалась слишком долго и сразу поняла это, когда он снова заговорил.

— Вы должны уяснить, — сказал он холодно, — что это не мое дело. Но как все-таки неохотно женщины расстаются со своими эмоциональными переживаниями — даже когда они мертвы!

Ее больно задело презрение, звучавшее в его тоне, и ей захотелось оправдаться. Но он уже повернулся к двери, больше ничего не сказав. Прежде чем выйти, он бросил, не оборачиваясь:

— Коль скоро для вас это так важно, можете передать Еве, что я услышал сегодня от ее врача. Он вполне удовлет-

ворен результатами своих наблюдений, которые он считал совершенно необходимым провести над ней, прежде чем позволить ей надеяться или, наоборот, опасаться. Теперь он вскоре назначит ей операцию, но она не серьезная, и, что касается ее певческого голоса, все будет хорошо.

— О, как я рада! — вырвалось у Лин. — Но только я не могу ей это сказать. Вы сами должны!

Короткая пауза. Потом он спросил:

— Вы сами этого хотите?

Она наклонила голову в знак согласия, хотя он не смотрел на нее.

— Да, пожалуйста, — ответила она.

Казалось, одним этим словом она навсегда отсылала его к Еве. Она почувствовала, что не хочет слушать свой внутренний голос, который издевательски спрашивал у нее: «Но разве у тебя самой была власть удержать его?»

Глава 10

На следующей неделе на больницу обрушилась эпидемия гриппа, принеся с собой огромное количество работы. Лин даже не заметила, что она еще не получила ответа на свое письмо к Перри.

Вначале появилось только несколько заболевших, но затем грипп охватил чуть ли не все палаты. Несмотря на все меры предосторожности, одна сестра за другой сваливались с температурой, и их приходилось укладывать в постель, а их работу делить между оставшимся персоналом.

Эпидемия не щадила ни санитаров, ни поваров, ни врачей. Для того чтобы избежать лишней инфекции, проводились только самые неотложные операции, и, так как болели даже терапевты и штатные хирурги, частенько можно было видеть консультантов, работающих за своих коллег и делающих за них обходы палат.

К счастью, и Лин и Пэтси пока были на своем посту. Каждый вечер они сходились в комнате отдыха, вымотанные, но пока еще в несокрушимом здравии, и рассказывали про всякие случаи, произошедшие за длинный тяжелый день.

— Когда я уйду с этой работы, я, наверное, переквалифицируюсь в хорошего, пусть и незатейливого, повара, —

смеялась как-то вечером Лин. — Знаешь, сегодня из кухни прислали обеды больным с просьбой доварить у нас в блоке. Я подумала, что, пожалуй, это мой шанс. Но то ли еще будет!

Пэтси положила ноги на соседний стул.

— Вот именно, это еще ничего!.. Мы уже несколько дней сами готовим для отдельных палат. А сегодня я чуть не на четвереньках скоблила и мыла своими нежными руками всю дезинфекционную. У нас даже уборщицы нет. — Потом она как-то мечтательно сказала: — Знаешь, что странно, Лин? Казалось бы, вокруг все болеют, мучаются, страдают — но мне почему-то так хорошо!..

— Мне тоже, — сказала Лин. — По-моему, дело в том, что это ощущение, что мы нужны другим, как-то подхлестывает. Когда знаешь, что, несмотря на усталость, ты, оказывается, можешь сделать и эту работу, и еще одну, а потом еще и еще, и чувствуешь при этом, что ты не сдаешься!

— Странно, то же самое нынче говорил и Том, — заметила Пэтси. — Он мне сказал, что в последние дни он получил такой ценный опыт, работая со всеми больными, не только своими, какого у него не могло быть и за целый год нормальной работы. Лин... — Пэтси замолчала, внимательно глядя на подругу. — А ты знаешь, что Том собирается ехать работать за границу?

— Нет, — удивленно сказала Лин.

— Разве он не говорил тебе?

— Нет. Но ведь в последнее время мы редко виделись.

Лин знала, что ее слова звучат уклончиво.

— Да, он так и сказал, — сухо ответила Пэтси. — Вы что, поссорились, Лин, а?

— Нет, мы все еще друзья, я надеюсь, хотя теперь нам очень трудно встречаться. Видишь ли, он мне сделал предложение, но я отказала.

Пэтси медленно сказала:

— Что ж, не буду притворяться, что я этого не знала. Но лучше бы ты согласилась, Лин. Он такой чудный человек и только о тебе и думает.

— Я знаю, что он замечательный; но если он женится, он заслуживает того, чтобы его так же крепко любили в ответ, — серьезно сказала Лин. — А я не люблю его так... ну, как ты любишь своего Майкла, Пэтси.

— Но теперь, когда ты больше не думаешь о Перри, разве не может развиться любовь к Тому? — спросила Пэтси без особой уверенности.

Лин покачала головой. В этот момент с опозданием прозвучал гонг, зовущий к ужину, и разговор прекратился сам. Она чувствовала облегчение оттого, что Том был верен своему обещанию и не выдал Пэтси секрета ее любви к Уорнеру. Она была бесконечно благодарна ему за его твердость.

Проходили дни, и даже в этих чрезвычайных условиях начал складываться собственный режим; избыточные обязанности стали быстро восприниматься как обычные, и все с удивлением вспоминали о тех временах, когда они, как казалось, наслаждались неторопливостью, избытком свободного времени и при этом еще ворчали, что слишком загружены. Никто — может быть, за исключением начальницы сестринского корпуса и ее старших коллег — не задавался тревожным вопросом, что будет, если к теперешнему положению добавится еще какая-нибудь непредвиденность. Никто и не верил, что может случиться такое несчастье, которое потребует от всех нечеловеческих усилий (и они их приложат), какое поджидало их в это темное ветреное утро.

Ночью Лин долго лежала без сна, слушая, как стучит в окно дождь и свищет ветер, а когда она, наконец, уснула и услышала стук, от которого проснулась только наполовину, ей показалось, что это просто резкий порыв ветра. Но она села в постели, удивленная появлением на пороге одной из ночных дежурных.

— Извините, но вас вызывают на дежурство, и как можно скорее, сестра. Начальница приказала поднять всех дневных сестер, — сказала девушка. — Через полчаса в столовой всем подадут завтрак.

— Но ведь сейчас... — Лин потянулась к своим часикам, — ведь еще даже не рассвело!

— Я знаю. Но велели поднять всех. Мне еще нужно многих разбудить. — И девушка убежала.

В столовой медсестры выражали недоумение по поводу раннего подъема, поедая поджаренный хлеб и кофе, что и составляло весь завтрак. Все спешили скорее поесть и тут же убегали по своим местам, так что особых обсуждений, кроме нескольких отрывочных вопросов и сумбурных догадок, не было.

— Серьезная авария поезда на линии как раз около станции Бродфилд...

— Вчерашний и ночной дожди размывли часть полотна...

— Паровоз и по крайней мере семь вагонов...

— Они везут раненых в отделение несчастных случаев. Уже привезли нескольких...

И где-то близко от себя Лин услышала, как кто-то говорит:

— Значит, если отделение несчастных случаев будет переполнено, то будут класть и в Принстон. Это ведь резервная палата для несчастных случаев.

Вот именно... Лин вспомнила, что говорила ей сестра Олмен о том, что отгороженная половина ее палаты предназначена как раз для таких случаев, как этот. Она залпом допила кофе, думая, неужели придется использовать и ее палату. И если так, как же им справляться, многие из ее штата все еще болеют.

Она получила ответ на свой первый вопрос, как только вошла в палату Принстон и увидела своих собственных больных чуть ли не в состоянии радостного возбуждения от того, что происходило за перегородкой. Тут же она получила распоряжение выполнять обязанности сестры и этой палаты, кроме своей собственной.

— Вы будете принимать и готовить больных для лечения, если это необходимо, в соответствии с указаниями хирурга, который будет в вашей палате, — четко говорила ей начальница по телефону. — Большинство поступающих к вам уже будут иметь карты, заполненные в приемном отделении, и все прочее пришлют тоже с ними, но вы должны немедленно все проверить, так как нужно извещать близких родственников. Ваша младшая сестра — если она еще есть у вас — будет работать за вас в вашей палате, временно. Но если ее нет, то, боюсь, вам придется обходиться одной и отвечать за обе палаты. Из отделения несчастных случаев мы не можем дать вам ни одного человека. Хотя, конечно, потом выяснится, может быть, все не так уж плохо, если привезли уже всех пострадавших.

Лин положила трубку. Разве в Принстоне была когда-нибудь младшая сестра!.. Если бы так, то старшая могла бы часто сидеть сложа руки... на самом деле уже давно в палате работал дневной штат, состоящий из нее самой и двух практиканток — старшей и младшей. И теперь у них будут

заняты новые койки, а на помощь рассчитывать, видно, не приходится. Все-таки из отделения несчастных случаев могли бы прислать одну сестру!

Она взяла младшую практикантку с собой в свою новую палату, где санитар и носильщик ставили на место последнюю кровать. Второй санитар принес постельное белье. Они с помощницей должны будут быстро застелить все кровати.

Она торопливо делала это, когда вкатили первого из пострадавших, направленного сюда из отделения. Это оказалась пожилая женщина с испуганными неподвижными глазами и худыми узловатыми руками, в которых была зажата карточка с записанными результатами осмотра, имя и другие сведения.

Лин осторожно вынула карточку из ее рук и прочла: «Сломанные ребра; возможно, внутреннее кровоизлияние». Лин была рада, что старая леди, видимо, была еще в шоке и не попыталась прочитать это сама. Она указала на одну из кроватей и с надеждой посмотрела на сестру, которая сопровождала женщину на каталке.

— Да, я остаюсь у вас. — Девушка правильно поняла ее просительный взгляд. — Что мне сейчас делать, сестра?

— Давайте вдвоем скорее кончим застилать кровати, — сказала Лин, облегченно вздохнув. — Я буду встречать больных по мере их поступления. Сколько еще их будет, вы не знаете?

Но сестра не знала. Отделение несчастных случаев все еще сортировало больных на тех, кого нужно госпитализировать, и тех, кого, после оказания необходимой помощи, можно отпускать. Лин устраивала поудобнее каждого вновь поступающего пострадавшего, перекладывая больных с каталки, и все время задавала себе вопрос — вдруг, наконец, это последний и скоро ли появится терапевт или хирург для осмотра больных.

Последней присланной больной оказалась девушка с очень бледным лицом и одной белокурой косой, свисающей с каталки; вторая коса осталась обвитой вокруг головы. У нее тоже была карточка с именем и домашним адресом, но Лин даже не посмотрела на нее, сразу увидев на лбу девушки букву «Т», написанную зеленой медиками «Скорой помощи» на месте аварии. На правой руке девушки виднелся турникет. Когда ее осто-

рожно переложили с каталки на кровать, Лин ласково спросила ее:

— Ваш турникет — его снимали с тех пор, как впервые наложили?

Девушка потрясла головой, как бы не понимая ее.

Лин снова попыталась:

— Эта повязка, которую вам наложили для остановки кровотечения из раны на руке, это и есть турникет. Его нужно ослабить, а потом, если нужно, опять закручивать каждые четверть часа. С ним что-нибудь делали, когда вас привезли в отделение?

Но у девушки был все тот же непонимающий взгляд. Лин подумала, что у нее, возможно, сильный шок, подождала сестру и велела ей освободить жгут, чтобы быть спокойной за ее руку. Лин взяла ее карточку.

В тот момент каким-то непостижимым образом она уже поняла, что там написано...

«Миссис Герда Гарстон, 22 года. Ринер-плац, 109, Вена, Австрия. Назначение: Лондон. Ближайшие родственники: муж, Перегрин Гарстон, Виктория-авеню, Четфорд...»

У Лин перехватило дыхание. Вот она, Герда, жена Перри, он так хотел, чтобы они встретились и понравились друг другу! Что ж, вот они и встретились, но как все не похоже на легкомысленные планы Перри... Жалость и сострадание, без всякой примеси горечи или зависти, переполняли сердце Лин, когда она глядела сверху вниз на худенькую беспомощную фигурку жены Перри. Она вставила ее карточку в прорезь на щитке над кроватью и села рядом с Гердой, улыбаясь ей и глядя прямо в глаза.

— Значит, вы и есть Герда, — ласково спросила она. — А вы знаете, мы почти знакомы?

Ответная улыбка Герды была слабой и удивленной.

— Вы знаете меня?

Лин кивнула:

— Я Лин... Лин Эсолл. Перри говорил вам обо мне, правда?

Герда возбужденно попыталась привстать:

— Перри — да! И Лин!.. — Она огляделась вокруг, как бы пытаясь составить себе картину, смысл которой еще ускользал от нее. — Вы — сестра, и это больница. Ваша больница!

Развеселившись оттого, что ей приписали исключительное владение Бродфилдом, Лин покачала головой, объясняя:

— Я работаю здесь. Я старшая сестра, и вы находитесь в моей палате. Я рада, что вас доставили сюда, Герда. Перри хотел, чтобы мы встретились, вы знаете об этом?

Голубые глаза Герды заволоклись.

— Вы Лин, и вы должны ненавидеть меня, — сказала она.

Пальцы Лин быстро коснулись ее здоровой руки.

— Нет, Герда. Вы не должны так говорить и даже думать! Перри вовремя понял, что не любит меня так сильно, чтобы жениться на мне, и у него хватило честности сказать мне об этом, вместо того чтобы продолжать то, что могло стать страшным несчастьем для нас обоих. Сердцу не прикажешь, и Перри любит вас, не меня.

— Я его тоже люблю, — тихо сказала Герда, — но повредить вам я не хотела. Вы понимаете — я ничего не знала? — спросила она умоляюще.

— Конечно, я понимаю.

— И вы больше не печалитесь?

— Больше нет.

— Тогда у вас есть еще кто-нибудь? Другой человек, которого вы любите? Пожалуйста, Лин, скажите мне, есть ли у вас другой.

Лин раздельно произнесла:

— Есть — другой человек — которого я люблю. — Это была правда перед Богом. В конце концов, Герда никогда не узнает, что она ответила на ее вопрос несколько в другом смысле.

— И вы счастливы, да? Может быть, он работает здесь? Вы работаете вместе?

— Да, он здесь доктор.

— Тогда все хорошо. Я скажу Перри, и мы оба будем радоваться за вас, Лин. — Герда облегченно опустила на подушку, как бы успокоившись, но вдруг опять приподнялась. — Перри! Как он узнает обо мне? Я приехала на пароходе в Гуль, а потом ехала в Лондон на этом ужасном поезде. — Она даже вздрогнула при одном воспоминании. — Перри занят на работе и не мог приехать в Гуль. Но он будет встречать меня в Лондоне, а меня там не будет! Мне нужно к нему — я должна сейчас уехать!

— Не сейчас, Герда. — Лин положила руку на плечо девушки, успокаивая ее. — Перри сам придет сюда к вам. Я это устрою.

Она повернулась, чтобы идти, и увидела, что Том Дринан пришел делать обход больных и уже занялся этим. Она быстро подошла к нему, чтобы выслушивать его распоряжения.

У него появился озабоченный вид, когда он осмотрел первую пациентку, пожилую женщину. Он тихо сказал Лин, чтобы ее готовили к переливанию крови и сообщили в операционную, что ее скоро привезут туда. Осматривая другую больную с подозрением на повреждение позвоночника, он оглянулся на Лин и сказал ей осторожно:

— Придется вызвать сюда Бельмонта, чтобы он посмотрел ее. Я постараюсь сам поговорить с ним потом, в вашем кабинете, если можно.

Лин кивнула и ничего не сказала. Но когда они подошли к постели Герды, она задержалась там вместе с Томом, который вопросительно посмотрел на нее.

— Эта девушка, следующая, — это самое невероятное совпадение, Том. Это жена Перри Гарстона. Они поженились в Австрии, совсем недавно, и она ехала в поезде к нему в Лондон из Гуллы, когда произошло это крушение. Пожалуйста, будьте с ней помягче!

Лицо Тома потемнело.

— Он бросил вас из-за нее, — сказал он.

— Да. Но она не знала. Она очень милая, очень испуганная и очень его любит. Потом, ведь у меня с этим давно все кончено.

Том бросил на нее быстрый взгляд, полный боли.

— Это вы так считаете, что все кончено, — повторил он.

Когда Том ушел поговорить по телефону с Уорнером Бельмонтом, Лин узнала от Герды, что та не знает, сообщили ли Перри о происшедшем или нет. Как только Том освободил телефон, Лин позвонила по междугородному номеру, который ей дала Герда, но узнала только то, что Перри уже уехал из своего офиса на вокзал. Позвонив туда, она узнала, что все родственники жертв крушения, которые были на вокзале, надеясь встретить своих близких, посажены на специальный автобус и должны вот-вот приехать в Бродфилд.

Она вернулась к Герде и другим своим пациентам с этой доброй вестью, устроила всех как можно удобнее и принялась за другую работу.

Том сказал ей, что уже попросил Уорнера осмотреть и Герду, потому что она жаловалась на боль в спине. Когда пришел Уорнер, Лин опять сопровождала обоих хирургов на обходе. Потом Том ушел, а Уорнер пошел вслед за Лин в ее кабинет, как раз в тот момент, когда через вращающиеся двери наружного коридора ее блока стала входить небольшая процессия взволнованных людей — прибывшие родные пострадавших. Среди них была дочь женщины, которую увезли на переливание крови, отец молодой девушки с разможенной рукой и — Перри.

При виде Лин он остановился, не веря глазам. Потом подошел, взял обе ее руки в свои:

— Лин, я не мог и надеяться! Мне сказали, что я должен найти Герду в этой палате. Но найти здесь и тебя!..

Лин улыбнулась ему, крепко пожав руку в ответ. Она была права, сказав Деннису, что ей даже не нужно видеть Перри, чтобы знать, что больше ничего к нему у нее не осталось. Теперь он был просто мужем девушки, лежащей там, в палате. Она заметила его лишь только по контрасту с Уорнером, который, она знала, все еще стоял за ее спиной в дверях кабинета.

Она сказала Перри:

— Это было одно из тех совпадений, которые считаются невероятными. Герду прислали ко мне в отделение! И я так этому рада, можешь представить! Ты хочешь ее видеть? Она так тебя ждет!

— А с ней?.. — Он чуть задышался. — Она... все в порядке?

— Она вне всякой опасности, — мягко сказала Лин. Она повернулась к Уорнеру: — Мистер Бельмонт, можно представить вам Перри Гарстона? Я думаю, что вы знаете, что это один из моих друзей, и он приехал к своей жене, миссис Герде Гарстон, которую вы только что осматривали. Это больная в кровати номер семь...

Ее глаза спокойно встретили невысказанный вопрос в его глазах. Он пожал руку Перри.

— Ваша жена? — резковато спросил он.

— Да. Она из Австрии, только что приехала в Англию и направлялась в Лондон ко мне, когда это случилось. Как она?

— Конечно, у нее сильный шок, что естественно. Глубокие рваные раны на правой руке и кровоподтеки на спине.

Вы не должны волноваться, мистер Гарстон, что мы ее оставляем здесь. Нужно провести полное обследование и рентгенографию позвоночника. Возможно, что еще ее подержим здесь. Но вы торопитесь скорее увидеть ее, конечно! Сестра, ему можно войти к ней?

— Конечно... — Лин подошла к двери палаты вместе с Перри, успокаивающе улыбнулась ему и почувствовала, что полностью вознаграждена тем взглядом, полным благодарности, который он бросил на нее, когда она велела практикантке проводить его к кровати Герды.

Уорнер ждал ее в кабинете.

— Сiju и думаю, не считаете ли вы, что я должен извиниться перед вами? — спросил он.

Лин порывисто вздохнула.

— Я считаю, что вы справедливо судили обо мне по имеющимся у вас данным, — ответила она. — Я могла объяснить вам или даже показать остальную часть моего письма, в котором я приветствовала новость о том, что он женился, и писала, что буду рада познакомиться с его женой в близком будущем. Но я не сделала ни того, ни другого, что, по-видимому, подтвердило ваше обвинение в том, что я — как вы сказали? — не могу расстаться с эмоциональным переживанием, которое давно мертво.

— Да ведь вы не обязаны были показывать мне частное письмо, — запротестовал он.

— Но это сразу бы все объяснило, не так ли?

— Да, хотя таким способом, использовать который я бы не имел права. — Он криво улыбнулся уголком рта. — И все же я должен признаться, что я был разочарован тем, что вы мне ясно дали понять, что считаете это не моим делом и что вас совершенно не интересует мое мнение.

— Что я... не интересует?! — Лин чувствовала, что слова как будто сами собой слетают с ее губ.

— Так как же, интересует или нет?

Взглянув на него, Лин ощутила странную иллюзию — будто в глазах у него прыгает какой-то огонек. Но нет, это только кажется.

Она медленно напомнила ему:

— Однажды я изменила свое решение относительно всей моей будущей жизни под влиянием вашего мнения.

Но он не принял этот ответ.

— Нет. — Он покачал головой. — Может быть, оно и повлияло. Но я убежден, что ваша собственная цельность рано или поздно привела бы вас к правильному решению и без меня. А вот сейчас, когда я сделал поспешные выводы из не понятых мной двух-трех строчек вашего письма, мне показалось, что у вас искушение поиграть с огнем мертвой любви. Я думаю, что я должен был бы предупредить вас не делать этого, но вы так явно показали, что не желаете советов с моей стороны.

— Нет!.. — Все желание Лин убедить Уорнера в его власти вылилось в кратком отрывистом восклицании.

Он посмотрел на нее с удивлением и, казалось, почти с надеждой. Сделал шаг к ней.

— Скажите мне, — настаивал он, — вам бы не было неприятно, если бы я вмешался?

Лин почувствовала, что она дрожит от страшного напряжения этого мгновения, но, прежде чем она успела ответить, на пороге опять вырос Перри.

— Я видел ее, у нее все прекрасно! — задыхаясь, сказал он. — Но послушай, Лин, ей ведь нужна всякая одежда, и я пообещал ей сходить и купить все для нее. Весь ее багаж пропал во время крушения, она говорит. У бедняжки даже зубной щетки нет, ни пудреницы, ни помады. Где мне найти магазины?

Невероятным усилием Лин переключилась на насущные проблемы, стоящие перед Перри. Но если бы он не вошел в эту минуту!.. У нее упало сердце, когда она стояла перед ним и слышала, что Уорнер уже собирает свои бумаги и идет к двери.

Она нахмурилась и в раздумье приложила палец к губам:

— Магазины? Но тут нет магазинов, Перри. Тут нет деревни, ты разве не заметил, одна только больница. Ближайшие магазины в Спайрхэмптоне.

— О господи!.. — Перри уже выглядел раздраженным, как бывало у него всегда при малейшем разочаровании. — Да как же мне попасть туда?

Уорнер приостановился, выходя, и бросил ему через плечо:

— Если вы дойдете до эспланады — это широкая круглая площадка перед главным входом, то увидите мою машину, ROG 2825. Если подождете меня там, я вас подвезу в город.

— О, это просто замечательно с вашей стороны, сэр! — Перри расплылся в улыбке. — Я вам так благодарен. Просто не знаю, как мне вас благодарить!..

Уорнер равнодушно сказал:

— Ну и не пытайтесь. Будь я на вашем месте, я бы поблагодарил... Лин вместо меня. И за большее, чем поездка на машине в город.

Оставшись одна, Лин несколько раз тихо произнесла про себя его имя: «Уорнер... Уорнер...» — как бы прислушиваясь, как оно звучит у нее на губах, и все думая, что бы они могли сказать друг другу, если бы Перри не влетел к ней в тот момент. Конечно, не те милые, нежные глупости, которые ее сердце так желало слышать от него. Но по крайней мере, они были почти на границе каких-то отношений, которых не было меж ними с того самого заветного короткого часа или двух в канун Рождества.

Но все эти мысли как бы шли каким-то глубинным потоком, чуть ли не в подсознании, где еще было место для личного. Весь ее мозг и непрестанно занятые руки действовали с быстротой и точностью автомата, ухаживая за больными.

В течение нескольких следующих дней практически не было ни одной проблемы, которой ей бы не пришлось заниматься. Как ни странно, днем она почти не чувствовала себя усталой, но знала, что нагрузка начнет потихоньку сказываться на ее самочувствии через какое-то время. Другие сестры тоже начинали сильно утомляться, в палатах и в комнате отдыха частенько вспыхивали раздраженные разговоры, проявлялись обиды и недоразумения. Лин иногда начинало казаться, что среди сестер уже не осталось ни одной, кроме Пэтси, которая бы ни разу ни с кем не поссорилась и не обиделась на кого-нибудь.

У нее самой была короткая стычка с Норой Фейерс, которая беззаботно объявила, что она уже по горло сыта тем, что от нее требуют работы за троих, не считая собственной, что она уже подала заявление начальнице и что она даже готова пожертвовать месячным жалованьем, лишь бы поскорее уволиться.

— Другие люди тоже перерабатывают, — сухо напомнила ей Лин. Нехватка штатных работников в аптеке сейчас чувствовалась особенно остро, и она презирала Нору, как дезертира, бросающего свой пост в тяжелую минуту. Она

чувствовала, что теряет контроль над собой, но добавила: — Кроме того, вам все равно придется где-то работать, неужели вы думаете, что и в других больницах не бывает своих тяжелых периодов?

— А я и не собираюсь больше нигде работать, — торжественно отрезала Нора. — Довольно с меня порошков и растворов!

— Ух ты, наша девица выходит замуж! — влезла в разговор Пэтси, сделав наивно-восторженные глаза.

Нора презрительно пожала плечами:

— Не беспокойтесь. Я не собираюсь губить свою жизнь на подобные глупости! Могу только сказать, что я собираюсь работать личным секретарем у Евы Адлер. Как только она выздоровеет, ей понадобится кто-то — например, я, — чтобы разгрузить ее от всех мелочей. Когда мы решили этот вопрос, она даже и слушать не захотела, что я должна еще отработать месяц здесь. Она не может ждать. Поэтому я немедленно прощаюсь с этой дырой, и мы обе едем в Париж, как только она будет вполне здорова.

Лин была настолько поражена, что ничего не сказала и почувствовала всю бесполезность своей вспышки — ведь Нора уезжает, и, скорее всего, они больше никогда не увидятся.

Пэтси не удержалась:

— Значит, мисс Адлер уже скоро снова будет выступать?

Нора отрицательно покачала головой:

— Пока нет. Она отправляется вначале в Париж, а потом в Рим, где будет заниматься вокалом. А выступать она будет уже после этого. Лично я ничего не имею против того, что это займет долгое время. Я думаю, что в Париже и Риме можно потерпеть и до бесконечности.

Против своей воли Лин начала ломать голову, какое же место отводится в этой программе Уорнеру, и неосторожный вопрос сам собой слетел с ее губ:

— Так вы уезжаете только вдвоем — вы и мисс Адлер?

Темные глаза Норы злорадно блеснули. Последняя стрела по адресу Лин Эсолл — разве можно было устоять?.. С подчеркнутой небрежностью она протянула:

— Да, мы уезжаем одни. Ева говорит, что ей нужна компаньонка. Но конечно, она знает, что, когда дело дойдет до стадии «третий лишний», она всегда может полагаться на мою тактичность!

Лин напряженно ждала первого посещения Уорнером ее палаты после того неуместного появления Перри. Но когда он пришел, то привел с собой на консультацию еще одного хирурга. Поэтому у них не было удобного случая поговорить, если не считать чисто профессионального обсуждения, в котором участвовали все трое. Когда Уорнер делал обход ее больных в следующий раз, у нее был выходной, и общения опять не получилось. Потом, в третий раз, он казался очень озабоченным и молчаливым — они едва обменялись несколькими словами, и она даже не успела заметить, как он ушел.

Она постепенно осознала, что, оказывается, Перри ничему между ними и не помешал. Вот в какие фантазии заманивает распаленное воображение, свирепо думала она, обращаясь к себе, если человек забывает о необходимости самоконтроля!

Наступило утро, когда, еле встав, она почувствовала боль в глазах, и перспектива рабочего дня показалась ей пустыней, пересечь которую отказывались руки и ноги. Она измерила температуру, раздумывая, как же ей быть. Она знала, как опасно переносить болезнь на ногах; с другой стороны, она не могла представить, кто будет работать в палате вместо нее. Температура оказалась только чуть выше нормальной. Она решила одеться, как обычно, но не могла и подумать о завтраке без отвращения. Две чашки дымящегося кофе заставили ее почувствовать себя лучше, но ненадолго; скоро ей стало казаться, что она вся горит от жара.

Утро, как обычно, было трудным, и, когда основные дела кончились, она поняла, что с каждой минутой все ближе подходит к пределу своей выносливости. Вначале она думала, что как-нибудь перетерпит весь день и покажется врачу после конца работы. Потом стала думать, как бы ей дотянуть до перерыва; потом, когда она уже начала поздравлять себя, что ее хватило на обход докторов, и нагнулась над постелью, подтыкая больному одеяло, у нее так закружилась голова, что она испугалась упасть.

Она кое-как прошла через всю палату. Как далеко оказались вращающиеся двери! Но она все же дошла наконец до них, схватилась за ручку двери своего кабинета и увидела, что ей не удастся побыть одной.

Она стояла на пороге, держась за косяк и покачиваясь; потом, еле слышно охнув в отчаянии, пошатнулась и нача-

ла падать, но ее вовремя подхватили руки Уорнера Бельмонта.

На секунду, в жару усиливающейся лихорадки, ей показалось, что его тревога при ее таком странном появлении исторгла у него восклицание, похожее на «Моя родная!..». Но ведь этого не могло быть, — может быть, только дружеское «Моя дорогая!», что она редко, но все же слышала от него. И хотя он осторожно и ласково держал ее в руках, но произнес он слова упрека.

— Вы не имели права являться на дежурство, раз так себя чувствуете, — сказал он с оттенком гнева в голосе.

— Я... я так себя не чувствовала, когда пришла сюда, — как-то глухо сказала Лин.

Он нетерпеливо шикнул на девушку, чтобы она не разговаривала, и, отстранив ее от себя, сразу составил себе представление о ее состоянии по горящим глазам и пылающим щекам.

— А вы понимаете, что с вами? — спросил он.

— Наверное... это у меня грипп... — Она ощущала удивительную бредовую легкость в голове и с трудом удержалась от странного желания хихикнуть.

— Грипп... Боюсь, теперь уже нечто похуже! — Он усадил Лин в кресло и пошел в палату позвать младшую сестру. Вернувшись, он начал звонить по внутреннему телефону.

Сквозь туман, который окутывал все ее восприятие, Лин все-таки слышала, что он велел приготовить для нее место в отдельной палате. Потом ждал, когда ему ответят по другому номеру. «Наверное, звонит начальнице...» — подумала она и услышала, как он сквозь зубы прошептал: «Так по-идиотски рисковать!..» С чувством вины она подумала, что он бранит ее за глупость — как сестра она должна была опасаться разноса инфекции, но потом ей стало все безразлично.

Вскоре после этого для Лин наступило благословенное ощущение прохладных простыней, неяркого света, мягких осторожных рук, хотя в первые часы, когда у нее усиливалось лихорадочное состояние, мысли ее мешались; шла неустанная борьба каких-то упреков, оправданий, доказательств; ей казалось, что у нее есть всепобеждающий аргумент, но потом оказывалось, что она не знает, какими словами его выразить. В этой гонке идей она вдруг видела

его, совсем близко, он словно собирался бранить ее... Но потом вдруг прервал свои упреки и сказал: «Родная моя!» Она тут же восхитилась своим здравым смыслом, заставившим ее хихикнуть в ответ на эти слова. Все это было каким-то волшебством, а потом приходили сны, абсурдные видения, кажущиеся реальностью.

Глава 11

Для родственников жертв крушения, еще лежащих в больнице, были введены либеральные правила посещения, так что Перри мог навещать Герду каждый день до ее полного выздоровления.

Ее травмы оказались не такими серьезными, как опасались вначале, и она, как только встала на ноги, попросила позволения помогать сестре в работе. Она все делала с милой серьезностью, которая подкупала каждого. Одним из излюбленных занятий больных стало обучение ее английскому языку. Особенный восторг при этом проявляли «коренные» обитатели Принстона — мальчишки. Они преуспели в обогащении ее словаря таким количеством немислимых выражений, что временно назначенная вместо Лин сестра с негодованием выразила Перри надежду, что он не подумает, будто Герда слышала такие словечки из ее уст или от персонала вообще.

Перри серьезно ответил:

— Сестра, мне и в голову не придет предположить, что вы имеете представление о сленге!

— Надеюсь, что нет, — ответила она. — В самом деле, мистер Гарстон, вы должны сделать так, чтобы она забыла их, иначе в один прекрасный день она может употребить их в благопристойном обществе!..

Перри пообещал и, придя в очередной раз навестить Герду, узнал, что на следующий день ее отпускают домой.

Герда была опечалена тем, что она не сможет повидать Лин перед своим отъездом, но утешилась словами Перри, пообещавшего встречу с ней, как только Лин выздоровеет и сможет приехать к ним в Лондон на уик-энд.

Когда Перри ушел из палаты, он нагнал на главной лестнице Уорнера Бельмонта, тоже уходящего из больницы.

— Вы уезжаете в Спайрхэмптон? — спросил Уорнер.

— Да, к себе в гостиницу.

— Тогда я могу подвезти вас. Я сам туда еду.

Перри поблагодарил его и принял предложение, хотя и без особой радости; в продолжение всего их недолгого знакомства он виновато чувствовал, что этот человек знает все о его помолвке с Лин и презирает его.

По дороге они обменивались тривиальными фразами, но беспокойная совесть Перри сослужила ему плохую службу, заставив сказать:

— Знаете, я не мог бы желать большей удачи, чем то, что Герда, моя жена, попала после крушения в палату к Лин. Как жаль, что у нее грипп! Они с самого начала понравились друг другу!

— Весьма удачно для вас, — сухо ответил Уорнер.

— То есть?.. — Перри заерзал в замешательстве. — Я хочу сказать, что в сложившихся обстоятельствах это очень хорошо.

— В сложившихся обстоятельствах? — произнес Уорнер, жестко подчеркивая слова. — Едва ли вы могли надеяться, что Лин Эсолл поведет себя по отношению к любому из вас с таким великодушием. О миссис Гарстон говорить не будем, но я думаю, что вы простите меня, если я скажу, что, по-моему, вы не имели никакого права ожидать подобного отношения к себе.

Уорнер как раз взглянул на своего спутника и заметил сердитый румянец на лице Перри. Тот угрожающе сказал ему:

— Послушайте, если вы предложили подвезти меня для того, чтобы делать мне выговоры...

— Я предложил подвезти вас потому, что ехал в том же направлении. Мы прекрасно могли поболтать о пустяках, это вы заговорили на личные темы, — напомнил ему Уорнер.

— Да, раз мы оба, по-видимому, друзья Лин, я полагал, что мог заговорить с вами о ней без того, чтобы вы пришли в ярость, — мрачно ответил Перри. Потом добавил, как бы впервые подумав об этом: — Вы ее друг или как?

— Надеюсь, что да.

— И вы знаете, что я был обручен с ней?

— Да, я знаю это.

— Тогда, наверное, вы знаете и то, что, хотя я ей принес немало огорчений тогда, — продолжал Перри, желая оста-

вить за собой последнее слово, — она все время вела себя... ну, просто безупречно. Я точно знаю, что у нее давно все прошло и она ни о чем не жалеет. Ни о чем, уверяю вас!

— Это должно приносить вам огромное удовлетворение, — ровно заметил Уорнер.

— Да, и приносит! Думайте, что вам угодно, но я никогда не хотел, чтобы она переживала из-за меня. И теперь все в прошлом, я знаю это от Герды. Лин сказала ей, когда они увиделись.

— То же самое она сказала и мне — некоторое время назад, — сказал Уорнер несколько жестоко. — Очень рад услышать подтверждение. А кстати, где я могу вас высадить?

Они уже въехали в пригород Спайрхэмптона.

— У «Кларендона», это в...

— Я знаю.

Любой другой человек, более чуткий, чем Перри, давно бы понял, что ему намекнули о необходимости переменить тему. Но не таков был Перри. Он продолжал гнуть свое:

— Значит, она вам многое доверяет, верно? В таком случае вы должны знать, что она уже настолько глубоко забыла меня, что полюбила другого человека. Одного из докторов здесь, в Бродфилде. Она так сказала Герде, хотя и не назвала его имени. Я-то думаю, что это вполне может быть тот ирландец, Дринан. Она раза два упоминала о нем в письмах, еще когда мы были помолвлены. А вы что-нибудь об этом знаете?

Ответа не было. Уорнер вел машину по узким улочкам, лавируя среди густеющих толп народа. Он остановился у «Кларендона», сказав:

— Вот ваша гостиница.

— Огромное спасибо. — Перри вышел. — Не зайдете ли ко мне что-нибудь выпить?

— Нет, спасибо. Я еду прямо домой, и меня могут еще вызвать на операцию. — Уорнер помолчал и потом добавил: — Удовлетворю ваше любопытство: фамилия его действительно Дринан.

Перри захлопнул дверцу и выпрямился.

— Что же, счастливый конец... — начал он. Но говорить было некому. Уорнер воспользовался случаем, отъехав задним ходом от обочины, и был уже далеко.

У своего дома он с удивлением увидел Тома Дринана, звонящего ему в квартиру.

— Вы ко мне?

— Да, сэр. Хотел попросить вашего совета.

— Совета? Тогда лучше вам войти.

Тому было тяжело искать помощи у человека, безнадежно любимого Лин... Но по здравом размышлении он решил, что Уорнер тут не виноват, а в том, что касалось его профессиональной репутации, для Тома не было большего авторитета. Он начал:

— Я знаю, что вы были так любезны, что дали ценные советы многим нашим врачам относительно будущей работы. Я хотел спросить, что вы думаете о работе медика в Африке?

— О работе для вас, вы хотите сказать? Тут многое зависит от того, куда вы собираетесь ехать. У вас уже есть что-нибудь на примете?

— Есть. — Том достал из кармана бумаги. — Вот здесь все документы для оформления на место представителя ВОЗ. Это в Адани, в Нигерии.

Уорнер взял бумаги.

— Далековато от Бродфилда, — заметил он.

— Я как раз и хочу этого, — открыто сказал Том. На мгновение их глаза встретились.

— Что ж, — Уорнер просматривал бумаги, — насколько я могу судить, у вас есть все требуемые качества, и, говоря в общем, я бы на вашем месте воспользовался этой возможностью и согласился, если возьмут. И еще опять-таки говорю вообще: если вы там проработаете хотя бы несколько лет, то почувствуете, как там нужна ваша работа, и вы получите опыт, который потом можно будет использовать, скажем, для специализации по тропическим болезням, если это будет вам интересно. Мой совет вам, Дринан: если можете, поезжайте. — Уорнер замолчал, закуривая сигарету. — Правда, прежде чем принять окончательное решение, вы должны подумать и о более конкретных вещах, например — о личных вопросах. Вам нужно четко представить себе, каково будет вам уехать из Англии — это во-первых; оставить здесь друзей и близких — это во-вторых.

— Собственно, по личным причинам я и стал думать об отъезде, — тихо сказал Том. — Я думаю, что взвесил все аспекты этого.

— Ага, так? Но ведь возникает еще и вопрос личного одиночества, когда вы там обоснуетесь. — Уорнер опять

взял документы. — Тут написано, что предпочтение отдается неженатым мужчинам. Но я думал, что у вас есть какие-то планы в этом отношении? — Он не смотрел на Тома, задавая свой вопрос.

— Таких планов у меня нет, сэр, — ответил Том.

— Нет? Значит, вы не думали о женитьбе, прежде чем решиться на отъезд?

— Нет.

Наступило молчание. Потом Уорнер осторожно произнес:

— Пожалуйста, извините меня, но разве такое длительное отсутствие — предполагается ведь пять лет?.. — не будет ли это непомерным требованием к девушке, которая будет ждать вас?

— Конечно было бы, — Том наклонился вперед, гася сигарету в пепельнице, — если бы у меня была такая. Но у меня ее нет. — Он поднял глаза, и снова они встретились с глазами Уорнера, на этот раз сказав все, что не было произнесено.

Уорнер сказал:

— Понимаю. Наверное, я сделал поспешный вывод.

— Пожалуй. — Том поднялся из кресла. — Я вам сказал, что хочу уехать из Англии по личным причинам. Теперь вы знаете, в чем они заключаются.

— Вы не должны посвящать меня в подробности, — поспешно напомнил ему Уорнер.

— А неужели вы думаете, что я собирался? — Том резко повернулся к нему, испытывая внезапную душевную боль. — Неужели вы думаете, что любой человек — если он, конечно, не стонет от жалости к себе — станет признаваться кому-либо, что его девушка полюбила другого? Думаете, это легко выговорить? Вряд ли мне захотелось бы поплакаться в жилетку — и особенно *вам!*

Уорнер нахмурился, потом подошел к младшему коллеге и положил ему руку на плечо. Он думал, что Том страхнет его руку, но тот только пожал плечами. И грубовато сказал:

— Непростительно с моей стороны...

— Нет, все понятно. Послушайте, Дринан, я на несколько лет старше вас, и я не женат. Разве вам не приходит в голову, что я могу по собственному опыту понять, что испытываете вы?

— Вам тоже отказывали?

— Я любил, меня не любили в ответ. Незаживающие раны болят.

Том начал:

— Как-то я никогда не думал, что вы...

Но Уорнер, не слушая его, продолжал говорить, как бы думая вслух:

— Конечно, с клинической точки зрения раны мало-помалу заживают.

— То же самое можно сказать и по-другому — время все излечит, — угнетенно сказал Том. — Нет, наверное, мне нужно еще много времени, прежде чем я смогу поверить в это. Я никогда не забуду Лин... — Он тут же виновато замолчал, но один взгляд на застывшее лицо Уорнера сказал ему, что они оба уже давно знают, что говорят именно о ней.

Уорнер сказал:

— Я действительно сделал слишком поспешный вывод. Я думал, что вы и она обручились. Но если это не так и вам тяжело, я считаю, что вы поступаете мудро; уезжайте за границу. И поверьте, Дринан, некоторые раны заживают, не оставив рубцов.

Том с трудом саркастически улыбнулся:

— Постараюсь надеяться на это. Пока же благодарю вас, сэр, за все!

— Ну, надеюсь, что помог — и чуть больше, чем просто профессиональным советом. — Уорнер пошел к дверям с Томом, но, взявшись за ручку двери, сказал: — Вы сказали одну вещь, которая меня поставила в тупик. Вы сказали, что никогда бы не обратились со своим личным горем ко мне — и подчеркнули, что именно ко мне. Почему же?

— Я сказал лишнее. Буду благодарен вам, если вы скорее забудете об этом.

— Ну хорошо. Может быть, я еще что-нибудь мог бы сделать для вас?

Том благодарно посмотрел на него:

— Спасибо. Я думаю, что теперь знаю: к вам можно обращаться за помощью.

Когда он ушел, Уорнер пошел обратно в гостиную и долго стоял, глядя на огоньки, перебегающие по горячим поленьям. Несмотря на весну, вечера были холодные. Наконец он подошел к телефону, позвонил в Бродфилд и попросил дать ему отдельные палаты.

Ему скоро ответили. Приятно взволнованная сестра говорила:

— О да, мистер Бельмонт, конечно, мистер Бельмонт, вы могли бы поговорить с ней... То есть если бы она была здесь, у нас... Но сестре Эсолл стало лучше, и мы ее выписали сегодня днем!

— Выписали? Но где она?

— Она должна была выписаться не раньше чем завтра-послезавтра, но приехали ее друзья из Эмберли и уговаривали меня отпустить ее к ним на несколько дней до окончательного выздоровления. И поскольку они приехали, я ее отпустила. Вы ведь знаете, как мы сейчас радуемся каждой освободившейся кровати, мистер Бельмонт!

— Да, конечно. Все в порядке, сестра, спасибо.

Уорнер положил трубку, посмотрел на часы и стал набирать номер ректорского дома в Эмберли. Когда ему ответила Мэри Дорн и рассказала о здоровье Лин, он спросил, сможет ли увидеть Лин, если он сию же минуту отправится к ним.

Мэри слегка ошетибилась, защищая подругу:

— Ну, я прямо не знаю... Видите ли, она еще слаба, да и дорога утомила ее. Так что я уже уложила ее в постель. Если это что-нибудь важное, я могу передать ей.

— Это важное. Но передать ей вы не можете.

— А-а... Ну, может быть, завтра?

— Завтра. Обязательно.

Днем солнце уже сильно припекало. Мэри устроила Лин в просторном плетеном кресле, укутав ее пледом, и так она ждала приезда Уорнера.

Накануне вечером, когда Мэри сказала ей о его телефонном звонке, она удивленно спросила:

— О чем же он хочет говорить со мной?

Когда Мэри предположила, что это может быть что-то связанное с больничной работой, Лин возразила: ведь из-за болезни в ее палате временно распоряжались другие.

— Да, это не о работе, я тоже так думаю, — согласилась Мэри Дорн, унося вниз поднос с ужином Лин. — Потому что, как я заметила, вы все на работе церемонные, к тебе обращаются «сестра Эсолл», а он по телефону сказал «Лин».

Он сказал «Лин»! Да, один раз, при ней, обращаясь к Перри, он назвал ее Лин, и тогда она вспомнила, какой лаской это прозвучало для нее. Может быть, говоря с Мэри, для него было естественно называть ее так же, как ее зовет и Мэри. Но почему, думала она, закрывая глаза перед видением счастья и надежды, которое не может сбыться, почему ей так страшна мысль, что он может не приехать?..

Она лежала в кресле в затишье сада, наслаждаясь солнечным теплом и то и дело чувствуя легкий теплый ветерок, шевеливший ей волосы. Она сама не заметила, как задремала, и пробудилась от мягкого прикосновения к пледу, закрывающему ее.

— О!.. — Разочарование в том, что она все еще одна, сменилось оживлением, когда она увидела, что разбужена новым членом семьи ректора — приبلудным рыжим котенком, который, играя, ловил и дергал бахромку пледа. Она наклонилась, дразня его пальцем; он схватил его коготками; палец спрятался, снова появился, его снова поймали. С котенком можно было играть бесконечно. И такую Уорнер увидел Лин — бесконечно милой, поглощенной простой игрой.

Обращаясь к ее склоненной голове, он только и сказал: — Лин!..

Но в его сердце звучало больше чем ее имя, в нем было обещание вечного вопроса мужчины к женщине...

Лин, подняв глаза, встретила его взгляд. Какое-то новое чувство говорило ей, что она еще никогда не слышала свое имя, произносимое с таким выражением. Стараясь выиграть время, она подняла котенка, прижав к щеке короткий мягкий пушок его шейки. Но Уорнер мягко отобрал у нее зверька и посадил его на землю, а потом взял обе ее руки в свои.

— Лин, моя родная, ты даже не знаешь, сколько храбрости потребовалось мне, чтобы приехать сюда к тебе!

— Храбрости?! Чтобы приехать ко мне?!

— Да. Я полюбил тебя так давно, не осмеливаясь признаться в этом чувстве самому себе, не говоря уже о тебе. И даже когда я не мог больше сомневаться в нем, я не решался прийти к тебе, зная, что ты отвергнешь меня; наверное, ты сейчас так и сделаешь. Но с того самого дня, когда ты чуть не упала в жару и я впервые держал тебя в руках, я понял, что раньше или позже я должен сказать тебе об этом и потом решать, что мне делать, — после того, как я сам

услышу из твоих губ окончательный отказ и признание, что ты не любишь меня.

— Вы... вы совсем ничего не поняли во мне... — прошептала Лин.

Он выпустил ее руку и смотрел вдаль над ее головой, на распускающуюся зелень деревьев. Мрачный очерк губ не изменился, когда он заговорил:

— Понимаю, я произвожу на вас такое впечатление, будто я никогда не любил. А вы знаете, что я никогда просто не решался признаться в этом? Гордость удерживает мужчину от того, чтобы подойти к женщине, которая любит другого. И для меня не безразличен кодекс чести, потому что мне нравился Дринан, я уважал его и думал, вплоть до вчерашнего дня, что вы его любите...

У нее перехватило дыхание.

— А как же вы узнали, что я не люблю его?

— Он сам мне сказал, что сделал вам предложение и что вы отказали ему. Он сказал, что вы любите кого-то другого.

— Он не сказал вам, кто это человек? — Голос Лин был скорее шепотом.

— Нет. Наверное, он не знал.

— Он *знал*...

Уорнер посмотрел на нее, и в его глазах медленно появилось понимание.

— Лин, ты хочешь сказать?.. — прошептал он, потом вдруг громко рассмеялся: — Ох! Какой же я дурак... Каким же дураком я был!

Обняв девушку, он притянул ее поближе, но потом опять усадил в кресло и встал перед ней на колени, обняв за плечи.

— Скажи мне теперь ты!.. — попросил он.

Она почти лежала на его груди, желая полностью отдаться этому моменту блаженства, который не мог долго продлиться... Он сказал, что любит ее, теперь он знал, что и она любит его. Но где-то в тени еще была Ева Адлер. И из-за этой тени все казалось ненастоящим, несбыточной мечтой. Пока в его жизни была Ева, самые чудесные из всех долгожданных слов теряли значение.

Он не мог догадываться о ее страхах, потому что голос его звучал так восторженно, как будто она ответила ему. Он говорил:

— Мне кажется, я полюбил тебя вначале за твою цельность, за храбрость, с какой ты встретила то несчастье — и справилась с ним. Я принудил тебя к очень тяжелому решению, когда сказал, что ты должна вернуться в Бродфилд. Я думал, что зря советую тебе, сам не надеясь, что у тебя найдется столько силы и характера, чтобы сделать это. И только после этого я начал любить тебя — девушку моего сердца, с волшебством в каждом движении, в каждой улыбке.

Все еще не веря, что это происходит с ней на самом деле, Лин сказала:

— Вы ничего не говорили мне.

— Я объяснил почему: не осмеливался. Я почти обнял тебя и почти выговорил это в тот вечер, когда мы привезли твою подругу Пэтси Хорган в больницу. Ты так боялась за нее и была такой ранимой в тот вечер! Но потом на сцену выступила зловещая пара — гордость и ревность. Я думал, что ты любишь Дринана, к тому же я совершил глупость, прислушиваясь к тому дистиллированному яду, что источала Нора Фейерс. Она намекнула, что ты быстро сориентировалась и ухватила за следующего кандидата — Дринана, и сказала, что у тебя репутация пожирательницы сердец. Я ее резко осадил, но, хотя и не поверил, моя ревность разыгрывалась. И после этого, хотя я и не удержался и пригласил тебя слушать вместе рождественские гимны, я намеренно старался ожесточить свое сердце против тебя.

Он замолчал, ожидая ее ответа, но она молчала.

Он повернул ее лицом к себе, заглянув ей в глаза.

— Лин, ты мне ничего не отвечаешь! Может быть, я сделал какую-нибудь ужасную ошибку, скажи! — умоляюще произнес он.

— Дело не в том, что я не люблю вас. Люблю, всем сердцем! Но как я могла дать вам знать, когда всегда была... Ева? Когда все еще есть Ева!

Он не сводил с нее глаз, как бы не веря ее словам:

— Ева?! Что она мне!.. Ох, Лин, родная моя, что с нами сделала наша гордость!.. Если бы ты только намекнула, дала понять, что тебя тревожат мои отношения с Евой, я бы сразу все тебе сказал. Ты хочешь теперь выслушать меня?

Она кивнула, все еще боясь того, что может услышать. Но его рука успокаивающе сжала ее плечи, когда он начал:

— Я не стану ничего скрывать. До того, как Ева вышла замуж за Брона Адлера, который был и моим другом, я думал, что влюблен в нее. И когда они поженились, я воспринял это болезненно, но потом примирился с этим, и мы остались с Броном друзьями, хотя, когда он увез ее за границу учиться пению, мы виделись редко.

Как я знаю, Брон был абсолютно безжалостен с ней в том, что касалось ее голоса. Он заставил ее жить только для пения, он следил за каждым шагом, который она делала к успеху. Я думаю, что она вышла за него вначале из честолюбия, но потом она полюбила его так же сильно, как и он ее. Когда после его смерти мы встретились с ней, я увидел, что она сломлена этим горем. И пела она как-то механически, без чувства. У нее не было эмоциональной опоры, она жила, как бы плывя по течению.

— Вы сами захотели увидеть ее снова? — спросила Лин.

— Да. Но не мучься из-за этого. Ты помнишь, Лин, я сказал тебе что-то язвительное насчет опасности возобновлять прерванные отношения? Я думал, что ты именно это делаешь, из-за этого письма к Перри. Что ж ты думаешь? Любопытство подстегнуло меня на то же самое по отношению к Еве.

Но мне стоило только увидеть ее, и я понял, что все кончено — для нас обоих и навсегда. К этому времени мы стали очень разными людьми; оба стали уверенными профессионалами, делающими карьеру. Я уже ничего не мог сделать для Евы, когда опять ее встретил, кроме как помочь ей укрепить душой и вернуть себе спокойствие, потерянное со смертью мужа.

Поэтому я и взялся за это, пытаюсь стать для нее вторым Броном в том, что касалось ее карьеры певицы. Брон был мне другом, и я чувствовал себя в долгу перед ним. Я должен был не давать ей расточать свой талант попусту, потому что этот великий дар был взращен Броном. Я начал устраивать ее дела, диктовать ей, даже командовать ею...

— Вас стали видеть с ней везде вместе, — тихо напомнила ему Лин.

Уорнер уныло улыбнулся:

— Этого она всегда требовала! Ее тоже нужно понять: она теперь не может без этого поклонения — цветы, восторги везде ее сопровождают. Я чувствовал, что это какая-то компенсация за ее покорность в выполнении моих

требований — тех, какие бы предъявлял к ней сам Брон... Самое малое, что я мог сделать для нее, — сделать ее счастливой, спокойной, уверенной, как прежде. Вначале все удалось, я гордился моим планом: Ева начала усиленно работать — может быть, как никогда. А потом я встретил тебя, Лин. И почти все мои планы насчет Евы рассыпались.

— Она не догадывалась, что вы... что ты полюбил меня?

— Не знаю. Судя по ее словам, когда я видел ее в последний раз, она решила, как только выздоровеет, взять к себе Нору в качестве секретаря и ехать за границу. Обо мне не было сказано ни слова, так что, я думаю, она знает. Но как бы там ни было, когда я полюбил тебя, Ева начала сопротивляться. Я понял, что, видимо, она ненавидела каждую минуту жизни по правилам, которые я установил для нее, и что это у нее уже давно. Я не мог стать вторым Брон для нее, потому что Брон был ее учителем, но он вкладывал в это все свое сердце, и она ему отвечала этим же. В этом вся разница. Ну а я тут ничего не мог больше сделать, да и не хотел. Я полюбил тебя. И ничто, касающееся Евы, кроме ее карьеры, меня уже не волновало.

— Но ты все равно был разочарован?

— Думаю, что очень. Я терпеть не могу поражений. Например, я помню, что все-таки был очень рад, хотя и ненадолго, когда после категорического отказа петь на концерте в Бродфилде она все-таки приехала и выступила. Я думал, что она согласилась с моим советом, — я считал, что она должна выступать везде, куда ее приглашают, чтобы публика о ней не забывала. Но когда я навестил ее в больнице и сказал: «Раз ты приехала и пела для нас, я понял это так: ты, наконец, начала прислушиваться к моим советам», она рассмеялась мне прямо в лицо.

Он замолчал и вопросительно поглядел на Лин, беспокойно шевельнувшуюся. Она снова живо вспомнила момент, о котором он говорил. Она стояла в коридоре, ставя цветы Пэтси на столик, и нечаянно услышала кое-какие слова из их разговора. Как она тогда бежала, словно пытаясь спастись от жестокого смысла фразы, конца которой она не слышала. (Потом, когда-нибудь, она признается ему в своем невольном подслушивании. Но не сейчас! Нельзя портить все счастье этого момента.)

Она с удивлением сказала:

— Если Ева думала, что ты любишь меня, то мне непонятно, как же она решила обратиться ко мне, чтобы я спросила у тебя насчет ее болезни. Даже если она не любит тебя, мне кажется, ей бы не позволила ее гордость.

Уорнер покачал головой:

— Ты не понимаешь ее. Я уже давно увидел, что Ева совершенно хладнокровно использует людей в своих собственных целях. Она использовала вначале Брона — правда, потом она его полюбила; она видела, что меня можно тоже очень хорошо использовать к своей выгоде; сейчас она использует Нору Фейерс; она даже использовала тот интерес, который, как она подозревала, у меня был к тебе. И знаешь, Лин, дорогая моя, если бы у меня были хоть какие-то подозрения, догадки о том, что ты ревнуешь меня к ней!.. Твой приход ко мне, речь в ее защиту были для меня просто крушением всех надежд. Я перестал надеяться, что ты могла бы полюбить меня.

— Но почему же? Я этого не понимаю.

— Потому что, как я думал, ни одна женщина, влюбленная в мужчину, не смогла бы заставить себя сделать так много для своей соперницы. Ни одна женщина не могла бы быть такой великодушной. Но я ведь не мог знать, никак не мог, что твоей храбрости хватит даже на такой поступок!

Лин отмахнулась от этого.

— Но что теперь будет с Евой? — спросила она.

— Я предсказываю, что у нее будет успех за успехом. Мне бы нужно было понять раньше, что на самом деле она не нуждается в моей помощи, что благодаря своему собственному честолюбию она всегда добьется того, чего хочет. Но давай закончим говорить о ней, Лин! Хотя... когда она опять вернется в Англию, мне бы хотелось, чтобы ты ее лучше узнала. У нее тоже есть какая-то особая храбрость, думаю, что она всегда будет, в общем, одинокой женщиной, после того как потеряла Брона. Лин, скажи мне, — его голос был тревожен, — скажи мне, все ли и хорошо ли я тебе объяснил, как мало значит для меня Ева по сравнению с тобой?

— Я все поняла, Уорнер.

— А ты заметила, что первый раз назвала меня по имени?

— Первый раз — вслух!

Он мягко приподнял пальцем ее подбородок, укоризненно качая головой:

— Сколько времени мы потеряли попусту, дорогая! Мы же могли столько узнать друг о друге за это время. И мы все еще немного робеем, правда?

— Ты всегда держал меня на расстоянии, — упрекнула она. — Я так часто делала или говорила что-то, что тебя возмущало...

— Но я тебе объяснил! Мое внешнее равнодушие было броней против тебя!

— А у меня не было брони, — грустно сказала она. — Я думала, что иногда ты должен знать, как ты мне дорог — как бесконечно я тебе предана.

— Теперь-то я знаю! И к счастью, это совсем не поздно...

Он целовал ее, вначале с робким обожанием, но потом его губы уже искали того обещания страсти, которое будет ответом на его чувство. Он целовал ее в губы, глаза, и Лин, отдаваясь этому счастью и вздрагивая в его руках, знала, что просто она еще не привыкла к чуду его любви. И она думала: «Я никогда не дам себе привыкнуть к этому, никогда не буду принимать как само собой разумеющееся или как мое законное право. И когда мы состаримся и все вокруг нас станет давно знакомым и привычным, наша любовь будет значить для нас так же много, как сейчас».

Он наконец выпустил ее из объятий. Они сидели рядом, держась за руки, и разговаривали о своих планах.

Уорнер сказал рассеянно:

— Твоя подруга Пэтси заскучает по тебе, когда ты уйдешь из Бродфилда перед нашей свадьбой.

— Ошибаешься. Пэтси меня давно обогнала — она помолвлена и, может быть, уволится даже раньше меня.

— Она знала о твоей тайне? — спросил Уорнер. — Обо мне, что ты меня любишь? Видишь ли, у мужчин есть такая шутка, что девушки всегда рассказывают все свои тайны, расчесывая волосы на ночь. Я часто думал, действительно ли вы выдаете друг другу свои секреты.

— Пэтси не знала.

— А Дринан знал? Почему? Нет, если не хочешь, можешь не говорить. Но если бы я должен был угадывать, то сказал бы, что ты скрыла это и от него.

— Пыталась. Но видно, была неосторожна, и он сам догадался. Ему... ему это было тяжело.

При мысли о Томе глаза Лин заволоклись печалью, и Уорнер пожал ее руку, успокаивая:

— Ты не должна беспокоиться за Дринана. Он наконец поступает правильно — кладет конец этому и уезжает в новые места, к новой работе.

— А ты мне этого не позволил сделать! — напомнила она.

— То было совсем другое. Ты просто убегала...

Оба засмеялись, и Лин не могла не признать его правоту.

Уорнер спросил:

— Ты сказала, что Дринану было тяжело. Он что, думал, что я не достоин тебя? Впрочем, так оно и есть.

Лин покачала головой:

— Нет, это не так. Он страшно восхищается тобой и считает, что ты ничего не жалеешь и отдаешь все больным. Но один раз он сказал, что ты человек, который не нуждается ни в чем, и в женщинах тоже...

— И это разве правда? Что я не нуждаюсь в тебе?

Она взглянула на него, и ее глаза были полны доверия.

— Я думаю, — сказала она медленно, голосом полным уверенности, — что мы будем нуждаться друг в друге — всегда. И мы уже начали.

И снова их губы встретились, скрепляя обещание дара любви, который каждый давал и принимал.

В ректорском доме Деннис писал проповедь. Вздуродная Мэри ворвалась к нему в кабинет.

— Они целуются в саду, а я хотела пойти срезать цветной капусты к завтраку!

— Отлично. Люблю капусту! — Деннис поднял глаза на жену, осмысливая ее слова в обратном порядке. — Кто целуется в саду, ты говоришь?

— Господи, да Лин и этот невозможный мистер Бельмонт!

Деннис заинтересованно склонил голову набок и подошел к окну как раз в тот момент, когда Уорнер и Лин, держась за руки, пошли по лужайке к калитке, ведущей в огород.

Он повернулся к жене улыбаясь:

— Невозможный или возможный, но тебе нужно скорее научиться звать его Уорнером, моя душенька!

— Да как Лин может любить его!.. — воскликнула Мэри в недоумении.

Деннис иронически посмотрел на нее, садясь за стол и беря в руку карандаш.

— Ну, по всем признакам она его любит, — кротко заметил он. — На твоём месте я бы оставил капусту расти, где она растёт, и открыл бы вместо этого банку горошка. Да побольше! Я голоден, и у нас за столом явно будет гость. А теперь прочь от меня! Я все еще пишу.

Мэри постояла, потом поцеловала его в лоб и вышла. Но тут же вернулась.

— Ну а теперь что? — в притворном раздражении сказал Деннис.

— Я что думаю... У нас в погребе есть еще бутылка шампанского с нашей свадьбы. Откроем ее по этому случаю?

— Почему бы и нет!

Они посмотрели друг на друга и улыбнулись. Они знали, что введут Лин, которую они так любят, в тот круг непрерывного счастья, которым был для них брак.

Содержание

ЦВЕТOK ПУСТЫНИ. Роман	
<i>Перевод с английского М.Б. Борисова</i>	<i>7</i>
ОЧАРОВАНИЕ СТРАСТИ. Роман	
<i>Перевод с английского И.Г. Черных</i>	<i>167</i>

Литературно-художественное издание

Джейн Арбор

Цветок пустыни

Романы

Ответственный редактор *О.А. Павловская*

Художественный редактор *И.А. Озеров*

Технический редактор *Л.И. Витушкина*

Ответственный корректор *В.А. Андриянова*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 10.11.2003.

Формат 84х108 1/32. Бумага газетная. Гарнитура «Таймс».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 17,64. Уч.-изд. л. 18,69.

Тираж 10 000 экз. Заказ № 8556.

ЗАО «Центполиграф»
125047, Москва, Оружейный пер., д. 15, стр. 1,
пом. ТАРП ЦАО

Для писем:
111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15
E-MAIL: CNPOL@DOL.RU

WWW.CENTRPOLIGRAF.RU

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов в Тульской типографии.
300600, г. Тула, пр. Ленина, 109

